Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

СЕРИЯ «ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ»

В. Н. МАЛЮКОВИЧ

МЕЛОДИЯ СЕВЕРНОГО РАССВЕТА

Петропавловск-Камчатский
«Новая книга»
2023

УДК 39
ББК 63.5(этнография, народоведение)
М18

Малюкович В. Н.
М18 Мелодия северного рассвета / Серия «Из фондов музея». — Петропавловск-Камчатский: «Новая книга», 2023. — 448 с., ил.

ISBN 978–5–907448–50–6

Книга обобщает научные, научно-популярные и литературные материалы по этнографии и истории аборигенных народов Камчатки, накопленные и частично опубликованные в 1967—1990 гг. сотрудником Камчатского областного краеведческого музея Владимиром Николаевичем Малюковичем. Издание иллюстрировано фотоизображениями, графикой и живописью автора, хранящейся в его личном архивном музейном фонде, и предназначено для всех интересующихся историей и культурой народов Северо-Востока России и Камчатки, в первую очередь — молодёжи.

УДК 39
ББК 63.5

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

На обложке: В. Н. Малюкович. «Тымлат», 1974 г. Холст, масло
[КОКМ ОФ 31745/136]

© Малюкович В. Н., 2023
© Гаврилов С. В., составление, 2023
© ИП «Кожан С. П.», 2023
© Министерство культуры Камчатского края, 2023

ISBN 978–5–907448–50–6

Тылктылом заставлен весь стол,
Дом дрожит, прогибается пол.
В ритме танца кричат: о-ча-ча!
Танец рубят сплеча, сгоряча!
Пусть пурга, но танцует село —
В Караге началось хололо.
Рвут ремни и тэлытэл ревёт,
Общий танец, как чаек полёт!
А мужчины вразрез — будь здоров!
Пляшут танец отважных орлов...

Из стихотворения В. Малюковича
«Хололо», 1979 г.

От редактора

Девятая книга серии «Из фондов музея» посвящена творчеству необыкновенного, увлечённого человека, деятельного собирателя и распространителя устного творчества, толкователя исконной обрядности и бытовой культуры малых народов Камчатки, этнографа, археолога, историка, отчасти художника и литератора — Владимира Николаевича Малюковича. Он, уроженец Белоруссии, получивший основательное образование в Ленинграде, много лет трудился в нашем музее, тогда называвшемся «Камчатским областным краеведческим».

В книгу включён 141 разнообразный материал, датированный 1967—1991 гг., большинство ныне сохраняется в музейном личном архивном фонде исследователя. Это — наброски диссертационной работы, научные и научно-популярные статьи, просветительные газетные и журнальные заметки и очерки, рассказы, иллюстрации и даже стихотворные сочинения. Основная их часть посвящена главному увлечению автора — этнографии, обрядности и истории малых народов полуострова: коряков, ительменов, эвенов, алеутов, чукчей. В этой области его вклад в науку и культуру Камчатки велик, а творческое наследие ещё долго будет служить людям, открываясь всё с новых и новых сторон.

При подготовке текстов к публикации мы стремились сохранить авторское написание некоторых аборигенных названий и имён. Читатель заметит, что оно не всегда единообразно, вероятно, это объясняется тем, что приводится на различных диалектах, например, корякского языка, или является свидетельством саморазвития автора, обращавшегося к одним и тем же вопросам на протяжении более чем двух десятков лет. Так же будут заметны самоповторы,

неизбежные в сборниках авторских работ, написанных в разное время и не предполагавшихся как целостная книга.

Благодарим сотрудников информационно-библиографического отдела Камчатской краевой научной библиотеки имени С. П. Крашенинникова за доброжелательную помощь в составлении перечня газетных и журнальных статей В. Н. Малюковича.

Жизнеописательное

Владимир Николаевич Малюкович родился 3 июня 1937 г. в городке Копыль Минской области Белорусской ССР (БССР). По национальности белорус. Его отец — Николай Павлович Малюкович, 1909 г. р., — рабочий по происхождению, член ВКП(б) с 1930 г., до Великой Отечественной войны был сначала секретарём райкома ВЛКСМ, а потом стал партийным работником — секретарём Копыльского райкома ВКП(б). Он окончил три курса Московского авиационного института, участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 по 1945 г. После войны работал директором детского дома № 2 Копыльского района, а позже председателем колхоза. Последние годы учительствовал в Копыльской школе № 1, с 1971 г. — пенсионер. Мама — Вера Ивановна Хмельницкая, 1915 г. р., тоже вышла из рабочей среды. После окончания педагогического техникума она трудилась учителем в Копыле, во время войны была связной партизанских отрядов. Умерла в 1958 г. Брат Марат, родившийся в 1940 г., окончил Белорусский политехнический институт, работал инженером, в частности на строительстве государственной районной электростанции в Витебской области.

В 1944 г. Володя Малюкович поступил в Копыльскую среднюю школу № 1, в 1952 г. стал комсомольцем. Десятый класс окончил в 1954 г. и с августа этого года по июль 1956 г. трудился в колхозе «Шлях комуны» («Путь коммуны») «на общих полевых работах» и каменщиком-бетонщиком в Копыльской машинно-тракторной станции. В сентябре 1955 г. руководством станции направлен в Слонимское училище механизации сельского хозяйства № 4 Гродненской области БССР.

Из сохранившихся бумаг следует, что в 1955 г. Владимир поступил в Ленинградский ордена Ленина институт инженеров железнодорожного транспорта имени академика В. Н. Образцова. На этот счёт имеется справка от 8 февраля 1955 г. об отчислении студента группы I-С-79 В. Н. Малюковича с 7 февраля 1955 г. «за неявку

на экзаменационную сессию». Основанием для приказа послужило его личное заявление [КОКМ ОФ 31789/48].

С февраля 1956 по февраль 1957 г. — старший пионервожатый в Песочанской средней школе, затем два месяца трудился литературным сотрудником редакции районной газеты «Калгаснік Капыльшчыны», откуда был уволен по сокращению штатов. В апреле 1957 г. снова принят разнорабочим в Копыльскую техническую станцию, теперь именовавшуюся «районной». Здесь трудился до мая 1958 г., после чего перебрался в Ленинград, пришёл на завод «Баррикада», где трудился в формовочном цехе. Из заводской характеристики: «...показал себя как дисциплинированный товарищ, добросовестно относился к работе и данные [ему] задания выполнял и перевыполнял, показывая пример в труде» [КОКМ ОФ 31789/35].

С 1959 г. до января 1960 г. кочегарил на Ленинградском сталепрокатном заводе, одновременно учился на вечернем отделении Ленинградского государственного университета (ЛГУ) имени А. А. Жданова, а потом трудился мебельщиком в декоративно-бутафорском цехе Государственного ордена Ленина Малого оперного театра [КОКМ ОФ 31700/11; 18]. Из театральной характеристики: «...к работе относится добросовестно, хороший товарищ. Общественных поручений никаких не поручали, а поэтому он как общественник проявить себя не смог» [КОКМ ОФ 31789/39].

(Надо заметить, что полученные в эти годы навыки чертёжника, модельщика и декоратора пригодились ему в дальнейшей жизни хотя бы как руководителю школьных кружков и при оформлении музейных экспозиций.)

В 1962 г. поступил в Ленинградский государственный педагогический институт (ЛГПИ) имени А. И. Герцена, окончил его в 1966 г. Во время учёбы подрабатывал бетонщиком в ремонтно-строительной конторе университета. Каждый летний сезон уезжал с геологами в экспедиции, во время одной из них в Якутии впервые начал заниматься этнографией. В мае 1963 г. руководство Казахстанской геологической экспедиции доверило ему «срочный ценный груз» и просило должностных лиц «всячески содействовать его быстрейшей доставке к месту назначения».

Вот его заявление от 30 мая 1965 г. заместителю ректора ЛГПИ по учебной части: «Прошу вашего разрешения отпустить меня в геологическую экспедицию от ВСЕГЕИ (Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт. — *Ред.*) сроком с 1 июня 1965 г. по 1 сентября 1965 г. Летнюю практику деканат

географического факультета разрешил мне пройти самостоятельно» [КОКМ ОФ 31700/12].

С 1966 по 1968 г. по так называемому «распределению», обязательному для выпускников учебных заведений СССР, работал преподавателем географии, биологии и трудового обучения в Усть-Пахачинской средней школе Олюторского района Камчатской области, с 1968 г. — воспитателем в Оссорской школе-интернате. С 1969 по 1971 г. был учителем в Карагинской восьмилетней школе Карагинского района Камчатской области.

На Камчатку «распределился» вовсе не случайно: попасть на наш полуостров не просто мечтал в последние студенческие годы, но и целенаправленно готовился к этому. Сохранились его письма в рыболовецкие колхозы имени XX и XXII партсъездов, расположенные в Олюторском (председатель Бородин) и Пенжинском (председатель Новиков) районах, оба датированы 3 апреля 1966 г.: «Уважаемый товарищ председатель! От одного парня, приехавшего в отпуск из ваших мест в Ленинград, я узнал ваше имя и обращаюсь к вам. В мае месяце сего года я оканчиваю Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена по специальности “География и биология ”. Буду вам очень благодарен, если вы поможете мне устроиться в одной из школ вашего колхоза. Пожалуйста, переговорите на эту тему с директором, так как 20 апреля у нас будет окончательное распределение» [КОКМ ОФ 31700/16—17].

7 апреля 1966 г. ушло письмо заведующему одного из районных отделов народного образования, какого конкретно, не указано: «Уважаемый товарищ заведующий! В июне месяце с. г. я оканчиваю Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена по специальности “Биология и география”. До поступления в институт я работал шесть лет на производстве, в школе. Сейчас мне двадцать восемь лет. Был в четырёх геологических экспедициях. Занимаюсь спортом, авиа- и судомоделированием, живописью.

Многие наши выпускники работают на Камчатке, и я хотел бы работать у вас, а точнее — в вашем районе. Я знаю, что смогу принести наибольшую пользу именно у вас, на Севере. Уверяю вас, что, приняв меня к себе на работу, вы не пожалеете. Я уже написал в ваше облОНО и в Министерство просвещения письма с просьбой направить меня работать на Камчатку. Буду искренне признателен, если вы поможете мне в этом деле» [КОКМ ОФ 31700/15].

Ответы на эти послания, судя по всему, были (не сохранились), и пришли они из Олюторского района. Казалось бы, всё склады-

вается удачно, но вдруг возникли непредвиденные сложности. Ближе к окончательному распределению выяснилось, что попадание на Камчатку вовсе не обеспечено. Об этом нам сообщает вот такое послание в адрес аж заместителя министра просвещения РСФСР от 12 мая 1966 г.:

«Я, Малюкович Владимир Николаевич, 1937 г. р., выпускник пятого курса географического факультета ЛГПИ имени А. И. Герцена, обращаюсь к вам с нижеследующей просьбой. При предварительном распределении я выразил желание после окончания нашего института поехать работать по специальности (география и биология) на Камчатку. Я переписывался с одной камчатской школой (посёлок Пахачи Олюторского района), где были согласны принять меня в свой коллектив.

18 апреля с. г. у нас было распределение, но только вечером этого дня на имя моего друга с Камчатки, находящегося сейчас в отпуске в Ленинграде, я получил телеграмму, которую должен был бы представить в комиссию по распределению. И я получил назначение в Читинскую область.

Собираясь работать на Камчатке, почти три года я изучал труды С. Крашенинникова, Л. Берга, геологию, флору и фауну этой страны, ведь я географ, и Камчатка для нас — самая желанная страна. Там в настоящее время работают два моих товарища — выпускники нашего института. А в посёлке Пахачи — мой друг, капитан рыболовного сейнера, с которым я когда-то несколько лет вместе работал. Возвращаясь из геологической экспедиции в сентябре 1965 г., проездом я был в Хабаровске, где зашёл к моему знакомому, директору краеведческого музея. Он предложил мне задание по фольклору Камчатки, а зимой с. г. у Музея этнографии народов СССР я получил задание по сбору этнографического материала. Но всё это пока только планы, и чтобы они претворились в жизнь, я прошу вас разрешить мне поехать на работу в школу посёлка Пахачи Олюторского района Камчатской области» [КОКМ ОФ 31700/18].

В итоге всё разрешилось благополучно, и Владимир к сентябрю 1966 г. оказался в посёлке Пахачи. В местной школе преподавал не только географию с биологией, но и рисование, черчение, математику и даже физкультуру (кстати сказать, сам был неплохим спортсменом, имел несколько спортивных разрядов), вёл несколько кружков, участвовал в художественной самодеятельности. Причина такой «универсальности» простая — острая нехватка учителей. Попутно начал знакомство с древней культурой и обрядностью, устным народным творчеством коряков, овладевал их языком.

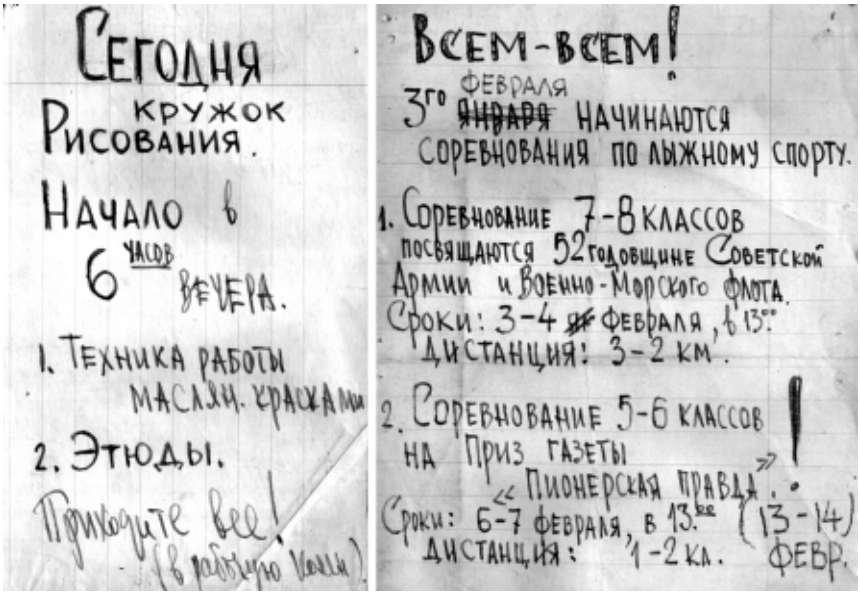
Володя Малюкович — учащийся рабфака ЛГУ имени А. А. Жданова и студент ЛГПУ имени А. И. Герцена. Ленинград, начало 1960-х гг. [КОКМ ОФ 31952/52—53]

В. Малюкович среди однокурсников на практике (стоит с лопатой) [КОКМ ОФ 31995/98]

На этюдах, начало 1960-х гг. [КОКМ ОФ 31995/97]

Сегодня
кружок
Рисования.
Начало в
6 часов
вечера.
1. Техника работы
масляными красками
2. Этюды.
Приходите все!
(в рабочую комнату)

Всем-всем!
3-го февраля
~~января~~ начинаются
соревнования по лыжному спорту.
1. Соревнование 7-8 классов
посвящаются 52 годовщине Советской
Армии и Военно-Морского флота.
Сроки: 3-4 ~~ф~~ февраля, в 13.00
Дистанция: 3-2 км.
2. Соревнование 5-6 классов
на Приз газеты
«Пионерская правда».
Сроки: 6-7 февраля, в 13.00 (13-14)
Дистанция: 1-2 кл. февр.

Объявления В. Малюковича о начале работы школьного кружка рисования и соревнованиях по лыжному спорту, 1967—1968 гг. [КОКМ ОФ 31995/6—7]

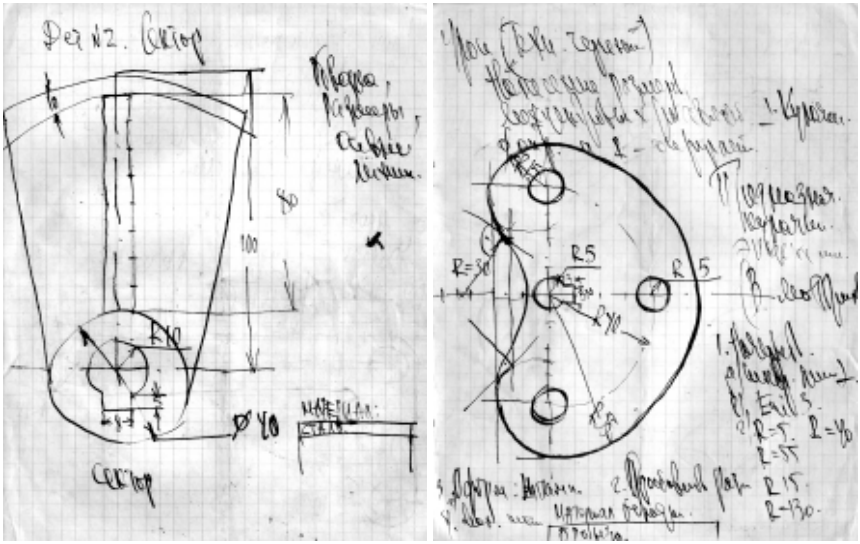

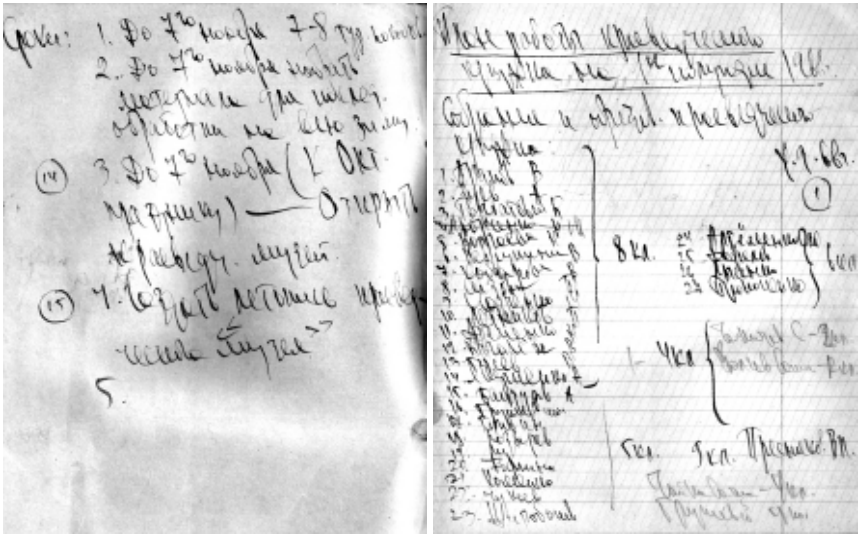
На уроке в Караге (слева) [КОКМ ОФ 31952/96]. В кабинете за работой. Карага, 1969 г. [КОКМ ОФ 31955/57]

Размышления... Карага, 1969 г. [КОКМ ОФ 31955/57]

Конспект урока по черчению, 1968 г. [КОКМ ОФ 31955/2]

План работы школьного музея. Усть-Пахачи, 1966 г.
[КОКМ ОФ 31955/5]

О первых годах пребывания и работы на Камчатке, начале исследовательской деятельности рассказывает очерк Павла Козлова «Любовь Володи Малюковича», напечатанный в молодёжной газете «Камчатский комсомолец» 19 июля 1969 г. (№ 88). Приведём его полностью:

«“А ещё жизнь прекрасна потому, что можно путешествовать”, — сказал Пржевальский. Отличные слова! Именно так считает Володя Малюкович — геолог, турист и биолог, любитель-художник и поэт, учитель средней школы. Да, собственно, и вся его жизнь — поиск, путешествие в незнаемое.

Логическая линия жизни. Работал землекопом, бетонщиком, истопником, докером и даже рабочим сцены в Ленинградском Малом оперном театре, где начальство, узнав о художественных наклонностях парнишки, заставило его как-то разукрашивать большого декоративного слона. Родился Малюкович в Белоруссии, окончил школу с серебряной медалью, потом учился в Ленинграде.

Извечный вопрос — кем быть? Хотелось объять всё. Победило увлечение естественными науками. Постепенно он понял, что “главное — белок”. А так как скоро ракеты выяснили, что жизни на Венере нет, то Володя со всей страстью бросился изучать жизнь на своей планете. Причём его тянуло туда, где “трудно, холодно, но очень необходимо быть”. Он влюбился в геологию.

Впрочем, к геологии его привели... занятия биологией. В Володиной судьбе эти увлечения шли по такой логической линии. Сначала дружба со студентами-биологами Ленинградского госуниверситета, чтение их учебников, затем изучение палеонтологии, потом поездка в экспедицию для раскопок окаменелостей древних животных. А от палеонтологии, как известно, до геологии рукой подать... И вот Малюкович — студент первого курса географо-биологического факультета Ленинградского пединститута имени Герцена.

В 1966-м он его окончил, написав в качестве дипломной работы реферат по геологии Якутии.

В далёком северном краю надо быть сильным, и Володя добивается нескольких спортивных разрядов по боксу, самбо, шахматам и даже по прыжкам с парашютом.

Ну, а летом — маршруты, рюкзаки, палатки, образцы. И — опасности. Их было столько, что хоть сейчас пиши приключенческий детектив. За пять лет студент успел “облазать и спахать” Валдай, Урал, Казахстан, Якутию. Работал во всех должностях — от рабочего и коллектора до геолога-инженера. Но в Сибири стала “стучаться ему в башку” этнография.

Общаясь с представителями небольших северных народностей, изучал их язык и нравы. Пропадая, если выпадало время, в краеведческих музеях Красноярска, Иркутска и Новосибирска, Владимир окончательно влюбился ещё в одну науку, уже историческую, — этнографию. А тут ему как раз и посоветовал какой-то дядя с бородой и в очках в Хабаровском музее: “Вы не были на Камчатке? Ну, знаете, это несерьёзно... Там же коряки — северные цыгане с бубнами. Поезжайте и напишите книгу «По следам Крашенинникова»”.

Это было всё... Володя потерял покой. С невероятным трудом добивается он разрешения и приезжает с дипломом учителя в августе 1966 г. в Усть-Пахачи.

Коротко о Пахачах. В дневной школе преподавал географию, в вечерней — географию, биологию, историю, заменял учителя по математике. Организовал кружок краеведов, оборудовал с ними краеведческий музей. Со своими туристами исходил все красивые здешние места. Его воспитанники не раз занимали первые места на районных соревнованиях. В 1967 г. Валя Ермилов даже ездил в составе камчатской делегации туристов в Ленинград.

Ну, а в редкое свободное время Владимир Николаевич писал стихи и «озвучивал» дом, в котором жил (он играл на трубе).

Последняя встреча. Я знал, что Володя в декабре переехал в Карагу и сейчас работает там воспитателем школы-интерната. В середине июня мне как раз представилась возможность побывать в центре Карагинского района. Нашёл его в интернате, на двери кабинета висела табличка «Изолятор».

Обнимаемся. Вот он — рыжий, весёлый. Только что из туристского похода, ещё костром пахнет. У входа свалена палатка, на полу — много корней и всяких растений. На руке какой-то мох примотан.

— Зачем?

— Это же сфагнум. Убивает все бактерии лучше йода. Поцарапался в походе.

— В изоляторе, значит, живёшь?

— А что делать? Но в принципе — никаких изоляций.

Это я, конечно, знал и раньше. Он всегда в окружении ребят. Вот и сейчас они, стуча болотными сапогами, то и дело входят к воспитателю, не давая ему, как следует, поздороваться с другом. Ну, ладно, пусть договорятся о следующем маршруте... Я скромно отошёл в угол и осмотрел жилище. Ну, совсем краеведческий музей! Чего здесь ещё не хватает? Пожалуй, только кассира для продажи билетов. Гербарии, макеты, какие-то картотеки, чучела, масса карт и книг по

краеведению, геологии и биологии. Половина стены — в картинах, выполненных маслом. В основном камчатские пейзажи. На них подпись — "В. Малюкович". Скажу прямо: некоторые сделаны просто здорово. Интерьер комнаты холостяка-туриста дополняла древняя пишущая машинка, на которой через "яти" и "еры" было написано "Ройялль" и ещё что-то...

Весь вечер у него был занят работой — дежурил в интернате. Оставшиеся полночи мы посвятили спорам и рассказам.

Изредка откуда-то из коридора доносится шум: это кот Котангенс охотится на мышей. Мы листали толстую тетрадь малюковских стихов и спорили, спорили... А утром Володя опять ушёл с ребятами в поход к горе Каспа...

Хорошо, когда есть такие парни. Ну, вот и всё. Очень не хотелось расставаться с Володей, но билет на самолёт был в кармане.

Недавно я ему послал несколько книг и записей по этнографии и камчатскому фольклору, которые можно найти в городе. Хочу помочь другу, ведь Малюкович уже два года собирает и сам записывает корякские и чукотские сказки.

У Володи есть мечта — защитить кандидатскую диссертацию по этнографии, материал для которой почти собран. И уже в этом году он попробует сдать кандидатский минимум».

Приказом ректора ЛГУ № 4538 от 30 ноября 1970 г. В. Н. Малюкович зачислен в заочную аспирантуру на кафедру этнографии сроком до 10 ноября 1974 г. [КОКМ ОФ 31789/31]. К 1974 г. он подготовил черновик диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Корякские народные праздники» [КОКМ ОФ 31700/126]. В приведённом выше очерке П. Козлова используется сочетание слов «краеведческий музей», пока ещё применительно к самодеятельному, школьному. Но вскоре эти слова станут настоящей судьбой Владимира Николаевича. Официально он был принят в Камчатский областной краеведческий музей (КОКМ) 15 января 1972 г. в качестве научного сотрудника [КОКМ ОФ 30700/14], вскоре стал старшим научным сотрудником.

Но, похоже, что его взаимодействие с КОКМ началось несколько раньше. Так, в сообщении директора музея от 18 ноября 1971 г. говорится, что «в 1966—1971 гг. В. Н. Малюкович, будучи сотрудником КОКМ, в результате археологической разведки обнаружил и исследовал неолитические стоянки на территории Корякского национального округа».

25 июня 1971 г. председатель Камчатского областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

(ВООПИК) Н. И. Алькова направила председателю Карагинского райисполкома В. А. Сорокину следующее сообщение: «На основании докладной преподавателя Карагинской школы тов. Малюковича Владимира Николаевича о проведении археологических исследований в Карагинском районе, где выявлены стоянки древних жителей Камчатки, президиум областного Совета общества охраны памятников истории и культуры просит вас оказать содействие ему в проводимых работах. Тов. Малюкович В. Н. является аспирантом кафедры этнографии ЛГУ имени А. А. Жданова и имеет открытый лист полевого комитета Института археологии Академии наук СССР, что даёт ему право на проведение археологических раскопок.

Памятники археологии, в том числе остатки древних стоянок и селищ, имеющие научное и историческое значение, подлежат учёту и охране. Поэтому областное отделение ВООПИК заинтересовано в проведении данных работ» [КОКМ ОФ 31789/52].

Выяснилось, что выявленные Малюковичем археологические памятники нуждаются в государственной охране, так как некоторые из них разрушаются из-за природного воздействия и самодеятельных раскопок «несведущих в археологии людей». Музей полагал, что охрану «могли бы осуществить сельские и районные Советы депутатов трудящихся и районные отделения ВООПИК». Речь шла о следующих памятниках.

В Олюторском районе: стоянка «Заречный» поздней беринговоморской культуры в ста метрах от маяка в посёлке Заречный. «Разрушается школьниками»; неолитическое городище «Зелёный мыс» на берегу Корфского залива в нескольких километрах от села Тиличики, возраст около двух с половиной тысяч лет. «Разрушается эрозией»; стоянка в пределах села Тиличики — «на краю террасы в северном направлении от пограничной заставы».

В Пенжинском районе: неолитическая стоянка К'ойв'ына в двух километрах от села Манилы; стоянка «Старая Каменка», примерно в восемнадцати километрах вниз по течению на правом берегу. Здесь «культурный слой имеет протяжённость более чем пятьдесят метров».

В Тигильском районе: две неолитические стоянки тарьинской культуры недалеко от села Усть-Хайрюзово вверх по реке; стоянка на высокой террасе правого берега в устье реки Ковран.

В Карагинском районе: неолитическое городище Тавэлямту («Зелёная сопка») в двух километрах от села Карага возрастом более семи тысяч лет. «Разрушается школьниками, солифлюкцией» (сползанием); стоянка «Дорожная» на северо-западе от села Карага на

берегу Карагинского залива; стоянка протокорякской культуры Гэкэнгэйнэк («Горелая сопка») в окрестностях посёлка Оссора, где «устроена свалка местного рыбокомбината».

Этот перечень на основе подготовленного В. Н. Малюковичем отчёта «Некоторые вопросы материальной культуры предков современных народностей Северо-Востока Азии по инвентарю неолитических стоянок в пределах Корякского национального округа» за 1971 г. направлен музеем в Камчатское областное отделение ВООПИК.

С 6 марта по 6 июня 1974 г. Малюкович находился в учебном отпуске для решения диссертационных вопросов. Будучи в Ленинграде, занимался публикацией автореферата и подготовкой самой работы [КОКМ ОФ 31789-66]. Но до её защиты дело по каким-то причинам так и не дошло...

В 1974 г. Камчатское отделение Дальневосточного книжного издательства выпустило тиражом 1 000 экземпляров его брошюру «Ленаты счастья (корякские праздники)». Это был большой успех и событие: в те годы далеко не всем исследователям удавалось стать авторами настоящих отдельных печатных изданий. Случившееся же лишний раз подчёркивало значимость проделанного труда.

Покажем лишь несколько «вешек», отражающих творческий и исследовательский путь В. Н. Малюковича. 20 сентября 1977 г. получил удостоверение «в том, что он является членом областного художественного совета при Камчатском областном исполнительном комитете и имеет право проверки изделий декоративно-прикладного искусства на предприятиях и в торговых организациях области» [КОКМ ОФ 31789/55]. 14 декабря 1979 г. ему выдано удостоверение в том, что он «действительно работает в КОКМ этнографом и археологом и уполномочен музеем принять... экспонаты Тигильского музея, а также ему поручен сбор материалов по материальной культуре народов Камчатки» [КОКМ ОФ 31789/51].

Служебные поездки на север полуострова стали для него привычным, можно сказать, обыденным, хотя и весьма нелёгким делом. Содержание некоторых из них и сопутствующие сложности мы попытались отразить в разделе этой книги «Отчёты по командировкам». В их ходе пополнялись музейные фонды и, благодаря знанию корякского языка, обретались дополнительные сведения о тех сторонах жизни северных аборигенов, которые они не спешили открывать посторонним пришельцам...

В качестве примера деятельности В. Н. Малюковича как археолога приведём выдержки из его отчёта по обследованию и охран-

ным раскопкам на месте строительства в местечке Халактырка, что неподалёку от Петропавловска. Эти работы проводились по открытому листу Полевого комитета ордена Трудового Красного Знамени Института археологии Академии наук СССР.

(Попутно заметим, что Владимир Николаевич проявил здесь себя не только как исследователь, но и как воспитатель. В сентябре 1974 г. он организовал при музее кружок юных археологов и руководил им. К марту 1979 г. в кружке занимались 42 ученика старших классов из восьми средних школ Петропавловска.)

«Археологическая стоянка "Халактырка" находится в аллювиальной долине примерно в двадцати километрах на юго-восток от города Петропавловска-Камчатского и в двух километрах от берега Тихого океана (Халактырский пляж). Впервые стоянка была отмечена автором в 1974 г. Здесь был собран подъёмный материал, отмечено его местоположение на карте. Все материалы поступили в фонды КОКМ. В 1977 г. автор, совместно с членами археологического кружка при музее... нанесли стоянку на карту и продолжили сбор подъёмного материала, передав его краеведческому музею. В 1978 г. мною был получен открытый лист № 186 на право обследования археологических памятников, обнаруживаемых при земляных работах, и охранных раскопок на месте строительства...»

Исследования и раскопки проводились с 1 июня по 1 ноября 1978 г. силами сотрудников музея В. Н. Малюковича, И. М. Евстратенко и членов археологического кружка. В число последних вошли Александр Козлов, Евгений Кравцов, Андрей Пузаков, Артур Комлаков, Лилия Агинь, Лариса Шевеленко, Константин Кубарев, Владимир Кузьмич, Игорь Молчанов, Александр Сорошкин, Анатолий Зиневич, Валерий Попов, Артур Дутаев и другие ребята.

Всего собрано 2 317 археологических образцов, из них 106 орудий труда: два тесла, семь ножей, столько же скрёбел, 12 наконечников стрел, 58 ретушированных скребков на отщепах, по 10 ретушёров, отжимников и колотых галек. В руки исследователей также попали оселок, пемзовая галька для полировки вёсел, две лабретки, 16 костей ластоногих животных, пять фрагментов китовых костей, одна обожжённая галька. Остальные находки — отщепы из кремневого сланца, обсидиана, халцедона, кремня и яшмы. А вот керамики найти не удалось. «Раскопки явились для нас делом новым, несмотря на то, что сотрудники музея принимали участие в раскопках неолитической стоянки "Авача" в окрестностях Петропавловска под руководством Т. М. Диковой в 1976 г. и палеолитической стоянки "Ушковское озеро" под руководством доктора исторических

наук Н. Н. Дикова в 1971 г. Небольшим опытом объясняется та осторожность, с которой мы приступили к раскопкам, ограничив их площадью только в четыре квадратных метра»...

13 августа 1981 г. В. Н. Малюковичу дано «право разведки археологических стоянок и покупки предметов этнографии для КОКМ на территории Карагинского района Камчатской области» [КОКМ ОФ 31789/57].

...В КОКМ он прослужил почти два десятка лет, затем перешёл в Камчатский областной дом народного творчества. В музей вернулся, но на короткое время — с 23 марта 1992 г. по 14 октября 1992 г. — в качестве старшего научного сотрудника и заведующего отделом. С этой должности ушёл по собственному желанию. Вскоре Владимир Николаевич тяжело заболел, трудиться уже не мог, родственники перевезли его на родину — в Белоруссию, где он и скончался...

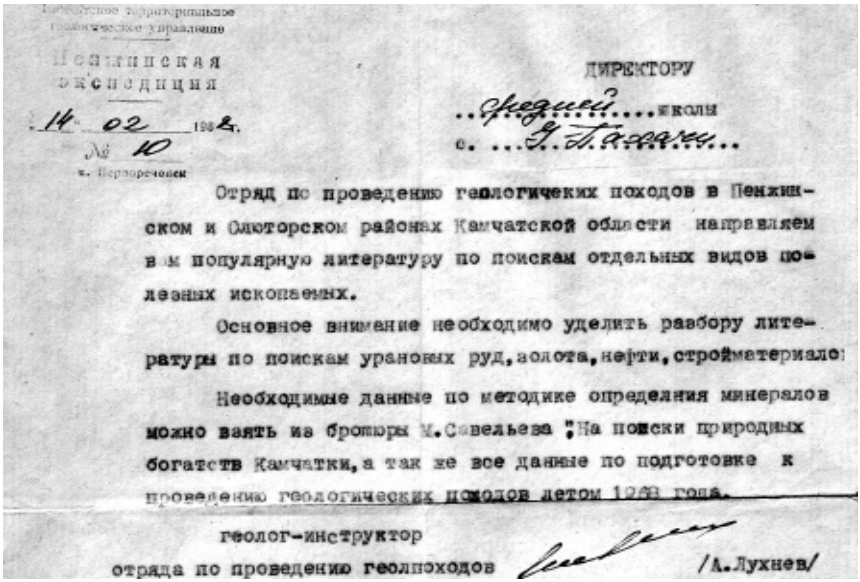
Земной путь исследователя прервался, но его творческое наследие живёт и изучается. Примером тому, помимо вот этого томика, является выпущенная издательством «Белый шаман» попечением А. И. Белашова книга сказок и мифов карагинских, апукских, алюторских, анапкинских коряков «Кутккынняку» (Петропавловск-Камчатский, 2001, 184 с., тираж 1 550 экз.). В этом же, 2001 г., в рамках проходившей в Петропавловске международной конференции опубликован доклад профессора Камчатского государственного педагогического университета А. А. Гончаровой «Книга В. Н. Малюковича “Кутккынняку” на занятиях по фольклору». В 2010 г. в материалах XXVII Крашенинниковских чтений вышла ещё одна статья А. А. Гончаровой — «В. Н. Малюкович — этнограф и фольклорист». Её вывод: «Записи фольклорного и этнографического материала, сделанные В. Н. Малюковичем, во многом обогащают наше представление об уникальной культуре коренных народов Камчатки и дают хороший стимул для научного её изучения в контексте культуры народов Севера».

В 2016 г. Камчатским центром народного творчества издана 68-страничная работа «Фольклорное наследие В. Н. Малюковича. Обрядовые праздники коряков: фольклорно-этнографический сборник» (составитель М. Е. Беляева). Здесь представлены описания праздников береговых и оленных коряков, в том числе охотничьи, семейные и очищения жилища, всего 89 сюжетов. Эти материалы также хранятся в личном музейном фонде исследователя. Сборник адресован работникам культуры, фольклористам, руководителям творческих коллективов и всем интересующимся культурой коренных малочисленных народов Севера.

Удостоверение отряда следопытов, 1967 г.; маршрутный лист отряда, 1968 г. [КОКМ ОФ 31955/15—16]

Пенжинская экспедиция

14.02 1968 г.
№ 10
г. Первореченск

ДИРЕКТОРУ
...средней... школы
с. ...Тиличики...

Отряд по проведению геологических походов в Пенжинском и Олюторском районах Камчатской области направляем вам популярную литературу по поискам отдельных видов полезных ископаемых.

Основное внимание необходимо уделить разбору литературы по поискам урановых руд, золота, нефти, стройматериалов.

Необходимые данные по методике определения минералов можно взять из брошюры М.Савельева "На поиски природных богатств Камчатки, а так же все данные по подготовке к проведению геологических походов летом 1968 года.

геолог-инструктор
отряда по проведению геопоходов /А.Лухнев/

Письмо Пенжинской геологической экспедиции, 1968 г. [КОКМ ОФ 31955/18]

Пособия участникам походов, 1960-е гг. [КОКМ ОФ 31955/7—10]

В походе. Переправа через реку [КОКМ ОФ 32492/12]

Сбор подъёмного материала под обнажением культурного слоя в районе бывшего Нижнекамчатска, 1978 г. [КОКМ ОФ 32492/11]

На археологической разведке. Нижнекамчатский острог, 1978 г.
[КОКМ ОФ 32492/13—14]

В этом разделе собраны восемнадцать машинописных работ и рукописей В. Н. Малюковича, ныне составляющих его авторский архивный музейный фонд. Раздел открывается выдержкой из черновика незавершённой диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Корякские народные праздники», подготовленной в 1974 г. Изложенные здесь сведения и затронутые темы легли в основу многих его последующих работ, как научных, так и научно-популярных, и даже литературных, часть коих приведена ниже и в последующих разделах этой книги.

Корякские народные праздники

[Введение]

...Палеоазиаты Камчатки несколько отставали в историческом развитии от своих ближайших соседей (эвенов, якутов, американских индейцев). Некоторые авторы (например, С. А. Токарев) считают, что причиной отставания было то, что предки палеоазиатов затратили много усилий и времени для приспособления к жизни в новой географической среде, куда они пришли из других областей. Другие авторы (например, Н. Н. Диков) — что основной причиной была территориальная изоляция их от других народов (полуостровное положение).

Кстати, Н. Н. Диков доказал, что наличие у предков палеоазиатов в верхнем палеолите черешкового наконечника свидетельствует о высокой технике обработки камня, даже более высокой, нежели в верхнепалеолитической Европе. И наконец, есть сторонники третьей версии, что благоприятные природно-климатические условия (сравнительно мягкий морской климат, наличие морского зверя, ежегодный рунный ход в реки лососёвых пород рыб, хорошие пастбищные угодья) способствовали застою, «консервации» социально-экономических отношений палеоазиатов.

Присваивающий характер хозяйства (от собирательства до охоты на морского зверя), частная собственность на оленей, засилье древних религий (остатки тотемизма, фетишизма, анимализма, а также развитый семейный и индивидуальный шаманизм) явились причиной отставания коряков в социально-экономической жизни и сохранения древних обрядов и праздников.

Корякские народные праздники резко делятся на две группы: праздники оседлых коряков-рыбаков, охотников на морского зверя и праздники кочевых коряков-оленеводов. В праздниках береговых коряков, для которых была характерна комплексность или многоукладность в ведении хозяйства, присутствует множество разнообразных обрядов. Для оленных коряков, у которых оленеводство являлось единственным занятием (необходимости заниматься другими видами хозяйствования не возникало, так как оленеводство — воспроизводящаяся отрасль, в основном не зависящая от случайности), обряды и праздники связаны только с ним.

Всё это, даже в общих чертах, свидетельствует, что праздники коряков произошли от хозяйственных занятий населения, являясь отражением этих занятий в духовной сфере...

Развитие этнических групп, народностей и наций в эпохи, предшествующие социализму, были связаны с больш*и*ми трагедиями и потерями. Процессы эти шли стихийно, утрачивались или безвозвратно погибали значительные культурные и духовные ценности.

Корякские народные праздники составляют часть духовной культуры палеоазиатов (ительмены, коряки, чукчи). В свою очередь они были непосредственно связаны с праздниками соседей: проживающих на юге Камчатского полуострова курильцев (айнов); на востоке, на Алеутских островах — алеутов; на севере — юкагиров и эскимосов; на западе — эвенов, якутов, эвенков.

Дошедшие до нас из глубокой древности корякские народные праздники имели много общих черт с праздниками соседей благодаря одинаковым с ними хозяйственным занятиям, социальной организации и религии. Об этом можно судить по таким двум фактам. Описанный С. П. Крашенинниковым камчадальский праздник очищения грехов и праздник кита у олюторских коряков отмечены более поздними исследователями у других групп коряков. Праздник кита — В. И. Иохельсоном у пареньских коряков более чем через сто пятьдесят, хололо — автором у карагинских более чем через двести лет. Структура праздников по существу осталась неизменной. Праздники дают живое представление о процессах, происходивших в быту, в экономической и культурной жизни древних коряков.

В истории исследования социально-экономической и духовной жизни коряков можно выделить несколько этапов. В общем, выход в свет литературы с описанием обрядов и праздников совпадает с максимумом издававшихся трудов по этнографии, что так или иначе было связано с растущим интересом к народностям Камчатки, в основе чего лежали экономические интересы.

Здесь выделено пять этапов истории изучения жизни коряков и её части — корякских народных праздников.

Первый этап начался со «скасок» Владимира Атласова, присоединения Камчатки к России до выхода в свет книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1697—1754 гг.).

Второй этап связан с последующим накоплением сведений о народностях Камчатки, выходом в свет трудов Ж. Лессепса, К. Дитмара, В. П. Маргаритова, Н. В. Слюнина (1754—1900 гг.).

Третий — с работой русско-американской Северо-Тихоокеанской Джезуповской экспедиции, трудами крупнейших этнографов, посвятивших себя изучению быта, обычаев, фольклора, хозяйственной жизни коряков, чукчей, эскимосов, юкагиров — В. И. Иохельсона и В. Г. Богораза, и экспедицией, финансировавшейся Ф. Рябушинским (1900—1918 гг.).

Четвёртый — открывает советский этап и связан с детальным изучением проблем народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока новым поколением этнографов, вызванный реконструкцией хозяйства. Это — работы Н. Н. Беретти, Г. М. Корсакова, К. Бауэрмана, Е. П. Орловой, А. Золотарёва, М. А. Сергеева, С. Н. Стебницкого, Н. Н. Билибина и других. Период начался с провозглашения советской власти на Камчатке и длился до начала Великой Отечественной войны (1918—1941 гг.).

Пятый период начался с 1941 г. и продолжается по настоящее время. Он характеризуется новым подходом к проблемам изучения духовной культуры, в том числе и праздников коряков, такими исследователями, как А. М. Сергеев, И. С. Гурвич, И. С. Вдовин, А. Н. Жукова, В. В. Антропова, К. Г. Кузаков, В. Г. Кузнецова и другими.

Уже с первых лет изучения малых народностей Камчатки, сразу после её открытия землепроходцами, продвигавшимися на восток «в погоне за соболем», в первых письменных источниках — ясачных списках, «скасках», а позже в документах участников Первой и Второй Камчатских экспедиций появляются сведения, отражающие и духовную жизнь палеоазиатов — камчадалов, коряков и чукчей. В этом отношении значительный интерес представляют две «скаски» (отчёты царю) первого приказчика и первооткрывателя Камчатки казачьего пятидесятника Владимира Атласова. Документы сборщиков ясака, разрозненные источники служивых людей, представляющие ценность для этнографов, не всегда надёжны, так как «составители их в большинстве своём были люди малограмотные, они многого не видели или не замечали, многое понимали

по-своему, нередко освещали события того времени односторонне, с позиций собственных интересов» (И. С. Вдовин).

Первые серьёзные описания народностей Камчатки были сделаны С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером — участниками Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.). В их описаниях большее внимание было уделено камчадалам, так как дальнейшая колонизация Камчатки шла с её южной части. (Первый этап освоения Камчатки с севера встретил сопротивление со стороны чукчей, юкагиров и коряков. С появлением надёжных морских судов, экспедиции, торговые люди, казаки направлялись из Якутска в Охотск, из Охотска морским путём в Большерецк.) Камчадалы первыми попали под пристальное внимание учёных.

Комплексное изучение Камчатки, исследование её морей и земель было задумано Петром I и преследовало экономические и политические цели: объясачивание местного населения (ясак брали соболем, лисицей, песцом, так как в XVIII в. меха на международном рынке имели большой спрос. Для развивавшейся России, создававшей свой флот, это был источник богатств), а также поиски морских торговых путей с Америкой, колонизация новых земель.

В ходе начавшейся христианизации Камчатки (миссия архимандрита Иосафа Хотунцевского) велась ожесточённая борьба «за души» камчадалов с целью разрушить «систему древних религиозных обрядов и праздников у ительменов, коряков и чукчей... Он (Хотунцевский), где бы ни находил их идолов, повсюду уничтожал их огнём». Но, несмотря на это, в описаниях миссии содержатся значительные сведения по обрядам палеоазиатов. Выдержанные в духе христианства, показанные с негативной стороны, так как основным объектом нападок священников были праздники, святые места, идолы, ритуальные пляски, жертвоприношения камчатских народностей, они и сейчас представляют интерес для исследователей.

Материалы С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера в основном посвящены камчадалам, однако в той или иной степени касаются и коряков. Крашенинников, говоря о коряках, об их обрядах, религии, танцах, ссылается на камчадальский праздник очищения грехов и указывает на непосредственную связь между ними (Стеллер называет его праздником благодарения). И действительно, на примере современного праздника хололо, праздника потомков тех коряков, которых изучал Крашенинников, можно и сейчас подтвердить высказывание автора первого научного описания Камчатки. Коряки, как и камчадалы, «после летних и осенних трудов ничего

не делают, не ездят в гости и на промыслы», а отмечают свои праздники. Крашенинников приводит и описание праздника кита у коряков-алюторцев.

Работы Крашенинникова и Стеллера (труд Стеллера был опубликован в Германии), впервые давших детальное описание праздников, обрядов, обычаев палеоазиатов, составляют целый этап.

Христианизация народностей Камчатки проходила сравнительно спокойно, однако религия неустанно боролась с языческими обрядами и праздниками. В этой связи Крашенинников был вынужден отметить государственную установку царского правительства (обращаясь к имени императрицы Анны Иоанновны) о том, что христианская религия одержала верх над языческими верованиями камчадалов и коряков, что языческие обряды и праздник «милостью» царицы исчезли или находятся на грани того.

Указывая на близость камчадальских и корякских праздников, зафиксировав их в нескольких вариантах в первоначальном виде, Крашенинников тем самым дал возможность сравнения их с более поздними описаниями (к сожалению, очень неполными), проследить их изменение и развитие. Однако ему не удалось отметить ряд значительных обрядов (он посетил камчадальский праздник только три раза), которые, несомненно, проводились у северной группы ительменов, контактировавших с карагинскими коряками (например, обряды инициации, эффэв', калак и другие).

Ввиду метафизического домарксовского понимания истории, по причине неразвитости теории первобытных религий, что являлось закономерной чертой того времени (христианская православная религия считалась нормой в России), С. П. Крашенинников не мог дать верной трактовки религиозной стороны обрядов. Безусловно, это не ставится в вину автору классического описательного труда по этнографии Камчатки. К сожалению, из-за труднодоступности и враждебности некоторых групп северных коряков, их праздники и праздники коряков-оленеводов не попали в поле зрения этих двух авторов.

Этот этап можно охарактеризовать как этап мощного накопления этнографических сведений по материальной и духовной культуре палеоазиатов, чему способствовали строгий регламент и цели Второй Камчатской экспедиции, высокие личные качества исследователей.

Последующие исследователи, времени 1754—1900 гг., менее подробно осветили духовную жизнь коряков, камчадалов и чукчей. Их более поздние описания Камчатки не давали той подробности, скрупулёзности и деталей, характерных для работ их предшественников.

Тому было несколько причин: христианство, насколько могло, настолько уничтожило языческие обряды, обычаи и праздники камчадалов. Места обитания коряков оставались всё ещё труднодоступными, благодаря их удалённости от административных центров Камчатки (Большерецк, Нижнекамчатск, Петропавловск, Тигиль).

Основной причиной явился спад интереса к Камчатке в связи с открытием русскими моряками (Г. И. Невельской) выхода в Тихий океан из глубинных районов Дальнего Востока через Амур. Петропавловский порт, бывший до 1855 г. главным русским портом Тихого океана, из-за трудностей снабжения и оторванности от России (это стало ясно во время победоносной обороны порта в августе 1854 г. от англо-французской эскадры), уступил место ведущего порта на Востоке Николаевскому. Это привело к экономическому упадку Петропавловска и всей Камчатки.

В 1801 г. было опубликовано «Лессепсово путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири», где автор попутно отмечает моменты, связанные с песнями, плясками и праздниками камчадалов.

К. Дитмар в двух работах — «О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах» и «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Карла фон Дитмара» — приводит сведения о религиях и божествах камчадалов и коряков, об их одежде и плясках.

Исследователи В. П. Маргаритов («Камчатка и её обитатели», Хабаровск, 1899) и Н. В. Слюнин («Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание», СПб., 1900), затрагивая вопросы истории и духовной культуры, сообщают сведения о камчадалах и коряках (свадебные пиры, религия и божества, песни и пляски), почерпнутые в основном из работы С. П. Крашенинникова. Интересующие нас данные из четырёх перечисленных авторов являются частью обрывочными и по полноте и ценности значительно уступают работам своих предшественников.

Этот период характеризуется тем, что экономика Камчатки и роль её в самодержавной политике России упала, на территории свирепствовали эпидемии, резко сократившие численность местного населения (в 1776 г. от эпидемии оспы умерло около шести тысяч ительменов), наука развивалась медленно.

Духовная культура, в том числе всё, связанное с праздниками и обрядами местного населения, служило объектом нападок церковнослужителей и жестоко преследовалось. Наиболее деятельной была Российско-Американская компания, но она занималась исключительно промыслом.

Третий этап изучения духовной жизни народностей Камчатки связан с работой Северо-Тихоокеанской экспедиции, в которую входили два крупных знатока Севера — этнографы В. Г. Богораз-Тан и В. И. Иохельсон, политические ссыльные. Экспедиция была оснащена и укреплена кадрами (в том числе и людьми, хорошо знавшими геологию), имела твёрдо поставленные цели.

К началу XX столетия капиталистические страны Европы, Америки и Азии, мечтая перекроить политическую карту мира, обратили своё внимание на Дальний Восток. Здесь столкнулись интересы трёх держав — России, США и Японии. Капиталисты США предлагали России уступить им концессию на прокладку железной дороги в Сибирь и Среднюю Азию через Аляску и Чукотку, что могло бы повлечь за собой отторжение на продолжительное время значительной территории России, богатой золотом, углём и железом. С другой стороны, обострялись отношения России с Японией, та претендовала на Сахалин и другие территории. В этих условиях работа Северо-Тихоокеанской экспедиции, видимо, в культурном плане являлась своего рода попыткой установления контактов между Россией и США.

Этнографы экспедиции внесли большой вклад в дело изучения духовной культуры чукчей, коряков, эскимосов, юкагиров (материалы по религии, фольклору, праздникам). Работы Северо-Тихоокеанской экспедиции были продолжены Камчатской экспедицией (1909—1911) на средства мецената Рябушинского.

Наиболее полной, насыщенной была первая половина этого периода, связанная с революционным подъёмом в России. Передовая часть русского общества с большим интересом следила за работой экспедиции. Именно по этой причине некоторые материалы без задержки опубликованы в периодической печати (этнографические рассказы В. Г. Богораза-Тана). Второй этап, совпавший по времени с годами реакции и началом Первой мировой войны, был менее плодотворным для русской этнографии.

В двухтомном издании В. И. Иохельсона «Коряки» на английском языке, помимо сведений о материальной культуре, дано подробное описание корякских праздников, обрядов, танцев. Автор сам присутствовал на праздниках, и его описания являются записью очевидца. Наибольший интерес представляет описание праздника кита, данное с многочисленными деталями. Считалось, что кит (или белуха) были не добыты охотником, а сами пришли к нему. Зверь «гостил» у охотника, «видел», какой хороший «приём» ему оказали люди и снова «уходил» в море, чтобы в следующий раз повторить

свой визит. На празднике кита совершали ряд обрядов, чтобы задобрить животное. Владелец байдары считался хозяином праздника. Но сети, которыми ловили кита, составлялись из небольших сетей, принадлежавших всем семьям села, и все жители, присутствующие на празднике, получали свою долю добычи. Этот факт даёт возможность сделать вывод, что праздник кита носил общественный характер.

Праздник укладки байдары носил, по Иохельсону, семейный характер. С остова байдары снимали покрышку, в землянке гасили огонь, угли и пепел относили к деревянной «скульптуре» антропоморфного вида — «охранителю» посёлка. В землянке разводили новый огонь, закрывали летний (нижний) вход и открывали зимний (верхний), опуская лестницу (бревно с зарубками или отверстиями вместо ступенек). Жиром кормили семейного покровителя, символически отправляли в путешествие по морю остов байдары с привязанной огнивной доской (семейного покровителя).

Праздник спуска байдары, по мнению В. И. Иохельсона, также был семейным, и вся обрядность на празднике нымыланов была связана с почитанием морских зверей.

В. Г. Богораз в монографии «Чукчи» даёт описание чукотских обрядов и промысловых праздников, приводя для сравнения корякские параллели. В этом плане интересны как праздники оленеводов — осеннего убоя оленей, зимнего убоя оленей, рогов, благодарности пушным зверям, бега, так и береговых чукчей и эскимосов, посвящённых морским зверям. Богораз считал, что основной мыслью обрядов и праздников чукчей и коряков было воскрешение добытых зверей с тем, чтобы они снова «возвратились» к охотнику.

Описанный период характеризуется началом серьёзного подхода к проблемам духовной культуры палеоазиатов. Но только в последующих — четвёртом и пятом — русская советская этнография утвердилась на марксистских позициях.

В начале 1918 г. на Камчатке была провозглашена советская власть, после окончания гражданской войны 10 ноября 1922 г. она утвердилась окончательно. 1918—1941 гг. — это четвёртый этап развития этнографии палеоазиатов. Организатором и вдохновителем всей этой работы был созданный при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК) Комитет Севера во главе с П. Г. Смидовичем. Экономическое, социальное и культурное строительство на Камчатке — вот причины интенсивного развития этнографической науки в этот период.

Работы, отражающие духовную культуру малых народностей Камчатки и коряков в том числе, были написаны Е. П. Орловой («Коряки полуострова Камчатки», 1929), Н. Н. Беретти («На крайнем Северо-Востоке», 1929), К. Бауэрманом («Следы тотемистического родового устройства у пареньских коряков», 1934), М. А. Сергеевым («Корякский национальный округ», 1934), А. Золотарёвым («Пережитки тотемизма у народов Сибири», 1934). Наряду с экономическими, социальными, лингвистическими данными вопросы духовной культуры поднимаются в работах С. Н. Стебницкого, Н. Н. Билибина и других исследователей. В проходившей в 1926—1929 гг. переписи населения Камчатки участвовали этнографы Е. П. Орлова, К. Б. Шаров, К. Бауэрман.

В этот период, время большого энтузиазма, этнографы решали теоретические проблемы и под руководством ВКП(б) проводили их в жизнь. Благодаря этой работе была найдена единственно правильная форма государственности для малых народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока — национальные округа (резервации по типу США были единодушно отвергнуты), создана письменность на языках малых народностей, составлены первые буквари и учебники, проводилась борьба с неграмотностью, организовывались первые коллективы художественной самодеятельности, впервые использовалось всё богатство народного искусства, велась борьба со старыми обычаями, обрядами и пережитками.

За двадцать три года этого периода для малых народностей было сделано гораздо больше, чем за двести предшествующих лет (с года присоединения Камчатки к России до Октябрьской революции).

Пятый период, начавшийся с 1941 г. и идущий по настоящее время, является естественным продолжением четвёртого периода, но в новых исторических условиях. Начавшийся в суровые годы Великой Отечественной войны, когда многие из этнографов погибли на фронтах, он продолжался в годы восстановления разрушенного хозяйства и успешно продолжается в наше время — время развёрнутого строительства коммунизма.

Этот этап — этап глубокого марксистско-ленинского освоения материалов духовной и материальной культуры всех предшествующих исследователей, а также особенно интенсивного изучения архивных материалов. Исследования этнографов носят комплексный характер, так как они используют материалы археологов (А. П. Окладников, Р. С. Васильевский, Н. Н. Диков), лингвистов (А. Н. Жукова), специалистов по первобытным религиям (А. Ф. Анисимов), антропологов (Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, В. Н. Алексеев).

В этот период появился ряд исследований, непосредственно касающихся корякских народных праздников: М. А. Сергеев «Некапиталистический путь развития малых народов Севера» (1955); В. В. Антропова «Чукчи. Коряки. Народы Сибири» (1956); В. Г. Кузнецов «Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных коряков» (1957); И. С. Гурвич, К. Г. Кузаков «Корякский национальный округ» (1960); И. С. Вдовин «Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков» (1961); он же «Корякские промысловые праздники» (1962); он же «Очерки истории и этнографии чукчей» (1965); И. С. Гурвич «Отмирание религиозных верований у народностей Северо-Восточной Сибири (1966); В. В. Антропова «Культура и быт коряков» (1971); И. С. Гурвич, А. И. Яйлеткан «Ачайваямская группа коряков-оленеводов» (1971); И. С. Вдовин «Очерки истории коряков» (1973).

Наиболее крупной в этом отношении коряков является работа И. С. Гурвича «Корякские промысловые праздники». В ней даны описания некоторых праздников, приведена их систематизация по принадлежности к нымыланам или чавчувенам в том их количестве, какое имеется в статье. Автор приводит некоторые данные о сходстве корякских праздников с камчадальскими, чукотскими и эскимосскими, а также сходство некоторых их обрядов с обрядами разных народов Сибири.

Статья написана на основании полевых материалов автора, а также с привлечением материалов И. В. Иохельсона по празднику кита. Работа ценна многими теоретическими выкладками, анализом ритуальных обрядов. Автор критикует работы, в которых представление о возрождении зверей некоторыми исследователями бездоказательно рассматриваются как пережиток тотемизма. Ряд работ И. С. Гурвича в содружестве с К. Г. Кузаковым и А. И. Яйлетканом также ценны новыми полезными материалами, многими теоретическими обобщениями, использованием других источников.

В работах И. С. Вдовина, наряду с проблемами материальной культуры чукчей, коряков и эскимосов, затрагиваются и некоторые аспекты духовной культуры. Несомненный интерес представляют древние связи эскимосов с коряками и чукчами. Эта постановка вопроса, ряд материалов и доказательств, приведённых автором, нашли подтверждение в последних работах археологов, изучающих Камчатку (Н. Н. Диков).

Материалы об аппапелях и других священных местах коряков, о связи фольклора коряков с историческими событиями и датировка их, описанные автором обряды и праздники, религиозные

воззрения дают большой дополнительный материал для более полного понимания и разъяснения корякских народных праздников.

В работах В. В. Антроповой даётся описание и исследование чукотских и корякских праздников по литературным источникам. Большой интерес представляет постановка вопросов по организационной стороне праздников коряков. Так, на основании промыслового праздника кита (описание В. И. Иохельсона) и данных по байдарной организации (по К. Бауэрману) автор убедительно показывает, что байдарные объединения пареньских коряков были устойчивыми.

Фундаментальная работа М. А. Сергеева разрабатывает общие проблемы некапиталистического развития малых народностей Севера, совершивших «гигантский скачок через столетия». Она имеет методологический и программный характер.

Таким образом, изучение духовной культуры палеоазиатов, в том числе и корякских праздников, обрядов и обычаев, прошло через пять этапов, каждый из которых ставил и решал вопросы своего времени. Но только в советскую эпоху эта проблема может быть решена правильно...

В перспективе дальнейшее развитие и изучение корякских народных праздников поможет расширить наши знания о социальной организации, религии древнекорякского общества, а также целый ряд других проблем.

Хозяйственные занятия коряков как истоки праздников

Береговые коряки — нымыланы и кочевые — чавчувены с древности составляли основное население территории современного Корякского национального округа (КНО), расположенного в северной части Камчатского полуострова и южной части материковой территории Чукотки.

Благоприятные природные условия способствовали наличию нескольких более ранних экономических укладов и появлению новых. Буйная растительность южных районов ареала обитания коряков: травянистые растения — кипрей, черемша, сарана, «холодные» и «горячие» пучки, корневища осок, дикорастущие злаки, дикий горох, ягодники, простирающиеся до северной границы округа: шикша, брусника, морошка, голубика, чёрная и красная смородина, княженика, малина, жимолость; древесные — кедровый стланик (кедровые орехи), несколько видов берёзы (съедобный луб, сок) и прочее — способствовали сохранению древнейшего из укладов —

собирательства. Из трав, ягоды, клубней, луба приготовляли многочисленные блюда, в том числе праздничные, ритуальные. Собирательство характеризовалось как индивидуальное занятие.

Ежегодный рунный ход лососёвых (кета, горбуша, чавыча, кижуч, кунжа, красная) обеспечивал семью коряка на всю зиму и весну, а также давал корм для нартовых собак. Лососёвых ловили сетями, черпушками, ловушками-запорами, так называемым «мариком», неводами. Часто рыбаки сшивали свои сети в одну большую, лов вёлся коллективно. Из лосося готовили юколу, кислую рыбу, сушили икру для собак, кислили для обработки шкур, готовили тёшу, балыки.

Ранней весной индивидуально промышляли гольца, морских бычков, зимой при помощи удочки-дёргалки ловили навагу в прорубях.

Несмотря на хорошие погодные условия для занятия рыболовством, из-за плохой оснащённости орудиями лова, их несовершенства, экстенсивности хозяйства нымыланы часто к концу зимы оставались без рыбы. Тогда они занимались собирательством моллюсков, морских ежей и капусты, крабов. И всё же у береговых коряков (особенно у южных групп — карагинцев, паланцев, алюторцев) рыболовство всегда являлось основным занятием. Рыба (юкола) считалась «хлебом» нымыланов.

Охота на сухопутного зверя — дикого оленя, снежного барана, медведя — являлась древнейшим занятием береговых коряков. Охота же на пушных зверей появилась у них и стала товарной значительно позже, в связи с запросами русских и зарубежных купцов. Коряки изготовляли одежду из шкур оленя, нерпы и собаки. Оторочкой также служил мех собаки, реже росомахи. Мех же пушных зверей ими считался для этой цели непрактичным. Охота на пушного зверя зависела от наличия у охотника хорошего оружия, его опыта, сезона. Она также являлась неустойчивым источником существования.

Охота на морского зверя играла большую роль. Охотились на кожаных байдарах длиной до десяти и более метров. Такая байдара могла вместить двадцать и даже больше человек. Объектом промысла служили нерпа, лахтак (морской заяц), ларга, сивуч, морской котик, белуха, кит. Из шкур морского зверя коряки изготовляли обувь, а зимняя обувь — торбаса — была немыслима без подошвы из шкуры лахтака или нерпы. Нымыланы умели хранить нерпичий жир в пузырях, складывать пластами сало в нерпичьи шкуры, снятые «чулком», заготавливать мясо впрок (кислить). Охота на морского зверя характеризовалась большой степенью

коллективизма и взаимопомощи. Этому способствовали так называемые «байдарные организации», состоявшие главным образом из родственников. Охота на морского зверя была наиболее развита у северных групп коряков, особенно у жителей побережья Пенжинской губы.

Кочевые коряки-чавчувены занимались оленеводством. Оно давало кочевнику жилища (яян'а, раран'а) из шкур, пищу, одежду. Летом некоторые группы оленеводов дополнительно занимались рыболовством, а зимой — пушным промыслом. Для береговых коряков-алюторцев, занимавшихся рыболовством и охотой на морского зверя, также было характерно, правда, в меньшей степени, оленеводство.

Праздники коряков были связаны с их хозяйственными занятиями. Коллективизм в трудовых процессах часто способствовал появлению коллективных и общественных праздников. Одной из причин возникновения обрядов, а вслед за ними и праздников, является неустойчивость, зависимость хозяйственных занятий коряков от природы, экстенсивность первобытного хозяйства.

Более наглядно происхождение праздников коряков от хозяйственных занятий показывают промысловые праздники, в меньшей степени — так называемые «магические».

Праздники нымыланов были связаны с открытием или закрытием сезонов охоты на морских и пушных зверей, со спуском или укладкой байдары, с рыболовством. Большинство из них было промысловыми, но в них входил и целый ряд магических обрядов, связанных с проводами («отправлением») душ убитых животных в потусторонний мир с надеждой, что звери снова вернутся к охотнику.

Праздники первой нерпы, спуска байдары, летний праздник нерпы, кита, белухи, голов морского зверя, укладки байдары, хололо были непосредственно связаны с началом или завершением охоты. Праздник первой нерпы, летний праздник нерпы, кита, белухи, голов морских животных проводили после удачной охоты. Животных разделывали, жарили их мясо, печень, которую иногда употребляли в сыром виде. Исполняли танцы, подражая морским зверям.

Очевидность происхождения перечисленных праздников, как и праздника первой рыбы, не вызывает сомнений. На них из веток ольхи, ложки блюда толкуши (тылктыл), связанных ритуальной травой лаутэн, моделировали добытых животных и отправляли их в «потусторонний мир», сжигая в костре.

Праздники спуска и укладки байдары были связаны с началом и завершением зверобойного промысла, с открытием и закрытием

летнего входа в традиционную корякскую землянку. Устроители праздника «связывались с духом моря», добывали «новый огонь» из огнивной доски гичгия, убивали собаку и её кровью и тылктылом «скрепляли» байдару и охотников.

Также рациональное является основным содержанием спортивного праздника коряков-нымыланов: на нём проверялась физическая сила, выносливость, выдержка юношей — будущих охотников и воинов.

На хололо — празднике морских зверей — самом типичном и полном морских охотников присутствует ряд моментов, свидетельствующих о том, что его источником является охота. Это — употребление нерпичьего ремня при акте тэлытэл, танец нерпы, пробивание шкуры животного заострённой палкой, запрет охоты вообще на этот период. В виде премий на празднике выдавались копылья, полозья для нарт и тому подобное.

Наряду с этим, на хололо есть немало и магического: «отправление» моделей (чучел) добытых животных, акты, связанные с антропоморфными деревянными фигурками — «божками» — калаком, таликамаком, эффэв'; гадание с вертушкой тэлытэл, ритуал очищения жилища с масками улляун, обряд посвящения в охотники и другие.

Для праздников мира и радости, очищения жилища, морских охотников (с перекладиной), тэлытэл, маски улляун характерно то, что здесь магическое выступает на передний план. Однако очищение жилища и людей от зловредных существ — нинвитов и гадание, являясь неотъемлемой частью промысловых праздников, обособились по той причине, что эти праздники в большинстве случаев являются предшествующими хозяйственным занятиям, которым они посвящаются. Несомненно, что здесь мы видим уже «вторую редакцию» древнего праздника.

Праздники чавчувенов были непосредственно связаны с оленеводством и исходили от него. Отправление стада на летовку и возвращение с неё, первый и второй забой оленей, отёл — вот откуда произошли праздники июньский и осенний, декабрьский и февральский кильвэй. Угощения на праздниках оленеводов готовятся исключительно из оленины, даже тылктыл приготавливается на оленьем жиру. Проводятся гонки на оленях, метание чаута, бег с палкой, то есть проверяются навыки, вырабатываемые оленеводством в процессе нелёгкого труда. Игра на бубне, танцы, песни-мелодии при пристальном внимании обнаруживают непосредственную связь с трудовым процессом.

Для дальнейшего успешного ведения оленеводческого хозяйства по старинному обычаю обычно убивали жертвенного оленя, часто вместе с ним — собаку. Кровью оленя, собаки или их смешанной кровью окропляли снег вокруг костра. Из огнивной доски гичгия «высверливали» «новый огонь». Угли, горящий мох бросали под ноги оленям, стреляли, отпугивая нинвитов. Этим обеспечивали изгнание из оленей и людей духов болезней. Гичгия «кормили» оленьим жиром, также мазали им связки многочисленных божков-охранителей.

Коряки не имели надёжных средств для предохранения оленей от заболеваний. Эпизоотии порой за месяц уничтожали целые табуны, и оленевод, считавшийся зажиточным, становился нищим. Поэтому магические ритуалы преследовали единственную цель — заботу о благополучии оленьего стада.

Праздник рогов, костей оленьих ног, мг'н'ый, отчасти возвращения солнца — связаны с возрождением оленя, очищением жилища, предсказанием хорошего сезона. Магическое в них занимает ведущее место. Но так или иначе, магическое здесь «служит» вещественному, материальному.

Из общих для нымыланов и чавчувенов праздников бубна, медведя, пушных зверей, первый относится к магическому, а последующие — к промысловым. Эти промысловые праздники проводились после того, как звери были добыты, то есть «на материальной основе». Устраивались подражательные танцы этих зверей, угощения. Вторая часть праздника связывалась с «отправлением» зверей в потусторонний мир.

Праздник бубна — более обобщённый, и несомненно, что он был связан с шаманством. Целью праздника служило «освящение» нового бубна, очищение жилища, изгнание нинвитов из организма больного сородича.

Таким образом, промысловые занятия коряков получили своё духовное отражение (моделирование) в праздниках. В них сохраняются многие моменты производственных отношений в закодированной при помощи обрядов, заклинаний, песен, танцев и других действ форме.

В свою очередь праздники стали как бы «хранителями» экономических укладов нымыланов и чавчувенов. На примере корякских народных праздников можно проследить первичность материального (хозяйственного занятия) над духовным (обрядность, ритуалы). Это же можно сказать о материальных и духовых компонентах самих праздников: материальное предшествовало духовному.

Классификация корякских народных праздников

Благодаря основным направлениям хозяйства — рыболовству с морским промыслом и оленеводству, сложившимся у коряков в историческом прошлом, народные праздники можно разделить на группы: береговых коряков — нымыланов; оленных коряков — чавчувенов; общие нымыланов и чавчувенов.

I. *Праздники береговых коряков* — рыбаков и охотников на морского зверя: 1. Первой нерпы. 2. Мира и радости. 3. Спуска байдары. 4. Очищения жилища. 5. Летний праздник охотников на морского зверя. 6. Первой рыбы. 7. Тэлытэл. 8. Летний праздник нерпы. 9. Кита. 10. Белухи. 11. Голов морского зверя. 12. Укладки байдары. 13. Спортивный. 14. Маски улляун. 15. Хололо.

У береговых коряков начальным в хозяйственном году можно считать праздник первой нерпы, открывавший хозяйственный цикл. Завершал цикл праздник хололо.

II. *Праздники оленеводов*: 1. Кильвэй. 2. Рогов. 3. К'аюю. 4. Костей оленьих ног. 5. Очищения. 6. Июньский. 7. Осенний. 8. Декабрьский. 9. Возвращения солнца. 10. Февральский.

У оленеводов хозяйственный цикл начинался с отёла в оленных табунах. Кильвэй и отмечал это событие. Завершал хозяйственный цикл февральский праздник. После него, в марте, олений табун разбивался на стадо важенок (плодовое) и неплодовое, готовясь к отёлу.

III. *Общие праздники береговых коряков и оленеводов*: 1. Бубна. 2. Медведя. 3. Пушных зверей.

Они проводились в меньшей связи с основными хозяйственными занятиями коряков. Магический праздник бубна, охотничьи — медвежий и пушных зверей связаны с более ранними укладами, проводились от случая к случаю. Этим, по-видимому, и объясняется то, что они стали общими для нымыланов и чавчувенов.

Все корякские народные праздники можно разделить на промысловые, магические и спортивные.

I. Промысловые праздники.

Промысловые праздники у нымыланов: 1. Первой нерпы. 2. Спуска байдары. 3. Первой рыбы. 4. Летний праздник нерпы. 5. Кита. 6. Белухи. 7. Голов морского зверя. 8. Укладки байдары. 9. Хололо.

Промысловые праздники береговых коряков были связаны с их хозяйственными занятиями. После праздника первой рыбы начинался лов лососёвых, после праздника первой нерпы — охота на морского зверя. Праздники кита, белухи, голов морского зверя, хо-

лоло были связаны с «отправлением» добытых животных в море с тем, чтобы они снова вернулись к охотникам. Праздники спуска и укладки байдары — с началом и окончанием охоты на морского зверя. В перечисленных праздниках над элементами магического преобладают реалистические действия участвующих.

Промысловые праздники у чавчувенов: 1. Кильвэй. 2. К'аюю. 3. Июньский. 4. Осенний. 5. Декабрьский. 6. Возвращения солнца. 7. Февральский.

Промысловые праздники оленеводов отмечали отёл в табунах (кильвэй, к'аюю), начало и конец летовки (июльский, осенний), первого и второго забоя (декабрьский и февральский).

Общие промысловые праздники береговых коряков и коряков-оленеводов: 1. Медведя. 2. Пушных зверей.

Они проводились редко и нерегулярно. Целью их было «отправление» добытых зверей «домой», чтобы они снова возвратились.

II. Магические праздники.

Магические праздники у нымыланов: 1. Мира и радости. 2. Очищения жилища. 3. Летний праздник морских охотников. 4. Тэлытэл. 5. Маски улляун.

Магические праздники береговых коряков связаны с их хозяйственными укладами. Однако ритуальная обрядность здесь выходит на передний план, затушёвывая материальные моменты. Ритуальная атрибутика этих праздников, будучи по происхождению материальной, благодаря обобщению, так сказать, «отторжению», играет здесь решающую роль. Например, на летнем празднике морских охотников перекладина, которая привязывается к нерпичьему ремню, является идентичной по некоторым своим свойствам «вертушке», применяемой на празднике тэлытэл. В свою очередь, видимо, «вертушка» (тэлытэл) имеет общее происхождение (по некоторым источникам с деталью байдары) с так называемым «Крылатым праздником». Маска улляун, видимо, имеет связь с древней маской «Хозяина Вселенной», найденной археологами на Чукотке, и маской, обнаруженной на Таймыре. Маска изображает лицо человека, являвшегося предком людей, отмечающих праздник.

Магические праздники нымыланы проводили для очищения жилища, благополучия семьи и посёлка (мира и радости, маски улляун), для удачного исхода охоты на морского зверя (летний морских охотников, тэлытэл). Праздник хололо, будучи в основном промысловым, также имеет ряд магических обрядов, богатый набор ритуальной атрибутики: тэлытэл, улляун, калаки, таликамак, кипрейный венок, «копьё волка» и прочее.

ТАБЛИЦА КЛАССИФИКАЦИИ ПРАЗДНИКОВ

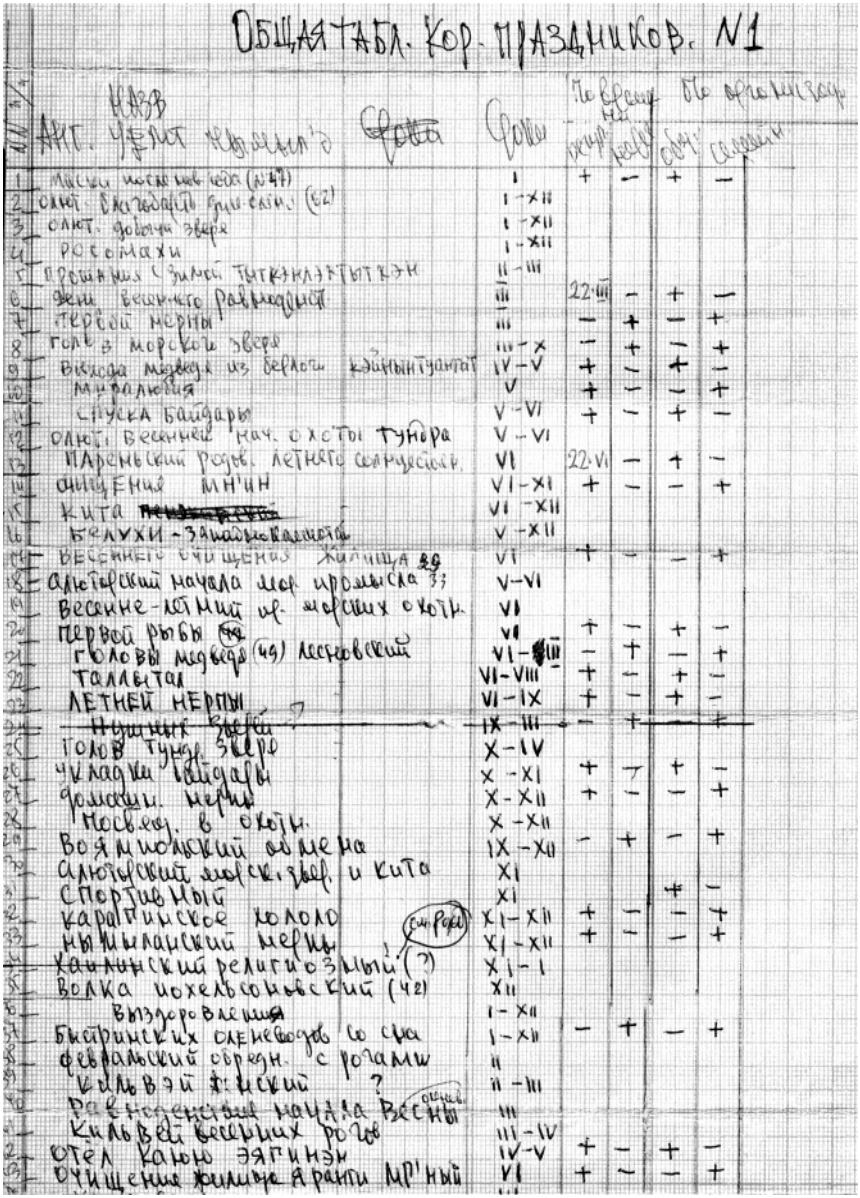
№ № п/п	Название корякских народных праздников	Сроки проведения праздников	По организации: Общественные	По организации: Семейные	По времени празднования: Календарные	По времени празднования: Регулярные	По времени празднования: Нерегулярные / по случаю	Деление праздников по содержанию: Промысловые	Деление праздников по содержанию: Магические	Деление праздников по содержанию: Спортивные	По постоянству празднования: Существующие	По постоянству празднования: Отмирающие
I	Первой нерпы	март		+		+		+	+		+	
2	Мира и радости	май		+	I.У				+		+	
3	Спуска байдары	май-июнь	+	+		+		+				+
4	Очищения жилища	июнь	+			+			+			+
5	Летний праздник морских охотников	июнь	+			+			+			+
6	Первой рыбы	июнь	+			+		+			+	
7	Тэллытэл	август	+			+			+			+
8	Летней нерпы	август	+		I.УШ			+				+
9	Кита	август-октябрь	+				+	+				+
I0	Белухи	август-октябрь	+	+			+	+			+	
II	Голов морского зверя	март, август-октябрь		+			+	+			+	
I2	Укладки байдары	октябрь ноябрь	+	+		+		+				+
I3	Спортивный	ноябрь	+		7.XI					+	+	
I4	Маска улляун	ноябрь	+			+			+			+
I5	Хололо	ноябрь	+	+	7.XI-22.XII			+	+		+	
I6	Кильвэй	апрель-май	+			+		+			+	
I7	Рогов	март-апрель	+			+			+			+
I8	К'аю	апрель		+		+		+			+	
I9	Костей оленьих ног	март-апрель	+		8.Ш				+			+
20	Мг'н'ый	июнь	+	+		+			+		+	
2I	Ирньский	июнь	+			+		+			+	

Праздники

Нымылан

Авчуланов

Классификация корякских народных праздников (фрагменты).

Материалы к кандидатской диссертации [КОКМ ОФ 31995/53—54]

Магические праздники чавчувенов: 1. Рогов. 2. Костей оленьих ног. 3. Очищения — мг'ный.

На празднике рогов, который сейчас является частью праздника отёла — кильвэй, собирали сброшенные оленями рога в одно место, проводили вокруг них ритуальные обряды для того, чтобы отёл проходил хорошо. На празднике костей оленьих ног сжигали оленьи кости. Считалось, что после этого родятся быстроногие, выносливые оленята. На празднике очищения из яян'ы — летнего жилища оленеводов — при помощи бубнов изгонялись нинвиты.

Много магических обрядов проводилось и на промысловом празднике возвращения солнца. На магических праздниках оленеводов добывался «новый огонь», готовился тылктыл, ритуальная толкуша на оленьем жиру, применялись деревянные охранители — гичгий и калак.

III. Спортивные праздники.

1. Спортивный праздник проводился нымыланами осенью на льду реки. Обычно с кожаным мячом, набитым шерстью оленя, играли две команды: хозяев и гостей. Устраивались гонки на собачьих упряжках, стрельба из лука. Перед праздником пожилые люди проводили некоторые обряды.

2. Совместный спортивный праздник нымыланов и чавчувенов проводился 23 февраля, в День Советской Армии, обычно в районных центрах округа. Здесь шли соревнования по лыжным гонкам, гонки на оленьих и собачьих упряжках, метание чаута, бег с палкой, бег в мешках.

В спортивных праздниках коряков присутствуют как элементы более позднего происхождения, так и старинные, особенно хорошо сохранившиеся у коряков-оленеводов.

Все корякские народные праздники делятся на *общественные* и *семейные*. Такое деление их обусловлено коллективным, общим проведением всем посёлком, стойбищем, значительной группой жителей или же только в кругу семьи. Сам же праздник был обусловлен степенью коллективности ведения рыболовно-охотничьего и оленеводческого хозяйства. Общественным праздникам способствовало наличие байдар, сетей для охоты на китов, огнестрельного оружия для охоты на морского зверя, запоров-ловушек и неводов для рыболовства. В оленеводческом хозяйстве — крупнотабунность, требующая большого количества рабочей силы.

Некоторые семейные праздники сложились в связи с индивидуальным, экстенсивным промыслом или с обрядами, связанными

с благополучием семьи. Как и промысловые праздники, магические подразделялись на общественные и семейные, в зависимости от того, проводились ли они жителями всего посёлка или стойбища в целях общего благополучия или в пределах одной семьи.

Праздники общественные и семейные имеют тенденцию взаимно переходить друг в друга. Например, являясь в большей степени общественными, праздники белухи, хололо, мг'н'ый, возвращения солнца, медведя празднуются как семейные. Праздник белухи потому, что охота ведётся индивидуально, часто случайно. Хололо — для будущего блага одной — трёх семей; мг'н'ый — празднуется в яян'е, хозяин которой производит «очищение»; праздник возрождения солнца, как семейный, проводится после «общей части» в сельском доме, куда приезжают оленеводы.

Таким образом, переход праздника от семейного к общественному и наоборот зависит от изменения жизненных условий коряков.

Общественные праздники.

Общественные праздники у нымыланов: 1. Спуска байдары. 2. Очищения жилища. 3. Первой рыбы. 4. Тэлытэл. 5. Летний праздник нерпы. 6. Кита. 7. Белухи. 8. Укладки байдары. 9. Спортивный. 10. Маски улляун. 11. Хололо.

Общественные праздники у чавчувенов: 1. Кильвэй. 2. Рогов. 3. Костей оленьих ног. 4. Мг'н'ый. 5. Июньский. 6. Осенний. 7. Декабрьский. 8. Возвращения солнца. 9. Февральский.

Праздники белухи, хололо, мг'н'ый, возвращения солнца совмещают в себе черты общественных и семейных.

Семейные праздники.

Семейные праздники у нымыланов: 1. Первой нерпы. 2. Мира и радости. 3. Голов морского зверя.

Семейные праздники у чавчувенов: к'аюю.

Праздники коряков можно разделить на три группы по времени и периодичности их проведения: 1. Регулярные, отмечающиеся ежегодно, но ещё не в точно определённое число. 2. Календарные, приуроченные к определённой дате. 3. Нерегулярные, или отмечающиеся по случаю.

Регулярные праздники связаны с сезонами рыболовства, охоты на морского зверя и периодичностью циклов в оленеводстве. Календарные праздники стали таковыми в советское время. Большое влияние на них оказали советские и интернациональные праздники, вместе с которыми они и отмечаются. Нерегулярные праздники связаны с индивидуальной охотой или магическим действием для благополучия в одной семье (праздник бубна).

Регулярные праздники у нымыланов: 1. Первой нерпы. 2. Спуска байдары. 3. Очищения жилища. 4. Летний праздник морских охотников. 5. Первой рыбы. 6. Тэлытэл. 7. Летний праздник нерпы. 8. Укладки байдары. 9. Маски улляун.

Регулярные праздники у чавчувенов: 1. Рогов. 2. К'аюю. 3. Костей оленьих ног. 4. Мг'н'ый. 5. Июньский. 6. Осенний. 7. Февральский.

Календарные праздники у нымыланов и чавчувенов: 1. Мира и радости — 1 мая. 2. Летний праздник нерпы — 10 августа. 3. Спортивный первый — 7 ноября. 4. Спортивный второй — 23 февраля. 5. Хололо — 7 ноября — 22 декабря. 6. Кильвэй — 8 марта. 7. Декабрьский — 8 декабря. 8. Возвращения солнца — 22 декабря — 13 января.

Нерегулярные праздники: 1. Кита. 2. Белухи. 3. Голов морского зверя. 4. Мг'н'ый. 5. Добычи зверя. 6. Бракосочетания. 7. Рождения ребёнка. 8. Рождения близнецов. 9. Голов тундрового зверя. 10. Бубна. 11. Медведя. 12. Пушных зверей.

Праздники коряков находятся в зависимости от развития колхозного и совхозного производства. Некоторые сливаются с советскими и интернациональными, другие отмирают. По этой причине можно разделить все праздники на *отмирающие* и *существующие* в настоящее время.

Отмирающие праздники нымыланов и чавчувенов: 1. Спуска байдары. 2. Очищения жилища. 3. Летний праздник морских охотников. 4. Тэлытэл. 5. Летний праздник нерпы. 6. Кита. 7. Укладки байдары. 8. Маски улляун. 9. Рогов. 10. Костей оленьих ног. 11. Пушных зверей.

Праздники утрачиваются по следующим причинам: спуска и укладки байдары — так как исчезает байдара; летний праздник морских охотников, тэлытэл, летний праздник нерпы, маски улляун — так как все они слились с хололо.

Праздники рогов и костей оленьих ног слились с кильвэем, кита — так как прекратилась охота на кита, а пушных зверей — потому что охота стала товарной отраслью и ведётся современными способами.

Существующие праздники нымыланов и чавчувенов: 1. Первой нерпы. 2. Мира и радости. 3. Первой рыбы. 4. Белухи. 5. Голов морского зверя. 6. Спортивный. 7. Хололо. 8. Кильвэй. 9. К'аюю (в селе). 10. Мг'н'ый. 11. Июньский. 12. Осенний. 13. Декабрьский. 14. Возвращения солнца. 15. Февральский. 16. Бубна. 17. Медведя.

Материальная атрибутика праздников

Корякские народные праздники имеют богатую материальную атрибутику, большей частью повторяющей предметы материальной культуры, участвующие в производительных процессах: морские и речные транспортные средства, оленья и собачья упряжь, чаут, оружие, домашняя утварь, шкуры оленей, медведей, нерп, пушных зверей, одежда, пища. Некоторые предметы материальной атрибутики имеют свой праздничный вариант. Такова одежда, некоторая утварь, праздничная пища. Некоторые из этих предметов, хотя ничем не отличаются от обыденных, но предназначены только для праздника: шкура медведя или нерпы, которые пробиваются заострённой палкой (моделью копья) на хололо; шкура лахтака или медведя для обряда «корякский батут» на праздниках возвращения солнца, февральском, кильвэе; нерпичий ремень на тэлытэл и хололо; праздничное блюдо тылктыл, присутствующее на большинстве праздников коряков, а также частью и в повседневной жизни.

В первую очередь на любом корякском празднике бросается в глаза праздничная одежда. И по крою, и по материалу она в общем аналогична промысловой, повседневной. Это кухлянка ичг'ын (итьн). Её вариант — гагагли — из лёгкой, тонко обработанной оленьей шкуры, окрашенной с наружной стороны настоем ольховой коры в оранжевый цвет. На внутренней стороне мех коротко подстрижен и прорежен. Покрой кухлянки «реглан». В последнее время кухлянку всё чаще шьют со вставным рукавом, так как в сёла поступает мало мехового сырья. Кухлянка является основной праздничной одеждой коряков, поэтому она богато украшается. Первенство в этом имеют кухлянки, принадлежащие женщинам и девушкам.

По традиции, на груди и спине пришиваются украшенные спиралями (11 витков) бисера (мылькыльлиляв') кружки из оленьего меха, отороченные соболем, так называемые «луны» (йыг'илгыг, яылгын). На спине и груди их может быть от одного до трёх. Всего на кухлянке «лун» может быть пять — шесть. Наиболее ценной из них считается центральная «луна» на груди. Если шьют новую кухлянку, то это украшение снимают и пришивают к ней. Маленькие кружки, украшенные бисером и мехом, могут быть на плечах, на груди, спине, подоле. Видимо, «луны» ведут своё начало от других дальневосточных народов или имеют с ними общее (круглые нагрудные украшения были характерны для джурчженей, монголов, тунгусо-маньчжур).

К «лунам» пришиваются нити больших ярких бус (кэллыляв, кльль), обычно по три. На них между несколькими бусинами нашивается кружок кожи с мехом соболя или от беличьего хвоста. Эти нити-подвески могут быть из бисера, бус, иногда из мелких стеклянных трубочек — ёлочных украшений (стымлат). В области поясницы часто пришиваются полоски из тонкой белой сыромятной кожи, вырезанные мелкими зубчиками, длиной до десяти сантиметров. Ниже полоски пришивается 6–12 пучков (по два, три или четыре в каждом) кожаных ремешков длиной около десяти сантиметров.

Такие же ремешки пришиваются выше подола по всей кухлянке. Иногда по подолу и в большинстве случаев вокруг вытачки полулунной формы на спинной части кухлянки, примыкающей к подолу. Кухлянка оторачивается мехом соболя, росомахи, собаки, иногда — оленя. Оторачиваются рукава, подол, капюшон, реже нагрудник.

Подол, так называемый «опуан» (паллан), богато расшивается орнаментом, аппликациями или меховой мозаикой. У оленных коряков более часты мозаики, у карагинцев — вышивка гладью при помощи мулине.

Многие орнаменты имеют свои названия и объяснения. Например, жители села Карага называют орнаменты на плетёной сумке для воды «ломаные палки», «глаза рыбы уйка», «вода», то есть связанные с водой, рыболовством. В растительных орнаментах информаторы указывают местные растения.

На клапане кухлянки обычен геометрический орнамент. У северных коряков-алюторцев, пахачинцев вышивкой украшают и капюшоны. Интересно оформляют заплатки на старинных праздничных кухлянках. Край заплатки вышивают белыми или цветными нитками в виде треугольных или квадратных зубчиков.

Кухлянка украшается колокольчиками, бубенчиками, которые пришиваются как сзади, у поясницы, так и под мышками. Опросы участников праздников показали, что все элементы украшения праздничной кухлянки предназначаются для охранения от зловредных духов. Кухлянки участников праздников оленеводов обычно изготовлены из добротного оленьего меха, мало чем отличаются от промысловых. Украшений на них меньше. Иногда здесь участвуют и в обычной промысловой одежде. В сёлах, если зимний праздник проводится на улице, в южных районах округа преобладает городская зимняя одежда, а в северных — корякская.

На праздниках нымыланов, которые проводятся в помещениях (хололо), танцующие надевают кухлянки, их может быть от трёх

до двадцати. Если кто-то пришёл без кухлянки, во время праздника разрешается надеть чужую.

Торбаса — зимняя обувь коряков (плакыт, плэку), богато украшаются бисером, аппликациями, меховой мозаикой. Женские торбаса всегда более нарядные. Головной убор мужчин — малахай (пэн'кэн) расшивается бисером, бусами, кисточками. У коряков есть несколько вариантов головных уборов, характерных для разных групп. Обычно оленеводы на праздниках присутствуют без шапок, даже в мороз. Женщины надевают праздничную головную повязку, расшитую бусами, бисером, так называемый «лен'ат» (от лен'э — девушка).

И мужчины, и женщины на зимних праздниках оленеводов, проводимых под открытым небом, ходят в меховых брюках. Мужчины — из меха собаки (мннэв'к'онайтэ), женщины — в комбинезонах (керкер) из меха оленя (на острове Карагинском женщины иногда носили керкер и из меха собаки, информатор У. Е. Котлова).

Праздничная одежда береговых и оленных коряков была непосредственно связана с продуктами собирательства, рыболовства, охоты и оленеводства.

Главным праздничным блюдом у коряков было ритуальное кушанье тылк'ытыл (тылхытыл, тылх, тылктыл). Береговые коряки готовили его из мяса, рыбы или рыбных молок с ягодой, кореньями, сухим кипреем. Обязательным было блюдо из взбитого нерпичьего жира. У оленеводов тылк'ытыл готовили из мяса и ягоды. Но часто вместо жира морского зверя использовали костный мозг и олений жир. Это блюдо и до сих пор считается излюбленным. На корякских праздниках, проводимых чаще в холодное время, где исполнялся танец длительностью более десяти часов, это блюдо незаменимо: благодаря наличию мяса, рыбы, жира оно высококалорийное, снимает усталость, так как в нём присутствует ягода шикша и корни некоторых растений, имеющие тонизирующие свойства. И если праздник проводится в доме, тылк'ытыл (толкушу) подают всегда в замороженном виде или глубоко охлаждённым.

У береговых коряков так называемый «рыбномолочный» тылк'ытыл (к'уск'атылк'ын) изготовляли из молок кижуча. Разновидность толкуши — эск'атылкэн приготовляли на оленьем сале, но в ходе изготовления его подогревали, смешивая с нерпичьим жиром и небольшим количеством воды. Потом клали ягоду, коренья, толчёную сердцевину кипрея.

На празднике береговых коряков в качестве угощения служит богатый ассортимент рыбных блюд.

Киликил — свежая отварная лососёвая рыба без костей, смешивается с ягодой и заливается нерпичьим жиром. Готовится летом и осенью.

Лэв'ту — свежие головки лососёвых рыб.

Ассуас — горбуша. Едят свежеварёной, жареной, зимой и весной — солёной. Уха из лососёвых готовится с диким луком — марок'л или черемшой — палг'марокл.

Г'ин'ытг'ин — рыбная мука, из которой зимой приготовляют рыбные супы.

Тав'ал — вяленая рыба, юкола. Употребляется круглый год, обычно с нерпичьим жиром.

В'ыслэвут (в'ыллэв'ут) — «кислые» головки лососёвых. Едят осенью, зимой, весной.

В'акнытьол — свежемороженая навага. Едят в виде строганины.

Илъак'у — морские бычки. Весной готовят уху.

Большое место среди традиционных праздничных блюд нымыланов занимают приготовленные из продуктов морской охоты: мэтк'эмэт — топлёный нерпичий жир; итытьуналтыргын, итыткунув'ы — варёное мясо; мемланъапан'а — нерпичий суп. Готовят котлеты из нерпичьего мяса, употребляют нерпичью печень.

Продукты собирательства как праздничные угощения в большой степени характерны для жителей побережья, нежели оленеводов. Это травы и коренья, ягода, кедровые орехи, кипрей. Мякоть кипрея соскабливается с внутренней стороны вдоль разрезанного стебля, сушится или коптится. Употребляется для тылк'ытыла. Для приготовления этого блюда используются также и цветы кипрея. «Дикая картошка» — сарана (ав'ъек), корни растений к'утак'ут (кутав'ы) и мытав'ы — тонизирующий «золотой корень».

Эн'эн'у — «горячие» пучки (борщевик). Очищают трубчатые стебли и едят с рыбой на летних праздниках. К'ральк'ыв — «холодные» пучки — едят весной с икрой и корюшкой.

На праздниках коряков гостей потчуют ягодой шикшей — эв'эн'эн и брусникой — в'унэв'.

Праздничные угощения чавчувенов приготавливаются из оленины, мозга и крови оленя.

Тырг'ытылав' — отварное оленье мясо с жиром, перед употреблением ему дают застыть. К'эйтэтыргын — мороженое мясо, из него готовят строганину.

Пэатъол — высушенное на рогулях мясо, едят как юколу, расслаивая волокна.

Айхав' — головной мозг, кэмлав' — костный мозг.

Кев'лэпъапан'а — кровяной суп с клубнями сараны (так называемый «дикий рис»).

Рэмн'у — суп, готовят на бульоне из оленьего мяса, потом добавляют кровь, помешивают, не давая закипеть.

Праздничную кухню коряков составляют наиболее вкусные и калорийные блюда повседневной народной кухни.

В настоящее время всё большее распространение на праздниках коряков находят блюда русской кухни и продукты из магазина.

Традиционная корякская посуда применяется на праздниках всё реже. Это к'аман'а — большая деревянная посуда в виде подноса, в которой готовили толкушу; кусин'эн — ложки из рога снежного барана, часто украшенные резьбой; кружки, койн'ын — ложки из широкой части рога снежного барана. Пожилые коряки пользуются на праздниках табакеркой тавак'ъёчгын для лемешины (тэлуп) из рога оленя и снежного барана, применяют ступки из китовых позвонков, пестики из костей сивуча, берестяные туески для ягоды, плетёные корзинки из трав и прутьев, сумочки из кожи.

Но употребление старинной посуды, на изготовление которой уходило много времени, стало случайным событием. Повсеместно распространена посуда из магазина, в основном металлическая, эмалированная.

На всех корякских праздниках применяются предметы, связанные с непосредственными промысловыми и хозяйственными занятиями. Шкуры употребляются в некоторых обрядах. В обряде «корякский батут», когда на туго растянутой участниками праздника шкуре подбрасывают в воздух одного из оленеводов, применяют шкуры лахтаков, медведей, оленя (нэлгын).

Шкура медведя применяется на обряде испытания силы охотника на празднике хололо. Молодые охотники пытаются пробить шкуру заострённым шестом (моделью копья). Победитель награждается призом — мешочком кедровых шишек.

Нерпичий ремень, из которого изготовляется аркан оленевода (чав'ат, чав'ут), применяется на праздниках и нымыланов, и чавчувенов в актах «качания ремня», «тэлытэл». Ремень для этой цели изготовляется прямо на празднике. Заранее снятую «чулком» шкуру нерпы разрезают по спирали, получая многометровый ремень. Метание чаута является одним из интереснейших зрелищ на праздниках оленеводов.

В виде премий победителям праздничных соревнований вручались копылья и полозья для собачьей нарты у нымыланов (ещё 10–15 лет

тому назад на хололо), торбаса, шапки, сапоги (на празднике возвращения солнца).

На некоторых обрядах в декоративных целях использовалось оружие: копья, гарпуны, винтовки, модели луков. Оно служило средством для отпугивания нинвитов или в пантомиме, изображающей охоту.

Ритуальная атрибутика и магические обряды

На корякских народных праздниках большое место занимали ритуальная атрибутика и магические обряды. Роль их с каждым годом уменьшается, но, тем не менее, они ещё присутствуют.

Калаки — чаще всего антропоморфные фигурки, представляющие добрых охранителей и изображения предков, очень разнообразны. Ниже перечисляются только участвующие в праздниках.

Калак из ольхи, имеющий очертания человека, применялся на всех праздниках оленеводов, на хололо. У оленеводов он входил в общую связку всех охранителей, своеобразный «алтарь». Калак украшался бисером, чаще всего делался в положении сидя, имел глаза, нос, рот. Небольшое число калаков этого вида, по сведениям информаторов, представляли женщину. Применялся на празднике морских охотников.

К'вали — калак из округлого камня в одежде из шкур, украшенной нитями бус и бисера. Он «помогал» лечить болезни, применялся на праздниках южных морских охотников.

Связки калаков длиной до полутора метров характерны для коряков-оленеводов. Они применяются на всех праздниках, проводимых в стадах. В связку входит огнивная доска гичгий (гиргир) — самый большой калак, охранитель табуна или рода. На праздниках оленеводов его «будили» скрипом, высверливая из одного из отверстий в нём ритуальный «новый огонь».

Далее идут калаки в виде схематического изображения человека из ольхи — простая рогулька (таких калаков может быть более десятка); натуралистическое изображение человека; калаки-куколки из шкур, сшитых мехом внутрь; калаки-камни необычной формы, иногда с природным отверстием; части оленьего рога (например, дугообразной формы с натянутой тетивой); естественные мешочки с шейной частью оленя, заполненные шерстью (когда по каким-то причинам шейный волос оленя рос под кожу) и другие случайные предметы, связанные с каким-либо событием в жизни оленеводов.

Калаки имели размеры от пяти до двадцати сантиметров. Всем им «шепчут», чтобы владельцы были здоровы (информатор В. Н. Чечулина, село Анапка). По свидетельству многих информаторов, «калак» — значит «русский» (?). Связки калаков считались священными и хранились подальше от глаз, особенно посторонних людей.

Уттыкалак — так береговые коряки называли огнивную доску, имел иногда бо́льшие размеры, чем гичгий оленеводов, — до сорока сантиметров. Из него высверливали огонь на празднике спуска байдары (информатор В. А. Миккуль, село Рекинники). Калака из оленьего меха (шерстью внутрь) с глазами из бус, одетого в кухляночку, кормят оленьим жиром и берут в дорогу (информатор Д. Н. Уварова, село Анапка).

Интерес представляют семейные калаки. У разных семей они имеют различную форму: птиц (у Е. Х. Чечулина, село Карага) — из корней ольхи и берёзы; однопарное изображение двух птиц с двумя головами и четырьмя ногами (второе парное изображение — с двумя головами и тремя ногами); волков (обычно двух фигурок, обвязанных ритуальной травой). Культ двух волков-калаков связан с близнецами (информаторы Е. Баранников, село Тымлат, Н. Котлова, село Карага), но чаще всего семейные калаки имеют облик человека.

Семейные калаки у береговых коряков часто хранятся отдельно (не в связке), и как у оленеводов, их «кормят» перед каждым праздником нерпичьим или оленьим жиром, костным мозгом, толкушей.

На празднике хололо употребляются три вида калаков: собственно калак, применяемый на соответствующем его названию обряде; таликамак (тэлэкамак) — «хозяин» ремня, на который надета вертушка тэлытэл; эффэв’ — пять калаков (три мужского и два женского рода), связанных с обрядом плодородия, являющихся «громниками», связанными с судьбами членов семьи.

Обрядовый калак грубо выстругивается из ольховой рогульки. На ствольном её конце ножом намечаются глаза, нос, рот. По свидетельству информаторов, обрядовых калаков изготовляют в виде двух танцующих — мужчины и женщины. К калакам привязывается ритуальная трава лаутэн.

Таликамак — самый маленький из антропоморфных охранителей, его размеры могут быть пять сантиметров. К нему привязывается пучок лаутэна. И в тот момент, когда мужчины тянут ремень, пытаясь его порвать, один из хозяев дома ударяет таликамаком

о стену, приговаривая: «Не спи, не спи!» Считалось, что если «хозяин ремня» «уснёт», то мужчины порвут ремень.

Эффэв' изготавливали пять штук. Их клали в специальный мешочек из тонко выделанной шкуры или замши нерпы, и женщина, у которой нет детей, но она хотела бы стать матерью, вешает мешочек себе на шею под кухлянку. Танцуя общий танец, она, вынув руку из рукава кухлянки, приподнимает эффэв' из нагрудного клапана и шепчет заклинания. Эти действия по старинным верованиям должны были увенчаться успехом. Иногда в мешочек кладут кедровые шишки, бывают случаи его замены предметом кусъэн. Обряд завершался сожжением эффэв' в огне. Считалось, что так их «отправляли» для того, чтобы они выполнили волю танцовщицы.

Если связка семейных калаков не помогала, то хозяин мог их «наказать» — стукнуть связкой о столб, стену или землю (информатор Л. В. Суздалова, село Тымлат).

Калаками могли стать камешек, найденный в желудке рыбы при её разделке, звенья цепи, украшения из бус.

Браслет из бус и бисера на жильной нитке также является охранителем и называется «ивьянв'ат». Надевается на запястье, шею, кофточку.

Охранителем служит лен'ат — женская головная праздничная повязка. В старину её нельзя было передавать во время танца другому человеку. В семье С. Н. Никифоровой, село Карага, хранятся два лен'ата её предков, им уже более ста лет.

У береговых коряков в землянке устраивался жертвенник (оп-ян), калаки хранились на нём. Это были «хозяин семьи», «хранитель дома» — лякамакло, огнивная доска, копьё, посвящённое духу волка, более мелкие охранители, ритуальная чашечка энахлокойнин. Все амулеты повязывались жгутами священной травы. Во время праздника кита на «алтарь» клали кусочки китового жира (В. И. Иохельсон).

В описании встречи кита у алюторцев есть сведения о деревянном изображении кита длиной до двух футов. Его помещали в новый балаган, возле него на протяжении всей охоты в жирнике горел огонь (С. П. Крашенинников).

Береговые коряки (лесновцы, карагинцы) на празднике нерпы изготавливали из палочек и жгутов чучела убитых нерп — мэмэл и вечером сжигали их (И. С. Гурвич).

У кочевых коряков «алтаря» как такового не было. Все калаки собирались в специальную связку, висевшую на шесте также спра-

ва от костра у полога. У костра мог лежать один из амулетов (возможно, «хозяин костра»), а за пологом — обычно череп медведя или другого животного (полевые материалы автора).

На оленеводческом празднике отёла головы убитых оленей ставили у костра: часть слева, часть — справа. «Угощали» гичгия: к нему привязывали ремень, палочку-посох, мисочку, деревянную ложку. На первого родившегося оленёнка надевали ошейник из тальника. Потом этот ошейник обшивали шкурой жертвенного оленёнка. Это кольцо привязывали, как и все ритуальные предметы, связанные с праздниками оленеводов, к гичгию (И. С. Гурвич).

К ритуальным предметам, использующимся на праздниках, относятся маска улляун, вертушка тэлытэл, ольховая перекладина (хололо, тэлытэл, летний праздник морских охотников). Ритуальная трава лаутэн используется на всех праздниках береговых коряков и на многих у оленеводов.

Цепь обрядов составляла основу корякских народных праздников. Повторяющиеся в определённой последовательности, в самых ранних своих вариантах они отражали закодированный ход производственных процессов или последовательной смены действий промысловика-охотника, занятий оленевода.

В праздниках, описанных в XVIII—XIX столетиях, преобладали ритуальные, культовые обряды. В настоящее время многие из них выпали, другие из-за отмирания экстенсивных занятий коряков утратили характерные детали, обобщились, стали непонятны даже людям старшего поколения. Большинство из архаических обрядов, которые ещё производятся на праздниках, стали весёлыми развлечениями, испытаниями силы, смекалки, находчивости.

На праздниках нымыланов обряды были связаны с добычей и проводами зверей в потусторонний мир, со спуском и укладкой байдары. После добычи пушного зверька один из сыновей охотника выходил на крыльцо и «боролся» с тушкой. Позже тушку бросали в снег (праздник пушных зверей).

Обряд гадания проводили на летнем празднике морских охотников. Если ремень рвался вне землянки, охота предвещала быть хорошей. На праздниках кита, белухи, медведя изображениям этих животных клали в пасть ритуальную пищу и траву — «кормили».

На праздниках маски улляун, тэлытэл, голов морских зверей, хололо проводили целую серию обрядов. Наиболее полно их цикл представлен (и по настоящее время) в празднике карагинцев хололо.

Один из первых обрядов этого праздника — «раскачивание» нерпичьего ремня, привязанного к косяку двери. Обычно обряд

выполняет пожилая женщина. Она невнятно шепчет заклинания и, благодаря монотонности колебания ремня и многократному повторению одной фразы, впадает в состояние, близкое к трансу. Смысл обряда присутствующие объяснить не могли. В «перетягивании» ольховых веток из сеней в дом участвовали две группы: удерживающие ветки и тянущие. Это, по словам информаторов, изображало, как тянут морского зверя из воды. Прутья ломали и сжигали в печке.

Танцы под бубен продолжались, а хозяин дома, один или вместе с помощником, делал столько моделей морских зверей, сколько убил за год. Модели изготавливались из наломанных вручную прутиков ольхи. На середину прутиков клали комок толкуши, прутики сгибали и перевязывали жертвенной травой. Половину «нерп» бросали в печку слева от её дверцы, вторую — справа.

Обряд тэлытэл, гадание, проводили также в помещении. Из берёзы изготавливали вертушку-пропеллер с двумя отверстиями в центре, через которые протягивали нерпичий ремень. Один двойной конец ремня привязывали за столб, второй держали в руках. Натягивая ремень, вращали вертушку. После многих попыток ремень рвался. Мужчины с ножами бросались к ремню, каждый отрезал себе кусок «на счастье». Если ремень рвался в комнате (часть ремня находилась в коридоре, часть — в комнате), то это считалось хорошим предзнаменованием. Тэликамак (таликамак) — калак, считавшийся «хозяином» вертушки, во время обряда всё время «будили», чтобы он «не спал». При благоприятном предзнаменовании считалось, что морские звери, которых добыл охотник за весь сезон, «хорошо добрались домой». Отверстия вертушки заполняли толкушей, вставляли туда таликамак и относили за село. Считалось, что с тем, кто подберёт вертушку, может случиться несчастье.

В старину ремней рвали столько, столько убивали нерп. В настоящее время это положение иногда нарушается.

На празднике морских охотников присутствует и обряд, связанный с охотой на медведя. Растянутой «сухой» шкурой медведя занавешивали открытую дверь. В руки мужчине или юноше давали грубо заострённую берёзовую палку — примитивное копьё. Импровизированный охотник должен пробить шкуру. Для этого обряда, как и для предыдущего, необходима недюжинная физическая сила. Пробившего шкуру одаривают кедровыми шишками и ягодой. Следом за ним одаривают всех присутствующих.

Акт ряженых в масках улляун начинается ближе к полуночи. Ряженых в большинстве случаев бывает чётное число, и пар столько,

сколько семей организуют в этом доме праздник. После весёлой пантомимы улляун берёзовыми палками-посохами изгоняют зловредных нинвитов.

По свидетельству информаторов из сёл Карага, Тымлат, Анапка, Лесная, Вывенка, улляун могли изъять запасы юколы, мяса, ягоды у богатого и жадного хозяина и раздать беднякам. Улляун принимали деятельное участие в сватовстве. Для этого они на юкольнике или землянке невесты вешали специальную полоску кожи, окрашенную охрой, ленту или бусы (информатор А. Ф. Попова, село Карага).

На хололо проводился обряд «хоровод вокруг берёзки с привязанным к ней копьём волка». Участники праздника с пением ходили вокруг берёзки, стоявшей посредине комнаты так, чтобы верхушка дерева упиралась в потолок. Копьё, привязанное жертвенной травой, вместе с чехлом для наконечника и маленькой ритуальной кружечкой прикреплялось с южной стороны ствола.

Смысл обряда неясен. Некоторые информаторы (А. Ф. Попова) сообщили, что он связан с культом волка, при этом напомнили, что Куткинняку (ворон) — герой корякского фольклора, действительно считался елг'ал — двоюродным братом волка.

Калак (калаку) — обряд, связанный с танцем. Танцовщик, а им бывает в большинстве случаев пожилой коряк или корячка, берёт в одну руку мужской, а в другую — женский калак, схематическое изображение человека в виде рогульки. Может взять и один калак, соответствующий полу, и начинает танцевать на корточках. То, что исполнитель пребывает на корточках, видимо, способствует повышенному кровяному давлению, а последнее вызывает состояние танцовщика, напоминающее опьянение. При этом последний может выкрикивать бессвязные слова.

Обряд посвящения в охотники (инициация) проводится в том случае, если у хозяев праздника есть сын или внук, ещё не прошедший через этот обряд, при условии, что ему не менее семи лет. Бабушка или мать в окрестностях села, в летнем рыбачьем посёлке должна отнять у него первое убитое живое существо. Это может быть мышонок, птичка, муха. К сплетённой из кипрея (до тридцати стеблей) и травы тувэйю шапочке-венцу спереди прикрепляют скальп головы мышонка с клювом маленькой птички, голову мухи или другого насекомого.

Одна из пожилых женщин в кипрейном головном уборе исполняет танец в честь будущего охотника. После этого она бежит к лучшему охотнику села, посреди ночи поднимает его с постели,

передаёт ему венец. Охотник должен утром убить куропатку и передать её родителям посвящаемого (информатор И. А. Какко, село Рекинники).

Последний обряд на хололо — этой «энциклопедии» нымыланских праздников — эффэв'.

Из ольхи изготовляются пять калаков, трёх «мужчин» и двух «женщин». Калаки-эффэв' помещаются в кожаный мешочек, и женщина, у которой нет детей, вешает его себе на шею под кухлянку, после чего танцует вместе со всеми общий танец. В ходе танца она на секунду вынимает эффэв' вместе с мешочком, «показывает» им хололо и снова прячет. В конце праздника она бросает эффэв' в печку, «отправляя» их (полевые материалы автора). Обряд был связан с культом плодородия.

На празднике кита (В. И. Иохельсон) проводились обряды встречи кита с горящими головнями. «Кормление» кита ветками ольхи и связками жертвенной травы, обмен между семьями угощениями из ритуальной толкуши, снаряжение «кита» в дорогу, обряд гадания — принял ли дух кита жертву? — по тарелке с толкушей и гадание по трещине на лопатке добытого кита.

Основу праздника первой рыбы составлял обряд заманивания рыбы в реку. Голову первой пойманной рыбы с жабрами, плавники, хвост вплетали в соломенную верёвку длиной до двух метров. Верёвку волокли две старухи или старика против течения и приговаривали: «Мы тебя посылаем, чтобы ты рыбу позвала, привела сюда, чтобы в речки и речушки рыба заходила». Верёвку вешали на козлы, разводили костёр и угощались рыбой первого улова. Старейшины играли на бубне, при этом просили хорошего улова и чтобы никто не утонул (И. С. Гурвич).

На празднике спуска байдары, высверливая «новый» огонь («будили» гичгий), кормили огнивную доску, всех калаков, бросались друг в друга толкушей. Обряд был посвящён открытию летнего входа в землянку, спуску байдары на воду, началу морской охоты. Похожие обряды совершали и на празднике укладки байдары.

Праздничные обряды чавчувенов были связаны с оленеводством: началом летовки и её окончанием, с осенним и зимним забоями оленей, отёлом. На осеннем празднике (первого убоя) голову жертвенного оленя ставили на треногу, вокруг разбрызгивали оленью кровь. Убивали годовалого оленёнка и его кровью ставили знаки на лбу и щеках участников праздника. У входа в ярангу разводили костры и играли на бубнах — «веселили души оленят». На этом же празднике, проводимом на севере КНО, кости оленей складывали,

засыпали песком. В холмики втыкали ивовые прутья с листьями. Холмики символизировали будущее возрождение оленей. В них до поры «жили» души животных.

На праздниках рогов и кильвэй (праздник отёла) собирались рога оленей и складывались за ярангой. В обряде, который совершали женщины, произносили заклинания, обходили ярангу и на собранные рога бросали толкушу с заячьим пухом (информатор Н. Н. Напан, село Ачайваям).

Обряд, связанный с наблюдением солнца в день зимнего солнцестояния, проводился на празднике возвращения солнца.

На большинстве корякских праздников люди старшего поколения глотали сухой мухомор или пили настойку из него «для ясновиденья», камлали при помощи бубна, отгоняя духов болезней от людей и оленей, приносили в жертву оленей и собак. В жертву оленя приносили с целью гадания, смотрели, в какую сторону он упадёт, пронзённый копьём. От его положения «зависело», где находятся лучшие пастбища, будет ли удача пастухам.

Обряд очищения у оленных коряков совершался при помощи нескольких бубнов и дыма костра. У береговых во время обряда убивали собаку и, растянув её внутренности на двух копьях или шестах, проходили под ними. Это символизировало очищение.

Олени приносились в жертву духам на большинстве праздников оленеводов. На осеннем, декабрьском, кильвэе в жертву приносили также собаку. Смешанной кровью оленя и собаки окропляли снег.

Собака приносилась в жертву на праздниках нымыланов: спуска байдары, первой нерпы (для успешной охоты), очищения.

На празднике кита собака приносилась в жертву властителю моря (В. И. Иохельсон).

«Во время декабрьского праздника возжигали огонь и кормили “хозяина оленей” гичгия. Некоторые убивали собак — зверовую или передовую — в жертву духам» (И. С. Гурвич).

Жертвенными на праздниках были головы нерпы, белухи, кита. Голову оленя ставили на шест или треногу. Собаку убивали ножом, оленя — копьём. Иногда в ритуальных целях в шкуре собаки делали несколько десятков отверстий. В середине XIX — начале XX столетия жертвенных собак насаживали грудной частью на кол. Жестокость по отношению к жертвенным животным считалась обычным делом.

В быту береговых коряков для сидения применялись позвонки кита, межпозвонковые круглые пластины, у оленеводов — оленьи рога с частью черепа, ступки из выдолбленных позвонков кита

и пестики из костей сивуча. Информаторы из села Карага сообщили автору, что эти предметы также относятся к «священным».

Обряды сопровождались заклинаниями, заговорами или поклонениями. На празднике первой нерпы при убое собаки: «Чтобы всё было хорошо». При срезании кончика носа и отправлении его в костёр приговаривали: «Ты ко мне пришла гостить, живи у меня, когда отправляться будешь, отправлю хорошо до дому». Бросая ластовую кость в море, охотник говорил: «Не хватило для еды, дай ещё» (И. С. Гурвич).

На празднике очищения, изгоняя из землянки яярткоч'о — «маленьких насекомых, игравших на бубнах» — говорили: «Э! Пэй! К'н'толакт, уходи! Пэй, мы приехали сюда!»

На празднике мира желали друг другу здоровья.

На празднике спуска байдары: «О, он стучится к нам! Он пришёл! Заходи!» — обращались к «хозяину моря». Затем: «А, пришёл море открывать! Ну, давай, заходи! Новый огонь горит! Море открылось» (информатор А. В. Микуль, село Рекинники).

На празднике первой рыбы, когда на соломенной верёвке тянули голову рыбы, «заманивая» лососей в реку, обращались к стоящим рядом или произносили для вида: «Идите, помогите мне. Столько рыбы, что я одна не справлюсь!» (информаторы С. Авгинина, М. Тыкьявьина, село Рекинники). Те, кто тащил верёвку, приговаривали: «Мы тебя посылаем, чтобы ты рыбу позвала, привела сюда, чтобы в речки и речушки рыба заходила» (И. С. Гурвич).

На летнем празднике нерпы «очищение» охотников проходило в сопровождении колдовских заговоров. На празднике голов морских животных упавший на пол кусочек мяса не поднимали, он доставался духам. При этом шептали заклинание (информатор М. А. Гуторов, село Карага).

На празднике кита при «угощении душ» кита и кольчатой нерпы женщины обменивались приветствиями: «Вот, пришли дорогие гости! Посещайте нас часто! Когда вы вернётесь в море, скажите вашим друзьям, чтобы они тоже нас посетили. Мы приготовим для них такую же хорошую еду, как и для вас. У нас тоже много ягод», — и подобные, и указывали пальцами на толкушу. Предполагалось, что огонь из очага представляет собой море, в которое возвращается кит (В. И. Иохельсон).

На хололо во время танца произносят множество междометий, имеющих определённый смысл.

На празднике бубна шептали заклинания против болезней своих родственников.

На праздниках оленеводов во время большинства обрядов также обращались к духам оленей, шептали заговоры. На осеннем празднике, подходя к оленьему стаду с «новым огнём», стреляли вверх, и мужчина кричал, подражая оленю: «Угук!» Женщины шептали заклинания. Эти действия были связаны с «очищением» стада. Играли на бубнах, чтобы «было весело душам убитых оленей».

На празднике возвращения солнца, при обряде залезания на столб для наблюдения за светилом, восклицали: «Тыт-китыт» (алюторцы) или «Тиёкитий!» (чавчувены) — «Солнце!»

На праздниках к'аюю и кильвэй говорили: «Рождайтесь, к'аюю», «Рождайтесь, оленята, хорошими» (информатор Л. И. Манихит, село Анапка).

На празднике очищения у оленеводов во время камлания пели: «У-ву-ву-ву, бу-бу-бу, гр-гр-гр» и кричали: «Пэй! Пэй! Уходите нинвиты, очищайте наше жилище!» (информатор Н. Н. Нанан, село Ачайваям).

Заговоры, заклинания и обращения к духам, характерные для праздничных обрядов, дают возможность восстановить некоторые элементы давних воззрений коряков. Охота у них была одним из древнейших занятий. Охотой на тундрового зверя, морским и пушным промыслом они занимаются и по настоящее время. Зависящая от случая, удачи, охота была окружена ореолом множества магических обрядов, заговоров, заклинаний, которые ещё до недавнего времени присутствовали на промысловых праздниках, магические же были буквально насыщены ими.

«Кормление» оленьим и нерпичьим жиром, костным мозгом калаков-охранителей, их задабривание, наказание (лишением пищи, битьём связки о пол) в случае неудачи предприятия — таковы действия по отношению к охранителям людей, оленей, родов, селений. Это свидетельствует о происхождении магических обрядов от повседневной практики. Магические действия были связаны и с табуированными местами, например с так называемыми «аппапелями» в окрестностях сёл Апука, Заречное, Рекинники, Ачайваям, Тигиль. Магией были окружены атрибуты праздника хололо — улляун, тэлытэл, ав'кав — каменные скребки, обсидиановые наконечники неолитических стрел гигигеь'эн и также места кремаций...

Хорошие и дурные приметы, запреты-обереги и прочее часто клали в рациональную основу. Некоторые из них были непосредственно связаны с морским промыслом, другие с правилами разделки рыбы, приготовлением и потреблением пищи, ведением домашнего хозяйства. Подавляющее большинство их связано с праздниками

не только непосредственно через хозяйственные занятия, которые отражает праздник, но и опосредовано проводились на них в магической форме. Интенсивное хозяйство современного корякского села изо дня в день подрывает роль магического в праздниках.

Считалось, что если мужчина ушёл на охоту, вещи в доме нельзя переставлять, нельзя мыть полы, подметать, делать уборку — чтобы не было шторма, охотник не утонул и не промахнулся.

Перед праздником первой нерпы охотник В. Г. Чечулин ушёл на охоту, вернулся без добычи, рассказывал: «Только я прицелюсь в нерпу, она помашет ластами и уходит в море». Все в доме решили, что виновата жена охотника — после ухода мужа она чистила пальто (информатор А. В. Чечулина, село Тымлат).

После обеда, выбрасывая кости морского зверя, надо обязательно сказать: «О, море! Я ещё не наелся» (информатор А. В. Чечулина).

Ряд магических указаний и запретов существовал по отношению к пище. Сердце птицы, зверя нельзя есть в одиночку, надо с кем-нибудь поделиться, иначе когда-нибудь ослепнешь. Если ешь один и никого рядом нет — половину надо положить на землю. Нельзя нерпичью печень обмакивать в нерпичий жир, нельзя варить. Голову нерпы есть можно и кости отдавать собакам, но нижнюю челюсть, обвязанную священной травой, надо обязательно сжигать в печи во время нерпичьих праздников.

Если пища выпала из рук — поднимать её не рекомендовалось, так как упавшее являлось жертвой духам. Перед едой надо бросить в огонь немного пищи и отлить немного питья, «чтобы удача была». Этот обычай называется «инэльвэситк» (информаторы В. М. Чечулина, село Анапка, А. И. Гуторова, село Карага).

Голову, шейные позвонки, плечо и левую лопатку нерпы нельзя отдавать другим, так как отдаёшь свою удачу и будешь неудачником в охоте, останешься без добычи.

Когда разжигают печку, то на огонь не дуют, чтобы не задул ветер и погода не испортилась. Также нельзя дуть, остужая, на варёную голову нерпы.

Тазовые кости добытого зверя не ломают, так как при охоте все гарпуны, копья и остроги будут ломаться. Также нельзя ломать левую лопатку морского зверя.

Если в семье кто-либо заболел, советуют осенью провести праздник нерпы (у карагинцев — хололо). При воспалении, опухоли, ране, фурункуле на лице рекомендовался обряд улляун.

Если в семье кто-то умер, то чтобы несчастье не повторилось, в доме или на улице ставили берёзу.

Если родной или близкий человек болел и находился в опасном состоянии, советовали провести праздник бубна.

Некоторые магические обряды и запреты касались беременной женщины, рождения или здоровья ребёнка.

Беременной или недавно родившей нельзя прикасаться к только что убитым морским зверям, нельзя свежевать других зверей, разгружать нарту. Если же запрет нарушен, надо взять немного сена от стельки торбасов, которые носит женщина сейчас, обмахиваться и говорить: «Фэй, нинвиту тыг'ылгирну киръылатык!» (нинвит, сними мои болезни!). Слово «фэй» или «пей» являлось волшебным. После этого надо обмахать ребёнка, чтобы он хорошо себя чувствовал и не болел. Женщина в это время не должна была прикасаться к мороженой рыбе и трогать собак (информатор М. М. Уварова, село Карага).

Если родилась двойня, для угощения на празднике рождения близнецов надо было забить двух оленей, двух птиц или двух нерп, в противном случае один из новорожденных мог заболеть или умереть.

Если в торбасах стелька из сена стала влажной или износилась, на неё нельзя подкладывать новую траву. Если на старое положить новое, то будешь в жизни несколько раз жениться или выходить замуж. Выбрасывая старую стельку, надо на неё несколько раз плюнуть для того, чтобы, если нинвит увидит стельку и спросит её, где хозяин торбасов, стелька направила его в противоположную сторону. Если не плюнешь, то нинвит погонится за хозяином и причинит ему вред.

Запрещалось носить дырявую одежду. Если дырявый головной убор — заболеют глаза, если обувь — нинвиты съедят ноги. На праздник хололо в 1930-е гг. пускали только в праздничной одежде, расшитой бусами и бисером. Заплатки красиво оформлялись волнистым или зубчатым орнаментом, это играло охранительную роль (информатор Г. И. Никифоров, село Старая Карага).

Если вечером в печке гудел огонь — нельзя ночевать дома, надо уходить к родственникам или знакомым. Если гудит утром — нельзя уходить из дома — придёт какое-то известие. Если уйдёшь — может случиться несчастье, умрёт кто-то из родственников.

Эти поверья, связанные с огнём, способствовали или ограничивали посещение праздников. Так, автором отмечены случаи, когда на празднике до утра присутствовала вся многочисленная семья (до 10–12 человек), начиная от дедушек и бабушек и кончая грудными детьми, по той причине, что в печке вечером гудел огонь

(записано у Э. И. Котлова, И. М. Уварова, село Карага; Е. Баранникова, село Тымлат; В. М. Уваровой, село Анапка).

Некоторые обереги коряков были аналогичны эвенским.

Глаза медведя не едят в обычное время и на праздниках, посвящённых ему.

Одного оленя надо сделать табуированным, чтобы в семье никто не болел. На некоторых праздниках оленеводов такому оленю оказывались почести.

Нельзя плевать в огонь.

Ночью ребёнка и бубен нельзя выносить на улицу.

Орла и волка нельзя убивать — они табуированы.

Магическими считались некоторые растения: кипрей, шикша, кедровые шишки, ольха. Последняя, видимо, за оранжевый цвет коры (луба), которой дубили шкуры. В фольклоре (например, сказка «Эмэмкут», информатор М. П. Попова, село Карага) дублёная красная (цвет жизни) шкура, вывешенная женой Эмэмкута, становится белой (цвет смерти), когда с ним случается несчастье. Возможно, что красный (оранжевый) цвет ольхи у коряков имеет такое же значение, как и красная охра в палеолетическом захоронении, исследованном Н. Н. Диковым на Камчатке (Ушковская стоянка).

Магическими являлись обряды сожжения волос врага, что, по мнению коряков, отнимало у него силы (информация А. Суздалова, село Тымлат, сказка «Легенда об Ильно»), переодевание в чужую одежду (информатор Н. Черных, село Рекинники, сказка о прекрасной Калимарок'лян'ав).

Магия, тотемистические и анимистические воззрения коряков, видимо, ещё в древности были взаимосвязаны. Так они и нашли своё отражение в корякских народных праздниках.

Безусловно, что наиболее широко встречающимся моментом на всех промысловых праздниках нымыланов и чавчувенов является отправление душ животных в потусторонний мир, кормление душ, задабривание разного рода охранителей, мужских и женских, добрых и злых, идолов, «болванчиков», жертвоприношения аппапелям, священным местам, местам кремаций родных и предков. Главной целью всех этих ритуалов было возрождение добытых зверей. Они, по мнению коряков, как человек и любое другое существо, бессмертны. Их душа уйдёт в свой мир с тем, чтобы зверь вернулся в наш земной мир и снова был добыт охотником.

Ещё люди серовской культуры, обитавшие в Прибайкалье четыре — пять тысяч лет назад, верили в круговорот человеческих душ (А. П. Окладников). Корякам были присущи такие же воззрения.

По древнему обычаю, коряки давали младенцу имена умерших предков и считали, что новорожденный — это их предок, вернувшийся обратно к людям из верхнего мира (В. В. Антропова).

Верхний мир, например, по воззрениям карагинцев, богат дичью и рыбой. Там всегда стоит хорошая погода, растут деревья и цветут растения. Но умершего, идущего от нашего мира в потусторонний десять дней, подстерегают разные опасности: злые собаки, которых он незаслуженно наказывал на земле или плохо кормил, живые кедрачи, хватающие за ноги, потому что умерший ломал их не для дела, большая холодная река и прочие.

Для того чтобы отвлечь собак, покойнику вшивали в рукав похоронной кухлянки изнутри переднюю, самую жирную часть юколы с жабрами, которую он «бросал» далеко в сторону. «В дорогу» ему давали копьё с железным наконечником, берёзовый лук, три-четыре стрелы с костяным, железным, каменным наконечником, маленькую кружечку к'усынэн' из берёзы, чтобы в пути он мог напиться из реки, подпоясывали поясом с коротким промысловым ножом, с левой стороны вешали длинный ритуальный нож, пристёгивая его к колену. Одежда, обычно гагагля, празднично вышивалась бисером, цветами, украшалась бусами, подвесками. Особенно богато растительным орнаментом расшивались торбаса и подол кухлянки (похоронным геометрическим и растительным). Расшитые перчатки надевали так: левую на правую руку, а правую — на левую, чтобы обмануть нинвитов. Причины возвращения покойника на землю информаторы объяснить не могли. Самым трудным был шестой день после захоронения (кремации) покойника. От него зависело, насколько тот удачно «дойдёт» до цели. Ночью шестых суток все в доме прислушивались и, услышав треск в комнате, облегчённо вздыхали. В дни, когда покойник «был в пути», в доме обязательно должно присутствовать не менее двух человек. Коряки испытывали в это время огромное духовное и физическое напряжение. Автору известны два случая, когда ожидание кончалось психической травмой одного из членов семьи. Серия ритуалов выполнялась в твёрдой и неукоснительной последовательности.

Веря в бессмертие душ людей и животных, коряки также с не меньшими сложностями исполняли обряды отправления душ добытых животных. Обряды эти в основном закреплялись в праздниках.

Фольклорные материалы, собранные автором в КНО в 1966—1973 гг., дают возможность проследить, как коряки представляли себе мир животных.

В музее на улице Набережная, 2 за изучением образца (слева) [КОКМ ОФ 31952/58]. В экспозиции музея с А. Ф. Поповой, 1970-е гг. Фото Л. Гурского [КОКМ ОФ 32492/18]

У входа в КОКМ. Улица Набережная, 2, 13 августа 1980 г. [КОКМ ОФ 32492/17]

Возле музея [КОКМ ОФ 31952/60]. С директором КОКМ К. Величко на художественной выставке [КОКМ ОФ 31955/100]

С секретарём Камчатского обкома КПСС П. П. Зиновьевым (слева) и гостем с Сахалина (в центре), 21 января 1980 г. [КОКМ ОФ 31995/94]

В сказках «Эмэмкут» (М. П. Попова, село Карага), «Куткинняку в гостях у лис» (П. А. Черных, село Рекинники), «Куткинняку в гостях на морском дне» (А. Я. Волкова, село Анапка), «Приключения Куткинняку» (записанной во всех районах округа) звери живут организацией, являющейся очень близкой к организации людей. У них есть «главный», «мужчины» там охотятся, рыбачат, пасут оленей, «женщины» — собирают ягоду, занимаются домашними делами.

Мир мышей, моржей, собак, медведей, гольцов и прочих состоит из этих же зверей, которых коряки называли «мышиным», «медвежьим» народами. Это были «люди», но не настоящие, настоящие — это коряки...

Таким образом, коряки переносили на мир зверей человеческие черты, черты своей социальной организации. В этом проявляются древние воззрения, когда люди ещё себя не отделяли от природы, а полагали по своему подобию, что животные живут, мыслят и действуют как люди.

В селе Карага на охоте на нерпу охотник А. А. Притчин сообщил автору: «Видишь, нерпа умная. Всё поняла. Нырнула и сидит в своём домике». Об этом же свидетельствует и следующий пример из топонимики. Название бухты и посёлка Оссора состоит из двух корякских корней слов: *ассуас* — горбуша и *рарана* — дом, то есть буквально «Дом горбуши» (информатор И. С. Агинь, село Карага). Промысловым животным, как и людям, посвящали обряд встречи.

На праздниках рождения ребёнка и рождения близнецов совершался обряд присвоения имени. Для этого пожилая женщина-ведунья или шаман (у нымыланов, но чаще у чавчувенов) на трёх берёзовых прутиках, соединённых развилками и поставленных пирамидой, подвешивали камень, иногда похожий на человеческое лицо, обшитый бусами и бисером. Они могли свисать в виде «бороды» и иметь длину до сорока сантиметров. Камень имел собственное имя. Все присутствующие выкрикивали имена умерших родственников одного пола с новорожденным. При этом следили: если камень покачнулся, то считалось, что из него вылетела душа родственника и вселилась в младенца (полевые материалы автора, село Рекинники).

Интересно, что на местах кремации в день сожжения покойника или на следующий ставили точно такую же треногу из берёзовых шестов высотой до 1,8 метра, с развилкой на верхнем конце. Она символизирует «дом для души». Возможно, что и тренога на обряде присвоения имени также несёт такую же функцию (полевые материалы автора, село Карага).

Таким образом, коряки мыслили категориями аналогий и, исходя из представления о сходности образа жизни промысловых животных с человеком, «пребывании» душ животных и людей в потустороннем мире, совершали обряды, связанные с заботами о «душе» зверя.

«Идея всех вышеописанных церемоний — не забота о зверином покровителе рода, а магическое переселение душ убитых животных в потусторонний мир с тем, чтобы они обрели плоть и вновь вернулись к людям в своём первоначальном виде. Наиболее отчётливо эта идея выступает в корякских промысловых церемониях» — таково мнение об основном направлении обрядности И. С. Гурвича. Огромное количество фактов подтверждает это.

Для успешного возвращения зверей на землю в их первоначальном виде коряки соблюдали ряд правил. Существовали некоторые запреты на употребление в пищу определённых частей животного. Трубчатые кости можно было рубить только вдоль, тазовые рубить нельзя. Голову некоторых животных варить нельзя. Череп в большинстве случаев сохраняли. При «отправлении» душ животных старались их «веселить» при помощи бубна. Души получали хорошее «угощение». После того как убивали оленя, его внутренности и голову не разделяли, а вместе вносили в яян'у и вешали недалеко от костра. Разделяли только перед опусканием в котёл. Считалось, что это делается для сохранения души оленя. Эти правила способствовали тому, что убитые животные «расскажут» своим сородичам о хорошем приёме их людьми и снова вернутся.

Праздники коряков в своём большинстве и были посвящены воскрешению, оживлению промысловых зверей. А следовательно, промысел их «не что иное, как временное переселение душ в другой мир, гощение в стране людей» (И. С. Гурвич).

Обряды встречи и магических проводов душ убитых зверей были характерны для многих народов Севера и Дальнего Востока, Сибири. Об этом свидетельствуют работы Г. М. Василевича. По мнению В. Г. Богораза, обряды эти очень древние. И основная цель их, как и всего праздника, была связана с оживлением добытых зверей.

Мнение В. Г. Богораза поддерживает и И. С. Гурвич: «...промысловые праздничные церемонии коряков могут быть интерпретированы как обряды возрождения убитых животных, действия, направленные на стимулирование воспроизводства основных объектов охоты».

Отмечая широкое распространение обрядов встречи и магических проводов душ добытых промысловых животных, И. С. Гурвич

заключает, что это «свидетельствует об универсальности ныне почти забытого представления о возрождении зверей, являвшегося, по-видимому, первоначальной основой сибирского промыслового культа».

Автор полностью поддерживает это мнение. Наряду с остатками древнего промыслового культа, в праздниках присутствовали и реликты других первобытных верований...

...Отражением расслоения корякского общества, как и других традиционных, на богатых и бедных, появилось представление, по которому Вселенная имеет сложную структуру, состоящую из многих миров: верхних и нижних (до семи). Добрые и злые духи, духи предков, души умерших — все проживают в разных мирах.

В этих условиях у палеоазиатов появляется колдун, роль которого в связи со страхом, порождающим растерянность древнего человека перед невидимыми злыми духами, усиливается. Колдун у народностей Севера становится шаманом. Шаманы делились на слабых, сильных, малых, великих, учителей, учеников, белых, чёрных и прочих (В. Г. Богораз, О. М. Косвен). Значительную роль в шаманизме играла и магия, являвшаяся его составной частью.

Шаманы имели специальный костюм. Правда, у чукчей и коряков, по мнению большинства этнографов, его не было. Одинаковая остальная атрибутика — бубен и колотушка к нему, посох, подвески из кости и металла — были.

Шаманы приносили в жертву духам кровавые жертвы (собак, оленей). С. П. Крашенинников свидетельствует о том, что жертвоприношения у коряков сопровождались «шаманскими камланиями с бубном».

Шаманизм, впитавший в себя анимистические верования, является самой поздней религией коряков. Он был присущ как береговым, так и оленным корякам. У береговых, видимо, сохранялись наиболее ранние его формы: общее шаманство, семейное, женское. Большинство пожилых (самых старших в селе) женщин умели камлать, знали заклинания, умели лечить.

Шаманом мог стать только опытный, умудрённый опытом человек, знавший народные приметы, места обитания и повадки зверей. Сначала он приносит пользу своему роду, стойбищу, племени, в последующем переходит на их иждивение, становится паразитом (О. М. Косвен, В. Г. Богораз). Индивидуальный, профессиональный шаманизм был характерен для оленеводов.

На большинстве народных праздников, где присутствовал бубен, обязательно были шаманские ритуалы. Шаман потреблял мухо-

мор и доводил себя при помощи нескольких часов камлания — пляски, игры на бубне и горлового пения — до состояния, близкого к исступлению, после чего, обессиленный, падал и выкрикивал в бреду разные слова. Считалось, что его душа находится в этот момент в верхнем или нижнем мире, в царстве добрых или злых духов. Там он, по мнению коряков, вступает в общение с добрыми духами-покровителями, вселяющимися в душу шамана. Добрые духи помогали ему побеждать злых, бороться с болезнями, изгоняя их из тела больного, узнавать, где лучшие пастбища и места охоты.

Ещё в 1920-х гг. в селе Старая Карага был шаман Сэввэ (полевые материалы автора, 1968—1971 гг.). Старожилы села — Малля и Сигля Уваровы — ещё помнят его «способы лечения». Когда к стойбищу в среднем течении реки Караги подгоняли оленей табун, у входа в рарану разводили два костра, путь устилали шкурами, по которому шаман с бубном проходил в жилище. Там он ел мухомор и начинал петь, плясать и просить духов о помощи больному или о благополучной зимовке оленей.

На праздниках женитьбы и рождения у коряков северо-западного побережья Охотского моря деятельное участие в обрядах принимали шаманы (И. С. Вдовин). Они камлали на бубне и приносили жертвы огню «от всех кушаний». На празднике рождения у коряков этой группы имя новорожденному давал только шаман. При этом он также «кормил» огонь, камлал на бубне. За свой труд получал своеобразную «плату».

Здесь, видимо, некоторые функции, которые выполняли в эпохи предшествующих шаманизму верований родственники новорожденного, переходят к шаману. Шаман у оленеводов, благодаря воспроизводящему хозяйству, имел бо́льшую самостоятельность и был освобождён от других занятий. Часто он был ближайшим родственником хозяина табуна.

У береговых коряков шаман никогда не имел такой самостоятельности. Он, можно сказать, ещё не совсем освободился не только от хозяйственных занятий (так как был материально не обеспечен), но одновременно играл роль исполнителя обрядов, характерных для более ранних этапов развития верований.

Например, на празднике карагинских коряков хололо (иногда на близком к нему празднике в сёлах Тымлат, Анапка, Вывенка, Рекинники и других) в обряде посвящения участвует пожилая женщина в кипрейном головном уборе. Она исполняет обрядовый танец и в момент посвящения в охотники камлает на бубне, находясь в состоянии транса. После этого бежит в сопровождении двух

мужчин в дом охотника, камлает там, передаёт охотнику головной убор и бубен. Охотник камлает на бубне. Затем женщина возвращается в дом, где происходит праздник. Здесь она получает «плату» за исполнение обязанностей шаманки в виде значительного количества юколы.

Таким образом, шаманство, наряду с другими видами первобытных верований, было характерно для корякских народных праздников. Оно впитало в себя элементы предшествующих верований и по-разному проявлялось у нымыланов и чавчувенов...

КОКМ ОФ 31700/126. Авторизованная рукопись, 1974 г.

О происхождении некоторых фамилий ительменов и коряков

Камчатка была открыта простыми русскими людьми, которые в бегах от феодального гнёта, в погоне «за соболем» неуклонно продвигались из Сибири на крайний Северо-Восток. Освоение неведомых земель шло в первую очередь казаками, купцами — торговыми людьми, а позже крестьянами. О помощи царского правительства не могло быть и речи, все тяготы и трудности ложились на плечи «босых, нагих, сирых».

Не понимая языка местных народностей, в отрыве от освоенных территорий, гибли десятки и сотни первых поселенцев. Много было столкновений с ительменами, коряками, чукчами на камчатской земле, но освоение продолжалось, так как причины его были в первую очередь экономические.

В конце XVII столетия Камчатка была присоединена к России и сюда из Петербурга, Томска, Иркутска и Якутска потянулись щупальца христианской церкви. Христианизация началась с юга Камчатки, наиболее освоенного русскими. Строятся острожки и церкви, монастырские дворы и часовни. В первую очередь христианизации подверглись ительмены, и христианство медленно, год за годом, продвигалось на север, заселённый корякскими и чукотскими племенами. Крещение способствовало приобретению местными народностями имён и фамилий. Этот процесс на Камчатке во многом опередил некоторые области России. Местное население крестилось священниками, носившими сибирские, северорусские и другие фамилии, передававшими их ительменам и корякам.

Две цели преследовали священнослужители: прикрепление туземцев к православной церкви и занесение их имён в ясачные книги, что уже явилось делом царской администрации.

Для обучения детей туземцев русскому языку, Закону Божьему и счёту при церкви открывались школы. Цель преследовалась та же — подготовить послушных исполнителей воли церкви и администрации для взимания ясака, для служения православию. Но, с другой стороны, получение образования туземцами способствовало появлению у них самосознания. В работах о Камчатке Крашенинникова, в книге «Церковная жизнь Камчатки» Слюнина и других приводятся многочисленные данные по вопросу о происхождении некоторых фамилий ительменов и коряков.

Первыми, кто крестил ительменов, были подполковник Василий Фёдорович Мерлин и майор Дмитрий Иванович Павлуцкий. В настоящее время в Камчатской области встречается фамилия Мерлиных.

В 1745 г. архимандрит Хотунцевский достиг реки Тымлат. Он пытался проникнуть на север полуострова, но оленные коряки отказались его везти, ссылаясь на то, что волки разогнали оленей. Миссией Хотунцевского было начато планомерное крещение. Около 1750 г. ею было окрещено 6 067 большерецких, верхнекамчатских и нижнекамчатских камчадалов. Архимандрит был ревностным христианином. Он, «...где только встречал суеверные знаки, каковые были, например, в окрестностях Нижнекамчатска столбы, к которым в честь идолов привешивались зверьки, птички и рыба, — немедленно уничтожал их» («Церковная жизнь Камчатки», с. 37). Это вызвало протест камчадалов. Местное население выступало против насильственного крещения, против сборщиков ясака.

Так, на реке Дранке, названной так потому, что на ней одного из тойонов задрал медведь, восстал тойон Ум-Эвутшчкъхан. От реки Дранки в окрестностях современного села Карага (старинное название Дранки — Юмгина) он двинулся к Нижнекамчатскому острогу, но восстание было подавлено. В 1760 г. ключевской священник Максим Лазарев доехал до реки Караги и окрестил 24 человека. Фамилия Лазаревых и сейчас часто встречается среди карагинских коряков. В 1777 г. на Карагинский остров был направлен священник проповеднической свиты Иоанн Миронов, который окрестил всех 150 жителей.

В 1778 г. здесь побывал сын протоиерея Никифор. Всё население острова Карагинского было переселено на побережье Карагинского залива. Священник Ключевской церкви Григорий Коллегов определил островитян к своему приходу.

Отец Никифора — Стефан Никифоров — приехал на Камчатку в 1742 г. из села Семеркина Дмитриевского уезда Московской

губернии. Он окончил московскую Славяно-греко-латинскую академию, его женой стала камчадалка. Таким образом, священники Никифоров (сын), Коллегов были выходцами из камчадалов и дали свои фамилии карагинским корякам, фамилии, наиболее распространённые сейчас в селе Карага.

В 1768 г. священник Лазарев дошёл до олюторских острожков Кичигинского, Вывенского, Тиличикского, Ветвейского и Коратушинского. Здесь также при крещении давал свою фамилию. Максим Лазарев умер на Камчатке во время эпидемии оспы.

Фамилию Поповых коряки получили от прибывшего из Иркутска священника Петра Попова в 1779 г., бывшего настоятеля Тигильской и Подкагерской церквей. В Тигиле служили два священника — Стефан Софрыгин (в 1756 г.) и Александр Громов (в 1780—1783 гг.). Крещённые ими камчадалы приняли их фамилии.

В Большерецкой церкви служили священники Пётр Логинов (питомец Славяно-греко-латинской академии, на Камчатке с 1740-х гг., скончался в 1771 г.), Георгий Черных (в 1757—1771 гг.) — сын казачьего пятидесятника, Леонтий Черных, Роман Верещагин (в 1767 г.). Их фамилии в настоящее время носят камчадалы селения Ича. В Иче крестил камчадалов священник Иоанн Сновидов (1765 г.), сын ранее служившего в лейб-гвардии Измайловском полку Ивана Кириакова Сновидова, которого по приговору Тайной канцелярии сослали на Камчатку. Здесь же, в Иче, служил священник Иоанн Дмитриев Уваровский, камчадал, умерший от «оспенного поветрия». В 1768 г. оспа скосила 5 368 человек из 10 026 жителей — ительменов и русских, населявших южную часть Камчатки. В 1825 г. начал свою службу в Верхнекамчатской церкви Михаил Шишкин, происходивший из казачьего звания. Фамилия Шишкиных сейчас распространена в Анапке.

На колоколе Верхнекамчатской церкви была такая надпись: «1761 году лит сей колокол в Верхнекамчатском остроге к церкви Богоявления Господня общаго радения приказчика и казаков Яцкова Василия Ивановича». Вес колокола — 14 пудов. Яцковы — потомки литейщика — и в настоящее время живут в нашей области.

С XVIII в. известна фамилия Лазуковых. Братья Качуги, камчадалы, при крещении получили христианские имена Алексея и Ивана Лазуковых. Позже братья участвовали в восстании тойона Ум-Эвутшчкъхана на реке Дранке.

В конце XVIII столетия на полуострове работали учителями приходских школ Марк Уксусников, Иван Чечулин и также молодые выпускники Славяно-греко-латинской академии Алексей Ла-

сточкин, Василий Кочуров, Дмитрий Камшигин. Эти фамилии также были приняты ительменами и коряками при крещении. Своей фамилией крестил коряков и камчадалов прибывший из Якутска иеродьякон Гаврил Притчин и приехавшие в 1834 г. священники Игнатий Правоверов и Стефан Вениаминов. Таким образом, некоторые фамилии ительменов и коряков, проживающих в южных районах современного Корякского национального округа, получены в результате крещения в XVIII—XIX вв. от священников, казаков, учителей. Большая часть фамилий существует и в настоящее время.

Коряки, ительмены и чукчи, проживающие севернее, куда христианство долго не могло проникнуть, получили свои фамилии гораздо позже, в XIX и в XX столетиях. Населением северных районов Камчатской области фамилии получены в подавляющем большинстве в годы советской власти. Анализ показывает, что фамилии образованы от собственных имён или имён предков. Многие из фамилий имеют русский перевод.

КОКМ ОФ 31955/35. Авторизованная машинопись. Без даты

Развитие духовной культуры (праздники, танцы, песни, музыка, игры) коренных народностей Камчатки в условиях развитого социализма

Духовная культура — совокупность достижений общества в науке, искусстве, организации государственной и общественной жизни и быта, обычаях и нравах в каждую историческую эпоху. Она охватывает сферу сознания, духовного производства, а именно: познание, нравственность, воспитание, просвещение, философию, науку, искусство, религию, мифологию. Материальная и духовная культура находятся в органическом единстве. Марксистско-ленинская теория исходит из того, что развитие единства материальной культуры, являющейся первичной, повлекло за собой развитие духовной культуры, являющейся вторичной.

Исследования этнографов показали, что у племён, народностей, народов, наций, находящихся на разных ступенях развития, их духовная культура соответствует материальной. Это положение справедливо и по отношению к коренным народностям Камчатки: корякам, ительменам, чукчам, эвенам, алеутам. Сохранившие древние социально-хозяйственные уклады, они имели самобытную духовную культуру, соответствующую их занятиям.

Большое место в духовной культуре камчатских народностей занимали праздники.

К приходу первых русских казаков-землепроходцев на Камчатку у народностей, населявших полуостров, было более ста праздников. Из них шестьдесят — у коряков-нымыланов и чавчувенов (их основные праздники отмечали сезонные занятия в оленеводстве, морской охоте, рыболовстве), около десяти — у чукчей, проживающих на Камчатке: кильвэй, осеннего подгона оленей, весеннего угона на летовку, новоселья, очищения, декабрьский и другие. Существовали ительменские (благодарения, медведя, кита, охотников на морского зверя и прочие), алеутские (камака, охотников на котиков, ворона и другие), эвенские (медведя, охотников на таёжных пушных зверей) и прочие праздники.

В праздниках аккумулировались и кодировались в форме обрядов, танцев, песен, игр хозяйственные занятия, образ жизни, подготовка молодых воинов, первобытные верования коренных народностей Камчатки.

Праздники и обряды были насквозь пропитаны охотничьей магией, анимизмом, фетишизмом, элементами тотемистических верований, шаманизмом. Они, по мнению их устроителей, участников и зрителей, способствовали удачной охоте, очищению человека и жилища от невидимых зловредных существ, рождению, то есть «помогали» членам рода, племени, народности в борьбе за существование в трудных условиях Севера.

Работа партийных и советских органов, учреждений просвещения, развитие сети культпросветработы — всей нашей советской действительности — способствовали исчезновению древних верований, негативных обрядов и предрассудков. Создание колхозов и совхозов, появление новой техники, рыболовецких судов, вездеходов, вертолётов, радиостанций, орудий лова и охоты, приведших к возникновению новых методов в труде рыбаков, охотников, оленеводов, окончательно разрушили остатки тёмного прошлого, с которым были связаны корни пережиточных обрядов.

Благодаря этому праздники и обряды, войдя в новые конкретно-исторические условия, стали к ним приспосабливаться, последовательно теряя элементы древних верований. Из праздников обосабливаются вначале обрядовые, танцы, песни-мелодии, игры.

Народные танцы, песни-мелодии, игры проходят два этапа в своём развитии. Первый связан с непосредственным выделением их из праздников. В этот период они ещё насыщены всевозможными запретами, негативными поверьями, форма их зачастую не закончена. Это — этап бурного развития, когда заимствуются разнообразные, зачастую разнородные, элементы у соседей, русского населения.

Огромную роль в этот период играют советские и интернациональные праздники (*Малюкович В. Н.* Советские и интернациональные праздники в корякском селе / Краеведческие записки. Вып. 4. — Петропавловск-Камчатский, 1973. — с. 29), с проведением новых гражданских обрядов, неведомых ранее жителям Камчатки.

Второй этап — этап развития национальной культуры в условиях развитого социализма. Для него характерны черты развития искусства танца, песни, музыки, игр в новых условиях, в которых проживают народности Камчатки. Эти виды развиваются уже по законам искусства. Интенсивно развиваются народные танцы коряков, ительменов, эвенов, чукчей, алеутов и в настоящее время.

В сёлах, где сохранялись устарелые обычаи, обряды, праздники, — танцы несли на себе отпечаток архаизма. В современных районных центрах, колхозах и совхозах танец несёт много новых прогрессивных элементов.

Вот танцы, которые исполнялись на праздниках народностей Камчатки:

— нерпы, посвящения в охотники, пожелание родить ребёнка, тэлытэл, улляун вокруг берёзки, молодёжный, девичий, плывущей нерпы, с ремнём, мужа и жены, влюблённых, детский, хаюшки (амхыкан), кривляния, ик-ик, мастериц, бабушек, укинский, орла-ворона, анапкинский, соревнования, эффэв, ритуального кривляния — все на празднике морских животных (ололо);

— радования души убитого жертвенного оленёнка, оленевода-алюторца, оленевода-чавчувена, очищения с бубном, излечения с бубном, вокруг рогов, хаюшки-чавчувенские — на праздниках оленеводов;

— встречи и проводов кита на празднике кита;

— бубна, нового бубна и очищения жилища — у нымыланов и чавчувенов;

— спуска байдары на одноимённом празднике;

— чайки — на празднике первой рыбы,

— норгали — эвенский танец на празднике медведя;

— ворона, морского котика, топорка, камака, в масках — на алеутских праздниках;

— бакию, орла, хаюшки, круговой, женский, мужской, ритуального кривляния, волка;

— на ительменских праздниках медведя, кита, благодарения, морских зверей и другие.

По происхождению на первом месте стоят танцы-подражания повадкам промысловых зверей, в том числе и в ритуальных целях,

благодарения их за то, что они пришли к охотнику, задабривание и просьба, чтобы они приходили снова. На втором месте — промысловые танцы (оленевода, спуска байдары, кильвэй, мастериц, хаюшки, укинских охотников, последний близок к эскимосским промысловым); на третьем — любовные, дальше — развлечения, соревнования, гадания, благодарения, обман зловредных существ в лечебных и колдовских целях (полевые материалы автора на территории КНО в 1966—1977 гг.).

Перечисленные древние танцы составили тот субстрат, на котором стали быстро развиваться народные танцы коренных жителей Камчатки.

На первом этапе перечисленные танцы обособляются от праздников, частью которых они являлись. Они опоэтизируются девушками, женщинами, молодыми людьми, выходят на сельскую сцену. На втором, современном этапе они развиваются на основе дальнейшего сбора и изучения танцевального фольклора, сохранения и развития накопленного, переработки всех его элементов, характерных для родственных групп, и дальнейшей шлифовки их мастерами искусства.

Как и в песне-мелодии, в танцы народов Камчатки проникают элементы среднеазиатского танца. Это положительный процесс. Однако механическое проникновение танцевальных элементов из индийских, арабских и других кинофильмов может отрицательно повлиять на развитие искусства народов Камчатки, которое в настоящее время находится в процессе дальнейшего развития и становления. На их основе возникли корякские ансамбли «Мэнго», «Айгена», «Каюю», «Хаилинские девчата», «Энер», «Лимныль», ительменский «Эльвель», эвенский «Нургэнэк», алеутский «Командорские шутники».

У народностей Камчатки было большое количество игр. Многие из них проводились на народных праздниках. Игры являлись средством тренировки будущих воинов, способствовали успешному ведению хозяйства. В играх развивались сметливость, навыки счёта, физическая сила. Метание камней пращой, гарпуна, копья, стрельба из лука в цель, детские игры с луком и стрелами, гонки на батах — были связаны с охотой; метание чаута, оленьи гонки, бег с палкой, батут — с оленеводством; борьба на снегу, борьба лбами, бег на лыжах-ракетках, игра с мячом между мужчинами и женщинами, метание топора, залезание на обледенелый столб, прыжки через нарты — с обороной; умчэру, кэн'эр, укkалтэн, шашки — сэкэм, метание костяной иглы в снег — со счётом и т. д.

На современных советских праздниках проводятся зимние спортивные игры, то есть «Корякские олимпийские игры», которые генетически связаны с народными. Они имеют огромное воспитательное значение для сельской молодёжи. Это гонки на оленьих или собачьих упряжках, стрельба из лука, метание гарпунов, копий, гонки на батах, метание чаута, топора, прыжки через нарты, биатлон, корякская борьба, бег на лыжах-лапках, игры с мячом на снегу. Наставники, люди старшего поколения, ревностно следят за правилами, вручают призы победителям.

...Идёт праздник. Играют на бубнах и поют оленеводы, рыбаки, охотники. У каждого своя песня. Такие песни были устойчивыми, их передавали по наследству. Были и песни-однодневки, которые исполняли каюры при езде на нарте. Их быстро забывали.

Устойчивую, родовую песню исполняли в исключительных случаях: на праздниках, во время гадания — будет ли хорошая охота? Чужую песню петь было нельзя. Поэтому песня коряков, ительменов, чукчей, как и танец, не развивалась, находилась в состоянии застоя. Только в советское время, в связи с проведением советских и интернациональных праздников с исполнением революционных и русских песен, устаревшие традиции стали разрушаться. Сначала коренное население Камчатки, особенно молодёжь, школьники, пели эти песни со сцены. Позднее их стали распевать в селе, дома, на промысле, в табуне.

Следующим этапом явилось создание корякских и ительменских песен на основе видоизменённых русских и революционных мелодий. Так возникли песни «Вывенка» (на основе песни «Во саду ли в огороде»), Олюторская песня (на основе песни «Вы жертвою пали»), «Жёлтенький песочек» (на основе украинской и русской песен).

Ещё одним этапом развития новой народной песни в области явилось создание Г. Г. Поротовым целого цикла: «Ленивый Авай», песни об Ойе, «Утки» и другие, в которых использованы фольклорные ритмы и мелодии.

Музыкальную культуру народностей Камчатки изучает музыковед И. Бродский. Он отмечает, что для традиционных мелодий и песен чукчей, коряков, ительменов характерны специфические приёмы музыкальной изобразительности: гортанные равномерно-подвижно чередуемые звучные вдохи-выдохи, гортанный похрип и иные гортанные призвуки, разнообразные покрики, завывания и гудения, попискивания, полаивания, различные быстрые язычкодрожания (особенно

в колыбельных песнях), придыхания и тому подобное. В настоящее время создаются народные песни с применением этих средств.

Огромное количество музыкальных инструментов было у народностей Камчатки. Однако, слабо дифференцированные, они после праздников и обрядов выбрасывались или сжигались, выполнив очистительную функцию.

Все инструменты коренных народностей Камчатки можно разделить на четыре большие группы:

1. Струнные — алеутская балалайка, ительменский двухструнный инструмент, курильский берестяной струнный инструмент, ительменская разновидность скрипки, музыкальный лук.

2. Шумовые — кольца, шаманские подвески, олюторские подвески, нерпичий и рыбный пузыри с мелкой галькой внутри и другие.

3. Духовые — рожки, птичьи «поющие» перья, ительменские и корякские дудки.

4. Ударные — корякский, эвенский, эскимосский бубны, ительменские, камчадальские берестяные ударные инструменты, эвенский тамтам и другие (полевые материалы автора, 1969—1976 гг.).

В настоящее время идёт работа по созданию оркестра народных инструментов Камчатки.

Успешно работают в сфере духовной культуры представители советской творческой интеллигенции из коренных народностей Камчатки: научный сотрудник ДВНЦ АН СССР ительменка Н. К. Старкова; научный сотрудник, биолог, коряк по национальности, Н. И. Наянов; языковед А. Н. Яйлеткан; преподаватель Камчатского педагогического училища корячка И. С. Попова; члены Союза советских писателей камчадал Г. Г. Поротов и коряк В. В. Косыгин; заслуженный деятель культуры Т. П. Лукашкина; член Союза художников камчадал А. Ф. Винокуров; художники-камчадалки З. А. Машихина, О. Угрина; ительмен В. Запороцкий, коряки В. Лазарев, К. Килпалин, Н. Тнельхут.

В процессе построения социализма и коммунизма, благодаря неустанной работе партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций, коренные народности Камчатки достигли огромных успехов в развитии материальной и духовной культуры.

Культурный прогресс общества определяется тем, насколько активной становится творческая деятельность масс, основанная на достижениях материальной и духовной культуры. Современная духовная культура народностей Камчатки способствует формированию человека нового типа, воспитывая его нравственно, обогащая его внутренний мир.

Одной из причин этого является то, что, очистившись от древних верований, духовная культура народностей Камчатки не прервалась, а развивается дальше в условиях развитого социализма, став неотъемлемой частью самой богатой, самой передовой в мире духовной культуры великого советского народа.

КОКМ ОФ 31995/33. Авторизованная машинопись. Без даты

Маски

По свидетельству русских, живших в XIX в. в Русской Америке, у индейцев племени тлинкитов были деревянные головные уборы и маски, которые не пробивала пуля. Украшенные резьбой и орнаментами, раскрашенные оранжевой и алой краской, с пучками ярких перьев, они и сегодня привлекают внимание посетителей музея Института этнографии Академии наук СССР в Ленинграде, в доме, где Пётр I основал кунсткамеру.

У соседей тлинкитов — алеутов, также занимавшихся морским зверобойным промыслом, были подобные головные уборы и ритуальные маски. Правда, маски изготовлялись без отверстий для глаз, а надевший её был вынужден смотреть через широкие «ноздри», чтобы не споткнуться.

Доктор исторических наук, директор Музея этнографии народов СССР Д. Сергеев, производя раскопки на Чукотке, обнаружил маску, получившую название «Хозяин Вселенной». Маска изображала круглое человеческое лицо, скуластое, с добродушным выражением глаз. Её возраст две тысячи лет. Так как чукчи заселили полуостров значительно позже эскимосов, учёный считает, что эта маска эскимосская.

Научный сотрудник Института археологии АН СССР в Ленинграде (сектор палеолита) Л. П. Хлобыстин также при раскопках на полуострове Таймыр нашёл подобную маску, её возраст ещё более древний, нежели маски с Чукотки. Но, видимо, и она является эскимосской...

До недавнего времени коренные жители беринговоморского побережья Камчатки — алюторские и карагинские коряки на празднике хололо употребляли подобные маски, называемые «улляу» или «улляун». На праздниках береговых коряков, а также у олюторских оленеводов маска использовалась как ритуальный предмет: скрываясь за ней, ряженые разыгрывали пантомимы, изгоняли зловредных духов — нинвитов из человека и жилища, наказывали провинившихся молодых людей. Иногда ряженые раздаривали

односельчанам запасы пищи богачей, так участвуя в более справедливом распределении продуктов, характерном явлении для доклассового общества (полевые материалы автора, сёла Карага и Анапка).

На западном побережье Камчатки только в селе Лесном был обряд улляу. Но это объясняется традиционными связями села с Карагой (по горной тропе, пересекающей Срединный хребет).

О наличии деревянных масок у алюторцев, карагинцев и лесновцев свидетельствуют также И. С. Гурвич и И. С. Вдовин.

У всех остальных групп коряков, а также у ительменов, на праздниках морских зверей, кита, хололо тоже были маски, но они изготовлялись плетением из травы. Об этом свидетельствуют в своих работах С. П. Крашенинников, В. И. Иохельсон, специально изучавшие этот вопрос.

Тогда чем же можно объяснить тот факт, что деревянная маска была у карагинцев и алюторцев, жителей побережья Берингова моря? На мой взгляд, одним: связями этих двух родственных групп коряков с древними эскимосами и алеутами. Это подтверждается и другими материалами: у алюторцев и карагинцев есть эскимосские имена (например, Уке, Уккеа); в похоронном обряде они употребляли сложный по форме лук из каменной берёзы с короткими стрелами эскимосского типа (полевые материалы автора, сёла Карага, Тымлат, 1968—1972 гг.).

Маска улляу представляет собой изображение удлинённого лица с грубыми чертами: длинным носом, выпуклым лбом, безгубым ртом и отверстиями для глаз. Изредка встречаются просверленные ноздри. Обратная сторона выскабливалась, маска привязывалась при помощи тесёмок.

На расспросы старожилов, кто такой улляу, откуда пришёл на праздник, был лишь один ответ: «Не знаем. Но улляу пришёл с севера!» В одной из сказок, записанной у старожила села Карага Э. И. Котлова, повествуется что улляу вместе с медведем на берегу реки боролся со зловредным существом нинвитом и победил его.

На следующий день после праздника маски отвозили далеко от дома в тундру и выбрасывали. Считалось, что тот, кто поднимал выброшенную маску, должен был утонуть.

Все перечисленные сведения дают основание предположить, что культ улляу был как-то связан с водой, рекой или морем.

Определяя значение этого слова методом сравнительного языкознания, можно с уверенностью сказать, что корень слова «улляу» не имеет ничего общего с корнем слова «уттуууг» («утт-

отт») — «дерево», то есть название маски не связано с материалом, из которого она изготовлена.

На корякском (чавчувенском) языке маска называется «лг'улкылайпиньнын» (словарь А. Н. Жуковой). На языке береговых коряков (нымыланов) — «улляун» (словарь Е. М. Корсакова) с переводом «деревянная маска, надеваемая при обрядах». У северных алюторцев маску называли «ульуль».

Но на всех диалектах корякского языка есть слово, которое по корню очень близко слову «улляу». Это — улуул (корень улу-оло) — сивуч, морской кот.

Здесь мы видим два близких по конструкции (древние слова образовывались путём повторения слога. Так, у палеоазиатов: явъяв — куропатка, нымным — посёлок, нутунут — тундра и т. д.) и созвучию слова. Есть ли генетическая связь между ними? На этот вопрос имеющиеся факты дают возможность ответить утвердительно.

В XVIII—XIX вв. часть восточного побережья от селения Озерная до села Карага называлась Дранкинским или Укинским берегом. Основным занятием местного населения была охота на нерп, лахтаков и в первую очередь на сивучей, из шкур которых изготавливали покрышки байдар, ремни, подошвы. Осенью, зимой и весной жители побережья охотились на льдинах, применяя в качестве маски скальп морского зверя. Точно также охотились и эскимосы. Такая маска для охоты хранилась у жителя села Карага Егора Христофоровича Чечулина.

Охотники обожествляли и поклонялись морскому зверю, на которого охотились. В конечном счёте поклонение перерастало в культ, а культ зверя сливался с культом предков и «оживал» на празднике зверей.

В наиболее древних фольклорных материалах эскимосов, алеутов и палеоазиатов фигурируют «хозяева моря» — лахтаки, сивучи, моржи.

Корень «ул» (у — «дерево», ля — «лицо», «деревянное лицо») у нымыланов, чавчувенов (лг'ул, где «г'» не произносится), алюторцев (уль), эскимосов и алеутов (уллиг' — обувь с подошвой сивуча) идёт от названия сивуча (улуул). Видимо, первоначально маски, применяемые на праздниках, были не только деревянными, но и в виде скальпов. Позже, особенно у алюторцев и карагинцев, устоялась деревянная.

Учитывая факт утраты алюторцами тонального ударения, И. С. Вдовин предположил, что решающую роль в этом сыграли древние эскимосы, в языке которых такое ударение отсутствует.

Изложенные факты свидетельствуют, что ритуальная маска улляу появилась благодаря морскому промыслу коренных жителей Камчатки.

До установления советской власти на полуострове праздники народностей Камчатки находились в состоянии консервации и не играли прогрессивной роли. Отдельные изменения в хозяйственной и культурной жизни корякского села привели к распространению праздников и их дальнейшему развитию.

Развились и изменили своё содержание обряды: тэлытэл (вертушка) — стал спортивным, а улляу — развлекательным. Сама маска улляу из ритуальной стала театральной. Корякский профессиональный ансамбль «Мэнго» использует её при постановке танцев на народной основе.

КОКМ ОФ 31995/48. Рукопись. Без даты.
Под названием «Истинное “лицо” маски» напечатана в газете «Камчатский комсомолец» за 27 сентября 1975 г., № 115

Танцы народностей Камчатки

Богат танцевальный фольклор народностей Камчатки! Интенсивно развивается танец в эпоху развитого социализма на клубной сельской сцене и в городском доме культуры, он несёт много современных прогрессивных элементов.

Однако в сёлах и посёлках, отдалённых от районных центров, где ещё недавно сохранялись старинные обычаи, обряды, праздники, танцы имели немало архаичных элементов.

У палеоазиатов (коряков, ительменов, чукчей), эвенов, алеутов — богатые танцевальные традиции. Вот танцы, которые исполнялись на праздниках народностей Камчатки: нерпы, посвящения в охотники, плывущей нерпы, тэлытэл, улляу, танцы вокруг берёзки, молодёжный, девичий, мужа и жены, влюблённых, детский, хаюшки (амхыкан). Интересны элементы таких танцев, как ик-ик, мастериц, бабушек, укинский, орла-ворона, а также анапкинский, соревнования, эффэв. Обязательными являются элементы ритуального кривляния — все на празднике морских животных (ололо); это делается «в радование» души убитого жертвенного оленёнка. Существуют разновидности в танцах оленевода-алюторца, оленевода-чавчувена. Есть ритуальные танцы с предметом очищения с бубном, излечения с бубном, вокруг рогов, хаюшки — чавчувенские на праздниках оленеводов; охотничьи — встречи и проводов кита на празднике кита, а также бубна, нового бубна и очищения жили-

ща — у нымыланов и чавчувенов на одноимённом празднике спуска байдары; чайки — на празднике первой рыбы; норгали — эвенский танец на празднике медведя; есть танцы по наименованию животных: воронов, морского котика, топорка, камака, в масках — на алеутских праздниках; бакию, орла, волка, медведя, кита, благодарения морских зверей — на ительменских. Своеобразны хаюшки, круговой женский, мужской, ритуального кривляния, волка — на празднике благодарения.

По происхождению на первом месте стоят танцы-подражания повадкам промысловых зверей, в том числе и в ритуальных целях, благодарения их за то, что они пришли к охотнику, задабривание и просьба, чтобы они приходили снова. На втором месте — промысловые танцы (оленеводов, спуска байдары, кильвэй, мастериц, хаюшки, укинских охотников — последний близок к эскимосским промысловым); на третьем — любовные, дальше — развлечения, соревнования, гадания, благодарения, обман зловредных существ, в лечебных и колдовских целях.

Перечисленные древние танцы составили тот субстрат, из которого стали быстро развиваться народные танцы коренных жителей Камчатки.

Ещё в середине XVIII столетия С. П. Крашенинников, автор «Описания земли Камчатки», даёт краткое описание танцев камчадалов: «Первый род пляски... вообще употреблён у курильцев на Лопатке, также у всех камчадалов... Оная пляска... почитается за пляску мореходов». Эта пляска исполнялась в сопровождении пения хаюшек. «Сей род пляски состоит в том: десять человек мужчин и женщин холостых становятся в круг в лучшем своём платье, ходят кругом тихо, поднимая ногу за другою по такте. Один за другим говорит слово так, что когда половина выговорит последние слова, то другая первые... Столь странен крик притом происходящий, однако они столько от того забавы имеют, что ежели плясать начнут, то до тех пор не перестанут, пока не запышатся и не обессилеют... Иногда они беспрестанно пляшут часов по двенадцать и по пятнадцать, с вечера до самого утра, и ни один в юрте не остаётся, кто бы ни пожелал забавляться, самые дряхлые старики не желают терять притом последней силы».

Этот танец был связан с «очищением» участников праздников: считалось, что тот, кто танцевал до изнеможения, испытывал глубокую физическую усталость, впадал в забытье или входил в транс, — изгонял зловредных существ (злых духов) из своего организма.

А вот описание ещё нескольких танцев:

«Главнейший танец, когда девки и бабы садятся в круг, после одна встаёт и, запевши песню, махает руками, а в руках на средних пальцах имеет тончишь, движет всеми членами столь проворно, что не дивиться тому довольно нельзя, и кричит голосами различных зверей и птиц...»

Женский танец исполнялся двумя рядами танцовщиц, которые, поднимаясь на носках, поводили плечами, не шевеля руками и не сходя с места.

Был очень своеобразный танец, который исполняли исключительно мужчины. Сперва выбегает один, который бьёт в ладоши, по груди, поднимает руки кверху и делает «диковинные движения». Потом, второй, третий. «А при том все кругом вертятся».

Танцы ительменов, описанные русским этнографом, сохранились и до наших дней у южных коряков. Но как они изменились за советское время! Сдержанные, плавные, они очень грациозны и привлекательны. Неужели, как утверждают некоторые зарубежные авторы, танцы исполнялись в ритуальных, магических целях, связанных с первобытными верованиями?

Вот на празднике осеннего подгона оленей молодые оленеводы исполняют танец оленят, а пожилые — подражают вожакам табуна.

В селе Ковран на семейном празднике танцуют мужчины. Они наклоняются вперёд, приседают, раскинув руки, прыгают, становятся на одно колено. Это ительменский танец орла.

«Нерпы плывут!» — объясняют мне старожилы на празднике морских зверей у олюторцев. Женский танец плавный, движения рук подобны нерпичьим ластам, телодвижения гибки, как у нерпы, играющей в воде.

Повадки кита изображаются на одноименном празднике кита у коряков-пенжинцев.

«Кыйя, кыйя!» — кричат женщины на берегу реки. Раскинув руки, они танцуют, а в реке на нерест идёт лосось. Над ним — чайки. Так родился танец «Чайки».

Эвены и ительмены исполняют танец, тема которого — повадки, движения хозяина тайги — медведя. Но как по-разному исполняется этот танец у этих народностей! Подражание зверям, птицам перед или после охоты, чтобы задобрить их — так произошли эти танцы.

Спускают весной байдару в море. Вместительное двенадцатиметровое кожаное судно, крепок деревянный шпангоут. Идёт охота. И вот слышатся восклицания: охотник тащит добычу — лахтаков, нерп, моржей.

Начинаются танцы, посвящённые охоте. Здесь и гребцы, и охотники, и «киты», и «нерпы». В общем танце они мирно движуться. Ни одного слова. Изредка слышатся восклицания: «Оча! Аxx-ха! Ик-Ик! Олё! Гр-гр-гр!»

Идёт своеобразная пантомима, спектакль-балет. Зрители всё понимают. Каждый танец исполняется по-своему. Существует и язык одежды, маски. Одежда может быть на одном исполнителе и мужская, и женская (обувь, например). На лице — маска.

Анализ показывает, что главное направление в танце, его основа — это отражение трудовых процессов, занятий местного населения Камчатки: рыболовства, охоты, собирательства, оленеводства.

Нелёгким было начало развития нового танцевального искусства в Корякии. Так, первыми танцовщиками, вышедшими на сельскую сцену, были Утонова — председатель Карагинского сельсовета, Чечулина — колхозница, Обухова — секретарь сельсовета. Ими руководила учительница Правоверова, тогда ещё студентка Хабаровского педагогического института. Она первая поставила на сельской сцене танцы «Утки», «Норгали», которые имитировали движения и повадки птиц и зверей. На этой основе в селе в 1950-х гг. сложился танцевальный ансамбль.

Сначала девушки стеснялись танцевать, потому что тогда ещё корякские танцы на сцене не исполнялись. Несмотря на то что народных танцев было много, они исполнялись исключительно на праздниках. В старину считалось, что вне праздника, и тем более по просьбе или на сцене, исполнять их нельзя, так как боялись, что исчезнет магическая, очистительная роль.

Традиции корякского танца передают молодёжи люди старшего и среднего поколения: Г. И. Никифоров, А. И. Никифоров, С. Ощепков, Э. И. Котлов, Е. П. Уварова, А. В. Колегова, И. Э. Котлова, А. А. Притчин.

В XIX столетии между карагинскими, алюторскими коряками и приморскими чукчами, приходившими на байдарах в гости, регулярно устраивались смотры-соревнования, на которых исполнялись танцы-хаюшки в сопровождении птичьих напевов.

Экономические и культурные контакты между народностями Камчатки восходят к глубокой древности. Взаимовлияние культур особенно усилилось в наши дни, благодаря общим созидательным делам нашего общества.

Художественная самодеятельность стала той школой, через которую проходит народный танец, модифицируется, превращаясь в современный, советский. Так, камчатские чукчи, проживающие

в селах Ачайваям, Хаилино и Пахачи, так же как и коряки, развивают своё танцевальное искусство. Развитие идёт планомерно, изо дня в день, из года в год. То, что проходит через сельскую сцену, обычно показывается на районных и городских смотрах в Петропавловске-Камчатском.

В селе Хаилино работает медсестра Вальгинаут. Она прекрасная танцовщица, лауреат районных и областных смотров художественной самодеятельности. Хаилинским танцевальным ансамблем были созданы танцы «Гейзер», «Хаилинские девчата» и другие, посвящённые современной тематике.

Алеутские танцы отличаются от танцев других народностей полуострова меньшей подвижностью, большей натуралистичностью. Танцовщик со всей тщательностью подражателя следит за каждым своим движением. Каждый жест руками, каждый поворот головы, корпуса, каждый шаг, прыжок одновременно двумя ногами — всё имитирует передвижение скачками, игры котиков, танец каланов, неуклюжие повадки топорка. Танцы «Топорок», «Котики», «Калан», «Охотник и котики» — всё это отражение хозяйственных занятий алеутов в духовной сфере.

Богатая мелодичная основа танца способствовала опоэтизации промысловых сюжетов. На алеутских праздниках исполняли танцы ворона, Омха и Камака (сверхъестественных существ, которым поклонялись), танец в масках.

Вершины танцевального искусства алеуты достигли в танцах «Баланс», «Суглаяхтах» и «Тулукиззах». В конце XIX — начале XX столетия у алеутов привились русские народные танцы, кадрили.

В советское время алеутский танец развивается особенно плодотворно. Этому способствуют богатое фольклорное наследие и новые методы в деле создания народных танцев.

Танцы камчатских народностей прошли большой путь развития. На первом этапе танцы являются натуралистическим подражанием животным, на которых охотились, зверям-кормильцам, имитацией трудовых процессов, охотничьими пантомимами. Все они связывались с ритуальными обрядами, с их охранительными и благодарственными функциями, якобы способствовавшими удачной охоте.

На втором этапе «звериная» пластика «очеловечивается», подражание повадкам зверя отступает на второй план. Первоначально эта пластика ещё грубовата, позднее — более мягкая, лёгкая, обобщённая: движения рук, плеч, повороты корпуса плавно переходят одно в другое. Движения осмысленны. Такая пластика уже является творческой, истинно человеческой. На этом этапе танцы

обособляются от праздников, частью которых они являлись. Танцы эти опоэтизируются девушками, женщинами, молодыми людьми, выходят на сельскую сцену.

На третьем, современном этапе, танцы развиваются на основе дальнейшего сбора и изучения танцевального фольклора, переработки накопленного, соединения многих элементов, характерных для родственных групп коряков. Совершенствование танца в условиях развитого социализма идёт по пути отражения творческого труда, нового быта, развития чувства любви к родине, к матери. Дальнейшая шлифовка народного танца ведётся балетмейстерами, профессиональными мастерами искусства.

Если раньше у коренных жителей Камчатки в танце не существовало образа человека, не раскрывалась его личность, то в настоящее время здесь нашли своё отражение образы смелого, сильного юноши, воина, оленевода, рыбака, скромной девушки, полной душевной красоты, женщины-труженицы, матери.

В этот период начинают преобладать коллективные танцы. В каждом камчатском селе ежегодно рождается по нескольку новых советских танцев.

Народные танцы Камчатки получили своё дальнейшее развитие в работах Сергея Кевевтегина, первого корякского балетмейстера, студента третьего курса Московского института культуры. За последнее время им создано несколько бальных танцев, в том числе «Корякский бальный», «Вывенка», «Хололо». На основании материалов Георгия Поротова и Нелли Суздаловой появился новый «Ительменский бальный», а в Алеутском районе Камчатки — танец «Алеуточка». Большую помощь камчатским хореографом оказывает руководитель студенческого ансамбля «Северное сияние» (ЛГПИ имени А. И. Герцена, Ленинград) Т. Ф. Петрова-Бытова. Она является постановщиком ительменских и эвенских танцев на народной основе. На Камчатке рождаются новые танцы: «Мастерицы», «Счастливая молодость», «Танец с блюдцами», «Цветок».

Венцом развития танцевального искусства явилось создание танцевальных ансамблей. Из них флагманом является корякский ансамбль «Мэнго», руководитель Александр Гиль.

В районах области более десяти таких народных ансамблей: ительменский «Эльвель» (село Ковран, организатор Е. Гуторова), алеутский (село Никольское, руководитель Симаков), корякские «Каюю» и «Айгена» (организатор Сергей Кевевтегин), «Энер» (организаторы Д. П. Правоверова, Н. С. Попова, Н. И. Наянов), эвенский «Нургэнэк» (постановщица танцев Т. Ф. Петрова-Бытова),

«Молодость» (организатор и руководитель заслуженный работник культуры РСФСР Т. П. Лукашкина, село Тиличики), «Хаилинские девчата» (постановщик заслуженный артист РСФСР Ц. Бадмаев), а также ансамбли сёл Средние Пахачи, Вывенка, Манилы и другие.

КОКМ ОФ 31995/50. Авторизованная машинопись. Без даты

Традиционная кухня карагинских коряков

В своём историческом развитии палеоазиаты Камчатки стояли несколько изолированно от других народов. Поэтому экономический уклад палеоазиатов представлял собой явление в некоторой степени окраинное и замкнутое. Это относится и к корякам. Правда, в отличие от ительменов, у коряков сочетались два уклада: оленеводство у оленных чавчувенов, рыболовство и морская охота береговых нымыланов. С этой точки зрения обозначенный в статье вопрос, который является частью вопроса о традиционной корякской кухне вообще, можно рассматривать в плане взаимодействия двух вышеуказанных укладов. Движение, развитие традиционной корякской кухни происходило, по-видимому, благодаря контактам между оленеводами и рыбаками и морскими охотниками. Нерегулярность обмена продуктами оленеводства и охоты способствовала расшатыванию и, следовательно, движению и развитию общекорякской традиционной кухни. По мнению автора, сдвиг в обмене продуктами животноводства, то есть питания, происходил в сторону береговых жителей, так как наиболее обеспечены были оленеводы. У оленных коряков ассортимент сырья для приготовления пищи был намного меньше, чем у береговых, в том числе и потому, что оленные коряки для большей транспортабельности зачастую оставляли на местах временных стойбищ кухонные орудия и утварь. На стоянке неолитического времени в Олюторском районе «Зелёный Мыс-2», исследованной автором, найдено несколько каменных ступок и пестиков для толчения оленьего жира. Береговые жители имели большее количество кухонного инвентаря и керамической посуды (мезолитическая стоянка «Тавэлямту» в окрестностях села Карага — сеточная и гребенчато-сеточная керамика возраста две — две с половиной тысячи лет). По этой причине, видимо, традиционная корякская кухня развивалась на морском побережье. Даже тот факт, что береговые жители не всегда были в достатке и им приходилось изыскивать новые виды сырья и осваивать их для приготовления пищи, говорит о том, что именно здесь кухня получила своё наибольшее развитие.

В настоящее время такое сочетание продуктов оленеводства, продуктов морского промысла и рыболовства достигло максимального развития. В магазине рыбкоопа в селе Карага всегда есть оленье мясо, а местные жители полностью используют возможность заготовить достаточное количество лососёвой рыбы в виде юколы, балыка и рыбы крепкого посола в бочках.

Но традиционная кухня, несмотря на такие большие возможности для развития, не стала и не может стать главной кухней карагинцев в наше время. Подавляющая часть населения Караги пользуется русской кухней, непосредственно связанной с интенсивным колхозным хозяйством — в селе есть колхоз «Ударник». Колхоз имеет две фермы крупного рогатого скота, крупнейшую птицеферму с инкубатором. Всегда в продаже есть молоко и молочные продукты, птица, яйцо, картофель. Магазин рыбкоопа обеспечивает население овощами и фруктами. В колхозе работает столовая. Столовые есть в детском саду, яслях, сельской больнице, интернате при восьмилетней школе. Каждая корякская семья имеет огород, где в трудных климатических условиях выращивают картофель, лук, редис, репу, салат.

Русское влияние на пищу карагинцев оказалось плодотворным, но одновременно и русская кухня в селе Карага испытала влияние корякской. В смешанных семьях — русско-корякских — кухня преобладает русская, в корякских семьях, члены которых имеют возраст до сорока восьми лет и моложе, кухня также русская, но с незначительным элементом корякской.

Таким образом, традиционная корякская кухня является в большей степени главной для пожилых людей, в меньшей — для людей среднего возраста и эпизодической — для молодых карагинцев. Тем не менее, традиционная кухня живёт, и к ней привычен каждый карагинец. Зачастую жители села рассказывают, что старинные корякские блюда — это «деликатес своего рода».

Одной из особенностей корякской кухни является сезонность большинства блюд. Летом идёт лов лососёвых пород, осенью — корюшки, зимой — вентерями добывают навагу (подлёдный лов). Зимой или поздней осенью происходит забой оленей, летом собирают на берегу моря морскую капусту — ламинарию, ракушки, морских ежей; осенью — ягоду в тундре.

Найденные на археологических стоянках в районе сёл Карага, Манилы Пенжинского района и Тиличики Олюторского района потреблённые раковины моллюсков оболюс и мидия, кости лососёвых рыб, кости лахтаков, нерп, оленя, моржа и других животных

имеют возраст от двух до семи тысяч лет. Они указывают на продолжающуюся традицию корякской кухни. В этом плане интересна и обратная связь: изучение традиционной кухни коряков с точки зрения этнографии может принести большую пользу археологии для моделирования древних культур, контактирующих с палеокорякской или ей смежными.

В настоящее время на некоторые блюда в определённый сезон существуют запреты, которые имеют под собой реальную основу. К примеру, моллюски употребляют в пищу только летом и зимой, так как весной и осенью они ядовиты. Существуют запреты и на употребление печени нерпы с нерпичьим жиром, свежей сырой рыбы...

Пища карагинских коряков, живущих на восточном побережье Камчатки, очень разнообразна. По мнению автора, кухня карагинцев является типичной для всех береговых коряков, и в более широком масштабе она может быть главным компонентом для статьи о традиционной кухне всего корякского народа.

Рыбные блюда являются преобладающими в меню карагинцев. Вот некоторые из них.

1. Килыкил — свежая отварная лососёвая рыба без костей размельчается, смешивается с голубикой и шикшей и заливается нерпичьим жиром. Приготавливается летом и осенью.

2. В'акныт'ол — строганина из свежемороженой наваги. Готовят зимой.

3. Тэв'ал — юкола. Готовится из лососёвых пород путём вяления или сушения, обычно не солёная. Употребляется с жидким нерпичьим жиром.

4. В'ыл'лэвут — кислые головки лососёвых рыб. Иногда чуть подсаливаются, но обычно употребляются без соли. Кисление производится следующим образом: на дно бочки кладут как закваску свежую икру кеты или горбуши, а сверху — головки рыб из семейства лососёвых. Через два-три дня они готовы.

5. Гэв'ысал-эннээн — кислая рыба для собак. Кислят в земляной яме, размерами примерно метр на метр и столько же глубиной. Сверху накрывают соломой, досками или жердями и засыпают землёй. При недостаточном количестве кислорода рыба не разлагается полностью и сохраняется до самой весны. Имеет очень резкий запах и острый вкус. Кисление рыбы для заготовки впрок восходит, видимо, к глубокой древности. По мнению автора, этот процесс полностью соответствует силосованию кормов в ямах и может называться «силосованием рыбы». Гэв'ысал-эннээн берётся из ямы в морозный день. Крепко мороженая рыба рубится и употребляется для корма собак.

6. Лэв'ту — свежие головки кеты и горбуши. Жабры удаляются, остальное всё съедается. Наиболее вкусными считаются глаза рыбы. Едят и часть спинки, состоящей из жира. Свежее мясо рыбы не едят, так как будет болеть желудок.

7. Ассуас — горбуша. Едят свежеварёной, жареной. Солят в бочках, а зимой отмачивают. После трёхнедельной выдержки в средней соли (тузлуке) можно употреблять в пищу.

8. Тканнэн — любую лососёвую рыбу с головками слабо кислят в бочке.

9. Ильак'у — морские бычки. Готовят суп, добавляют крупу, кладут картофель.

10. Камы'ык'кам — камбала. Варят и жарят обычно весной, когда нет другой рыбы.

11. Уха из лососёвых пород. Готовят без соли или с солью. Кладут марок'л — дикий лук или палг'марокл — черемшу.

12. В'асмав' — брюшки наваги и горбуши, так называемые «пупки». Солят сухой солью и складывают в бочку, иногда выдерживают в тузлуке. Перед употреблением отмачивают. Едят с хлебом.

13. К'леллелев' — икра, сушённая с травой. Употребляют зимой с корнями кутав'в'ы и мытав'ы.

14. Гин'ытг'ин — рыбное блюдо. Сначала варят рыбу, потом извлекают все кости и мясо перетирают руками. Сушат на солнце на расстеленной ткани, клеёнке или брезенте. Стараются сушить на высоком настиле балагана (юкольника), реже — на земле. Когда высохнет — ссыпают в мешки. Зимой эту «рыбную муку» разбавляют кипячёной водой, солят, добавляют нерпичий жир.

15. К'уск'атылк'ын — рыбно-мясной тылк'тыл (толкушка). Кижуча и его молоки варят с небольшим количеством воды. Извлекают кости, добавляют две-три ложки нерпичьего жира и толкут. Добавляют ягоду, большей частью шикшу, дают массе застыть. Могут ещё раз истолочь и ещё добавить ягоду.

Мясные блюда.

1. В'ыл'выл — приготовляют из внутренностей нерпы и лахтака. Желудок, тщательно вымытые кишки, печень, лёгкие режут и кладут в мешок из шкуры нерпы, чтобы слабо подкисло. Получается острое блюдо.

2. В'ыльйигйив — готовится так же, как и в'ыл'выл, но из внутренностей оленя. После того как внутренности подкиснут, их заливают свежей оленьей кровью.

3. Мэтк'камэт — нерпичий топлёный жир. Употребляется для приготовления многих традиционных блюд карагинских коряков, чаще всего с сухой и пресной юколой.

4. Итытунхалтыргын — варёное нерпичье мясо.

5. Итыррыргын, итыткинув'ы — варёное мясо любого зверя, но чаще оленина, готовится без соли. Варится до кипения и сразу вынимается из воды, чтобы не дать ему вывариться. При этом сохраняются необыкновенный вкус и аромат.

6. Мемланъапан — нерпичий суп.

7. Нерпичьи котлетки приготавливаются из варёного мяса, замораживаются перед употреблением.

8. Нерпичье сало — едят замороженным в сыром виде.

9. В'эснан'к'ан — кислый олений желудок. Блюдо, похожее на в'ыльйигйив. Кислят губы, копыта, лёгкие. Употребляют с кровью.

10. Неполностью переваренный мох (лишайник ягель) из желудка оленя. В настоящее время не употребляется.

11. Пэ'ат'ол — мясо оленя вешают весной на рогулях под юкольником. После высыхания едят как юколу, расслаивая волокна.

12. К'эйтэтыргын — мороженое мясо. Строгают ножом. Иногда солят или перчат. Изредка едят с хлебом или юколой.

13. Айфав' — сырой головной мозг. Едят без соли. Наиболее ценится мозг оленя.

14. Суп из оленины. В него часто кладут картофель, крупу.

15. Камлав' — костный мозг оленя. Кости варят, потом дробят каменным пестиком или молотком и едят мозг. Варёный олений мозг считается лакомством, его в просторечье называют «камушки».

16. Кев лэп'апана — кровяной суп. Готовят обычно зимой, когда убьют оленя. Из бульона вынимают мясо, кладут коренья — ав'ик («дикий рис» — мелкие клубеньки сараны), рэмн'у, затем льют кровь, помешивают, не давая супу закипеть. Едят ложками с хлебом.

17. Г'ымтал — завёрнутые в плотную ткань кости оленя дробят молотком, затем очень долго варят. Получается вкусный бульон. Иногда ему дают застыть, тогда получается холодец (студень).

18. Тыр'ытылав' — отварное оленье мясо толкут с жиром, дают застыть.

19. Экс'атылкэн. Готовится так: оленье сало толкут молотком на камне или растирают пестиком в деревянном корыте. Затем топят это сало, снимают с огня, добавляют немного воды, смешивают. Заливают нерпичьим жиром и тщательно растирают пестиком. В охлаждённом виде едят с мясом. Иногда в эго блюдо кладут ягоду

шикшу или картофель с мясом. Если положить в большом количестве кедровые орехи, то получается новое блюдо — орехи в сале.

20. К'орав'эн — конечности оленя варят как на студень, кладут мясо в бульон, продолжают варить. Потом заливают оленьей кровью и дают немного перебродить.

21. Г'ынлу — сушёное мясо со спины оленя (с хребта).

22. Тылк'тыл — «толкушка». Летом собирают в тундре ягоду — бруснику, морошку, сушат корни к'утак'ут (кутав'ы), мытав'ы, «дикую картошку» — кымсакав'. Заготовляют сушёную икру. Собирают «сладкую траву» — кипрей (нунуну), его вялят. Приготовление: вяленую мякоть нунуну кладут в деревянное корыто, на 10–15 минут заливают водой и толкут костяной толкушкой-пестиком (т'пака). Растолчённую на камне сухую икру, толчёный к'утак'ут кладут в корыто, перемешивают. Всё это заливают нерпичьим жиром и растирают т'пака до белого сметанообразного состояния. Добавляют ягоду и снова растирают. Ещё добавляют нерастёртую ягоду, и блюдо готово. В некоторых случаях в тылк'тыл кладут сухую рыбную муку или перетёртое, хорошо отваренное оленье мясо.

Тылк'тыл является праздничным блюдом, широко распространённым среди коряков. Иногда оно служит и для ритуальных целей. Им кормят калак — священное изображение предка. Тылк'тыл вместе с ольховыми ветками, перевязанными священной травой лаутэн, изображающими нерп, сжигают в печке на празднике карагинских коряков хололо.

23. Инэнкргэв — жареная мука. Толкут оленье сало, кладут на сковородку. Затем туда же кладут муку, которую покупают в сельском магазине. Жарят и всё время помешивают. Блюдо готово, когда мука станет кофейного цвета и начнёт хрустеть.

24. Лепёшки в тундре. Тесто замешивают на соке из выжатой через траву свежей лососёвой икры. Готовят у огня костра на камнях или, реже, закапывая завёрнутое в листья тесто в раскалённый песок под костром.

Растительная пища.

1. Мгр'омыр — морская капуста (ламинария). Собирают весной, летом и осенью на морском берегу.

2. Марок'л — дикий лук. Едят свежим или добавляют в уху.

3. Нун'уну — кипрей (иван-чай). Мякоть этого травянистого растения вырезают специальным костяным, железным или раньше каменным ножиком без ручки и сушат пластинками. Раньше коптили над дымом костра. Мякоть нун'уну называется йигыр'у.

Свежая мякоть употребляется сразу на месте сбора или по пути домой, сушёная — зимой для приготовления различных блюд, тылк'тыла, например. При этом йигиыр'у или режут ножом, или пропускают через мясорубку.

4. Суп из щавеля. Собранный щавель мелко нарезают, кипятят десять минут, затем добавляют свежую икру без плёнки, смешивают и заливают нерпичьим жиром.

5. Эн'эн'у — «горячие пучки», зонтичное растение. Заготавливают на зиму, привязывая за верхние концы по 10 штук, и сушат. Едят мякоть. Летом едят очищенные стрелки этого растения. Они имеют сладковатый вкус. Эн'эн'у употребляют с юколой.

6. К'рэльк'ыв — «холодные пучки». Самое раннее съедобное растение, его собирают в начале июня. Едят с икрой и корешками. К середине июля в Карагинском районе растение стареет и становится несъедобным. «Холодные пучки», в отличие от «горячих», не опасны при первичной обработке, то есть не обжигают кожу, губы и полость рта.

7. Эв'ик — «дикий рис» — мелкие клубеньки сараны, растения из семейства лилейных. Сейчас его мало кто собирает, а в более ранние времена эв'ик собирали так: ходили по берегам рек, по лужайкам, искали запасы мышей (пипик'льг'ын). Искали при помощи острой палочки, которой протыкали кочки и, наткнувшись на запасы мышей, раскапывали их. Такие запасы назывались роер'эн. Эв'ик употребляется для приготовления сложных праздничных блюд.

8. Ягоды: рыт'тырыт — морошка. Едят осенью, а зимой с ней готовят тылк'тыл.

Эв'энн'эн — шикша. Очень ценима за тонизирующее действие, компонент тылк'тыла

Гыен'эн — брусника. Компонент тылк'тыла. Также ценится за хорошую сохранность. Хранят в мешках на юкольниках.

Элыт'ан — жимолость. Едят летом.

Миймий — рябина. Дословный перевод — «горькая». Варят варенье.

9. В'ырв'ыр — сладкий луб берёзы, снимаемый с дерева весной. Его тонко строгают, сбрызгивают водой. Когда луб немного покраснеет, едят с нерпичьим жиром или сухой пресной икрой. Так как весной ягода кончается, то это блюдо незаменимо как содержащее много витаминов.

10. Элл'ег'у — соскабливают весной с берёзы самую нежную и сочную плёночку и едят растолчённой с берёзовым соком.

11. В'унэв — кедровые орехи. Растут на кедровом стланике, собирают летом и осенью. Летом едят вместе с шишкой, осенью и зимой — только орехи...

КОКМ ОФ 31995/51. Авторизованная машинопись. Без даты

Некоторые факты взаимосвязи фольклора карагинских и олюторских коряков с археологией и этнографией (тезисы доклада)

Карагинский и Олюторский районы КНО находятся на восточном побережье Камчатки. Восточное побережье в древности представляло собой арену упорной борьбы и миграций многих древних сухопутных и морских племён. И коряки-карагинцы, и коряки-олюторцы испытали на себе влияние эскимосов, алеутов, ительменов, чукчей, а в древности, по-видимому, и других племён. Антропометрические, лингвистические, этнографические, археологические и фольклорные данные свидетельствуют об этом.

Большой интерес представляет собой фольклор вышеупомянутых племён в деле восстановления исторического прошлого корякского народа. Фольклор в этом плане является ценнейшим дополнением к археологии, этнографии и антропологии.

В 1966—1971 гг. на территории КНО автором проводились комплексные исследования: сбор фольклора, этнографического материала и археологическая разведка. Собранные материалы дали возможность сделать некоторые выводы, касающиеся взаимосвязи фольклора с археологией и этнографией. Вот несколько фактов:

1. У жителей села Карага была записана легенда о сопке Тавэлямту («Легенда о любви»). Информаторы: Владимир Иванович Колегов, его бабушка Ульяна Колегова, Михаил Гуторов, Эммануил Иванович Котлов; Анатолий Терентьевич Никифоров, передавший рассказ своего отца.

Краткое содержание легенды:

Все жители — карагинские коряки, насельники древнего городища Тавэлямту, уехали на летнюю рыбалку. Последними уезжали родители двух взрослых сыновей и дочери. Отец, прощаясь, сказал своим детям: «Берегите нашу землю, защищайте её. Если придут враги — сообщите нам на Ынныткин» (летняя рыбалка). И родители уехали.

Пришли на больших батах враги с острова Карагинского. Осадили городище. Осада длилась долго. Сестра влюбилась в сына вождя воинственного племени, и благодаря тому, что вождь обманул

своего сына и его возлюбленную, городище Тавэлямту было взято, разрушено и сожжено. Тогда старший брат арканом-чаутом поймал сестру. Братья привязали её за косы к рогам дикого оленя, олень по камням помчался в горы, и сестра погибла...

При исследовании (археологическая разведка в 1969—1971 гг.) было установлено, что Тавэлямту — древнее городище с культурным слоем около двух метров. В горизонтах культурного слоя найдены кости нерп, диких оленей, нартовые подполозки из рёбер кита, наконечники стрел из кремня и обсидиана, костяные наконечники острог, многочисленная керамика. В культурном слое находятся горизонты из морских раковин мидий, береста, солома, обгорелые брёвна. Радиоуглеродный анализ определил возраст городища — 7240 плюс-минус 90 лет.

Таким образом, легенда подтвердилась археологической разведкой, доказавшей обитаемость городища в глубокой древности. Безусловно, что события, рассказанные легендой, относятся ближе к нашим дням, нежели нижний возраст археологической стоянки.

2. Легенда о древних жителях острова Карагинского. Рассказал Игорь Попов (ему рассказала мать — Матрёна Маркеловна Попова), уроженец острова Карагинского:

На острове, на его восточном побережье жило небольшое племя морских людей. Оно воевало со всеми другими родами коряков-карагинцев, которые также жили на острове. Мужчины этого племени имели большие лодки, на которых переправлялись через пролив Литке (шириной около пятидесяти километров), и также воевали с жителями восточного побережья Камчатки. Однажды в самой большой междоусобной войне это племя было почти полностью уничтожено. Оставшиеся его представители ушли на больших лодках в море. В легенде рассказывается о том, что это племя жило на обрывистом мысу острова. Во время прилива или высокой волны мыс становился неприступным. Много раз коряки-карагинцы давали отпор воинам этого племени, но долго не могли их окончательно победить. Победу одержали только тогда, когда эта небольшая протока была заполнена тысячами рогов оленей, которые не могла смыть волна, так как вода хорошо проходила под этим своеобразным мостом. При проведении археологической разведки на острове Карагинском было найдено тесло тарьинской культуры. При помощи таких тёсел древние предки ительменов выдалбливали баты. Карагинские коряки такого тесла не имели.

Эта находка говорит о двух фактах: а) что остров в древности был заселён (о его обитаемости говорят некоторые этнографы и иссле-

дователи), б) что племя, обитавшее на острове, было чуждо карагинцам, так как по некоторым данным коряки-карагинцы сами являлись пришельцами острова.

3. Рассказы о Рарарынын (о доме). «Раньше, — рассказывают Антон Притчин и Егор Чечулин из села Карага, — здесь, на морской косе, где сейчас раскинулось село Карага, жили люди. И место это по-корякски называлось Рарарынын. Здесь они рыбачили, здесь было много землянок... Однажды была большая волна (цунами?). Она затопила всю косу. Волна поднялась на высоту около пятнадцати метров».

Археологическая разведка на территории косы, где расположено село Карага, обнаружила несколько древних стоянок. Одна из них — стоянка «Ямэлкэн», к сожалению, распахана. Здесь собран богатый подъёмный материал. Особенно интересны каменные пестики, кремневые скребки, жирники. Они очень похожи на образцы, употреблявшиеся карагинцами лет сорок тому назад. Но образцы эти имеют и свои переходные формы, ведущие в глубины прошедших веков и, таким образом, доказывающие преемственность культур.

Видимо, невысокий уровень косы над уровнем моря (два метра) не устраивал древних жителей, и они переселились вверх по реке Карага (село Старая Карага).

4. Рассказы о Гэкэнгэйнэк. Русскими жителями посёлков Оссора и Карага и карагинскими коряками много рассказывается об этом «священном месте». На первый взгляд, этот факт не удивителен, так как оно — последние ледниковые моренные холмы — занято русским кладбищем. Кладбище образовалось совсем недавно — около сорока лет тому назад.

Но почему же тогда о Гэкэнгэйнэк рассказывают карагинские коряки? При исследовании Гэкэнгэйнэк оказалось, что здесь проходит древняя оленья тропа к Срединному хребту. По рассказам старожилов, тропой пользовались местные жители. Выяснилось также, что Гэкэнгэйнэк — это археологическая стоянка. Здесь обнаружены микролиты, ножевидные пластинки, скребки, карандашевидный нуклеус, которые определяют, что это протокорякская культура...

Позже, до прихода русских, здесь, по рассказам информаторов, карагинские коряки хоронили умерших.

Стоянка эта при дальнейших исследованиях может пролить свет на сложный вопрос этногенеза карагинских коряков.

5. В легенде о колдунье горы Кэтвым рассказывается о пожилой женщине, которая в трудный для карагинцев момент спасла

их от врагов. В легенде точно описано место, где жила колдунья. Это место было найдено.

Оказалось, что там сейчас находится корякское кладбище, которое, несомненно, связано с легендой. Здесь, по словам информаторов-карагинцев, с незапамятных времён кремировали покойных. Место это представляет большой интерес для науки.

6. Легенда о белой женщине:

Враги окружили карагинцев, которые отступили на вершину горы Кэтвым. У них были запасы пищи и оружие, но мало воды. Снег кончался, так как стояла середина лета. Враги кричали снизу, что утром они придут для переговоров об условиях сдачи. Тогда карагинцы за одну ночь вырубили большое корыто, и одна девушка, отличавшаяся более светлой кожей, сняла одежду и для того, чтобы спасти свой народ, легла в корыто. Враги, издали увидев, что у карагинцев полное корыто снега, ушли, так как решили, что те могут выдержать даже длительную осаду.

Информаторы показали место, где жили древние защитники. Здесь, на каменистой вершине, видны неясные следы ям-жилищ, найдены отходы каменной индустрии.

7. В селе Анапка (там проживают коряки-олюторцы) со слов Валентины Максимовны Уваровой записана сказка о двух братьях, которые защищали здесь древнее селение. Один из братьев был богатырём, другой — очень быстро бегал, так быстро, что перегонял стрелу. У старшего брата-богатыря была тяжёлая боевая одежда, сшитая из толстой двойной шкуры, засыпанная крупной галькой. Такую одежду не пробивали ни стрела, ни копьё. В окрестностях села Анапка местные жители показывают развалины жилища, сложенного из дикого камня, в котором жили два брата.

8. Легенда о борьбе за Зелёную сопку в окрестностях села Тиличики (коряки-олюторцы) рассказывает о том, что в результате этой борьбы часть олюторских коряков ушла на байдарах на остров Карагинский. Легенда записана доктором исторических наук, ленинградским этнографом И. С. Вдовиным. Здесь прослеживается связь между фольклорами двух крупных корякских племён. Эта взаимосвязь подтверждается некоторыми данными лингвистики и этнографии. Интересно, что в сказках коряков-карагинцев, проживающих на острове Карагинском, часто рассказывается о борьбе настоящих людей с людьми-медведями и людьми-осами, о борьбе ос и медведей. Образ Кутккинняку — положительного героя корякских сказок — носит здесь зачастую нерелигиозные черты, чем он несколько напоминает олюторского Куйкиняху.

9. О борьбе коряков и чукчей имеется ряд сказок, записанных автором в сёлах Олюторского района Верхние Пахачи, Ачайваям и Апука. Действия сказок и легенд развёртываются в конкретно указанных местах: мыс Крещённый Огнём, окрестности посёлка Заречный (Апука), Зелёная сопка и других.

При проведении археологической разведки выяснилось, что стоянка посёлка Заречного (Апука) имеет так называемую «позднеберингоморскую культуру». Здесь жили предки эскимосов. Возраст стоянки около двух тысяч лет. На археологической стоянке «Мыс Крещённый Огнём» обнаружены следы борьбы древних групп, видимо, за обладание лучшими пастбищами. Таким образом, легенды олюторских коряков несут в себе значительный процент достоверности. В сказках, преданиях и легендах конкретно и точно указываются места событий, часто указываются родовые и племенные группы, участвовавшие в событиях. Легенды связаны большей частью с борьбой отдельных родов, групп, племён и народностей, населявших Камчатку в XVII—XX столетиях и ещё раньше — в среднем и позднем (верхнем) палеолите. Причинами борьбы являлись оленьи пастбища, захват лучших, более удобных мест рыбалки и охоты, желание получить трофеи.

Для проведения дальнейших исследований необходимо, прежде всего, увеличить объём и улучшить качество собираемого фольклора. При этом наиболее желательно записывать сказки и легенды на корякском языке. Такой материал даёт большие возможности для этнографа, филолога, археолога. Только этот материал может дать конкретные факты для решения многих проблем по корякскому вопросу, в том числе и проблеме этногенеза коряков, не решённой до сих пор.

КОКМ ОФ 31995/37. Авторизованная машинопись. Без даты.
Под названием «Сказания и быль» опубликована в газете «Корякский коммунист» 12—14 октября 1972 г., № 12—13

Национальные традиции в современном гражданском и сценическом костюме коряков (доклад на выставке искусства Крайнего Севера и Дальнего Востока)

Корякская национальная одежда создавалась в процессе трудовой деятельности коряков, в их борьбе с суровой природой. В отличие от халатообразной, распашной одежды соседей-палеоазиатов — тунгусо-маньчжуров, верхняя одежда коряков — кухлянка (ит'эн)

является одеждой глухого, закрытого типа. Предки коряков занимались собирательством, рыболовством, охотой на тундрового и морского зверя, оленеводством. Развитие одежды, связанной с этими экстенсивными хозяйственными укладами, благодаря изоляции замедлилось.

С установлением советской власти на Камчатке, с переходом на оседлость в КНО, с постройкой новых благоустроенных сёл, с установлением твёрдой оплаты труда в колхозах и совхозах утратилась прямая зависимость коряков от природы, у них появились новые занятия, профессии. Последнее повлекло за собой изменения в одежде. Вместо универсального костюма, появляются гражданский, промысловый, сценический. Сейчас в корякском селе бытует и европейский костюм, появляются переходные типы одежды от народной к современной, бурно развивается прикладное искусство.

Работу по сохранению и развитию прикладного искусства на Камчатке ведёт ряд организаций. Это областной Дом народного творчества, Камчатский областной краеведческий музей, методический кабинет областного управления культуры, сувенирный цех в городе Петропавловске-Камчатском, городская фабрика индивидуального пошива верхней одежды, комбинаты бытового обслуживания во всех районах, мастерские по пошиву национальной одежды.

Областной Дом народного творчества (ОДНТ) и КОКМ являются главными собирателями предметов прикладного искусства, одежды, организаторами районных и областных выставок. Художники ОДНТ и КОКМ работают над сценическими костюмами для художественной самодеятельности области.

Художник-модельер городской фабрики индивидуального пошива Р. С. Скоршевская на основе корякского народного костюма создаёт новые модели, показывавшиеся на выставках в СССР и за рубежом. Модельеры фабрики разработали ряд моделей гражданской одежды, национальных по форме, и в раскроенном виде, в виде полуфабрикатов, отправляют их в корякские сёла. На фабрике изготовлены сценические костюмы для корякского народного ансамбля «Мэнго» и ансамбля села Карага «Энер».

Сувенирный цех в Петропавловске изготовляет корякские украшения для сценической и гражданской одежды, головные уборы, рукавички, тапочки, торбаса, праздничные головные повязки.

Искусство вышивки у коряков хорошо развито с древности. Прежде всего, это геометрический и растительный орнаменты, аппликация, мозаика, вышивка бисером, бусами. Геометрический орнамент вышивается из шейного волоса оленя и тонкого ремешка

посредством плоской металлической проколки. Он характерен для головных повязок — лен'атов, колуанов и налучников, подолов старинных кухлянок.

Расшифровать некоторые мотивы геометрического орнамента, вышитого мулине и жильными нитками, помогли авторы «сумки для воды», изготовленной из соломы диких злаков (ошибочное местное название — «морская трава»). Орнамент на сумках традиционный и всегда повторяется. Вот некоторые темы: ряд пересекающихся линий — уттуут — «ломаные палки», волнистые линии — мимл — «вода», мелкие двухлепестковые цветочки — глаза уйка, местное название рыбы мойвы (информатор пенсионерка Мария Павловна Попова, село Карага, 1970 г.).

Растительный орнамент вышивается мулине (у карагинских коряков, например) по замше, реже по ткани. Это простые четырёх-, шести-, восьми-, десяти- и двенадцатилепестковые цветы, растения, похожие на нунуну — кипрей, важного в хозяйстве коряков, которое употреблялось в пищу и для изготовления пряжи. Таким образом, в орнаменте присутствует реальная основа, взятая из жизни, из практики.

Мозаика и аппликация составляются обычно из кусочков камуса треугольной, ромбической и квадратной формы, из вырезанных из замши фигурок оленей и других животных.

Этнографические исследования КОКМ в КНО дали возможность выяснить и некоторые ритуальные цели, которые преследовали корякские орнаменты ещё в недалёком прошлом.

В этом отношении интересна головная повязка лен'ат. Она обычно хорошо орнаментируется строгим геометрическим узором с применением шейного оленьего волоса, более современным — цветками и листьями, бисером, бусами.

В 1966 г. в селе Средние Пахачи в беседе с местным каюромкоряком выяснилось, что головную повязку из красной ткани он повязывал для того, чтобы не болела голова. В августе 1973 г. в селе Карага у Егора Христофоровича Чечулина автором были отмечены два мужских лен'ата древнего облика, которые сохраняются и передаются по наследству.

По старинным корякским поверьям, записанным у Веры Николаевны Чечулиной в селе Анапка в 1970 г., считалось, что зловредное существо нинвит без защиты головы лен'атом или орнаментированным головным убором могло проникнуть в организм человека и ослепить его. Головной убор должен быть целым, без прорех. По этой же причине красивым фигурным швом оформлялись заплатки на

кухлянке на местах, где раньше под шкурой развивались личинки овода (кухлянка Д. П. Правоверовой, изготовленная в 1900 г. её бабушкой, село Карага, 1972 г.).

Во время похоронного обряда у карагинских коряков при переодевании покойника руки и пояс переодевающих повязывались соломенными пряслами для того, чтобы защититься от вредоносных нинвитов (информаторы Аника Гуторова, Мария Попова, село Карага, 1969—1972 гг.).

Таким образом, орнаменты коряков играли защитную, ритуальную роль.

В настоящее время ритуальный смысл орнамента забыт. Доказательством тому служит тот факт, что орнамент, имевший ранее определённое место на одежде, сейчас нашивается мастерицами-корячками по их усмотрению.

Лен'ат широко применяется в костюмах корякских ансамблей «Мэнго», «Энер», «К'аюю», «Айгена», он стал предметом корякского национального костюма.

Широкое распространение получил советский корякский орнамент в сёлах Манилы, Рекинники, Тиличики, Тымлат, Анапка. Праздничная кухлянка — гагагля — украшается бисерными «лунами» (яылгын), образованными спиралью из традиционных десяти — двенадцати оборотов, опушенных соболем. В центре яылгын из цветного бисера набираются пятиконечные звёзды. Кухлянки украшаются орнаментом в виде повторяющихся серпа и молота, иногда герба СССР, Спасской башни Кремля.

Корякские мастерицы изготовляют торбаса, особенно детские и женские, вышитые бисером и бусами. Тема вышивок — животные и растения: утки, зайцы, олени, традиционные цветы и листья, а также снежинки.

Современная сценическая одежда, созданная для корякских ансамблей «Мэнго» (художественный руководитель А. Гиль, художник А. Пироженко) и «Энер» (художественный руководитель В. Соколов, художественный консультант И. Агинь, художник В. Зорин), сохранила национальную форму, стала более удобной для танцевальных движений, увеличила значение орнаментов. И это не случайно, так как художники используют богатый материал, накопленный ОДНТ и КОКМ, бывают в творческих командировках.

Для женского сценического костюма характерно использование элементов корякской народной одежды: орнаментированные подол и клапан кухлянки, опушка рукавов, подола, ворота, украшения из бус и бисера. Женская одежда может быть красного, оран-

жевого, коричневого, белого цветов — традиционные цвета замши из оленьей шкуры.

Женский сценический костюм развивается по линии платья-костюма или костюма (жакет-юбка), а не брючного костюма, хотя ранее для корякских женщин был характерен комбинезон из оленьего меха — керкер.

Тяжёлый быт в суровых условиях, нелёгкая участь женщины диктовали одежду, мало чем отличающуюся от мужской. С изменением условий жизни изменилась и гражданская одежда женщины-корячки. В последнее время женщины округа не отказываются от модного, удобного для труда и отдыха современного брючного костюма из разных тканей.

Женская обувь, и гражданская, и сценическая, как правило, элегантна. Это сапожки на каблуках или без, в большинстве случаев имеющих форму торбасов.

Мужской костюм для сцены имеет более традиционный вид: это кухлянка — рубашкообразная одежда с капюшоном, брюки — кунаю, торбаса — плэку, головной убор — пэнкен (все названия даются на карагинском диалекте). Иногда они меховые, но в большинстве случаев — из тяжёлой ткани коричневого или оранжевого цвета. Выступления в таком костюме придают достоверность танцу и хорошо принимаются зрителями-коряками.

В гражданской одежде коряков, промысловой и повседневной, происходят изменения. Кухлянка надевается через голову, что явилось приспособлением к условиям зимней тундры. Раньше кухлянку могли не снимать по нескольку дней. В условиях современного корякского села с благоустроенными квартирами, с появлением новых для коряков профессий — учителей, врачей, механиков, электриков, доярок, птичниц — одежда закрытого типа стала утрачивать своё значение.

Корякской мастерицей Верой Григорьевной Милют из Олюторского района создана распашная одежда из оленьего меха. Если ещё несколько десятилетий назад покрой «реглан» был обязательным, то сейчас преобладает покрой кухлянок со вставными рукавами. В старину одежду для зимы шили из зимнего меха оленя, для лета — из летнего. Эта традиция в сельских условиях стала несостоятельной и утратилась. Изменилась и детская одежда. Мастерица из села Седанка Тигильского района А. Лахтой на протяжении около десяти лет шьёт распашную одежду для детей в виде меховых пальто. Происходят изменения и в отношении обуви. Меховые торбаса — плэку можно носить только в морозные дни;

в оттепель весной и летом раньше носили элэплэку — торбаса из нерпичьей замши. Эта обувь требовала бо́льших навыков в изготовлении и уходе за ней. В связи с тем что добыча нерпы в округе частными лицами сократилась (увеличилась коллективная охота госпромхозов), в магазинах появилась разнообразная резиновая, недорогая кожаная обувь — элэплэку быстро исчезает. Это повлекло за собой изготовление женской обуви следующим образом: купленные в магазине сапожки художественно обшиваются камусом (мастерицы Дарья Миккуль, село Рекинники; Мария Чечулина, село Анапка). Такая обувь не промокает, с неё легко счищать снег, она нарядна. Для изготовления современной корякской обуви, гражданской и сценической, — торбасов, сапожек, чижей — применяются и новые материалы — овчина, кожзаменители; вместо ниток из жил оленя — капрон, нейлон.

Для дома и как лёгкая летняя обувь корякскими мастерицами-надомницами изготавливаются тапочки из меха нерпы, оленя, отделанные мехом зайца, горностая (сёла Манилы, Тымлат, Тиличики, Анапка, Карага).

Здесь, помимо того, что сказалось влияние русской традиции, есть и корякские истоки: традиционные летние торбаса состоят из своего рода «корякских тапочек», изготовленных из ровдуги, не пропускающих воду, и лёгких голенищ. Мастерицы, раньше изготовлявшие летние торбаса, сейчас изготавливают современные тапочки. Такие тапочки изготовляются и в сувенирной мастерской в Петропавловске, в посёлке Палана. Тапочки часто бывают в продаже.

В комбинатах бытового обслуживания округа самостоятельная работа по использованию национальных корякских традиций только начинается. В сельских же мастерских по пошиву национальной одежды изготавливаются спальные мешки — кукули, промысловая одежда для оленеводов и охотников. Там в основном работают женщины-пенсионерки, иногда им приходится вручную обрабатывать шкуры (сёла Карага, Манилы, посёлок Оссора). Пожилые мастерицы-корячки являются хранителями ценнейших орнаментальных тем.

В некоторых мастерских расценки стоимости пошива низкие. Например, пошив корякской шапки стоит 3 руб., а в магазине её цена — 70 руб. Руководители мастерских иногда невнимательно относятся к местным мастерицам. В таких условиях они не удерживаются в мастерских, а их места занимают люди, не имеющие представления о корякских народных традициях. Продукция их, как правило, низкого качества, лоскуты на шапках, торбасах, гал-

стуках из меха нерпы соединяются во всевозможных направлениях ости. Но этот пример — скорее исключение из правила.

Мастерские в корякском селе открыты для занятости женского населения — жён пастухов, рыбаков, охотников. Положительным в корякском селе является тот факт, что люди старшего поколения охотно учат молодёжь. Так, например, учительница Карагинской восьмилетней школы Ирина Спиридоновна Агинь учит своих питомцев — учеников начальных классов изготавливать из соломы диких злаков корзинки, шить корякскую одежду для кукол, традиционным вышивкам. Мать И. С. Поповой учит дочь: «Пусть дети умеют петь, танцевать, вышивать, шить», — говорит она.

В корякских сёлах есть десятки народных мастеров, которые могут обучать молодёжь. Это М. Н. Чечулина, Л. Наумова из села Анапка, Елизавета Суздалова из села Тымлат, А. С. Гуторова, М. С. Чечулина из села Ковран, В. Г. Милют из села Тиличики, Л. И. Омьяна, О. Э. Камокон из села Таловка, Н. В. Хоянто, А. У. Чечулина из села Манилы, Е. Х. Айковава из села Парень.

В Корякском национальном округе Камчатской области сейчас идёт интенсивный процесс становления гражданской и сценической одежды на основе корякской традиционной, нового в прикладном искусстве, перевоплощаются и создаются одежда и орнаменты, освободившись от зависимости от устарелых укладов и суровой природы, духовных оков ритуальной обрядности.

КОКМ ОФ 31995/49. Авторизованная машинопись. Без даты

Древнечукотская культура

Одной из этнических групп Камчатки являются камчатские чукчи, которые проживают в сёлах северной части Корякского автономного округа. Их около тысячи человек, они сохранили свою традиционную культуру, язык, обычаи, национальную одежду, фольклор. Сохранили также основное занятие — оленеводство и соответствующую хозяйственным занятиям материальную культуру. Однако камчатская группа чукчей, благодаря нововведениям в хозяйственных занятиях (механизация, наличие вездеходов, снегоходов, вертолётов, радиосвязь в оленеводстве; наличие моторных лодок в рыболовстве; применение в быту электроприборов, проигрывателей, радиол; работа клубов и домов культуры), далеко ушла вперёд по социалистическому пути. От детского сада и яслей до техникумов и институтов дети оленеводов пользуются бесплатным государственным обслуживанием: питанием, одеждой, кино, пионерлагерями,

а также правом внеконкурсного поступления в учебные заведения страны, в том числе и высшие.

Древнечукотская культура камчатской группы чукчей является частью общечукотской культуры, ареал которой распространяется от Анадыря на востоке до северо-западного побережья Чукотского моря на севере и верховий рек Ачайваям и Апука на юге.

Древнечукотскую культуру изучали археологи А. П. Окладников, Н. Н. Левошин, Н. Н. Диков, М. А. Кирьяк, своё мнение о ней высказывали археологи Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева, Р. С. Васильевский. Антропологию древних чукчей изучали В. П. Алексеев, М. Г. Левин, И. И. Гохман, Г. Ф. Дебец.

Подобно древнекорякской культуре, древнечукотская по настоящее время достаточно не изучена.

На берегу Чукотского моря — части Северного Ледовитого океана в 1953—1977 гг. работали советские археологи, которые обнаружили древнюю культуру охотников и рыбаков. Эта культура получила название северочукотской поздненеолитической. Здесь около пяти тысяч лет тому назад проживали предки древних чукчей.

Стоянки, которые Н. Н. Диков относит к этой культуре, были обнаружены на Чировом озере, на реке Якитикеваям, на острове Айон, на реке Амгуэмы, на озере Экитыки.

На всех этих стоянках обнаружены массивные и длинные наконечники стрел с двусторонней обработкой острий. Также здесь найдены плоские наконечники с округлённым боевым концом. Найдены были и черешковые наконечники — все из камня.

В этом регионе в 1977 г. Западно-Чукотский отряд Северо-Восточной Азиатской экспедиции под руководством М. А. Кирьяк обнаружил ещё две стоянки этой культуры — в верховьях реки Малый Анюй (стоянки «Тытыл» IV и V), а также на берегу озера Тытыл. Найдены и фрагменты глиняной посуды — керамики. Она или гладкостенная, или похожа на поздненеолитическую керамику Якутии — с ложнотекстильными оттисками.

На этих стоянках северочукотской неолитической культуры имелось значительное количество заготовок (нуклеусов) призматической и конической форм, с которых скалывались призматические ножевидные пластинки. Из них изготовляли резцы, трёхгранные наконечники стрел.

Все стоянки были приурочены к путям миграции оленей. В горах реки Якитикиваям олени летом спасались от гнуса, на остров Айон добирались ради ягеля и солёной морской воды. На стоянках люди оставили могильники, которые располагали чаще на сопках, в ще-

лях, засыпанных обломочным материалом. Останки людей не сохранились, но было найдено много черешковых наконечников, обработанных филигранной ретушью.

На стоянке «Чировое озеро» найдена тонкостенная глиняная посуда, глиняная печь для копчения рыбы, хозяйственные ямы для хранения кислого мяса. Инвентарь стоянки богатый: топоры, скребки, каменные наконечники стрел, расколотые оленьи кости и зубцы острог для ловли рыбы.

Как же жили насельники этих стоянок? Они были оседлыми. Можно спросить — почему? Ответ неожиданный: не было транспорта, так как упряжные олени и нартовые собаки появились на Чукотке позже. Но всё же они передвигались по рекам, вдоль их, вдоль побережья океана по тундре. Передвигались охотники без семей — налегке для охоты и поисков материалов для изготовления орудий труда и охоты. Временные стоянки, как правило, имеют ничтожное количество инвентаря.

Северочукотская культура позднего неолита имеет своеобразный инвентарь: бесчеренковые ножи — бифасы, шлифованные ножи, скребки, проколки с ретушированной рукоятью, треугольные скребки-ножи, трапецевидные нешлифованные топоры, подтрапецевидные подшлифованные тёсла.

Все эти стоянки в настоящее время датированы. Их возраст находится в пределах от четырёх до шести тысяч лет.

Вокруг проблемы северочукотской культуры развернулась широкая полемика. Так, доктор исторических наук якутский археолог Ю. А. Мочанов отнёс её (стоянка «Чировое озеро») к белькачинской культуре (в Якутии) III тыс. до н. э., для которой характерна шнуровая керамика. Однако такой на стоянке «Чировое озеро» нет.

Вполне приемлема точка зрения А. П. Окладникова о связи северочукотского позднего неолита с нижнеленским. Есть небольшие аналогии в неолите острова Недоразумения (северное Охотоморье) и северочукотской культурой в черешковых наконечниках, а также северочукотской культуры со стоянками Аляски (черешковые шлифованные ножи) и комплекса «Нортон» (ножи-бифасы, скребки, проколки и тёсла), возраст которой четыре с половиной тысячи лет. По мнению Н. Н. Дикова, ложнотекстильная керамика Нортона, Северной Охотии, Чукотки может пролить свет на истоки чукотско-корякской общности.

В лесотундровой полосе Чукотки формировалась усть-бельская культура, стоянки которой находятся в среднем течении реки Анадырь.

Они располагались у сезонных переправ северного оленя через реки, и, по-видимому, основным занятием насельников была охота на дикого оленя, её дополняли рыболовство и собирательство. Стоянки «Вилка», «Чикаево», «Увеснования», «Утёсики», могильники «Усть-Бельский» и «Омрынский» имеют своеобразный комплекс из нуклеусов, ножевидных пластинок, резцов, проколок, метательных наконечников и тёсел.

В погребениях курганов встречается керамика с оттисками рубчатой лопатки, заострённые с двух сторон листовидные лезвия, двусторонние ретушированные наконечники стрел: подтреугольные, треугольные, ромбические и пятиугольные. Основание их могло быть выемчатым. Здесь — листовидные ножи-бифасы, скребки: концевые трапециевидные, ногтевые, клювовидные, эллиптические — всё это более древний комплекс.

В более поздних комплексах — бронзовые резцы, шила, призматические нуклеусы, наконечники стрел с вогнутым насадом, а также пластины и отщепы. Есть и вкладышевые орудия, ножи-бифасы, ножи-скребки, горбатые черешковые ножи.

Нижняя граница датировки усть-бельской культуры — II тысячелетие до н. э., то есть абсолютный возраст — около четырёх тысяч лет; верхняя граница — конец II — начало I тысячелетия до н. э. Но есть в этой культуре инвентарь, возраст которого (по аналогии с белькачинской культурой в Якутии) — III тысячелетие до н. э. По мнению первооткрывателя этой культуры Н. Н. Дикова, усть-бельскую культуру следует относить к концу II — началу I тысячелетия до н. э.

Таким образом, в неолите и бронзовом веке духовная и материальная культура внутриконтинентальных племён Чукотки была по-своему уникальна для этого региона: большие плоские каменные курганы, обычай частичного трупосожжения, обряд засыпания умерших красной охрой, бронзовые изделия, своеобразная форма каменных наконечников, украшение шапки погребённых мельчайшими бусинками-кружочками, наличие медвежьих клыков.

Эти факты дают основание считать, что население стоянок по Анадырю три тысячи лет тому назад имело контакты с насельниками внутренних областей Сибири, а последние в разное время — с хакасско-минусинскими, Подкаменной Тунгуски, таймырскими, верхнеенисейскими; прослеживается связь даже с карасунской культурой.

Усть-Бельский могильник некоторыми авторами как бы «присоединяется» к другим стоянкам, ими изученными. Так, Ю. А. Мочанов

относит его к белькачинской культуре, С. А. Федосеева — к ымыяхтахской, Р. С. Васильевский — к североохотскому неолиту.

Однако есть ряд фактов, которые доказывают самостоятельность вышеописанной культуры. Так, в Северном Приохотье нет развитой пластинчатой техники; для Белькачей в Якутии характерна шнуровая керамика, а для усть-бельской культуры — штриховая.

Усть-бельская культура имела связь на разных этапах и с древними культурами Америки: с кремневым комплексом «Дэнби» (пять тысяч лет тому назад), с поздними комплексами Аляски, с палеоэскимосским комплексом «Нортон» (три тысячи лет), с канадскими (четыре тысячи лет).

Устьбельцы могли иметь отношения к этногенезу и эскимосов, и юкагиров, и чукчей, и, следовательно, коряков. Но чукотский компонент преобладал.

Существенно расширяют представление о хозяйстве и образе жизни населения Чукотки пегтымельские петроглифы, возраст которых около трёх тысяч лет. Изображения, высеченные в камне, на плоскости имеют сюжеты: пасущиеся олени, оленята, охота на плывущих оленей с байдарки (каяка), охотники на байдарах на китообразных, ритуальные сцены, женщины-«мухоморы».

Пегтымельские петроглифы имеют аналоги в Туве, в Саянском каньоне Енисея, что может дать основание предположить о продвижении неолитических групп через Таймыр с верховьев Енисея, возможно, на нижнюю Лену и в некоторой степени, быть может, и через Северную Охотию.

Более поздние комплексы, связанные с чукчами, изучены Н. Н. Диковым в низовьях рек Анадырь, Канчалан северо-восточного побережья Чукотки. Так, в устьях этих рек археологические памятники, можно сказать, родственные. По материалам Т. М. Диковой, на Осиновской косе найдены грубые галечные (на отщепах) скребки и скрёбла, жирник чукотско-эскимосского типа, грубая гладкостенная керамика, зубец остроги и колок от первобытного гарпуна. Этот инвентарь, находившийся в древней землянке, был характерен для морских охотников. На стоянке на Канчалане также были галечные скрёбла и грубая толстостенная керамика с наружными «ушками». Возраст керамики — пунукский, то есть не более одной тысячи лет до н. э.

У мыса Низкого было расположено жилище с деревянным полом и каменным очагом. Рядом с костями морских животных, двустворчатыми раковинами, поделками из моржового клыка и кости найдены шлифованные сланцевые ножи, толстостенная керамика.

Этнограф И. С. Вдовин считает, что кончаланское поселение было древнечукотским, а А. П. Окладников — что и эта стоянка, и у мыса Низкого — не эскимосская и не корякская.

По всей вероятности, как об этом свидетельствуют вышеприведённые факты, мы имеем дело с древнечукотской культурой, культурой людей тундры, начинавших выходить к морю, на морскую охоту. Они мигрировали от реки Анадырь.

Исследования на северо-восточной окраине Корякского округа в 1960—1970-х гг., проведённые автором (полевые материалы 1967 г.; сёла Верхние Пахачи, Средние Пахачи, Ачайваям, 1970—1971 гг.) на стойбищах оленеводов, на месте обитания современных камчатских чукчей-оленеводов, показали, что круглые и овальные базальтовые скребки с коркой на спинке, грубая проколка из рога оленя аналогичны предметам из древнего жилища на мысе Низкий. Есть аналогии и со стоянкой «Кончалан». Причём ареал круглого базальтового скребка распространяется по всему северу округа от Ачайваяма через Аянку, Слаутное и до Верхней Парени. По мнению пожилых оленеводов чукотского происхождения, эти орудия — чукотские. Можно лишь добавить, что традиция их — континентальная.

КОКМ ОФ 31995/47. Рукопись. Без даты

Коряки

Коряки проживают в центральной части Камчатского полуострова. По мнению археолога Р. С. Васильевского, они живут здесь примерно одну тысячу лет. По мнению Г. Стеллера, «коряки пришли на Камчатку из Китая». Это мнение было основано им по китайским флексиям (окончаниям), которые якобы были близки к корякским. Однако корякский этнос возник в более раннюю эпоху — во II—I тысячелетиях до н. э. По новым данным, эта культура генетически связана с возникновением корякского этноса. Исследована она пока недостаточно. Известно несколько археологических стоянок с инвентарём, характерным для неолита — нового каменного века. Эти стоянки расположены на западном и, в меньшей степени, на восточном берегу Камчатки, в устьях крупных рек. Каменные орудия труда и охоты отличаются большим разнообразием и высоким качеством. К этому времени пластиночная техника угасла, появились мелкие изделия из обсидиана (вулканического стекла) — наконечники стрел, ножевидные пластинки, скребки. В этот период на Камчатском полуострове появляется керамика.

В настоящее время коряки проживают в основном в центральной части Камчатки и также на восточном и западном побережьях полуострова. Они подразделяются на несколько локальных групп: укинцы, карагинцы, алюторцы, пенжинцы и другие. Главная река карагинских коряков так и называется — река Карага. Она начинается с гор трёхкилометровой высоты на западном побережье полуострова. Места проживания карагинцев омываются на западе Охотским морем, а на востоке — Беринговым.

В древности коряки жили в землянках, шести-восьмиугольных в плане. Стены этих углублённых землянок были подпирамидальной формы. В одной землянке обычно проживала родственная община. В жилище вёл длинный коридор, зимой он служил кладовой для продуктов, так как там было прохладно. В землянках имелась лестница, которая выходила на верхнюю площадку, а снаружи — аналогичная лестница для спуска на землю. Иногда в землянках проживало более пяти — семи семейств нымыланов — береговых коряков.

Кочевые коряки-чавчувены жили в тёплых ярангах из оленьих шкур. Они были очень подвижны. В них, как и в землянках (раранах) было всегда тепло, и каждая корякская семья обитала в своём пологе, где горел жирник, освещая и согревая обитателей. В настоящее время коряки делятся на две группы: нымыланы (занимаются рыболовством, сбором дикоросов и охотой) и чавчувены (оленные, занимающиеся выпасом).

У коряков было несколько типов жилищ. Это, в первую очередь, полуподземные; свайные — юкольники; конические с коридором — айраны; двухскатные — бараборы; четыре вида шалашей; меховые яранги, иногда достигавшие в диаметре двадцати метров. В яранге по периметру стояли меховые палаткообразные тёплые пологи. В горных районах Камчатки иногда строили небольшие хижины из камня-«плитняка».

Мне не раз приходилось ночевать в корякских меховых жилищах. Однажды, когда я вошёл в ярангу, мне показалось, что в пологе никого не было. И вдруг я услышал, что кто-то кашлянул. Зашёл в полог, увидел маленького ребёночка, зашитого в меховую одежду. Я испугался, увидев, что у него на губах находится шляпка какого-то белого гриба.

Выскочил из полога, подошёл к одной из женщин и рассказал про то, что увидел. Она же весело рассмеялась. Мы подошли к ребёнку, женщина хотела вытащить «гриб», но мальчик не отпускал его. «Это так и надо? — спросил я. — Гриб вроде бы из сала?» — «Да!

Он же маленький... Сало несолёное, а малыши его любят. У них же зубы не прорезались...»

Название «коряки» произошло от слова «кор» — «олень». Одежда, обувь, меховые палатки, ремни для оленной утвари изготовляются из меха и кожи оленя. Олень кормит коряков. Те — весёлый, добродушный народ. Они умеют хорошо работать и отдыхать. Мне пришлось несколько лет преподавать в школе в Карагинском районе, трудиться на лососёвой путине, зимой — на лове наваги. Карагинцы всегда помогут тебе...

Здесь, в селе Карага, более десятка рыбаков были награждены орденами за свой нелёгкий труд. И это не случайно. Ведь в селе живут люди особого склада: дельные, честные, работящие. Это — Солодчук, Попов, Перевертун, семья Никифоровых, несколько старожилов, проживших долгую и интересную жизнь, поспособствовавших развитию колхозной рыбной промышленности. «Знатные люди», то есть знающие толк, на них равняется молодёжь. Лососёвая путина — это главный экзамен карагинцев...

Одними из лучших каюров является клан Лазаревых. Уже второй год они держат свои рекорды на международных гонках на собачьих упряжках по маршруту Эссо — Палана — Чукотка.

В селе сложились добрые отношения между ветеранами Великой Отечественной войны, труда, именитыми рыбаками, строителями, колхозниками. Среди них семьи Поповых и Гуторовых. Так, Илья Гуторов во время войны поднял два колхоза: «Турвинэ» («Новый путь») и «Красная звезда». Много сделали для своего народа и комсомольцы. Первый из них — Ласточкин из села Ука Карагинского района.

КОКМ ОФ 31995/46. Рукопись. Без даты

Эвены Камчатки

Быстринский район раскинулся на территории 4,2 тысячи квадратных километров. Население, составляющее две с половиной тысячи человек, проживает в районном центре Эссо и нескольких сёлах — Лаучан, Тваян, Анавгай. Экономической основой района является табунное оленеводство совхозов «Быстринский» и «Анавгайский». Более 19 600 оленей выпасают 60 пастухов коренной национальности — эвены и коряки. В районе 380 голов крупного рогатого скота, 10 тысяч голов птицы. За десятую пятилетку произведено 21 636 центнеров мяса, 187,4 центнера молока, 2 460 тысяч штук яиц. Посевная площадь — 300 гектаров.

В районе построены два дома культуры (в Эссо и Анавгае) на 200 мест каждый. В школах учится более 500 ребят. Библиотечный фонд района включает 26 тысяч книг. В учреждениях здравоохранения трудятся 13 врачей. В районе — 359 специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Район богат полезными ископаемыми, строительными материалами вулканического происхождения, например, вулканическим стеклом (обсидианом) чёрным, сургучным, голубоватым, полосчатым, прозрачным, серым, натёчным. Имеются жильные выходы вулканического происхождения, а также самоцветы: халцедоны, опалы, агаты, яшмоиды, друзы кварца, серого хрусталя, фиолетового кварца — аметиста, дымчатого — мориона. В осадочных породах встречаются окаменелые раковины — белемниты, зубы и бивни мамонтов.

Полезные ископаемые района: киноварь, халкопирит, соединения меди; слюды: флагопит, биотит, мускавит и кальцит.

На территории района имеется ряд тектонических разломов разного возраста: Эссовский, Быстринский. Их секут Уксичанский и Улавкавчанский. Они — причина трёх разломов, связанных с гидротермальными зонами. Их три: Козыревская, Эссовско-Быстринская, Окинско-Аппапельская. Геотермальные зоны богаты полезными ископаемыми. На их основе создан производственно-эксплуатационный участок. Дома населённых пунктов обогреваются глубинным теплом земли.

Транспортные средства эвенов для своего времени были развитыми. Их главный вид — верховой олень. При езде на нём пользовались посохом — нимкани. По рекам плавали на плотах, батах, лодках. В древности у эвенов были лёгкие чёлны из берёзовой коры. Зимой передвигались на дугокопыльных нартах, используя ездовых оленей. Нарта называлась так потому, что копылья гнулись из берёзовых жердей. Такая нарта могла успешно везти до пятисот и более килограммов груза. Эвены называли её «аргизом». Аргизы служили, прежде всего, для перекочёвок на новые пастбища. Эвенская нарта длиннее корякской. Дуги хорошо пружинили, смягчая удары во время поездок. Обычно они легче исправлялись, нежели традиционные корякские. На аргизах во время Великой Отечественной войны вывозили раненых советских солдат.

От коряков и ительменов эвены переняли собачью упряжку для перевозки почты и других грузов по заснеженному бездорожью. Нарты были камчатского типа. Эта упряжь появилась, когда эвены перешли к крупнотабунному оленеводству. На охоту ходили

на лыжах, снизу подбитых оленьими камусами — мэрэнтэ. Грузы перевозили и при помощи волокуш.

Эвенские олени — высокие и мощные. Первым правым копытом они могли нанести смертельный удар. Эвенский олень, особенно самец, был так силён, что на нём можно было догнать волка и убить его копытом. Каюры и охотники были вне опасности, если передвигались верхом или в упряжке был хороший олень.

Позже, с началом геологического освоения Камчатки, Чукотки, Якутии, на оленях перевозили огромное количество грузов. Вьючный транспорт обладал большой проходимостью. В оленьих табунах имелись собачьи упряжки, а в настоящее время — снегоходы «Буран». Оленеводы обслуживаются вертолётами, ими завозятся почта, продукты, одежда.

Эвенская национальная одежда: кафтан — тыты (тэтэ), фартук — нэль, брюки — игэнти. Кафтан распашного типа, по подолу — широкая полоса орнамента из бисера, меховой мозаики. Орнамент мог быть «зубчатым», состоять из нескольких бисерных кружков («лун»), соединённых волнистой линией. Излюбленными материалами для него были мех оленя, снежного барана, замша, крупный фарфоровый бисер и бусы. Орнаменты имели ритуальный характер. Если охотнику или его жене казалось, что где-то в доме или чуме что-то не в порядке (считали, что здесь присутствует нинвит — своеобразный чёрт), то надевали одежду, богато расшитую бисером, бусами, стеклярусом для того, чтобы душа человека могла спрятаться в их отверстия и так сохраниться...

На эвенской распашной одежде не было пуговиц, вместо них по бортам имелись кожаные ремешки, которые завязывались. Под ними находился кожаный, богато украшенный нагрудник для защиты от холода. Распашная одежда эвенов носилась из-за того, что все люди садились верхом на оленя и такая одежда оказалась самой удобной. Торбаса эвенов — унтэ. Это название вошло в широкий оборот у полярников, путешественников, туристов, лётчиков. К рукавам зимних кафтанов пришивали рукавицы. Головной убор — аван, капорообразной формы, его шили из узких полос орнамента из подбородного волоса оленя и бисера. Верхняя одежда повязывалась поясом — калбом, из стальных и железных кружков и прямоугольников, что, по-видимому, было связано с южными предками эвенов (Китай, Монголия).

Археологические находки со стоянок на притоках реки Уксичан, в Тваяне (верховье реки Ича), в лесхозе Эссо свидетельствуют, что около пяти тысяч лет назад здесь обитали люди тарьинской куль-

туры. Они изготавливали тёсла подтреугольного сечения, аналогичные тарьинским, наконечники из обсидиана, горбатые ножи. В КОКМ экспонируются наконечники стрел трёх типов: с черешковым насадом и острыми «плечиками», линзовидного и ромбического сечения. Здесь же отмечена и, возможно, палеолитическая находка...

Позже на эту территорию пришли древние коряки. Они занимались охотой на тундрового, морского и речного зверя и оленеводством. На месте древнего поселения найдена костяная выбивалка снега из меховой одежды.

В первой трети XIX столетия или ранее на Камчатку из Чжурчжэньского государства пришли эвены, представители тунгусо-маньчжурской группы народов. Это не всегда носило мирный характер. Эвены знали обработку железа и бронзы, у них были черты хозяйствования, характерные для феодализма. Однако они вели кочевой образ жизни и только в советский период перешли на оседлость.

Культ медведя, предков, охотничья магия и шаманство — таковы были верования эвенов. Роль жреца исполнял шаман.

Материальная культура и традиционные занятия были связаны с охотой на таёжного зверя. Эвены одомашнили дикого оленя и использовали его как транспортное средство. Мелкотабунное оленеводство не могло прокормить род, хозяйство было неустойчивым. Потеряв оленей, эвены не могли кочевать, охотиться и, следовательно, существовать...

Интересны предметы домашнего обихода и орудия труда оленеводов. Это — аркан (мадт), седло — эмгун, снегоступы — кандукан, стремена — тонмай, нарта — турки. Орудия рыболовства и охоты: крючок — элгэ, колотушка для рыбного запора — талана, сверло — тиверла, тесло — тыбак. Все эти предметы быта сохранились по настоящее время, что связано с традиционными занятиями — собирательством, рыболовством, охотой.

КОКМ ОФ 31995/45. Рукопись. Без даты

Эскимосы

Богат фольклор самого северного из народов — эскимосов. Это сказки о бедной сиротке, но сказки, близкие по тематике к чукотским, так как издавна чукчи и эскимосы жили рядом, в одинаковых природных и социальных условиях. Материальная и духовная культуры их были созвучны и тесно связаны. Коренные народности Чукотки и Камчатки не имели своей письменности. Вот одна из эскимосских сказок:

«Жил один береговой человек с женой, детей у них не было. Хозяин постоянно ходил в море, промышлял нерпу, моржа и другого морского зверя. Однажды он не добыл ничего, возвратился домой. Уже было поздно, опускалась ночь. Шёл он, на небо взглянул — увидел северное сияние. Так много сполохов на небе огненными мячами играют! Один маленький сполох сорвался с неба и упал ярким огоньком возле жилища того человека. Поспешил человек домой: жена его забеременела. Обрадовался человек: сполох ему счастье принёс. Поели они да спать легли.

Однажды утром снова отправился человек на охоту. Несколько нерп убил, а как вернулся, видит: жена мальчика родила. Назвал отец сына Сполохом. Рос тот с каждым днём помаленьку и скоро стал юношей.

Вот раз отправился отец на промысел далеко в море, по льду ушёл. Налетел тут северный ветер — сиверко, лёд поломал. Остался отец в море и погиб там. Мать Сполоха горевала-горевала да от горя и удавилась. Остался Сполох сиротой, рос среди чужих людей. Раз подумал он: “Мать с отцом померли. Отец в море погиб, мать себя порешила. Старые люди говорят: кто не своей смертью умрёт, а в море утонет или руки на себя наложит, те все к сполохам на небо поднимутся. Вот и мои отец с матерью, наверное, там уже”.

Вышел он ночью к морю, глянул на небо. А там сполохи с огненными мячами играют. Взял он длинный охотничий ремень, бросил вверх. Ремень за северное сияние зацепился. Взобрался Сполох на небо. А сполохи ещё больше разыгрались, и он с ними играть стал. В игре и веселье совсем о земле забыл... Так пришедший с неба опять на небо вернулся и стал у тех сполохов главным...»

Эскимосы живут на Чукотке, они прекрасные охотники-зверобои. Охотятся на морских зверей: моржей, тюленей, лахтаков. Их кожаные байдары сделаны из толстых шкур морского зверя. На носу байдары сидит опытный охотник, он зорко смотрит вдаль и отмечает, где показались белуха, дельфин, кит.

Ежегодно эскимосы устраивают народные праздники после удачной охоты. Во время праздника лучшие охотники показывают своё мастерство. Интересно проходит праздник с растянутой охотниками огромной шкурой, на которой подбрасывают смелых молодых зверобоев. Во время подбрасывания они не только удерживаются на ногах, но и оглядываются по сторонам. Я как-то спросил, почему во время этого обряда охотники оглядываются? Эскимос рассмеялся и ответил: «Это не только спорт, тому есть ещё одна причина, и не только ради игры... Ещё в древности наши предки

проводили этот обряд». — «А для чего?» — спрашиваю я настойчиво. «Главное для дела: когда молодого смельчака подбрасывают на высоту более десяти метров, он “работает” с большим риском. Самое главное — опуститься на шкуру ногами, иначе ничего не получится».

Молодой охотник, подброшенный вверх в это время интенсивно «работает» — быстро поворачивая голову, смотрит по сторонам, чтобы рассказать своим односельчанам, где находится лежбище морского зверя, видны кит, белуха, стадо нерп. Позже байдары идут к месту охоты...

КОКМ ОФ 31995/44. Рукопись. Без даты

Керекская культура

Возраст керекской культуры — III в. до н. э. — XVII в. На северном побережье Берингова пролива археологи Орехов и Голубев обнаружили следы своеобразной культуры, принадлежавшей древним керекам. Они жили оседло в округлых жилищах, часто соединявшихся между собой туннелями. Как и коряки, занимались морской охотой, рыболовством, собирательством. Орудия труда изготовляли из камня, моржового клыка, дерева. Как и коряки, устраивали жертвенники недалеко от поселений, обозначая их челюстями китов и выкладывая вокруг черепа моржей.

Кереки контактировали с коряками. Их орудия труда из глины схожи с пограничными культурами. Сравнение древнекорякской и древнекерекской культур указывает на их тесную связь.

Чукчи и коряки выполняли на нерпичьих шкурах рисунки тёмно-красной охрой. Рисунки рассказывают об основной хозяйственной и общественной деятельности. Это сцены охоты на медведя, тюленя, оленя; упряжка, каяк и байдара; охота на байдаре; метание гарпуна; шалаши; охота на кита; птицы, собака и прочее.

...Когда я уже работал в КОКМ, к нам приходило много людей — оленеводы, охотники, чумработники, учителя. Как-то ко мне подошёл высокий молодой человек и представился: «Я — керек!» До этого времени я уже знал кереков, так как был на реке Апуке и в посёлке Апука, что на её берегу. А ещё раньше спускался на плоту по рекам Ачайваям и Апука. В посёлке Апука я подарил свой плот, состоявший из восьми солидных древесных стволов. На нём я спускался более двух суток, днём и ночью. На берегу, в посёлке встретил того самого молодого высокого керека, тогда ещё подростка. Он выскочил из небольшого домика, поздоровался

со мной и пригласил в дом-четырёхстенку. Здесь хозяева меня накормили, уложили, и спал я богатырским сном. До этого, вечером, мы долго говорили с высоченными кереками — родными братьями по фамилии Кинет. Они расспрашивали меня обо всём, не поверили, что я двое суток, днём и ночью был на плоту, не зная фарватера, не имея возможности выйти на берег из-за медведей. Братья весело хохотали, когда я рассказал, как палкой выбил из клюва белохвостого орлана огромного лосося, которым после выпечки на костре питался несколько дней. Сообщил им, в каких местах переходят и переплывают Апуку медведи.

В доме Кинетов было чисто, уютно. Братья — люди корректные, умели шутить, расспрашивали меня о моих приключениях. Они женаты, у обоих дети-подростки. Дом стоял на крутом берегу реки Апуки. Мальчики играли, одному из них я подарил спортивную шапочку, а другому — спортивный свисток.

Я не преминул расспросить их о материальной культуре. Оказалось, что кереки не только рыболовы, но и отважные охотники. Они ходят на медведя с копьём и часто один на один!

Сын старшего брата всегда был со мной, он рассказал, что на рыбалках есть большие юкольники, там хранятся вяленые лососи. Их часто грабят медведи...

Я вышел на берег реки, недалеко от села увидел место ритуальных праздников апукских кереков. Там в землю было вкопано несколько огромных челюстей кита, лежал череп кита, а также и моржовые черепа, но без клыков. Ко мне подошли школьники, и мы с ними нашли место захоронения втульчатых наконечников из кости, характерных для этой керекской группы. То, что мы собрали, я передал в фонды КОКМ.

Здесь проводились древние обряды, ритуальные танцы, праздники.

Немного выше по склону находилась площадка в форме круга диаметром до двадцати метров. По периметру она обложена камнями. Хозяева дома рассказали мне, что здесь проводятся обряды кочевых оленеводов.

Я разговорился с молодыми людьми, и они поведали, что во время праздника оленеводов внутри яранги — более двадцати пологов, в каждом проживает одна, реже две, родственные семьи. В пологе на вертикальном столбике с выемкой горит мох, пропитанный жиром морского зверя. Зимой в пологе удобно и тепло.

Молодые кереки повели меня к жилищу из плиточного камня. Оно было невысокое и довольно тесное. Ребята сообщили, что недалеко есть давно заброшенный традиционный посёлок из полу-

землянок. Они, по их рассказу, были с подземными ходами. Это, как я узнал из литературы, давало возможность выбраться через один из выходов во время пурги, когда посёлок находился под толстым слоем снега, иногда оледеневшего от мороза. Но в землянках уже давно не жили.

Древние кереки, как и другие народности Камчатки, строили полуподземные жилища. Верхние выходы из них использовались в качестве дымохода. В жилищах были ещё и боковые выходы, соединявшиеся с другими жилищами при помощи полуподземных переходов. Так кереки могли в любое время уйти от врагов, спасти семью.

Основной тип наконечников гарпунов, стрел, острог — для охоты на морских животных. Кереки ловили рыбу, чаще всего это делали женщины. На археологической стоянке я нашёл несколько костяных втульчатых наконечников тяжёлых стрел и, возможно, копий. Все они были вбиты в почву. Местные жители сообщили, что эти наконечники считаются «жертвами». Они широкие, тяжёлые, среди обычных имелись и двойные, но втулка у них была одна.

Кереки жили общинами. Их общество очень заботилось о каждой семье, главным законом были общинные обычаи помогать каждом члену в случае плохой охоты, потери кормильца, разрушения жилища врагами...

КОКМ ОФ 31995/42. Рукопись. Без даты

Ительмены (XVIII в.)

Ительмены — автохтоны Камчатки. Двадцать семь тысяч лет назад группы охотников двигались по побережью Северного Ледовитого океана на восток под давлением других народов-мигрантов. Шли они примерно от полуострова Таймыра. Этот северный путь вёл на Чукотку, а позже через обмелевший пролив, современный Берингов. По нему бо́льшая часть мигрантов прошла на берег Америки. Одна из малочисленных групп осталась на Чукотке, а позже мигрировала на юг полуострова Камчатка. Благодаря этому возник и стал быстро развиваться ительменский этнос, который так и остался на Камчатке.

Ительменский народ образовался из ряда этнических групп. К ним относились: кыхчерен — «люди большой реки», сюаачюй — авачинские, аушин — «жимолостные», халактырка (или калактыргытьер) — ритуальный предмет, «который кормят мясом», бурин —

«наши», то есть обрусевшие, кончал'о — «вулканные», чупачжу — «носившие в горах тёплые меховые брюки» и другие.

В это время обнажился шельф между Чукоткой и Аляской, так как случилось похолодание и воды океанов превратились в лёд. Часть протоиндейцев прошла из Чукотки на Аляску, а оттуда — по западному побережью Северной и Южной Америки до Огненной Земли. В этот период у ительменов уже была хорошо отработана техника каменной индустрии, особенно из вулканического стекла — обсидиана. Орудиями из него разделывали рыбу, резали мясо, дерево. Этот вопрос хорошо изучил кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Ленинградского института археологии Хлобыстин.

Вторая группа протоиндейцев (или протоительменов) двигалась через Алдан в сторону охотского побережья. Гигантские ледники заморозили огромное водное пространство. Началось обледенение (Висконсинское), огромные ледяные горы закрыли путь на юг с северной в южную часть Америки. Группы населения долго ждали, когда улучшится климат, за это время приспособились к охоте, ловле рыбы, летнему сбору дикоросов, добыче крупного морского зверя. Так этнос мог вести своё хозяйство, приспосабливаться к новым условиям.

Берингийский мост (шельф) то уменьшался, когда шло потепление, то увеличивался при похолоданиях. При потеплении возникала возможность «проскочить» через «ледовые клапаны». Около двадцати раз люди проходили на юг, и каждая группа, пребывая в особых условиях, приспосабливалась, продвигалась с севера на юг, но уже изменялась и отличалась от тех групп, которые от неё отстали. Именно ледники Висконсинского оледенения были главной причиной появления новых этнических групп. На американской земле их было уже около двадцати.

Первыми разрешили проблему образования шельфа между Чукоткой и Аляской академик Окладников и американский учёный Лафлин.

Десять — одиннадцать тысяч лет тому назад на Камчатку из района этногенеза с севера на юг пришли протоительмены. Они почти полностью заселили Камчатский полуостров. К приходу русских ительмены имели развитую материальную и духовную культуру. Они жили в удобных полуподземных жилищах, мужчины занимались охотой на морского зверя, женщины ловили рыбу.

Главным праздником ительменов был алхалалалай. Он проходил в конце года. В каждом селении (Ковран, Седанка, Тигиль,

Верхнее Хайрюзово, Усть-Хайрюзово, Сопочное, Морошечное, Белоголовое) играли, пели, танцевали, веселились. У ительменов было развито традиционное пение. Путешественники XVIII—XIX вв. отмечали их мягкий характер, доброту и честность.

В XVIII в. ительмены жили в южной части полуострова Камчатка. Их было три языковых группы. Самая крупная — северная, жившая на реке Камчатке по восточному берегу полуострова. Южная — от реки Налычевой до мыса Лопатка, западная — по западному побережью Камчатки.

Основным занятием ительменов было древнейшее по происхождению рыболовство, морской зверобойный промысел, охота на пушного зверя. Последняя имела большое значение в меновой торговле ительменов с русскими купцами. Подспорьем служило собирательство — морское, прибрежное и тундровое. Традиционным транспортом служили двухдугокопыльные нарты. Их тянуло небольшое количество собак.

Взаимовлияние русской и ительменской культур способствовало сближению двух народов. Русские землепроходцы, охотники, землепашцы перенимали трудовые навыки ительменов, их обычаи, умение ходить на челнах — батах, управлять собачьей упряжкой, охотиться во льдах Охотского и Берингова морей на морского зверя.

КОКМ ОФ 31995/40. Рукопись. Без даты

Чукчи. Древние обычаи и обряды

«...Душа прошла через тело и вонзилась в стену. Тело слишком холодное, — сказал шаман, оглядев больного человека, и, продолжив разговор, добавил: — Душа не держится в нём». Шаман, «проглотив» тело в четвёртый раз, согрел его в желудке и выплюнул снова. Он вдул в него душу. «О-о-о!» — вздохнул мальчик и поднялся с места...

В чукотских сказках часто встречаются случаи проглатывания шаманами души или тела. Так, в сказке «Кукулрьн» шаман заехал в глубь Америки, проглотил своего товарища и маленькую девочку и, обратившись в птицу, перенёс их к себе домой. В сказке состязаются два шамана, птицы Перрунер. Келе (чёрт) — помощник одного из шаманов — приходит в ярангу второго, которую сторожит келе его хозяина.

...Птица проникла под землю, проклевала клювом пол в середине жилища и утащила шамана. Она проглотила его на глазах семьи. Душа, которую шаман несёт пациенту, называется «человечек»,

а шаман называется «возвративший человека» — тумгкай («маленький друг»).

...Шаман приказывает матери, сестре, отцу, брату или жене «пациента» выйти на рассвете следующего дня и сорвать стебель травы, приговаривая: «Здесь, здесь, здесь. Я нашёл человечка. Будь в моей власти!» Стебель растения представляет человечка, его пришивают к одежде больного, изгоняя болезнь. Другой шаман делает вид, что вскрывает больное место, выпрямляет его, удаляя «дурную кровь». А иногда выбрасывает целый орган и, тем не менее, человек живёт. Некоторое время сосёт его кожу. Предполагается, что «дух», помогающий ему, способен извлечь и пожрать источник болезни. Чукотское общество наивно верило шаманам.

При лечении магической медициной изменяли внешность пациента, чтобы духи не могли его узнать. Мужчины в этих случаях носили женскую одежду, меняли причёски, оставляли волосы вокруг побритой макушки, отпускали прядки волос на темени, на затылке. Этим пользовались и убийцы, чтобы избежать мести своей жертвы, которая может вернуться на землю в виде келе. Чукчи считали, что мстительный дух жертвы преследует своего убийцу, его новорождённых детей...

В течение жизни имя чукчи-ребёнка может меняться. Если имя не подходит ребёнку, чукчи говорят, что «делает кости тяжёлыми», имя меняют. Имена давали те, которые могут «оказать помощь» покровителю и своему носителю.

Интересны имена членов семьи, рода, клана: «Пришедший с другого берега», «Поднявшийся с земли», «Вернувшийся обратно», «Верхний», «Скрытный», «Гость мужа», «Вернувшийся домой», «Оставшийся прежним», «Вставший внезапно», «Женщина с другого берега», «Женщина света».

Шаман может лечить чужие болезни, но не свои. Шаманы знали магическую медицину. По некоторым данным, даже умели гипнотизировать. В 1897 г. оленеводы, убегая от оспы, ушли по реке Анюй на восток, так как боялись следующего за ним духа. Нельзя было посещать стойбища, в которые заходила болезнь. Во время оспы в 1884 г. убегали и оставляли родных, мужей и жён. Позже, благодаря российской интеллигенции — учителям, врачам, благодаря просвещению, отмеченные выше отношения изменились...

...Почти в каждом селении у чукчей имелись специальные обрядовые дома для зимних праздников. Они очень отличались от домов американских эскимосов. Это чаще всего был дом одной из семей, перекочевавшей в другое жилище. Эта семья считалась глав-

ной. Бедные соседи помогали ей пасти оленей. Яранга главы стояла впереди других, то есть первой с правой стороны, обращённой по направлению утренней зари. Семья с «передним» домом дольше всех жила в этом селении, ещё с далёких времён. Другие пришедшие назывались «соседними». Их «покровители» были близки к духам этого места.

До последнего времени в сёлах проводили зимой праздник семьи переднего дома. Такой порядок был и в селениях Вутеен, Жердьн, Нунлигер. Первый тюлень, убитый осенью, доставался семье «переднего» дома. Она брала себе голову и мясо, оставляла на краю утёса, совершались церемонии. В других сёлах проводилось жертвоприношение морю. Жертвоприношение умершим открывало годовой цикл приморских жителей. Его проводила одна женщина на берегу моря. Несли гарпун, сосуд с кровяной похлёбкой. Женщина приносила жертву у моря на ледяных торосах. Чаще всего убивали собаку.

В конце лета переселялись из летних жилищ в зимние. При этом перед входом в жилище подбрасывали вверх кусочки пищи.

Осенний праздник длился с октября до первых дней января, но лучшим для него временем считали новолунье наступающих коротких зимних дней. Он считался «благодарственным». Праздник проводился около воткнутых челюстных костей (шестов). Это место считалось священным. На этом празднике почитали голову оленя, а в марте — голову тюленя.

Были ещё и праздники копья, медведя, яранги, наружный, соседей. В старину редкий, уникальный праздник покоя проводился перед выступлением на войну.

КОКМ ОФ 31995/43. Рукопись. Без даты

Корякские народные музыкальные инструменты

К концу XIX столетия у береговых коряков — нымыланов и оленных — чавчувенов использовались самозвучащие инструменты — идеофоны, духовые — аэрофоны, мембранные — мембранофоны, струнные — хордофоны.

1. *Идеофоны* — самозвучащие музыкальные инструменты (от греческого *идио* — свой, своеобразный и *фон* — звук). Звук издаёт материал, способный звучать без дополнительного натяжения, как того требуют струны у скрипки или мембраны у барабанов. Идеофоны обычно состоят целиком из звучащего материала — металла, дерева, стекла, камня. Иногда из него изготавливается только игровая

деталь. По способу извлечения звука идеофоны разделяются на щипковые варганы, сансы; фрикционные — гвоздевая гармоника; ударные — ксилофоны, колокола, гонг, кастаньеты, трещотки.

Корякские идеофоны очень разнообразны. Это металлические колокольчики, бубенчики, подвески, бронзолеты, кольца, бусы из медных сплавов, ударные из древесной коры (посуда для собирательства): туеса, чумачики с деревянными ударниками — колотушками; маракасы из пузырей животных с камешками внутри, гудящие и прочие разнообразные предметы и гуделки.

Ниже представлен список корякских самозвучащих музыкальных инструментов, собранных автором в сёлах Корякского автономного округа:

1) вэнниняй/ваннинярр, вэнниняр, варган, камыз/камуз, щипковый язычковый металлический инструмент

2) вэнниняй малый костяной

3) колокольчики местной кузнечной работы, безъязычковые

4) колокольчики из жести безъязычковые — «глухие»

5) колокольчики из жести безъязычковые самодельные — «звончатые»

6—7) колокольчики для кухлянки; колокольчики заводской работы

8—9) колокольчики для остола; колокольчики для охотничьего ножа

10) ботало оленье

11—18) бронзовые браслеты (бронзолеты), огнивные трубки, напёрсткодержатели с костяными напёрстками, кольца витые металлические для бубна, подвески ромбические, гонги круглой формы разного диаметра, мелкие металлические украшения

19—23) ударные из древесной коры: берестяные туеса, ольховые туеса, ивовые чумачики, тополёвый чумач с деревянной колотушкой — ударником.

Ударно-шумовые маракасы:

24) двустворчатые раковины моллюсков с камешками

24а) нерпичий пузырь с камешками

25) маракас из зоба куропатки с ольховыми почками или кедровыми орехами

26) туес из ольховой коры треугольной формы с камешками

27) туес из ольховой коры с камешками

28) туес из ивовой коры с камешками

29) туес из ивовой коры с камешками

30) маракас из трубчатой «медвежьей травы» большого диаметра

31) маракас из «медвежьей травы» малого диаметра

32—34) чумачик с камешками, чумач с камешками, туес цилиндрический

35—37) ударные: трещотка гырыгач, кастаньеты, китовые пластинки для бубна

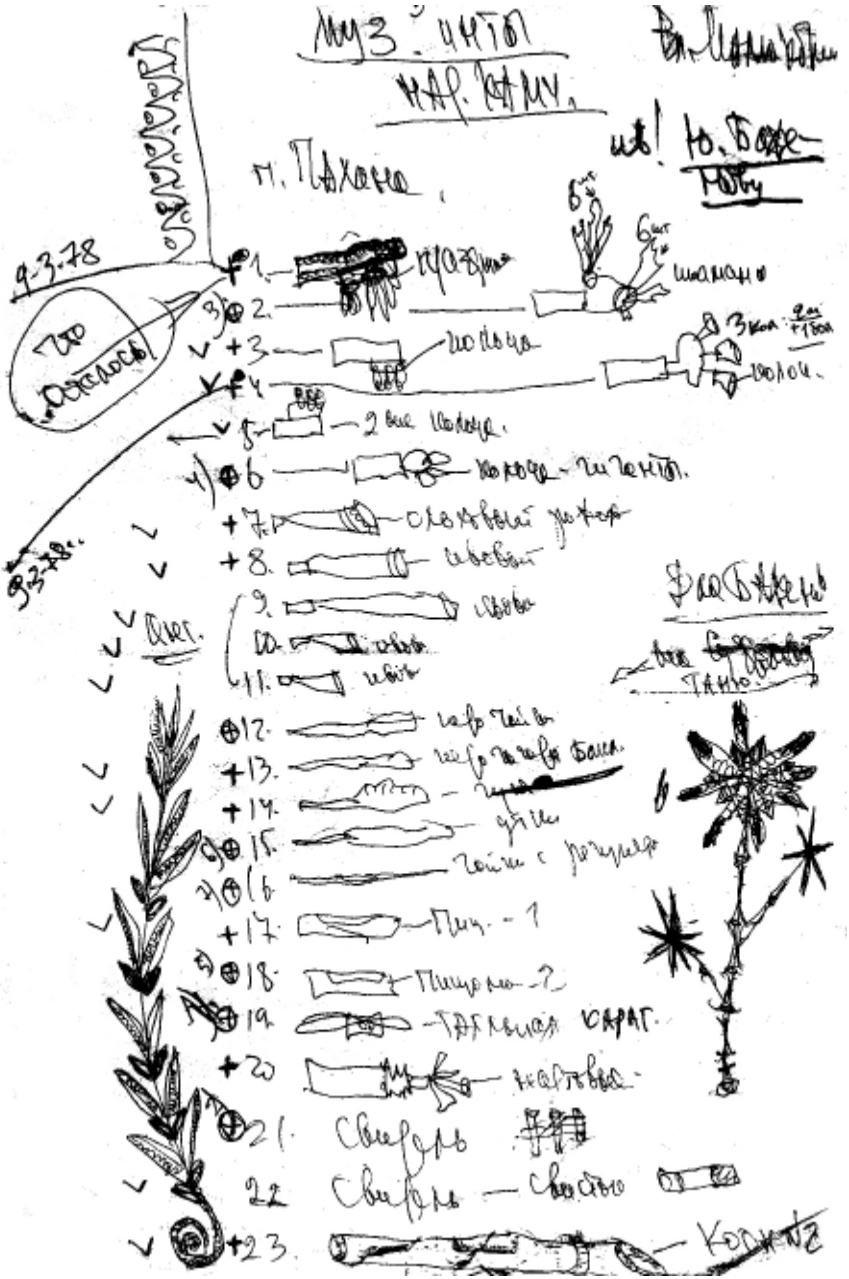
38—39) вращающиеся гудящие: тэлытэл деревянный, костяной, гуделка корякская «вывучгын».

Корякские самозвучащие музыкальные инструменты были непосредственно связаны с морским зверобойным промыслом, охотой на птиц, рыболовством. Маракасы изготовлялись из нерпичьего или рыбьего пузыря с камешками внутри. Пузыри предварительно надувались воздухом. Маракасы позднего происхождения изготавливались из ольховой коры, имели форму треугольного туеса, подпрямоугольного чумачика или цилиндрической трубки с морскими камешками внутри. Посуда из бересты, ольховой коры была характерна для древних коряков.

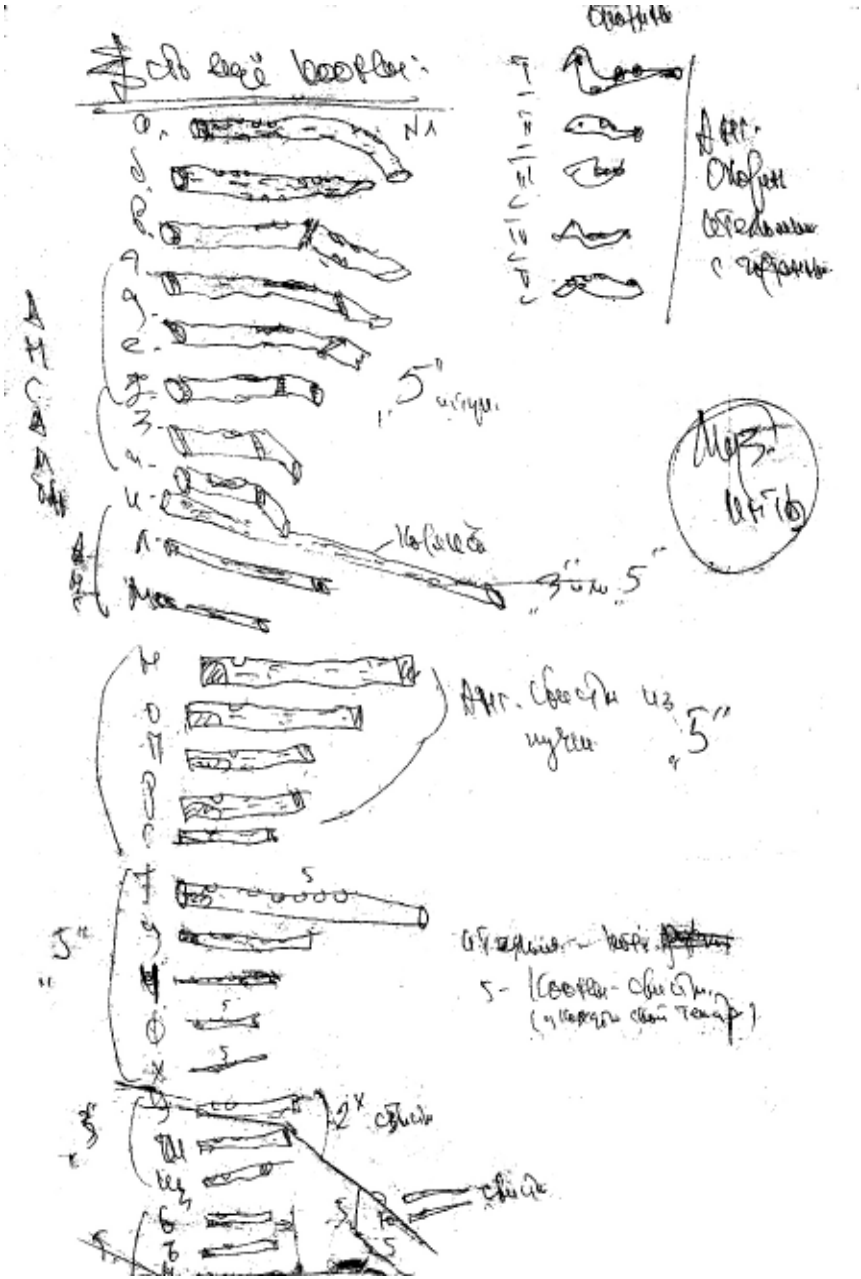
К группе самозвучащих инструментов относятся ранние бытовые и игровые предметы: ёмкости из рога барана (к'ойн'а, войн'а, к'усин'эн), цилиндрические и конические туеса, трубчатый или конический предмет — игровой к'эн'эр. Они использовались для аккомпанемента вокальной мелодии, песни, танца, обряда.

Многочисленные звучащие подвески на внутренних скобах корякского бубна на позднем этапе выделились в самостоятельную группу корякских музыкальных инструментов: металлические колокольчики праздничные, нартовые, для тормоза — остола, оленьи, «охранительные» для ручек ножей; кольца большие и малые, железные, стальные, медные, а также из костяных пластинок подпрямоугольной формы.

Из листового железа изготовляли к'он'к'он'-пиль'о плаунтэн ан'ан'эн — малые железные шаманские колокольчики. Возможно, что праздничные колокольчики произошли от русских. Но есть обоснованное свидетельство, что они могли быть изобретены самостоятельно с появлением здесь «импортного» металла из Якутии и Приморья. Эти колокольчики не имели язычка и звучали во время исполнения благодаря ударам друг о друга. Это якобы способствовало отпугиванию вредоносных духов. Более ранними подвесками на скобах бубна были железные кольца или цепочки колец. Но железным кольцам (чочгил'о) предшествовали аккуратно распиленные пластинки из китовой кости, имевшие подквадратную форму. Они, по-видимому, являлись одними из ранних самозвучащих инструментов, прикреплявшихся к ободу древнекорякского бубна.

Зарисовки из рабочей тетради В. Н. Малюковича по теме

«Музыкальные инструменты народов Камчатки», 1980-е гг.

К корякским самозвучащим музыкальным инструментам, щипковым по способу извлечения звука, относится и «зубной бубен» — вэнниряй/вэнниряр, варган, камыз. Одно из его названий — камуз (камыз), по-видимому, восходит к названию тюркских музыкальных инструментов. У коряков его называют «вэнниряй» — «губной бубен». В Средней Азии разновидность этого инструмента была известна не менее десяти веков назад.

Главными мембранными корякскими музыкальными инструментами являются бубны, мембраны которых изготовляются из кожи оленя, нерпы, реже — лахтака, плёнки внутренних органов сивуча, китообразных.

Бубны применяли не только в ритуальных целях, но и на корякских народных праздниках и обрядах: первой нерпы, кильвэй, совершеннолетия, первого подгона оленей, первого бубна и других.

Около тридцати видов бубнов и несколько ансамблей отмечены автором в сёлах и оленных стойбищах Корякского автономного округа:

1) бубен чавчувенский (оленеводов) большой, круглый, с мембраной из оленьей кожи с узким ободом, как у большинства корякских бубнов

2) бубен чавчувенский круглый, мембрана из оленьей кожи

3) бубен чавчувенский большой, овальный, с мембраной из оленьей кожи

4) бубен чавчувенский овальный малый, с мембраной из оленьей кожи

5) бубен нымыланский с мембраной из плёнки печени лахтака

6) бубен нымыланский малый, круглый, мембрана — плёнка печени нерпы

7) бубен большой овальный, мембрана — плёнка печени морского зверя

8) бубен нымыланский большой, с мембраной из кожи лахтака

9—10) бубны северокорякские круглые, большие, малые, с ручкой и с мембраной из кожи или плёнки печени морского зверя

11—13) бубны «пикколо» — круглые, мембрана — кожа оленя или нерпы

14 бубен малый с двухсторонними мембранами оленя

15) бубен северокорякский широкоободный

16—32) ансамбль из бубнов, настроенных в пределах октавы в тональности до мажор

33—42) ансамбль из бубнов, настроенных в пентотонике.

В сопровождении бубнов проходили праздники, обряды, исполнялись песни, танцы. Бубен — самый популярный корякский музыкальный инструмент. Ранее бубен был в руках шамана в качестве ритуального предмета, в советский период он стал музыкальным инструментом, без которого не проводится ни один праздник.

2. *Аэрофоны* — духовые музыкальные инструменты (от греческого *аэро* — воздух, *фон* — звук). Источником звука в них является воздух, проходящий через звукогенерирующие приспособления (мундштук, трость, вибрирующая плёнка сухого трубчатого растения), а также рожки, дудки из коры и металлические — медные: трубы, валторны и прочие.

Корякские духовые музыкальные инструменты, сделанные из сухих трубчатых растений: кооны, кодны, калхамы, кыхзэлы; свистки и свирели из ивы (продольные флейты). Из коры ивы, ольхи, берёзы, рябины — дудки, жалейки, рожки, раструбы кларнетов и гобоев. Из древесины изготовлялись рожки, имелись горны и трубы, при помощи которых уже в советский период пастухи созывали оленей. Трости для корякских дудок, гобоев, жалеек и других инструментов делались из перьев крупных птиц.

К большой группе корякских духовых инструментов относятся и продольные флейты:

1) коон из полой трубки растения «пучки», большой или малый

2) калхам большой или малый из пучки со звучащими плёнками

3) калхам большой или малый с несколькими отверстиями

4—5) коон большой низкого строя, коон высокого строя

6—8) коон одноязычковый, коон певческий, коон двухъязычковый

9) коон «медвежья дудка» с музыкальными отверстиями и плёнкой

10) коон «медвежья дудка» с несколькими язычками

11) кыхзэл со свистковым звуковозбудителем

12) выопчак'о — свистки ивовые, настроенные в до мажор

13) выопчак'о — свистки большие низкого регистра

14) свирель продольная

15) кыхзэл с косорезаной мундштуковой частью

16—20) свирели из трёх-, пяти-, восьми свистков

21) трость из пера утки с двумя-тремя музыкальными отверстиями

22) трость из пера гуся с тремя музыкальными отверстиями

23) трость из пера чайки с двумя-тремя отверстиями

24) трость из пера лебедя с тремя-пятью отверстиями

25) трость из пера орла с тремя (семью) отверстиями

26) жалейка рябиновая с тростью из пера гуся

27) жалейка ольховая с тростью из пера орла

28) жалейка ивовая с тростью из пера утки

29) гобой из трубки «медвежьей травы» с тростью из пера орла

30) гобой из пучки с пером утки

31) гобой из малой трубки «медвежьей травы» (дягиль. — *Ред.*) с тростью из пера гуся

32) спиральная музыкальная раковина с птичьим пером, с тремя отверстиями

33) спиральная раковина с тростью с пятью музыкальными отверстиями

34) рожок ольховый с восемью отверстиями и мундштуком

35) рожок ольховый с пятью отверстиями и мундштуком

36) дудка из ольховой коры с тростью из птичьего пера

37) труба деревянная с выточенным деревянным мундштуком

38) труба медная с деревянным мундштуком для созыва оленей

39) труба из металлических и деревянных трубок с медным раструбом, деревянным мундштуком для созыва оленей

40) губной яяй (бубен) одинарный, с мембраной из бересты в деревянной планке с выемкой, прижатой тонкой дощечкой

41—42) губной яяй с двумя мембранами, яяй с тремя мембранами.

Корякские аэрофоны (духовые инструменты) восходят к глубокой древности. Они были у древних приморских и континентальных народов и изготовлялись из морских спиральных раковин, сухих стеблей трубчатых растений. Ими пользовались американские индейцы, австралийцы, африканские негры и бушмены. Подобные инструменты имелись у народностей, населявших Дальний Восток и Камчатку: нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев, ительменов, коряков, эскимосов, чукчей, кереков.

Эти инструменты усиливают человеческий голос благодаря резонансу, многократному отражению звуковой волны в криволинейной ёмкости раковины, в полости трубки духового инструмента. Это спиральные раковины моллюска рапана Охотского и Берингова морей — «килькакэн г'эйн'эчгин» — «ракушечный звукоиздаватель». Звучание его подобно корякскому горловому пению.

Второй тип — трубчатые духовые инструменты большого диаметра — «ченвилгавэн' г'эйн'эчгын» — «из медвежьей пучки звукоиздаватель». Они относятся к продольным флейтам. Имелись также флейты — кооны язычковые — «ан'ан'итгулыг гейн-лылын г'эйн'эчгын» — «язычковый звукогенератор из горячей пучки». При исполнении на этом кооне возникают музыкальные и шумо-

вые звуки в тон вокальной мелодии. Криволинейные кооны с тонкой звукогенерирующей плёнкой во время пения производят высокие чистые или вибрирующие звуки, сливающиеся с вокальной мелодией исполнителя. Они были характеры для южных чукчей, ительменов, кереков, эвенов, алеутов. В 1960—1980-е гг. произошло ухудшение исполнения на этих инструментах, так как вместо натуральной плёнки-мембраны стали наклеивать тонкую папиросную бумагу.

Основой большинства корякских духовых музыкальных инструментов являются трости из маховых перьев крупных птиц — орлана, лебедя, гуся, утки, чайки. Корякские дудки, гобои, кларнеты изготовлялись из растения дягиля («медвежья трава»). На трубчатой части трости из пера птицы прорезались несколько отверстий. Одно из них — звукогенерирующее, остальные — музыкальные. Таковы жалейки из пера камчатского орлана. Корпус жалейки изготовлялся из ивовой, ольховой коры в виде свёрнутой в конус трубки. Большой или малый диаметр трости способствует высокому или низкому строю инструмента.

3. *Хордофоны* — струнные музыкальные инструменты (от греческого *хордо* — струна, *фон* — звук). Возбудителем звука в них является жильная, волосяная или стальная струна. По способу извлечения звука они подразделяются на ударные, щипковые, смычковые. Корякские струнные музыкальные инструменты разнообразны как по форме, так и по звучанию. Среди них имеются древние, заимствованные у соседних народов, и более поздние, созданные корякскими мастерами и музыкантами. Ниже приводится перечень корякских струнных музыкальных инструментов:

1) ыйыт — древний музыкальный лук, ударный, с ударником мак'ым (стрелой), возбудитель звука — жильная струна-тетива

2) эйнгэнг (эйн'эн') — традиционный щипковый и медиаторный инструмент с корпусом, выдолбленным из дерева, с деревянной декой, пришитой жильными нитками, с тремя резонаторными отверстиями и тремя струнами

3) эйингэнг (эйн'эн') — традиционный щипковый, медиаторный, ударный, с кожаной декой. Имеет две струны. Благодаря мембране, окраска звука специфическая

4) эйингэнг (эйн'эн') — традиционный щипковый, медиаторный инструмент. Корпус выдолблен из древесины, шейка средняя, две или три струны, три резонаторных отверстия

5) эйингэнг (эйн'эн') — традиционный большой, щипковый, трёхструнный, резонаторное отверстие круглое

6) эйгэнэнгэн (эйгэнн'эн') — щипковый, трёхструнный, с тремя резонаторными отверстиями

7) эйгэнэнгэн (кумныкумнэн) — «кричащий» — большой, басовый, трёхструнный, три резонаторных отверстия, прямоугольный

8) кыхчерен — двух-трёхструнный, прямоугольный, удлинённый, щипковый, медиаторный

9) эйнгэнэнг (эйн'энэн') — традиционный, подпрямоугольный, с длинной шейкой и прямоугольной декой, двухструнный ударный. Ударник — в виде деревянной остроконечной палочки

10) эйнгэнэнгэн (ник'ырвык'эн) — «весёлый», звонкий, щипковый, медиаторный

11) эйгенг (эйген') — малый, овальный, трёхструнный, резонаторное отверстие полулунной формы

12) эйгенг (эйген') — большой, овальный, трёхструнный, резонаторное отверстие полулунной формы

13) балалайка четырёхструнная, дека и корпус треугольной формы, три струны над ладами, четвёртая — фоновая

14 скрипка (энэгэнг, энэн'эн') — «волшебная песенная», четырёхструнная. Звук извлекается при помощи смычка

15) балалайка малая, четырёхструнная, дека и корпус подтреугольной формы. Отверстие резонатора треугольное. Три струны над ладами, четвёртая — фоновая

16) айченга (айчен'а) малая, овальная, двухдековая, струн до пяти. Отверстие резонатора — овальное, инструмент медиаторный

17) айченга (айген'а) малая, овальная, двухдековая. Струн до пяти

18) айченга (айген'а) малая, подовальная. Имеются верхняя и нижняя деки, струн до пяти

19) айченга (айген'а) большая, корпус подовальный, верхняя и нижняя деки, шейка удлинённые. Щипковый инструмент, струны: пять — девять. «Корякская гитара». Резонатор округлой формы.

Корякские струнные музыкальные инструменты являются, по-видимому, наиболее поздними. Однако в фольклоре имеется упоминание о музыкальном луке (ыйыт) с тетивой (ыйыйытилилн'ын), на котором играл сказочный герой, «исполнял очень красивую мелодию». На развитии струнных инструментов сказалось, по-видимому, влияние соседей: северных палеоазиатов — чукчей, юкагиров; тюрков — якутов на западе, эвенов — на западном и восточном берегах Охотского моря. На юге Камчатки проживали ительмены, контактирующие с курильцами. У большерецкой группы ительменов имелся пятиструнный инструмент «кыхчерен», воз-

можно, по названию этой группы ительменов. Музыкальные инструменты этого типа существуют и в настоящее время у народностей Сахалина и Приморья. Кыхчерен существовал и у коряков тигильской группы. Ведущее место занимали эйн'эн'ы смычковые, щипковые трёхструнные, медиаторные, музыкальные луки ыйыт со стрелой-ударником — мак'ым.

В 1976 г. в селе Средние Пахачи автор отметил у корякской семьи струнный инструмент, выдолбленный из древесины. Современный корякский музыкальный инструмент такого типа имеет такую же форму, две стальные струны, для настройки два традиционных колка. Шейка разбита на лады. Инструмент изготовлен из лиственничной доски, дека инкрустирована дубовым шпоном, струнодержатель — из латуни.

У тигильских коряков были большая и малая балалайки, которыми пользовались ещё в 1978 г. Их изготовляли из ивы, а струны — из сухожилий морских животных. У коряков имелись скрипки с корпусом из сухой свернувшейся коры, струны — из лошадиного волоса.

В ходе трудовой деятельности корякский народ накопил большой исторический опыт как создания орудий труда, так и музыкальных инструментов, появившихся в доисторическое время. Имея музыкальные инструменты, коряки осваивали и отражали звуки, которые производила природа: удары морского прибоя о скалы (исполнялись на бубнах), завывание ветра (песни открытым голосом), журчание ручья (игра на свистульках-манках). Возможно, что на раннем этапе больш*ую* роль [в становлении песен] играли домашнее колдовство, ритуальные деяния, сопровождаемые мелодиями, исполненные «горловым голосом», чувство ритма, импровизации, сиюминутное творческое создание мелодии. Такие песни продолжаются часами. Представители корякской народности, каждый мужчина и большинство женщин, имели свои песни. Такие песни нельзя было никому дарить.

Личные песни исполняли на праздниках и обрядах. Мелодия, песня якобы соответствовала задабриванию невидимых «хозяев» данной местности.

Корякские традиционные музыкальные инструменты изготовлялись из древесной коры, древесины, кожи животных, перьев крупных птиц, раковин моллюсков, нерпичьего и рыбьих пузырей, плёнки печени, завозимого металла: железа, меди, латуни, бронзы. Инструменты делали из древесины ели, ивы, лиственницы, сосны, имевших хорошие музыкальные характеристики, то есть звучность, способность

резонировать, долговечность. Струны изготовляли из самодельных крапивных и жильных ниток, сухожилий; смычки — из волоса лошадиного хвоста. Из коры ольхи, ивы, рябины изготавливали корпуса маракасов, дудок, жалеек, гобоев, рожков. Для музыкальных тростей использовали перья диких птиц: орла, гуся, лебедя, уток, чаек, а позже и домашних птиц.

Многие корякские музыкальные инструменты восходят к фольклорным. Он изготавливались из трубчатых стеблей, раковин, нерпичьих и рыбных пузырей с камешками внутри. Одним из наиболее древних фольклорных инструментов, помимо бубнов с мембранами из кожи нерпы, лахтака, оленя и других животных, были духовые из трубчатых растений. Игра на них якобы способствовала хорошему ходу лососей.

Как ударники к бубнам, использовались колотушки из оленьего рога, ивовых прутьев, высушенная лапа волка-«оборотня». Мембраны бубна — из оленьей кожи, плёнки печени. Автором отмечены случаи изготовления мембраны бубна из кожи собаки, а также деки струнного инструмента из кожи оленя. Эти инструменты восходят к фольклорным.

Свойство предмета звучать сначала удивляло человека древней культуры, но позже стало использоваться в практических делах: на обрядах, праздниках и в ритуальных целях. Люди той эпохи представляли мир как арену борьбы добрых и злых сил, что отражалось в их фольклоре. Собиратели моллюсков на морском побережье отваривали их, мясо потребляли, а раковина становилась музыкальным инструментом: маракасом или духовым (если раковина была спиральной). В этом случае в неё вставляли трость из пера птицы, и полость раковины становилась резонатором. Считалось, что игра на ней способствовала успешному собирательству.

Огромную роль в развитии фольклорных музыкальных инструментов имело появление на Камчатке металла. В это время возникло несколько видов металлических колокольчиков, как самодельных, так и заводского производства. Считалось, что звучание колокольчиков отпугивало духов — нинвитов, вселявшихся в организм человека или животного. Металлические украшения из бронзы, латуни, меди, браслеты, а также кастаньеты, конконы, стальные кольца считались «очистительными», как и бубен.

При помощи бубнов изгоняли злых духов, игра на них сопутствовала пению и танцу (камланию) шамана, на стороне которого находились добрые духи-помощники. Бубен «помогал» бороться со злыми духами болезни.

В советский период музыкальные инструменты фольклорного типа были достаточно изучены, развиты и реконструированы. Это позволило использовать их во время праздников, современных и традиционных обрядов. Они совершенствуются, в ходе чего становятся профессиональными.

Музыкальные инструменты занимали особое место в жизни традиционного корякского общества, в его быту, хозяйстве, верованиях, искусстве. Поэтому их можно рассматривать и в этнографическом плане. Наибольшую роль тогда играл бубен. Он был необходим во время праздников и обрядов «очищения» человека, его жилища, изгнания духов болезни, «лечения» при участии служителя шаманского культа.

При помощи бубнов раздували ритуальный огонь костра, в его сопровождении исполнялись песни, народные танцы. «Очистительная» роль бубна ценилась в традиционном корякском обществе. Бубен хранился в специальном меховом чехле в простенке между центральным пологом и задней стенкой яранги, где хранились и другие ритуальные предметы. Иногда бубен вывешивали у самого потолка яранги на высоком шесте. Бубен был характерен для всех групп корякского этноса. Многие предметы быта из кости и рога снежного барана («выбивалки» снега, колотушка для бубна из дерева и китового уса) играли роль музыкальных инструментов на западном побережье Камчатки. Тигильские коряки зимой на посиделках играли на четырёхструнных балалайках.

Народности, проживающие по соседству с коряками, также имели свои музыкальные инструменты, а это, в свою очередь, способствовало взаимовлиянию и обогащению культур. Севернее коряков обитали чукчи, юкагиры, эскимосы; на северо-востоке — кереки, на западе и северо-западе — эвены, на юго-западе и западе — ительмены.

Подробные сведения о коряках дал в 1699—1701 гг. В. Атласов. Контакты коряков с русскими способствовали обмену, развитию дружественных отношений. И вполне возможно, что уже в то время старинные музыкальные инструменты русских стали известны оленным корякам. Большинство корякских музыкальных инструментов были распространены локально, поэтому развивались они медленно. В дооктябрьский период их становление так и не завершилось: они оставались на уровне фольклорных, а многие были навсегда утрачены. Главной причиной их исчезновения было малое внимание к развитию традиционных культур народностей Сибири и Камчатки со стороны царской администрации. Но, несмотря на

это, у народностей Камчатки появились русские балалайки, гитары, скрипки, свирели, дудки, жалейки, колокольчики, бубенчики, изготовленные из новых материалов — железа, латуни, бронзы. Вместо струн из крапивной пряжи и волоса — медные, стальные, серебряные, а также из воловьих жил.

Информантами по музыкальным инструментам были представители корякской народности, жители сёл Карагинского, Олюторского, Тигильского и Пенжинского районов Корякского автономного округа. Так, об остольных колокольчиках и тэлытэле сообщили А. Притчин из села Карага и М. Е. Притчин из села Лесная (1969—1971 гг.). О язычковых варганах — Умъявьи Кавав из села Рекинники (1981 г.), о корякских бубнах — семья оленеводов Танвилиных: Ж. П. Танвилин, Я. Танвилин, Х. Танвилин, село Рекинники (1971 г.). О морских раковинах и варганах — Н. К. Хелол, Л. Хелол, М. Хелол, село Микино, посёлок Палана (1980 г.). О кыхчерене, скрипке, энэнах — С. Данилов из посёлка Хайрюзово; о флейтах из трубчатых стеблей — К. Н. Холоймова (1973 г.); о праздниках, ритуальных колокольчиках и бубенчиках — кузнец В. Оптараш, село Парень (1985 г.); о тэлытэле из кости — А. Гуторова, село Карага (1969 г.), о гобоях, жалейках, рожках — Н. Уваров, село Макарьевск (1969—1975 гг.); о музыкальном луке — А. Рольтытегин, село Пахача (1967 г.). С. Данилов выполнил несколько эскизов корякских инструментов (Хайрюзово, 1971 г.). Он сообщил о наличии у западных коряков скрипки, близкой по форме к ительменской. В. Ауна из села Рекинники сообщила о костяном вэнниляе (1981 г.); М. Эткин из села Манилы — о бубнах корякских оленеводов (1976 г.).

Развитие корякской музыкальной культуры на основе музыкальных инструментов возможно при их дальнейшем усовершенствовании с участием профессиональных музыкантов. Это позволило бы создать корякский оркестр народных инструментов, а в дальнейшем и оркестр симфонический.

КОКМ ОФ 31700/127. Рукопись. Без даты

Вулканизм и коренные жители Камчатки (замечания автора на полях: «Свести в логическую статью», «Надо литературу»)

1. Считают, что коренные жители Камчатки, и в древности, и в более поздние времена, со страхом относились к вулканизму, землетрясениям, горячим источникам. Что, мол, всё, что связано с этими

явлениями природы, было запретным. Однако дело обстояло несколько иначе.

2. Археологические стоянки в районе города Петропавловска-Камчатского (тарьинская культура древних ительменов, расцвет — три тысячи лет тому назад) зачастую являются двухслойными. Стерильная прослойка — пемзовый шлак, пепел. Культурный слой содержит инвентарь, почти аналогичный, так как, видимо, после извержения представители племён снова пришли на старое место.

3. Южнее линии: река Озерная (восточная) — река Ковран были находки наконечников стрел, скребков (кремень, обсидиан) на вулканах, даже у самых кратеров.

4. В посёлке Паужетка и в южной части полуострова у выходов горячих источников, в кратерах гейзеров в окаменелых глинах, в гейзерах находили каменные орудия труда и охоты (ительменские и курильские).

4. В 50—60-е гг. XX столетия извергался вулкан Шивелуч. Гудел огонь, пламя было видно за триста километров. Солнце скрывалось в дыму. Население — коряки-карагинцы и жители острова Карагинского — смотрело на это довольно спокойно, только старики шептали заклинания.

5. В середине 1960-х гг. автором было отмечено несколько археологических стоянок в Кроноцком заповеднике у вулкана Кроноцкого (действующего).

6. Каменный наконечник стрелы найден в Долине гейзеров.

7. В легенде коряков-карагинцев [сообщается, что] во время поединка на острове Карагинском нымылана и воина морского племени на вершине сопки над ними плыл огромный огненный шар — извергался один из вулканов восточного побережья Камчатки.

8. Куткинняку — герой корякского фольклора, спасая сиротку Валяко, бросает огненный камень с дымящейся горы.

9. Чёрный ворон (в него превращается Куткинняку в сказке коряков-алюторцев) попытался клювом задержать солнце, проглатывает его. Солнце гаснет, появляются облака, гремит гром, дрожит земля.

10. Чичичтин (Сысыс'ын) — плохой сын Куткинняку (сказка записана в селе Рекинники Пенжинского района) наказан. Сначала ему за жадность вырезали желудок и заменили его маленьким желудком горностая. Объевшись олениной, он вышел из яранги и стал кататься по снегу, чтобы размяться. Началось землетрясение.

11. Землетрясение на острове Карагинском связывалось местным населением с Куткинняку, который здесь имел негативные черты каннибала.

12. Поверье южных коряков-нымыланов: после захода солнца и за столом нельзя смеяться — будет землетрясение.

13. Ительмены и камчадалы, несмотря на вулканизм, селились недалеко от вулканов. Они густо населяли места в районе Авачинско-Карагинской и Ключевско-Толбачикской групп.

14. На Срединном хребте у подножья потухшего вулкана около семи тысяч лет тому назад жили представители древнего камчатского племени. Полагаю, что это были люди верхнего мезолита.

15. Наконечники копий и стрел, ножи, скребки из вулканического стекла, кремния, базальта — все группы коряков называли «хиги гельэн» — «падающие с неба» (у греков — «громовые топоры»). Корень этого термина связывали с человеком — «громником», мечущим эти орудия с неба в людей, не соблюдавших запреты. Собранный инвентарь старшее поколение использовало в похоронном обряде, обычно как мужское оружие. Это сбивало с толку археологов, пытавшихся датировать захоронение.

16. Таким образом, не абсолютный страх и ужас преследовали население в момент вулканических катастроф. Они имели и религиозное объяснение (древние верования), а самая деятельная часть племени — мужчины-воины, старейшины — выбирала места поселений, не боясь вулканов.

КОКМ ОФ 31700/128. Рукопись. Без даты

Разработка сценария праздника

Традиционный посёлок: полуземлянка из брёвен с выходом через верхний дымоход (люк) по лестнице-столбу с зарубками; юкольник свайный; барабора — шалаш из соломы и жердей с входом с продольной (длинной) стороны, рядом — яранга.

У жилищ сидят группы женщин, занимающихся рукоделием, плетением из травы, соломы, дели. Посреди площади, где раскинулся посёлок, горит костёр. На вешале вялится лососёвая рыба.

Здесь много гостей с камчатского севера, слышны говоры жителей окрестных посёлков. Но вот появляются глашатаи.

Глашатаи поднимают корякские рожки и ительменские дудки. Они играют и сообщают собравшимся о начале традиционного (общего) праздника, устроенного гостями, — праздника единства камчатского севера и всего населения Камчатской области.

Глашатаи объявляют о начале праздника, первым обрядом которого является «очищение жилищ» при помощи высверленного священного огня из ритуального предмета гичгия, символизирую-

щего «хозяина огня» (обряд высверливания огня). Когда затлел огонь, жители традиционных жилищ зажигают факелы и переносят его в жилища, где разводят костёр таким образом, чтобы было много дыма, который по древним верованиям изгонит из жилища вредоносных духов — нинвитов. Вокруг жилищ образуются хороводы, которые танцуют, двигаясь по солнцу. Обряд заканчивается. У входов жилищ садятся хозяйки и начинают рассказывать народные сказки, дополняя рассказ танцевальными движениями, родовыми песнями в сопровождении бубнов, маракасов, национальных музыкальных инструментов.

Начинается исполнение народных танцев: корякского — млаваткын, эвенского — норгали, ительменского — такую, алеутского — суглаяхтах и тулукидзах. Танцовщицы приглашают всех присутствующих принять участие в празднике.

Гремят праздничные бубны.

В этот момент выходят подтянутые, в лёгкой летней одежде из дымлины (ровдуги) молодые оленеводы. Их движения то плавные, то быстрые и резкие. У одних на плече аркан — чаут, у других — посох или охотничье копьё. Они исполняют традиционный танец оленеводов и охотников.

Но вот на площадь выбегают два крепких пастуха. Они разматывают тонкий длинный ремень, который протягивают через два отверстия деревянного пропеллерообразного предмета — тэлытэла. Это ритуальный предмет, который при вращении имитирует летающее существо. Мужчины берутся за ремень (за противоположные концы), вращая «пропеллер» так, чтобы ремень (двойной ремень!) был закручен как жгут, резко тянут его на себя за концы. Ремень растягивается, тэлытэл бешено вращается и издаёт гудящий звук. От его вращения поднимается ветер. От того, где порвётся ремень, в каком месте, решают: будет ли хорошая охота на морского зверя, удастся ли заготовить большие запасы на зиму. За спиной каждого из двух стоят в очереди несколько человек, так как порвать ремень можно не сразу, а через несколько часов, когда тот истончится.

Вдруг ремень порвался! Мужчины бросаются к нему, выхватывают ножи, и каждый из них отрезает себе такой кусок, который необходим для хозяйства.

Мужчины, участвующие в празднике (обряде) «Тэлытэл», обязаны показать (исполнить) следующие необходимые обряды: их должно быть от одного до трёх, но рвут тэлытэл они одновременно. Если не порвут, приглашается следующая группа. Они должны

(но не всегда) исполнить небольшой танец, потом садятся и берутся за ремень, закручивают его, тянут на себя, тэлытэл вращается. Если порвётся — улетает в одну или другую сторону. Тогда решают: придёт ли, вернётся ли морской зверь, на которого будет охота? Победителями считаются те, кто порвал ремень. Они не только герои дня, но и чемпионы года. Их награждают, к ним относятся с большим уважением.

Начинается развлекательная танцевальная программа ансамблей представителей корякских, ительменских, алеутского, эвенского районов. Первый номер — «Праздник первой рыбы».

Над площадью сияет солнце. Женщины плетут из соломы дикого злака длинную верёвку — виайю. За ними наблюдают мужчины, ведь идёт подготовка к празднику первой рыбы, который является главным, так как от удачного лова лососей зависит благополучие семьи. Праздник рыбы и лов её были традиционными занятиями женщин. Поэтому женщины готовятся к обряду «Изгнание мужчин». Те посмеиваются над женщинами, но они их всё же «изгоняют», ведь это их занятие и праздник.

Обряды праздника первой рыбы: плетут верёвку из травы или соломы; несут ольховую ветку, к которой привязывают эту верёвку. Пойманную первую рыбу пластают, пластины варят и жарят для угощения, голову рыбы привязывают к верёвке, верёвку — к ольховой ветке. Рыбью голову на верёвке бросают в реку — вверх по течению, вниз по течению или перпендикулярно берегу реки или моря. При этом кричат чаячье междометие: «Кыйя! Кыйя!» Идут по движению солнца. Женщины и девочки танцуют, восклицают: «Много рыбы будет в этом году! Тяжело тащить эту рыбу!»

Участие лиц женского пола на этом празднике якобы способствовало им лёгкие роды и многочисленное потомство. Молодым девушкам кровью первой пойманной рыбы рисовали на лице красные пятна, имевшие ритуальное значение. В жилище устраивали танцы, обед из рыбных блюд.

Но вот раздаются мужские крики: «Выходите, выходите! На борцов вы посмотрите — молодцы да молодцы наши дюжие борцы!» Начинается корякская борьба с подножками, подсечками, бросками.

У традиционных жилищ сидят бабушки, их окружили дети, подростки, взрослые. Они слушают корякские, ительменские, эвенские, алеутские сказки. Рассказчицы подражают голосам зверей и птиц, танцуют звериные и птичьи танцы, поют древние песни (сельчане Караги — «Чаячьи напевы», оленеводы — горловые песни, итель-

мены — «Жёлтенький песочек», коряки-алюторцы — песню Ивана Нуилгита «Вывенка»).

Начинаются спортивные состязания представителей народностей Камчатки: выходят в обрядовых масках карагинцы, в театральных масках — артисты ансамбля «Энер» («Звезда») из села Караги, «Эльвель» из Коврана, «Факел» из села Манилы. Они исполняют танцы-соревнования: на оригинальность, на высокую сценичность и тему. Лучшие исполнители получают призы. Завершается выступление «ряженых» степенным, медленным шествием в масках. «Ряженые» могут жёстко наказать за несоблюдение норм традиционного поведения. Они защищают бедных и слабых.

Их сменяют спортсмены. Одним из интереснейших обрядов, как у жителей морского побережья, так и пастухов-оленеводов, была спортивная игра «Корякский батут». Из одной или нескольких сшитых оленьих, нерпичьих или лахтажьих шкур изготовляли близкий по форме к овалу своеобразный «ковёр». По его краям, параллельно кромке, делали небольшие прорези, чтобы шкуру можно было нескольким мужчинам (до десяти или более человек) удерживать рукой. На батут становился смельчак, обычно опытный в этом деле мужчина. Его с огромной силой подбрасывали вверх, иногда до десяти метров. При этом он старался встать на ноги, а в самой верхней точке во время прыжка быстро повернуть голову, осмотреть окрестности. Мастеров корякского батута очень уважали, так как в тундре, для того чтобы осмотреть окрестности пастбища в тундре, батут играл большую роль. Батут этого типа применяли также чукчи и эскимосы, охотники на морских животных — моржей и китов.

Возрождённый обряд ныне стал очень популярным и в настоящее время существует.

Спортивные соревнования коряков, ительменов, эвенов, алеутов, кереков, камчадалов были следующие:

— бег с палкой (посохом) для перепрыгивания через пропасти;

— бег с дровами (плавником), венцом сложенными на плечах;

— бег с тушей оленя (без костей и внутренностей), которую сворачивали и обматывали шкурой;

— игра в шашки (сэкэм);

— игра кэнэр (трубка из дерева с отверстиями), подбрасывая которую, ловили острой палочкой, её остриё попадало в одно из отверстий.

Праздник завершался общим круговым танцем.

КОКМ ОФ 31700/130. Рукопись. Февраль 1990 г.

Навстречу 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции!

Песня тундры
Заснеженной.
Песня вечных
Костров.
Песня нежная,
Гордая,
Всем понятна
Без слов.
Это тундра.
Наша родина,
Дарит гостю
Свои цветы!

(Владимир КОЯНТО)

Корякская пляска —
Веселья сестра.
Я мог любоваться
Тобой до утра.
Волшебная сила
В тебе, видно, есть,
Коль каждому мило,
Танцующим — честь!

(Георгий ПОРОТОВ)

Уважаемый товарищ Малюкович В.Н.!

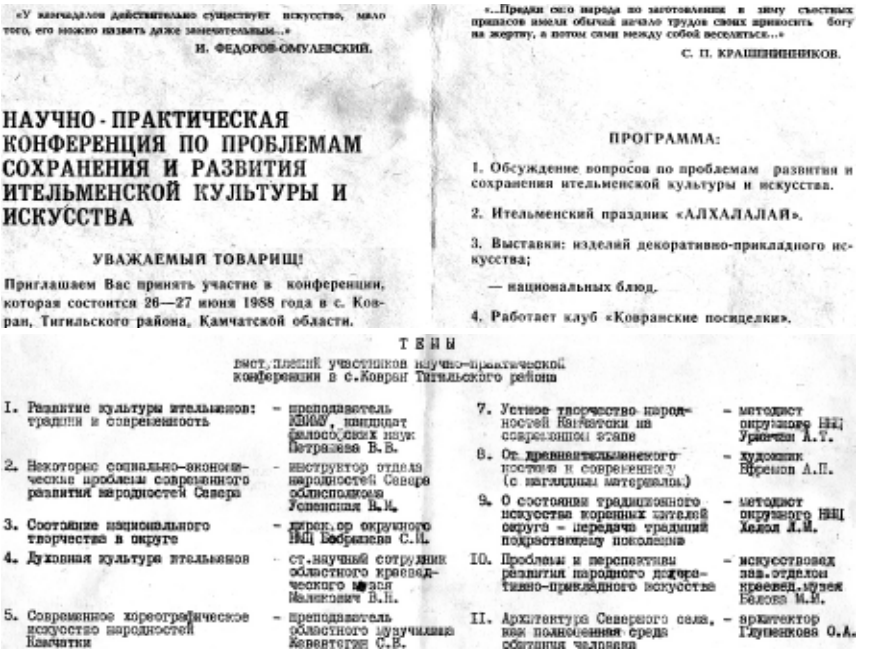
Лауреат 1 Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся, Лауреат премии Камчатского комсомола, народный национальный ансамбль песни и пляски

„ЭНЕР"

Приглашает Вас на торжественный вечер, посвященный 25-летнему юбилею ансамбля. Вечер состоится 11 июня 1977 года в сельском Доме культуры с. Корага Карагинского района Камчатской области.

В программе:
Торжественная часть
Концерт ансамбля

Пригласительный билет В. Н. Малюковича на 25-летний юбилей ансамбля «Энер», 1977 г. [31952/44]

«У камчадалов действительно существует искусство, мало того, его можно назвать даже замечательным...»

И. ФЕДОРОВ-ОМУЛЕВСКИЙ.

«...Предки сего народа по заготовлении в зиму съестных припасов имели обычай начало трудов своих приносить богу на жертву, а потом сами между собой веселиться...»

С. П. КРАШЕНИННИКОВ.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИТЕЛЬМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

Приглашаем Вас принять участие в конференции, которая состоится 26—27 июня 1988 года в с. Ковран, Тигильского района, Камчатской области.

ПРОГРАММА:

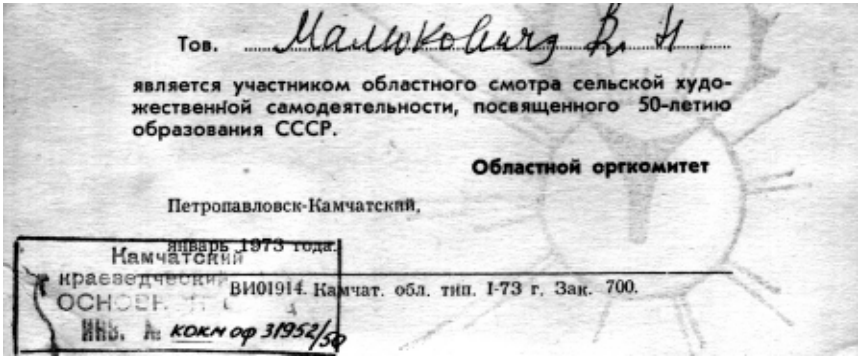
1. Обсуждение вопросов по проблемам развития и сохранения ительменской культуры и искусства.
2. Ительменский праздник «АЛХАЛАЛАЙ».
3. Выставки: изделий декоративно-прикладного искусства;
   — национальных блюд.
4. Работает клуб «Ковранские посиделки».

ТЕМЫ

выст. плений участников научно-практической конференции в с.Ковран Тигильского района

I. Развитие культуры ительменов: традиции и современность	– преподаватель КГПИИУ, кандидат философских наук Петрашев В.В.
2. Некоторые социально-экономические проблемы современного развития народностей Севера	– инструктор отдела народностей Севера облисполкома Успенская В.И.
3. Состояние национального творчества в округе	– худрук.ср окружного НМЦ Бобрышев С.И.
4. Духовная культура ительменов	– ст.научный сотрудник областного краеведческого музея Малюкович В.Н.
5. Современное хореографическое искусство народностей Камчатки	– преподаватель областного культучилища Кеветегин С.В.
7. Устное творчество народностей Камчатки на современном этапе	– методист окружного НМЦ Уранчин А.Т.
8. От древнительменского костюма к современному (с наглядным материалом)	– художник Ерешов А.П.
9. О состоянии традиционного искусства коренных жителей округа – передача традиций подрастающему поколению	– методист окружного НМЦ Хелоп Х.И.
10. Проблемы и перспективы развития народного декоративно-прикладного искусства	– искусствовед зав.отделом краевед.музея Белова М.И.
11. Архитектура Северного села, как полноценная среда обитания человека	– архитектор Глушенкова О.А.

Программа конференции в селе Ковран, 1988 г. [31952/44]

Тов. Малюковичу В. И.

является участником областного смотра сельской художественной самодеятельности, посвященного 50-летию образования СССР.

Областной оргкомитет

Петропавловск-Камчатский,

январь 1973 года.

Камчатский краеведческий

ВИ01914. Камчат. обл. тип. I-73 г. Зак. 700.

Инв. № КОКМ оф 31952/50

Приглашение на смотр художественной самодеятельности, 1973 г. [КОКМ ОФ 31952/50]

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано МАЛЮКОВИЧ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ
(фамилия, имя, отчество и должность)

Лектор-общественник

Камчатская областная организация общества "Знание"
(наименование органа, выдавшего удостоверение)

командированному в Мильковский район
(пункты назначения)

на командировки 2 дней по 8 апреля 1977 г.

ОСНОВАНИЕ: Приказ № от 197 г.

Удостоверение по предъявлении паспорта сер. №

Подпись руководителя

Командировочное удостоверение, 1977 г. [КОКМ ОФ 31729/61]

ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ РСФСР

КАМЧАТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

П Р А В Л Е Н И Е

683602, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Советская, 50, тел. 2-45-91, 245-90, 2-54-61

Благодарственное письмо

Владимиру Николаевичу МАЛЮКОВИЧУ -

за организацию и участие в краеведческих чтениях, посвященных 300-летию со дня рождения В. Беринга

Президиум

Благодарственное письмо, 1981 г. [КОКМ ОФ 31729/61]

На Крашенинниковских чтениях в КНО, оленеводческий совхоз «Манильский», село Каменское, 1980-е гг. [КОКМ ОФ 32492/6]. Слева направо: В. П. Мартыненко, краевед, журналист; оленевод; представитель РК КПСС; В. Овчинников, писатель; В. А. Шохин, художник; оленевод; Ю. М. Дубик, вулканолог; Г. П. Яроцкий, геофизик; В. Н. Малюкович. Фото В. Т. Кравченко

Участники чтений возвращаются в Палану [КОКМ ОФ 34252/2]

Министерство культуры СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ,
Союз композиторов СССР, Всесоюзное музыкальное
общество, Советский фонд культуры,
Советский фонд мира

Уважаемый товарищ!

Приглашаем Вас на торжественное закрытие
Международного фестиваля фольклора
в Центральном концертном зале „Россия"

Начало в 19 часов.

Проезд: метро „Площадь Ногина"

На два лица

Приглашение на международный фестиваль фольклора, 1988 г.
[КОКМ ОФ 31995/29]

ОТЧЁТЫ ПО КОМАНДИРОВКАМ

Ниже представлены пять отчётов — четыре рукописных и один литературно обработанный — о служебных командировках исследователя в его бытность научным сотрудником Камчатского областного краеведческого музея. Командировки состоялись в 1972—1979 гг., отчёты по ним показались нам познавательными и заслуживающими обнародования, ибо они отражают условия, в которых жили и трудились камчатские аборигены, их обычаи и занятия, а также то, как пополнялись коллекции нашего музея.

Командировка в Карагинский район Камчатской области (18 марта — 26 апреля 1972 г.)

Цель: сбор этнографического и археологического материалов для музея; фотографирование лучших людей района, общественных зданий, предметов быта и труда; запись корякских народных сказок; съёмка кинофильма.

Оборудование: магнитофон «Дайна» (питание от сети), фотоаппарат «Зенит», кинокамера «Красногорск» (широкоформатная) и кинокамера «Аврора».

Маршрут состоял из двух частей: 1. Посёлок Оссора — село Карага — первый и второй табуны совхоза «Карагинский». 2. Посёлок Оссора — село Тымлат — табуны — сёла Анапка и Рекинники и обратно. Эта часть маршрута была проделана на нарте. Упряжкой управлял каюр из села Карага Антон Алексеевич Притчин.

Участники: В. Н. Малюкович, научный сотрудник музея, В. С. Ефимов, фотограф музея, А. А. Притчин, каюр. В. С. Ефимов участвовал в первой части маршрута с 18 марта по 1 апреля 1972 г.

Из города Петропавловска-Камчатского вылетели 18 марта. Вечером прибыли в посёлок Оссора, разместились в гостинице. Утром нанесли визит В. И. Коршуну, заведующему отделом культуры Карагинского райсовета. При его помощи вместе с агитбригадой Карагинского района на вертолёте отправились в первую и вторую бригады совхоза «Карагинский». Утром, до отбытия вертолёта, были в райкоме комсомола, договорились о темах лекций, которые должны были читать в национальных сёлах. Побывали в обществе охраны памятников истории и культуры (районное отделение), где шёл разговор об увековечении имён видных деятелей советской власти, коряков из Карагинского района — Макара Обухова,

Г. И. Бекерева; С. Левченко, расстрелянного белогвардейцами в селе Ука, и корякского писателя из села Тымлат Ивана Баранникова.

В селе Тымлат шёл отчёт сельской художественной самодеятельности, который нами был полностью сфотографирован. Здесь мы купили у народной мастерицы Лиды Суздаловой корякские народные вышивки и аппликации. У неё же получили в качестве подарка нарточку, сделанную из цельного куска древесины, с лапками зайца и росомахи, имитирующими собак, — древнюю детскую игрушку.

Ученик восьмого класса Тымлатской восьмилетней школы Спиридон Колегов передал музею археологические образцы из кремня и обсидиана — ножевидные пластинки, микролиты, отщепы. Он же помог нанести на карту археологические стоянки в районе села: так называемую «Три брата», «Устье реки» (по левому берегу в пределах села) и «Старый юкольник».

В селе сфотографировали клуб, больницу, правление (контору) совхоза, почтовое отделение, школу, детский сад. Фотографировали семью Баранниковых — брата и сестру писателя Ивана Баранникова и их детей. Записали их немногословный рассказ о родителях и брате. Евдокия Баранникова, сестра писателя, взяла у соседей для пересъёмки ритуальные предметы — калаки двух видов: деревянные человечки и волчата. Волчата в мешочке были по двое. Хозяева предметов — пожилые люди — ревностно хранят их, никому не показывая.

Евдокия Баранникова работает в совхозе, Фёдор Баранников, её двоюродный брат, оленетехник совхоза.

Особо хочется остановиться на деятельности сельского клуба. Завклубом Татьяна Бодрова, баянист Алексей Чечулин, активная участница Екатерина Чечулина — много делают для своего села, они — самые активные участники художественной самодеятельности. Но необходимо вовлечь в неё больше молодёжи, так как количество национальных номеров очень незначительно — три из тридцати двух.

20 марта вертолёт пошёл в табуны. Сначала мы побывали в табуне № 2 (бригадир И. И. Манихит), а потом — в табуне № 1 (бригадир Ник. Кангин). Бригады хорошо укомплектованы. Здесь В. И. Коршун выступил с краткими информационными докладами о развитии экономики района, рыболовства, строительства и культуры. Потом главный оленетехник совхоза рассказал о новых обязательствах оленеводов на 1972 г., о проведении отёла, о правильном подходе к этому вопросу. Хвалил оленеводов за сохранение поголовья в суровое январское и февральское время. Когда появилась

угроза гибели около тридцати оленей, ослабленных гололёдом, их своевременно забили и сдали в рыбкооп.

Потом начался концерт художественной самодеятельности силами культагитбригады. Выступали В. Шмагин, Е. Чечулина, Т. Бодрова. Исполнялись корякские народные песни и пляски, стихи В. Косыгина и Г. Поротова. Мы описали предметы походной меховой палатки оленеводов, предметы охоты, инструменты оленеводов, разного типа нарты. Фотографировали табун, оленеводов. Съёмка также производилась на узкую плёнку кинокамерой «Аврора».

21 марта на вездеходе мы добрались до села Карага. Здесь начали съёмку кинофильма камерой «Красногорск», было заснято пятнадцать кассет. Тема фильма — этнография карагинских коряков. Вот основные сюжеты: плетение из травы традиционной карагинской сумки нав'нав', сумку изготовляла Матрёна Уварова; обработка оленьей шкуры скребком (Мария Притчина и М. Чечулина); корякский танец с бубном (Николай Кавав); поездка на летнюю рыбалку (каюр Антон Притчин); вышивка карагинских мастериц; концерт художественной самодеятельности. Танцы: «Ойя-ухажёр», «Невеста Солнца». Люди Караги: Алексей Алексеевич Ласточкин — старый коммунист, ныне пенсионер, ранее инструктор Карагинского райкома КПСС; Ульяна Колегова — пенсионерка, самый старый житель села; семья Марии Мефодьевны Никифоровой, сама хозяйка — мастерица по пошиву национальной одежды; школа-интернат, новый клуб.

В селе Карага мы оказали помощь школьному краеведческому музею методическими указаниями, фотографиями. Музей будет перестроен по-новому. Основное место займёт экспозиция по рыболовству, так как колхоз «Ударник» — одна из крупнейших рыболовецких артелей. Работой по воссозданию музея руководит историк, директор школы Анна Пантелеевна Юшина. В музее представлен богатый краеведческий материал: геология, фауна и флора Карагинской бухты, побережья, имеется несколько чучел, археологический отдел. На четырёх стендах — лучшие люди села и района; собран материал по истории Карагинской школы.

В Караге мы оказали методическую помощь коллективу художественной самодеятельности: на сцене сельского клуба был поставлен национальный фольклорный балет «Невеста Солнца», созданный по мотивам народной сказки. В главных ролях Василий Колегов, Татьяна Яганова, Валентина Тюменцева.

В сельском клубе с нашим участием выступил Владимир Владимирович Косыгин, член Союза советских писателей, корякский поэт.

В селе нами были приобретены: орнаменты-аппликации (у Марии и Михаила Митрофановича Поповых), у них же пэнкэн — зимний головной убор; стульчик из корней кедрача, напоминающий рог оленя, — у Ивана Касьяновича Тюменцева; вышивки — у Наталии Котловой; сумочка для ритуальных предметов — у И. К. Тюменцева; сумка нав'нав' — у работницы больницы Надежды Притчиной; несколько игличек для плетения сетей, досок для кройки шкур, скребок с деревянной орнаментированной ручкой — у Александра Наянова.

У Марии Мефодьевны Никифоровой был записан рассказ о прошлом села Карага и небольших окрестных посёлков.

В селе я договорился с Антоном Алексеевичем Притчиным о поездке на его упряжке на север Карагинского района по маршруту: село Карага — село Тымлат — село Рекинники и обратно. Так как погода была неустойчива, мы решили отправиться сразу, то есть 1 апреля. Взяли с собой магнитофон «Дайна», фотоаппарат «Зенит», запаслись кормом для собак, двинулись в путь. До Тымлата — пятьдесят километров. В дороге нас застала пурга, ночевали в тундре. От так называемого «Пьяного озера» нарту тащили на себе, так как собаки вязли в снегу. В село прибыли поздно вечером. В сельсовете взяли сведения по демографии села. В школе я прочитал лекцию «Археология Камчатки и проблема заселения Америки».

Поселились у родственников Кавава — Матрёны и Сергея Чечулиных, живущих вместе с родителями. Бабушка передала нам плетёную из травы сумочку; дед, уже древний, ему восемьдесят лет, рассказал о 1920-х гг. в Тымлате. Он ещё помнит, как отряд красноармейцев преследовал белогвардейскую банду в окрестностях Тымлата.

6 апреля рано утром выехали из Тымлата, ночевали на рыбоконсервном заводе № 79 («Красное»). Рыбозавод и рыбокомбинат законсервированы, на зиму здесь осталось десять — двенадцать человек. Поселились в доме у охотника Нестера, его в это время не было. Вечером я прочитал лекцию о природных богатствах Камчатки для шести человек. Комбинат летом 1972 г. будет работать, цеха в хорошем состоянии, но постоянных жителей здесь нет. Все переселились в Оссору и Ильпырь, так как основную нагрузку по рыбообработке сейчас несут эти комбинаты (концентрация).

Дорога в село Анапку проходила по пологим холмам. Не доезжая до села, отметили на карте две археологические стоянки. Одна — остатки древней ковранской землянки. Кавав решил здесь не останавливаться. Другая — на берегу лагуны — шесть кольцевых

валов-юртовищ, тоже остатки древних жилищ. Эта стоянка, по словам местных жителей, когда-то была обитаема, им об этом рассказывали старики.

В селе была проведена следующая работа: прочитаны две лекции («Происхождение некоторых ковранских фамилий» и «Неолит Камчатки»), собран этнографический материал (у Волковых — два калака, у М. Н. Чечулиной — сумочка из лап орла, у Уваровых — доски для кройки шкур, скребки, сумки из дели). Взяты сведения по демографии. Председатель сельсовета Иван Никифорович Чечулин дал подробную характеристику села. Мы интересовались работой сельских мастериц.

Оказалось, что мастерицы-надомницы работают в Оссорском госпромхозе, но тот плохо (неполно) оплачивает их труд. В селе две мастерицы — члены Союза художников СССР: А. И. Наумова и М. Н. Чечулина. Чечулина согласна сделать заказы для нашего музея: сшить кухлянки, обувь, шапки — при условии заключения с ней договора. Она бы могла дать образец национальной одежды олюторских невест.

До села Рекинники добирались двое суток, ночевали в тундре. Бассейн реки Пустой очень перерезан оврагами, что препятствовало нашему передвижению. По пути побывали в табунах (звеньях) № 1 и 2 совхоза «Карагинский», где я прочитал две лекции.

В селе председателем сельсовет работает тов. Алина. Село стоит на вечной мерзлоте. Дома рубленые, на одну-две семьи. Большинство домов в связи с наступлением нового сезона наклоняются в ту или другую сторону — влияние мерзлоты. Но в домах тепло, топят дровами и углём.

В селе новый клуб. Здесь я прочёл лекцию о неолите Камчатки, побывал в интернате, где оставил фотографии животных из областного краеведческого музея для школьного музея. В селе собрали хороший этнографический материал, записали несколько сказок у Матрёны и Афанасия Черных. Интересную сказку записали у Марии Тыныаут — тёти каюра А. Притчина.

Обратно возвращались на нарте через Парапольский дол. 26 апреля я отбыл на самолёте из Оссоры в Петропавловск.

Выводы наши следующие:

1. В сёлах Карага, Тымлат, Анапка, Рекинники хорошо работают народные мастерицы: А. Наумова, М. Чечулина, М. Колегова, М. Попова, Л. Суздалова. Но они работают по старинным образцам, без помощи художников, у них нет бисера. В большинстве случаев они сами обрабатывают шкуры — труд очень тяжёлый

для пожилых женщин. Оплата труда занижена, об этом рассказывала М. Н. Чечулина, село Анапка.

2. Во всех сёлах (кроме села Карага) плохо работают клубы, а именно коллективы художественной самодеятельности, особенно в селе Анапка. Там пожилые люди согласны участвовать в самодеятельности, но клубные работники не заинтересованы, безынициативны.

3. В школах и интернатах сёл необходимо создать школьные музеи и директорам школ надо поддерживать связь с нашим музеем. А у ребят-коряков интерес к собирательству и краеведению очень высок.

4. Нашему музею желательно проводить собирательскую работу в командировках летом и осенью, так как зимой места, где часто хранятся предметы быта и труда, занесены снегом. В зимнее время невозможно добраться до мест летних рыбалок, где также можно собрать интересный материал.

Результаты командировки:

1. Снято двадцать фотоплёнок (быт, жилища, табуны коряков Карагинского района).

2. Снят кинофильм (кинокамера «Красногорск») о людях села Карага, пятнадцать кассет.

3. Собрано шестьдесят семь экспонатов.

4. Записано одиннадцать сказок.

5. Прочитано семь лекций в сёлах и табунах.

6. Даны консультации по школьным краеведческим музеям в сёлах Караге, Тымлате и Анапке.

7. Оказана помощь коллективам художественной самодеятельности сёл Карага и Тымлат.

8. По поручению Камчатского обкома комсомола проводилась работа с секретарями колхозных комсомольских организаций (беседы об обычаях, истории и культуре карагинских коряков).

КОКМ ОФ 31995/27. Рукопись

Открытие памятника Владимиру Атласову (командировка с 18 по 20 сентября 1973 г.)

В экспедиции участвовали: Н. З. Кривоносова, секретарь Общества охраны памятников истории и архитектуры РСФСР, Камчатское отделение; Н. А. Бондарева, консультант по искусству, член президиума Всероссийского общества охраны памятников истории культуры; Ф. И. Тимохина, заведующая художественным отделом

Камчатского областного краеведческого музея, В. Н. Малюкович, сотрудник музея.

Цель командировки: открытие памятника, составление его паспорта.

В первый же день командировки памятник был осмотрен и сфотографирован. Материал памятника — ель камчатская, диаметром до восьмидесяти сантиметров, высота шесть метров, основание — бетонная плита размером три на три метра, толщиной до двадцати сантиметров.

Памятник находится в живописной местности, на месте слияния реки Камчатки с ручьём Андриановским. На этом месте, по исследованиям камчатских краеведов (Валерий Мартыненко), находилось Верхнекамчатское зимовье, основанное Владимиром Атласовым в 1697 г.

Окружающая местность — аллювиальная равнина долины реки Камчатки — покрыта древесной растительностью — разные виды ивы, берёза, ольха. Подлесок — рябина, жимолость, ягодники. Почвы молодые, материнская порода — галька.

Памятник представляет собой столб в виде тотемного, увенчанного двумя фигурами: обнимающиеся Владимир Атласов и, видимо, местный житель — ительмен. Первопроходец Атласов одет в русский тулуп (шубу), абориген — в кухлянку с капюшоном. Верхняя часть пьедестала, на котором стоят фигуры, — в виде полусферы; ниже, на цилиндрической части — стилизованные фигуры современников Атласова: русский и два палеоазиата. Руки барельефных фигур образуют как бы арки и, сплетённые, символизируют дружбу. Одежда фигур украшена элементарным геометрическим орнаментом. На одной из ниш, образованной между фигурой русского и ительмена, отмечено авторство: «Автор сотрудник СО АН СССР Угрин М. И. 1973 г.».

На второй, нижней половине столба (высота около трёх метров), отделённой от так называемого пьедестала «шнурообразным» ободом, вырезанным на поверхности последнего, — надпись: «Острог срубили Атласов со товарищи». Эта часть столба украшена вертикальными выемками в количестве десяти. Надпись сделана славянским шрифтом.

Памятник был открыт 19 сентября в присутствии представителей общественности: партийных и советских организаций, школы, дорожно-строительного управления, пенсионеров. За памятником будут ухаживать ученики Мильковской средней школы и рабочие дорожно-строительного управления.

На открытии выступили второй секретарь Мильковского райкома КПСС, заместитель председателя райисполкома, завуч средней школы. Открытие зафиксировано кинооператором областной телестудии и сфотографировано работниками музея.

Автор памятника — Михаил Иосифович Угрин, выпускник художественно-графического факультета Хабаровского института культуры. Работает в Новосибирске в Институте археологии АН СССР у академика А. П. Окладникова. По специальности — график, в настоящее время занимается проблемой «Искусство юкагиров». Его родственники проживают в селе Мильково, камчадалы. Обещал поддерживать связь с нашим музеем.

Памятник проолифлен. Очень хорошо вписывается в ландшафт, органически входит в него.

КОКМ ОФ 31955/23. Рукопись

Командировка в Елизовский район с выставкой «Прикладное искусство народностей Камчатки» (сентябрь 1974 г.)

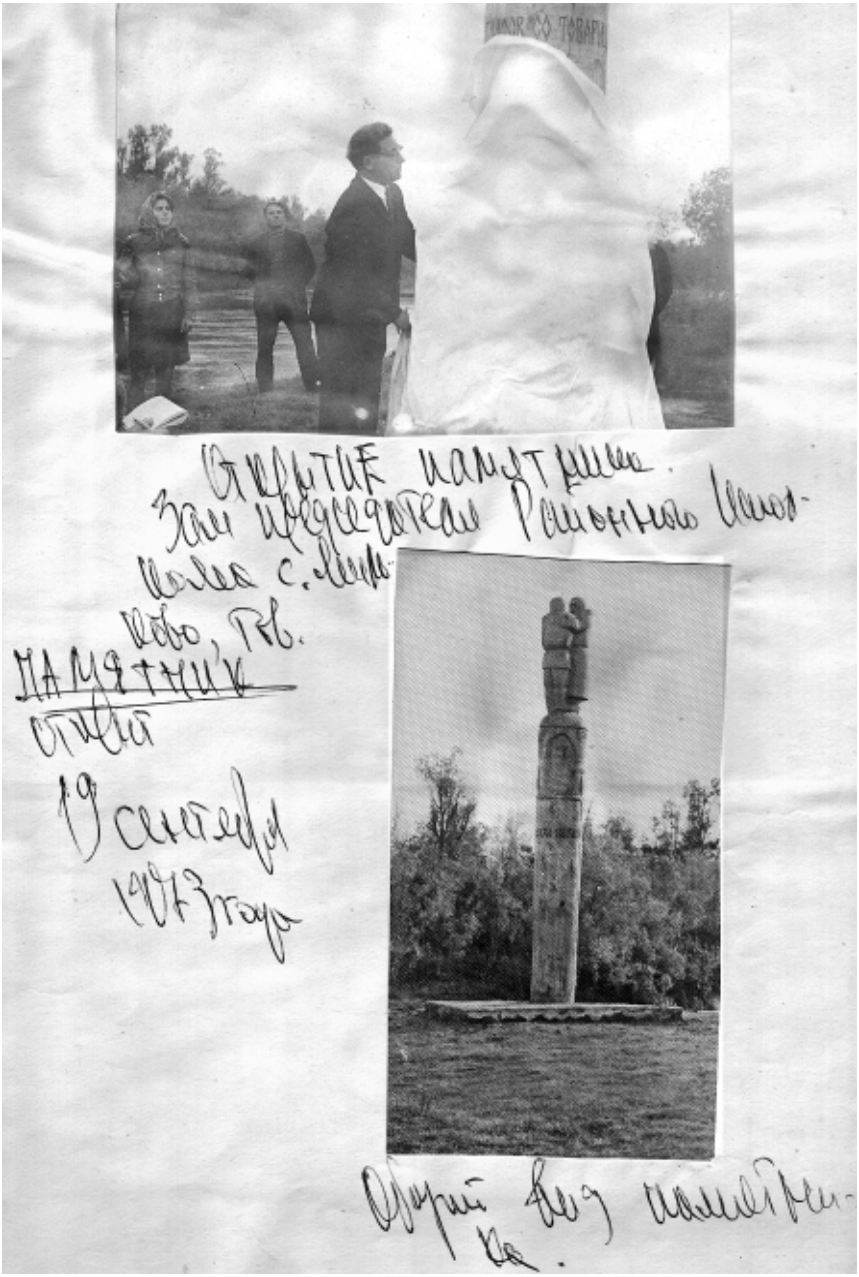
Командировка (село Кеткино и посёлок Елизово)... была связана с демонстрацией в районе выставки прикладного искусства малых народностей Камчатки (чукчей и коряков) и продолжалась с 10 сентября по 27 сентября 1974 г.

В командировке также участвовали научный сотрудник музея Л. И. Петрина и смотритель музея О. С. Большакова...

Выставка представляла собой традиционную корякскую и эвенскую одежду: корякские кухлянки, торбаса, малахаи, образцы орнаментов, сумка из соломы для ношения детей, бубен, сумочки; эвенские нагрудники (фартуки), кафтаны (тэтэ), головные уборы тунгусо-маньчжурского типа.

В селе Кеткино демонстрировались также образцы резьбы по кости моржа и рога снежного барана, характерные для чукчей и коряков, резьба из трубчатой кости, представляющая собой оленью упряжку.

Выставка вызвала значительный интерес, о чём свидетельствуют следующие данные: в селе Кеткино мной было проведено тринадцать экскурсий (Л. И. Петриной ещё пять), дано два урока истории (археологии Камчатки для старшеклассников), даны консультации учителям истории. На выставке здесь побывало 414 человек. В посёлке Елизово за 15—20 сентября выставку посетили более трёхсот человек, оплативших одиннадцать экскурсий и входные билеты (60 руб. 80 коп.).

Из отчёта о командировке в село Мильково по случаю открытия

памятника В. Атласову, сентябрь 1973 г. [КОКМ ОФ 31995/23]

С 20 по 27 сентября было проведено четыре экскурсии учащимся Елизовского городского профессионально-технического училища (сто человек, 50 руб. по безналичному расчёту) и десять экскурсий (250 человек, 100 руб. по безналичному расчёту) для учащихся школ Елизовского района. За весь период (10—27 сентября) мной было проведено тридцать восемь экскурсий.

13 сентября совместно с краеведом М. Я. Андерсоном была проведена археологическая разведка на берегу реки Авачи в районе моста через реку (41-й километр). Здесь более детально исследована ранее отмеченная мною (в 1970 г.) археологическая стоянка (тарьинская культура, древние ительмены). На обнажении был прослежен культурный слой, взяты пробы с почвенных горизонтов, уголь для радиокарбонатного анализа возраста стоянки.

Из инвентаря древних насельников стоянки найдены: двадцать каменных шариков диаметром около четырёх — пяти сантиметров, некоторые из них имеют красный охристый цвет. Все шары находились в культурном слое на глубине около сорока сантиметров. Здесь же обнаружены: черешковый наконечник стрелы из кремния, обломок сланцевого тесла, обсидиановые ретушированные скребки, ножевидные пластинки и множество отщепов (отходов) из вулканического стекла и сланца. Составлена глазомерная карта стоянки, все материалы переданы в музей.

В окрестностях посёлка Елизово отмечена и нанесена на карту археологическая стоянка «Дикарские ямы». В дальнейшем стоянка будет исследоваться.

В посёлке Елизово проживают два камчадала — Павел Заочный и А. Бибиков. Они согласились сделать для музея камчадальские лыжи и сшить камлейку. П. Заочный обещал рассказать о партизанском движении в Елизовском районе в годы гражданской войны. В дальнейшем необходимо провести с этими товарищами запись воспоминаний, промоделировать некоторые предметы камчадальского быта.

КОКМ ОФ 31995/24. Рукопись

Этнографическая командировка в село Манилы Пенжинского района Камчатской области (декабрь 1978 г.)

Целью командировки было:

1. Сбор (покупка) предметов одежды, быта.
2. Чтение лекций на предприятиях.

3. Помощь художественной самодеятельности.

4. Консультации культагитбригадам совхоза «Манильский».

5. Фотографирование учреждений совхоза.

6. Фотографирование лучших людей совхоза.

Командировка в Пенжинский район Камчатской области (село Манилы, оленесовхоз «Манильский», директор М. А. Новиков, главный зоотехник тов. Бридич) была предпринята для сбора документов, фотографий и личных вещей у лучших оленеводов совхоза; для чтения лекций, помощи культагитбригаде (руководитель Мих. Етин).

Командировка началась 16 декабря и завершилась 29 декабря, то есть продолжалась две недели.

Большую помощь в сборе материала (этнографические предметы, одежда) оказали старожилы села Мария Етнеут и Татьяна Оптенина, мастерицы-вышивальщицы.

Участники командировки — сотрудник музея В. Н. Малюкович и фотограф В. Д. Климентьев.

В работе нам также помогли молодые оленеводы Михаил Мичгин и Николай Тнальхут. Благодаря их помощи были приобретены стрела манильская и модель бумеранга пенжинских оленеводов, которые в настоящее время находятся в фондах КОКМ.

Из одежды нами были приобретены:

1. Кухлянка женская традиционная манильская.

2. Рукавички женские манильские праздничные.

3. Торбаса женские манильские праздничные.

4. Малахай женский корякский.

5. Торбаса мужские корякские промысловые.

6. Рукавицы мужские корякские промысловые.

7. Головной убор мужской корякский промысловый.

8. Шапочка оленевода.

9. Напёрсток пареньских кузнецов.

Все предметы в хорошем состоянии и составляют комплект женской корякской одежды.

Фотограф В. Д. Климентьев сделал фотографии мастериц, учащихся интерната, участников художественной самодеятельности.

Лекции были прочитаны в школе (девять), в клубе (три), в правлении совхоза, в гостинице, на ферме (три), всего пятнадцать, на которых присутствовало более девятисот сельских тружеников.

Коллективу художественной самодеятельности клуба села Манилы и агитбригаде была оказана методическая помощь. Прочитаны лекции о коренных народностях Камчатки, проведены беседы

«Танцы коряков», «Праздники коряков и их использование на сельской сцене».

В беседах с методистом культагитбригады Михаилом Етиным были выяснены трудности, мешающие правильной, плодотворной работе бригады, о чём было доложено руководству совхоза.

В командировке были собраны материалы, опубликованные в статьях (газета «Камчатская правда», январь — апрель 1979 г.): «Манилы сегодня», «Манильские мастерицы». Был проведён опрос жителей села с целью выяснения смысла орнаментов корякской одежды (женской, мужской, промысловой, праздничной) для приобретения в дальнейшем КОКМ.

В командировке нам препятствовали низкие дневные температуры. Так, более десяти дней температура держалась около пятидесяти градусов ниже нуля. По этой причине не удалось вылететь в другие сёла (в таких условиях Ан-2 не делает рейсов). Жители села — доброжелательные, приветливые люди, при любой возможности помогавшие нам словом и делом.

К сожалению, мы не смогли встретиться с А. Н. Тынентекьевым — кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР (Совет национальностей) от Корякского автономного округа, так как он был в Петропавловске на совещании.

КОКМ ОФ 31199/25. Рукопись

Командировка на Командоры

Сквозь тонкую жёлтую кожу байдарки просвечивают ноги охотника, обутые в длинные непромокаемые бродни — уллигих, и отчётливо виден весь наборный шпангоут лёгкого пятиметрового судёнышка. Охотник спешит на промысел. Он размеренно и сильно гребёт двухлопастным веслом и смотрит вперёд.

Там, далеко, среди льдин, чуть ниже линии горизонта, то высоко всплывают, то погружаются в глубины океана головы нерп и сивучей. Издалека они похожи на мячи, которыми играли в старину на алеутском празднике каг'лагых.

На голове охотника деревянная чёрная «шапка ворона», у неё широкий длинный, как клюв птицы, козырёк для защиты от солнца, в височной части по обе стороны — жёлтые «глаза». Камлейка и брюки из кишок и горл сивуча, хорошо смазанные котиковым жиром, лоснятся на солнце. Ремешки плотно стягивают манжеты рукавов, брюки и кожаную горловину над люком байдарки. Байдарка непотопляема и вместе с охотником составляет одно целое.

Ждёт охотника промысел, и нет ему времени любоваться лазурным небом, ультрамариновым морем, белоснежными чайками, скользящими над волнами...

«Осторожно! Надо чуть в сторону!» — говорит себе охотник и быстро делает три гребка справа. Прямо на него мчится сивуч, внезапно вынырнувший из глубины. Охотник прижимает к бортам весло, гарпун и, почти ложась на верхнюю плоскость байдарки, наклоняется вперёд — и байдарка переворачивается вверх дном. Огромный зверь испуганно виляет в сторону и проплывает мимо.

Коротким гребком охотник возвращается в нормальное положение, разгибается и продолжает свой путь. Ни одна капля не попадает ни под одежду, ни в байдарку...

«Это ещё маленькая байдара. А есть многоместные — ан'уна — из шкур сивуча, далеко мы ходим на них! Промышляли и китов... — рассказывает мне Николай Николаевич Добрынин, голубоглазый алеут, прекрасный человек, интересный собеседник. — Двадцать шкур на такую байдару уходит. Гребцы в ней садятся лицом назад, а руководитель, рулевой — вперёд. До десяти человек вмещает она. На охоте раньше часто случались несчастья: или волной смывало людей за борт, или морской звёрь опрокидывал байдару, или кит разбивал хвостом. Поэтому раньше охотники отращивали длинные волосы, за которые их вытаскивали из воды. Правда, при этом пострадавшего, чтобы он не потащил за собой спасающего, сначала оглушали лёгким ударом по голове...»

«Дома во время охоты нельзя было двое суток подметать пол. Запрещалось выносить из избы на улицу сор, особенно ночью. Для того чтобы охота была удачной, а погода хорошей — мужчины бросали "на ветер" или в море мелкую монетку. Во время охоты и на промысле ночью, как правило, спали при свете, — дополняет рассказ Н. Н. Добрынина другой старожил — Александр Моисеевич Аксёнов. — Барометров нам не надо. Если восход и закат алые — погода будет хорошей, если тёмные, мрачные — плохая... На месте охоты нельзя даже чихнуть, плюнуть, не то что курить. Чтобы зверя не отпугнуть. Ведь зверь всё чует: и звуки, и запахи...»

Я приехал на Командоры, чтобы собрать материалы по этнографии, записать алеутский словарь, описать по рассказам старожилов байдары и байдарки, промысловую одежду, расспросить о забытых старинных ремёслах.

Карандаш мой мчится по листкам блокнота, едва поспевая за рассказом Аксёнова:

— Были одноместные байдарки. Я хорошо помню. Были и большие. Какую одежду надевали на промысел? Камлейку! Она на плащ похожа. И брюки. Брюки шили с клиньями. Торбаса — уллиги — расшивали гарусом. Рукавички без пальцев были. Надевали парки из шкурок птичек — топорков. Я и покрой хорошо помню! Из кишок большого сивуча выходило по две камлейки. Капюшон камлейки украшали бусами, манжеты и ворот расшивали цветными нитками, и такой получался орнамент, что прямо загляденье! Парки из птичьих шкурок, лёгкие и тёплые, оторачивали крашеными ремешками из нерпичьей шкуры. Молодёжь наденет праздничную одежду — и на вечерки! Полный дом наберётся! Музыкальные инструменты какие? Балалайка алеутская, гитара, мандолина и гармонь. Танцуют до поздней ночи.

— А какие танцы исполняли? — спрашиваю я.

— И русские, и алеутские — тулукизах, баланс, суглаяхтах. И песен много было.

— Кто мог бы спеть старинную алеутскую песню?

— Многие. Но запиши, как поёт Анна Панькова...

В доме Анна Фёдоровна была одна. Мы с писателем Георгием Поротовым, тоже находившемся здесь в командировке, долго беседовали с ней. Анна Панькова — одна из первых комсомолок Командор. Старинные алеутские песни в её исполнении оказались совсем непохожими на те, что мы слушали раньше. В них был элемент атональности. Видимо, мы услышали их в редакции, сохранившейся с глубокой старины.

«Удивительно, — говорит Георгий, — я здесь записал несколько алеутских сказок: об Оммахе — боге-орле, о странном существе Челакакучхе. И что интересно: у ительменов в фольклоре есть подобный Челакакучхе герой — карлик, наделённый злобным характером. Кожа у него чёрная, голова большая... И в корякском фольклоре есть такой же персонаж. Как думаешь, чем это объяснить?»

И я вдруг вспоминаю, что в работах ленинградского этнографа, одного из крупнейших специалистов по этнической истории Юго-Восточной Азии, доктора исторических наук, профессора Рудольфа Фердинандовича Итса упоминается карликовый народ — негроиды, обитавшие в глубокой древности на Филиппинах, на острове Тайвань и на некоторых других островах Восточной Азии. Позже эти племена были вытеснены или ассимилированы филиппинцами, китайцами. Факт наличия карликовых негроидных племён подтверждают литературные источники стран Юго-Восточной Азии.

Они были, если можно так выразиться, первожителями Юго-Восточной, а возможно, и Северной Азии. Передвижение древних негроидных племён могло идти по Командорско-Алеутской островной дуге.

Идея подтвердилась бы, если бы действительно самые западные острова дуги — Командоры — были обитаемы до прихода сюда Второй Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга в 1741 г. Многие учёные, однако, утверждают, что острова Медный и Беринга являлись необитаемыми.

Но имеется целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что Командоры не только посещались алеутами до и после 1741 г., но что алеуты достаточно долго проживали здесь и в древности.

В 1973 г. мной совместно с учениками Никольской средней школы Алеутского района на береговой террасе в зоне Орлова Камня на глубине семьдесят — восемьдесят сантиметров найдены угли костра. Терраса здесь имеет высоту около четырёх метров, и образование слоя такой мощности приливами исключается.

В июне того же года я впервые описал два археологических образца, поступившие в Алеутский народный музей: шлифованное тесло из породы серого цвета и медный наконечник гарпуна с тремя шипами (два справа и один слева) позднего облика. Тесло несколько отличалось от тарьинских тёсел Камчатки, в основном своими размерами.

По рассказам очевидцев, здесь, на острове Беринга, находили кремневые и обсидиановые наконечники стрел, ножи и отщепы.

Тесло было найдено в середине 1960-х гг. учениками Никольской средней школы. Длина его — восемь сантиметров, ширина рабочей части — до четырёх сантиметров. Это шлифованное каменное долото использовалось в качестве орудия для обработки древесины.

Аксёнов сообщил мне о старинном, традиционном для алеутов захоронении на одной из песчаных кос острова Медного.

Несколько десятков лет назад к месту захоронения приезжал зарубежный археолог. Но коренные жители острова сохранили место захоронения в тайне. До наших дней оно не исследовалось и находится в нетронутом состоянии.

Совместная экспедиция Камчатского областного краеведческого музея, Института вулканологии АН СССР и Алеутского народного музея в 1966 г. собрала значительный материал на месте гибели пакетбота В. Беринга «Св. апостол Пётр». Среди образцов — корабельные гвозди, полосовое железо, поздняя керамика, остатки

канатов. Значительное место в этой коллекции занимают осколки стеклянной посуды середины XVIII в.

Несомненно, что посуда, в основном трёх- и четырёхгранные бутылки, принадлежала экспедиции Беринга, потерпевшей здесь кораблекрушение. Восемнадцать осколков, большей частью донышек бутылок, оказались ретушированными — обработанными методом, характерным для людей, не знавших железа. Видимо, сразу же после экспедиции Беринга на месте стоянки поселились алеуты, которые использовали в качестве орудий труда осколки бутылок, дополнительно обработав их.

И это не удивительно, что алеуты могли добраться сюда. Ведь они были отличными мореплавателями. На своих байдарках и байдарах, изготовленных каменными орудиями, они свободно передвигались от острова к острову. Скорость байдарки, например, была такова, что её не мог догнать фрегат.

Датой заселения Командорских островов официально считается 1826 г. С этого времени алеуты были на службе в Российско-Американской компании, которая занималась промыслом морских котиков и каланов. Лучшими добытчиками и обработчиками дорогих шкурок считались алеуты, для которых это занятие было традиционным.

Компания обеспечивала алеутов стальными ножами, пилами, коваными железными орудиями труда, изготовленными в Центральной России и на Урале. Поэтому после 1826 г. изготовление каменных ножей, скребков, наконечников стрел у алеутов быстро пришло в упадок и отмерло. Точно такой же процесс происходил повсюду, где появлялось железо. Таким образом, можно считать, что ещё в XVIII — начале XIX в. алеуты неоднократно бывали на островах Беринга и Медном и могли проживать здесь постоянно в более древние времена.

Наличие в каменном инвентаре, собранном здесь, наконечников стрел из обсидиана и в принципе похожего на тарьинское тесла свидетельствует о связях, имевших место в древности между обитателями Камчатки и Командорских островов. Видимо, вышеперечисленные орудия труда являются древнеительменскими. Автор ряда работ по археологии Крайнего Северо-Востока археолог Р. С. Васильевский высказал мнение, что около тысячи лет назад между Камчаткой и Командорами существовали культурные связи. Приведённые факты дают утвердительный ответ об исторически недавних культурных связях (одна-две тысячи лет назад) между обитателями Камчатки и Командорских островов.

Предки же современных жителей Командор — алеуты — заселили острова Беринга и Медный только в 1826 г. Их родина — острова Алеутской гряды: Атту, Атха и другие.

А когда были заселены Алеутские острова? Откуда, со стороны Северной Америки или Азии? Пришли ли предки древних алеутов на острова в «готовом виде» или окончательно этнически сложились здесь, создав свою самобытную культуру? Почему алеуты и эскимосы так близки по языку и культуре, но значительно отличаются друг от друга по образу жизни? Вот целый каскад вопросов, на которые только в последнее время появилась возможность дать определённый ответ.

Исследования на Алеутских островах проводились ещё в XIX столетии. Здесь побывали этнографы и археологи, антропологи и лингвисты. Вышеприведённые вопросы ставились многими учёными, в том числе и В. И. Иохельсоном. Но только в 1960—1970-х гг. раскопки на восточных Алеутских островах — Анангула и Умнак — дали возможность научно подойти к данным проблемам. Раскопки организовал Коннектикутский университет (США). Ими руководил доктор В. С. Лафлин. Помимо американцев, участие в исследованиях принимали и советские учёные, в том числе академик А. П. Окладников и Р. С. Васильевский.

Археологическая стоянка на острове Анангула привлекла к себе внимание всех археологов и этнографов, изучающих культуру древнего Берингоморья. Этот небольшой островок расположен в заливе Никольском, на берегу которого раскинулось одноимённое село.

Многие посёлки и острова этой части гряды носят русские названия: русские исследователи, мореплаватели, промысловики, торговые люди, с середины XVIII до конца XIX столетия побывавшие здесь, дали некоторым старым и вновь построенным посёлкам новые названия. Большинство из них сохранилось до сих пор. Более того, алеуты этих островов носят русские фамилии и старинные имена.

Залив Никольский омывает берег большого острова Умнак. Именно здесь, в заливе, находится небольшой островок Анангула, по форме напоминающий плывущего кита. Так его название и переводится с алеутского: «кит, плывущий на север». Археологические раскопки, произведённые здесь, стали сенсацией: возраст раскопанного древнего поселения составил 8 700 лет. Около девяти тысяч лет тому назад здесь уже жили люди, и, по-видимому, это были далёкие предки алеутов.

На восточных Алеутских островах есть целый ряд археологических стоянок, но они намного моложе анангульской. Однако одно

из таких древних поселений — Чалука — оказалось не менее интересным. Культуры этой стоянки, сменяя друг друга с четвёртого тысячелетия до нашей эры, вплоть до XVII—XVIII вв., переходят одна в другую, то есть в поселении жили почти на протяжении шести тысяч лет!

Так как на месте древней стоянки находится в настоящее время село Никольское, то можно обоснованно предположить, что его обитатели являются потомками тех, кто жил в древнем поселении ещё в неолите. Но стоянка «Анангула» начала своё существование почти на три тысячи лет раньше, нежели Чалука.

Кто же населял Анангулу? Алеуты? Или, как полагает ряд учёных, древние индейские племена, имевшие свою специфическую культуру?

Специальные исследования археологического инвентаря этой стоянки, в том числе и изучение технологии изготовления орудий, полностью доказали связь культур Анангулы и Чалуки. На этом островке была открыта так называемая «культура пластин». Наряду с многочисленными пластинками ножевидной формы, которые очень остры и могли вставляться в костяные и деревянные ножи, здесь найдены также грузила, каменные жирники для освещения и отопления жилища, блюдообразная посуда, каменные шлифованные орудия труда.

В принципе к единому мнению пришли советские археологи А. П. Окладников, Р. С. Васильевский и американский археолог доктор В. С. Лафлин: древние обитатели стоянки пластин были представителями приморской культуры, сложившейся на побережье северной части Тихого океана. Но откуда они пришли сюда?

Эту сложную проблему нельзя решить однозначно. Техника изготовления пластинок в Европе достигла максимального развития в мезолите — среднем каменном веке между палеолитом и неолитом. Некоторые археологи считают, что это переходный этап — постпалеолит или преднеолит и нет оснований считать его отдельным этапом развития каменной индустрии. Но культура пластин в Европе достигла высокой техники развития. Пластинки — микролиты, скалывавшиеся с нуклеусов, найдены по всей её территории.

Академик А. П. Окладников считает, например, что для Азии культуры пластин в разных местах не совпадают по времени. Поэтому ареал их не сомкнут, локален и мезолит здесь действительно проблематичен.

Но такие культуры имеют иногда в Азии почтенный возраст: от десяти до семнадцати тысяч лет. Пластины найдены в Забайкалье,

Приморье, на острове Хоккайдо в Японии. И не только пластины. На перечисленных стоянках обнаружены многие орудия анангульского типа, которые, по данным А. П. Окладникова, встречаются и на реке Халхин-Гол. Культура пластин Анангулы как раз и связана с культурой морских охотников, сложившейся в древности на северном побережье Тихого океана.

И всё же между культурой пластин и Чалукой есть разрыв — нет постепенного перехода одной культуры в другую. К счастью, было открыто ещё одно древнее поселение — Деревенское, которое заполнило этот пробел. На стоянке найдены компоненты анангульской и чалукской стоянок, а также и новые. Это наконечники стрел, похожие на найденные на Курилах и Сахалине и похожие на индейские — американского происхождения. Но ближе всего эти находки к тем, которые обнаружены на Камчатке доктором исторических наук Н. Н. Диковым на палеолитической стоянке «Ушковское озеро». Значит, культура предков алеутов связана с культурой древних обитателей Камчатки! Эти связи, по моему мнению, продолжались и до начала новой эры, и гораздо позже, вплоть до XVIII столетия.

То, что предки алеутов пришли с Камчатки, — не вызывает сомнения. Но это — не единственный путь. Культура Деревенского поселения свидетельствует, что побывали здесь пришельцы из Америки, а именно её северной части, с Аляски. Есть и третий путь из Азии через материк Берингию. Этот материк (или платформа) занимал территорию современного Севера Камчатки, Чукотку, остров Врангеля и Аляску. Берингия соединяла Северо-Восточную Азию и Северную Америку. Находилась она севернее Алеутских островов. На её поверхности сложились и распространились по полярным областям Азии и Америки голарктические флора и фауна: карликовые берёзка и ива, пушица, мхи, лишайники, некоторые мелкие грызуны и птицы. Время существования и погружения Берингии как раз совпадает с культурой пластин — около десяти тысяч лет назад.

Известно, что на севере Чукотки до прихода туда чукчей жили предки эскимосов. Их родина — Азиатский материк. Позже эскимосы переселились на Североамериканский континент. Интересно, что и алеутский, и эскимосский языки очень похожи. Например, «тулома», «туломачи» — алеутское приветствие, «тулукиззах» — алеутский танец, а «туле» — название многих эскимосских населённых пунктов, корень «тул» — составляет основу эскимосского приветствия у разных групп.

Ни у одного народа, проживающего на побережье северной части Тихоокеанского побережья, нет хоть несколько схожего с эскимосским и алеутским языка. Этот факт можно объяснить только тем, что эти два народа, являясь родственными, долгое время находились в изоляции от своих соседей и развивались самостоятельно. Но позже их пути разошлись, так как предки алеутов продвинулись на юг, на Алеутские острова, заселили поселение пластин острова Анангула. Эскимосы же остались на западной окраине Берингии (территория современной Чукотки), а их общая прародина опустилась в глубины Берингова моря.

Позже предки алеутов острова Анангула слились с американскими и камчатскими компаньонами и к сороковым годам XVIII столетия представляли собой единый народ, с представителями которого встретились русские мореплаватели.

Прирождённые охотники, промышлявшие морских котиков на лежбищах, — алеуты — составляли основной костяк рабочих в Российско-Американской компании, а в дальнейшем и других компаний.

Сезонная работа давала им средства к существованию. Но занятость на промысле разрушала навыки традиционной коллективной охоты, постройки байдарок и байдар, шитьё промысловой одежды. Огнестрельное оружие, деревянные вельботы вытеснили старинные гарпуны и каркасные байдары. Об этом свидетельствуют материалы Е. К. Суворова, приведённые в его книге «Командорские острова».

По хозяйственной описи на 1 января 1910 г. у беринговских алеутов было семнадцать вельботов, один бат и ни одной байдары. У медновских — тридцать девять вельботов и одна байдара. Видимо, по этой причине автор книги скептически относится к алеутам как морскому народу. «О преувеличении морских качеств алеутов можно сказать, что они моряки осторожные, нерешительные... чрезвычайно внимательны... Держат в руке фал и шкот... не лавируют... переходят от мыса к мысу, от берега не отходят... Парус ставят только на фордевинде и галфвинде... Но, — говорит далее Суворов, — никогда никто из них не утонул».

И относительно охоты и питания: «На китов и других водных млекопитающих алеуты не охотятся, хотя едят с наслаждением. Главные пищевые продукты — мясо котика...»

Собранные мной у старожилов-алеутов материалы противоречат сведениям автора «Командорских островов». И причины этого вовсе не в ошибке Е. К. Суворова. К началу XX столетия у алеутов стремительно исчезали традиционные средства охоты на мор-

ского зверя, а новые были ещё недостаточно освоены. К тому же алеуты к этому времени усвоили новый образ жизни, и охота и связанное с ней мореплавание пришли в упадок.

Но когда-то алеуты были отличными мореплавателями, охотниками на морского зверя. Их суда отличались совершенством и, в совокупности с промысловой одеждой, говорят о том, что это морской народ, не одну тысячу лет бороздивший воды Тихого океана...

В экспозиции Камчатского областного краеведческого музея представлены плавательные средства, орудия охоты и промысловая одежда командорских алеутов. Это, прежде всего, камлейка из кишок сивуча, сшитая из продольных полос. Интересно, что на фотографиях, сделанных этнографом В. И. Иохельсоном в начале XX в., такие камлейки изготовлялись из полос, идущих именно продольно. Видимо, это были верхние камлейки, одеваемые в ненастную погоду. Этот вид одежды мог шиться простым или специальным швом, всегда имел капор и по форме весьма близок к палеоазиатской кухлянке. Разнообразием отличалась и кухня алеутов. Здесь мясо ластоногих и птиц, моллюски и рыба, ракообразные и морские ежи, наземные растения и водоросли.

Алеуты умели заготавливать впрок мясо морских котиков — коттаках. Особенно ценились сердце котика, глазной хрусталик, язык, а печень считалась несъедобной. Ласты (их называли «ластики»), как котика, так и сивуча, почитались особым деликатесом. В отличие от печени котика, из печени сивуча готовилось несколько видов угощений, в том числе и пирожки. Ели также грудинку, язык, сердце. Из грудинки готовили супы, ливер, отваривали. Ласты котиков солили, квасили и на стол подавали в тонко нарезанном виде. Жители Командор ловили лосося во время рунного хода. Основной промысловый вид здесь — красная (нерка), встречается также и кижуч, который иногда зимует в устье речушек острова Беринга.

Рыбу солили, отмачивали перед употреблением. Солили, а также сушили лососёвую икру. Большим спросом у коренного населения пользовалась так называемая «мягонька» (особый вид прилипалы с присоском на брюшной стороне), которую море выбрасывало на берег весной. В море ловили камбалу, палтуса, треску, бычков. Из некоторых видов рыбы готовили особым способом строганину: она была съедобна в любое время года.

Мясо почти всех видов птиц, кроме говорушек, считалось съедобным. Охотились на гусей, лебедей, уток, чаек, топорков, кайр, гагар и других птиц, гнездящихся на островах. Ценилось мясо

бакланов и куропаток. Из топорков готовили национальное блюдо: мясо вместе с кожей птицы варили, а потом обжаривали особым методом. Яйца птиц собирали на птичьих базарах и частично брали из гнёзд. Сырыми, во избежание желудочных заболеваний, есть их запрещалось.

Из головоногих употреблялись в пищу осьминоги и кальмары. Старожилы рассказывают, что в старину осьминогов ели сырыми и даже живыми, отрезая по кусочку щупальца.

Из беспозвоночных употреблялась в пищу икра морских ежей. Обычно ели её прямо на месте лова или заготавливали впрок, засаливая.

Немалое место в рационе алеутов, проживавших на островах семьдесят — сто лет тому назад, занимали моллюски мамай, которых обычно отлавливали весной, а затем отваривали или жарили. В жареном, отваренном или печёном виде употребляли мидии. Шли в пищу и другие моллюски — петушки и так называемые «шляпки». Их собирали летом, отделяя ножом от камней. Больших по размерам варили, поменьше — ели в сыром виде, как устриц.

Немалое место в алеутской кухне занимали мелкие морские улитки — чимиги. Их иногда ели и сырыми, но обычно отваривали в солёной или пресной воде. Из ракушки их извлекали иглой или другой острой ракушкой. Называли их «алеутскими семечками». Их брали с собой, уходя далеко от дома, на посиделки, на вечеринки. Особенно чимиги любили дети. Чимиги бывают красные и чёрные. И те, и другие съедобны. Едят их на Командорах в любое время года все жители района — и коренные, и приезжие — и по сей день.

Так же готовили улиток и других видов (более крупных по размерам), отваривая их в морской воде.

В старину крабов предпочитали есть пожилые алеуты. Более того, по обычаям молодому поколению запрещалось к ним даже прикасаться. Такие запреты («табу») на некоторые блюда были известны у коряков, ительменов, чукчей. Наиболее ценились колючие камчатские, а также королевские крабы. Их обычно варили в морской воде.

Юноши ели мелких морских рачков, также отварных. Считались съедобными в сыром и варёном виде рачки-попрыгунчики, обитающие в сыром песке на берегу.

Противоречивы сведения о так называемых «какардах» (местное название одного из моллюсков). Их сушили, разрезая на полоски. Одни считают их съедобными, другие — ядовитыми. Видимо,

«какарды», как и многие обитатели морей, в определённое время года были токсичны.

Два мнения сложилось и о растении «огуречики», которое растёт на острове Беринга в районе Рифа недалеко от села Никольского.

Большинство видов морской капусты алеуты считали съедобными в сыром, варёном и жареном виде. Так, ламинарию жарили на жиру или на масле. Из мелкой капусты иклох варили супы. Ценилась и съедобная серая капуста — каннух.

Из растительной пищи большое место в меню островитян занимали клубни сараны, которые выкапывались своего рода тяпкой с двумя зубьями. Клубни измельчались, из них готовили несколько алеутских национальных блюд.

Алеутские женщины собирали щавель и дикую петрушку, которые клали в супы, а также растение тукалу. Тукала содержит много витаминов, и её употребляли в сыром виде.

Из растения хмиллах (дикий хмель) варили дрожжи. Первую воду обычно сливали и добавляли свежей. Готовая масса начинала бродить, и её использовали для выпечки сдобы и хлеба, для приготовления напитков.

На Командорских островах в изобилии растут грибы — белые, подосиновики, подберёзовики, маслята. Их солили, мариновали, жарили, варили. Осенью собирали бруснику, шикшу.

В более позднее время у командорских алеутов благодаря русскому влиянию появилось огородничество, которое было окончательно освоено местными жителями в советский период.

Дальний Восток, 1980, № 3, с. 85—90

От редактора: часть изложенного в «Дальнем Востоке» материала под заголовком «Алеуты: факты и гипотезы» также опубликована в газете «Алеутская звезда» за 16 сентября 1980 г., № 75.

В этом разделе в хронологическом порядке представлена 51 работа, напечатанная в различных изданиях с 1971 по 1988 г. По три из них вышли в литературном журнале, органе Союза писателей РСФСР «Дальний Восток» и повторяющемся издании Камчатского областного краеведческого музея «Краеведческие записки», по одной — в камчатском литературно-краеведческом альманахе «Норд Ост» и журнале Камчатского обкома КПСС «Блокнот агитатора». Остальные — в «главных» областных газетах «Камчатская правда», «Камчатской комсомолец», окружном издании «Корякский коммунист» и газетах, выходивших в районах Камчатской области: Алеутском, Быстринском, Карагинском, Тигильском. Некоторые материалы прошли через «ведомственные» издания: газету «За высокие уловы» (позже «Рыбак Камчатки») и многотиражку Петропавловской судоверфи «Судоремонтник».

Праздник карагинских коряков хололо

Корякский национальный праздник хололо ещё не описан в научной литературе, тем не менее, интерес к нему среди этнографов исключительно высок. Это не удивительно: праздник хололо сконцентрировал в себе древние обычаи, ритуальные танцы. На нём можно отведать оригинальные корякские национальные блюда, увидеть в полном блеске праздничную одежду, услышать песни, перешедшие по наследству от предков, и проследить, как рождаются новые, быть свидетелем соревнований в игре на бубнах, соревнований женщин в танцах, а мужчин в силе, ловкости, удали.

Здесь, на празднике, обнажаются истоки корякской музыки, танца, песни и народного мимического театра. Здесь удаётся увидеть и примеры нового, прогрессивного, привнесённого от нашей социалистической действительности. Поэтому, кропотливо изучая быт, культуру и искусство коряков, полезно познакомиться с национальным праздником хололо, его ходом и особенностями. В настоящее время наиболее полно этот праздник проводится лишь в селе Карага. Исходя из фольклорных данных и рассказов старожилов, можно предположить, что ареал его раньше был весьма обширен на территории современного КНО. Причины исчезновения праздника следующие:

1. При официальном введении христианства на Камчатке языческие праздники искоренялись. Ещё Крашенинников в книге «Описание земли Камчатки» говорит об ительменском празднике, напоминающем карагинское хололо, и добавляет, что праздник этот не пользуется у духовенства и администрации авторитетом и скоро перестанет существовать.

2. В дальнейшем праздник запрещался в административном порядке.

3. Традиция праздника терялась часто при объединении нескольких мелких селений (иногда — стойбищ) в крупное или когда в поселении преобладало некорякское население. Карагинский хололо, по словам старожилов, утратил многие черты. В среде современных этнографов нет определённого и окончательного мнения по вопросу: чему именно он посвящён? Мнения разделились. Возможно, что это праздник конца осенней охоты вообще, охоты на лахтаков и нерп, праздник кита или, наконец, праздник Нового года.

Для угощения извлекаются все припасы: юкола, мороженая оленина, брусника, балык, кислая рыба. По словам собеседников-карагинцев, это символизирует окончание осенней охоты на зверя вообще.

С другой стороны, употребление нерпичьих ремней, нерпичьего жира и мяса, тылктыла — национального блюда из ягоды, «сладкой травы», сушёного мяса, взбитого нерпичьего жира, изображение в танце повадок нерпы — всё это говорит о прямой связи праздника с культом нерпы (в древности, возможно, с культом кита).

В 1967 г. на севере КНО в селе Верхние Пахачи автору посчастливилось встретить семью коряков по фамилии Хололо. Мальчик, воспитанник Верхнепахачинской школы-интерната, и его родители на вопрос, что обозначает их фамилия и почему они её носят, не без гордости отвечали, что их фамилия — это название самого большого корякского праздника, который бывает на Новый год. Как выяснилось позже, в октябре охотники из села Верхние Пахачи отправляются вниз по реке Пахаче в Олюторский залив охотиться на нерпу. Расстояние не менее восьмидесяти километров.

В нескольких сказках, записанных автором в селе Тымлат Карагинского района от Анны Васильевны Чечулиной в 1969 г., упоминается о праздновании хололо, о подготовке к нему, которая заключалась в основном в собирательстве корней, трав и ягод (брусники), которые хранятся в мешках на юкольниках до самого праздника, проходящего зимой. Сказки, записанные в селе Рекинники в 1967—1968 гг. от Наталии Александровны Черных, обычно имеют

счастливые концовки, где есть и упоминания о хололо. Например: «Семья Кутккынняку стала жить счастливо. К ним приехали гости из тундры, и все вместе начали готовиться к празднику: приготовили тылктыл и прочее. Играли на бубне, пели, веселились. Хололо длилось долго, и в праздновании им никто никогда не мешал».

Встречаются отголоски об этом празднике и в фольклоре села Анапка. Надо особо подчеркнуть, что упоминается о хололо в фольклоре чаще у коряков восточного побережья Камчатской области. Этот материал даёт возможность сделать следующий вывод. Перерыв в охоте, когда на бату из-за молодого льда ещё не выходят в реку или в бухту, а на нарте уже не ездят (снега слишком мало, через ручьи и реки перебраться невозможно), — вот этот перерыв является логическим завершением цикла осенней охоты и отмечается одновременно как праздник Нового года. На празднике пользуются дарами собирательства и оленеводства, видимо, потому, что праздник береговых коряков-карагинцев вобрал в себя в какой-то мере другие, не существующие в настоящее время праздники этой местности. Такие праздники, судя по рассказам старожилов и по фольклорным данным, были в Караге. Остался же только один — хололо.

На празднике автор в 1969 г. присутствовал от начала до конца в шести домах: в семье Уваровых — 15 ноября, Притчиных — 6 декабря, Танвилиных — 22 ноября, Поповых — 27 декабря, Гвалиных — 29 ноября, Гуторовых — у девяностошестилетней Элли — 13 декабря. Праздник длился полтора месяца, с середины ноября по 1 января. При чрезвычайных обстоятельствах: смерти кого-либо из местных — праздник прекращается до похорон, а после похорон — возобновляется. Так было и в Караге. Поэтому праздник справляли на протяжении шести недель.

Каждую субботу за сорок два дня в одном — четырёх домах гремели бубны, звучали песни, вертелась тэлытэл — шёл хололо.

Вот общая схема праздника.

С утра готовится тылктыл, варится оленина, готовятся котлеты из нерпичьего мяса, приготавливается юкола, мороженое оленье мясо.

Мужчины привозят из леса берёзовые или ольховые ветки, вырубают заготовки для изготовления масок улляу. Собираются родные и близкие, и за праздничным столом отмечается начало хололо.

Со второй половины дня приходят знакомые, гости. Они принимают участие в угощении.

В 16 часов начинаются танцы под бубен.

В 18 часов — перетягивание берёзовых (ольховых) прутьев.

В 19—21 час начинается тэлытэл — соревнование мужчин в силе и умении перервать нерпичий ремень.

В 23—24 часа входят ряженые в масках — улляу.

В 2—3 часа ночи начинается калак — «иссту́пленный танец».

Около 4—5 часов утра — «посвящение в охотники».

В 5—6 часов утра танцы прерываются до 10—11 часов.

В 11 часов кратковременное угощение, танцы под бубен, выносятся не порванные за ночь ремни тэлытэл и рвутся на улице всеми желающими взрослыми мужчинами и школьниками.

Танцы длятся до четырнадцати часов. На этом хололо в этом доме кончается.

Вот что рассказывает о хололо в селе Анапка Валентина Максимовна Уварова: «Как обычно, любой приходит, и ему дают специальную траву — “пропуск” на праздник, подают обязательно праздничный завтрак, а потом после этого начинают веселиться. Гость танцует, поёт, играет. Устраиваются состязания в танцах, играх, песнях. На пороге привязывают нерпичий ремень, и старик, старуха или кто-либо помоложе берётся за него и начинает петь, а потом до того доходит, что человек как бы рассудок теряет, и, конечно, становится страшно. Ветки с травой, нерпичий жир на праздничном блюде бросают в печь, при этом говорят: “Хололо!” и что-то ещё. А рядом все веселятся, поют. Потом пожилые женщины в кухлянках, другие — в масках, вожак, идущий впереди с деревянным человечком, обходят комнату. Они могут любого неожиданно ударить, ущипнуть, испугать, в любой дом зайти и там, что хотят они, то и делают. Им нельзя перечить, а то худо будет. Потом идёт состязание, кто порвёт нерпичью верёвку (ремень). И кто порвёт, тот должен взять её, не зевая. Праздник продолжается день или полдня».

Праздник в Караге гораздо сложнее и продолжительнее. Старики в селе ждут первой, даже небольшой, пурги. Первый снег в Караге осенью 1969 г. выпал 30 октября, 10—13 ноября была слабая метелица. И в это время распространился слух, что в субботу, 15 ноября, начнётся хололо.

Начало хололо. Праздник начался в субботу в доме семьи Уваровых. Старики работают в колхозе, дочь — Елизавета Уварова — медсестрой в сельской больнице, старшая дочь — Надежда Притчина — мать двоих детей, — в школе техническим работником. 15 ноября с утра собрались родственники за праздничным столом, уставленным типичными для того праздника блюдами: тылктыл — «толкуша» (состоит из взбитого до состояния пены нерпичьего

жира, брусники, перемолотого мяса, сладкой травы), маленькие котлеты из нерпичьего мяса, мороженая и варёная оленина. Женщины отмачивают и нарезают кислую рыбу — кету, горбушу, готовят юколу и к ней нерпичий жир.

Не во всех из четырнадцати домов, где отмечался праздник, соблюдался полный комплекс ритуалов, отдельные элементы выпадали. В подавляющем большинстве случаев выпадало «посвящение в охотники» (проводившееся только в одном случае) и калак, проводившийся на карагинском хололо в 1969 г. только два раза.

В 16 часов в доме собирается до пятидесяти человек. Топится плита, жарко. Все двери открываются настежь, так как большинство гостей одето в меховые праздничные кухлянки (поверх обычной одежды). Здесь и школьники из интерната (их отпускают на воскресенье домой), и совсем маленькие дети. Все они разместились, усевшись на кроватях, расставленных у стен общей комнаты. Матери кормят грудных детей. Многие малыши тут же спят. На праздник приходят все желающие, вход свободный. В комнате у двери стоит хозяйка и раздаёт входящим пучки сухой зелёной травы, своеобразный «пропуск». Большой пучок такой травы часто висит в углу над умывальником. Трава эта имеет несколько названий на корякском языке: *эн'эн* (так её называют дети), *камейер'ин'* — *лаутэн* (наиболее распространённое название).

Кухлянки гостей украшены нитями разноцветных бус, бисера, орнаментами, тоненькими сыромятными ремешками по три или больше, пришитыми на кухлянке в разных местах, реже — несколькими колокольчиками и очень редко — старинными медными бубенчиками или монетообразными пластинками. Иногда на кухлянке нашиты (сзади три, спереди два) меховые кружки, расшитые бисером по спирали. Однажды в Караге удалось видеть кухлянку, украшенную флотскими и армейскими пуговицами со звёздами и якорями. На подолах карагинских кухлянок — орнамент из листьев и цветов. Для вышивки используются нитки мулине, вышивают гладью. Здесь, видимо, сказалось влияние русских. Участвовавшие в хололо из села Анапка оленевод Максим Уваров и его жена Дарья, медсестра из карагинской больницы Мария Яганова (её родители из села Палана), гости из села Тымлат показали на своих кухлянках образцы геометрических орнаментов, вышитые из кусочков разноцветного меха. Кухлянки тымлатцев, помимо бус и бисера, украшаются мелкими стеклянными ёлочными игрушками, трубочками. Наиболее ценятся бусы и бисер ярких цветов.

Все украшения кухлянки, ремешки-нашивки, свободно свисающие, меховая оторочка подчёркивают пластику движений танцующих.

В одном доме набирается не менее пятнадцати — восемнадцати праздничных кухлянок. Если хозяин разрешит, то можно пользоваться и его кухлянкой. Единственным музыкальным инструментом является бубен. Исполнитель играет на бубне, отбивая ритм, и поёт. Присутствующие на празднике под этот аккомпанемент танцуют. Часто исполнителями являются два-три певца с бубнами, в этом случае от них требуется слаженность и мастерство импровизации, так как исполнение проходит стихийно, безо всяких предварительных репетиций. К бубнам привязывается «пропуск» лаутен (камейер'ин). Певцом может быть мужчина или женщина. Большим авторитетом пользуется певец и исполнитель на бубне слепой Гавриил Яганов, живущий ныне в Тымлате.

На улице восемнадцать градусов ниже нуля, иногда пурга, а здесь веселье. Одного певца сменяет другой, меняются ритмы бубнов, звенят украшения, сверкают бусы, звучит радостный смех, богатство красок праздничных одежд, улыбающиеся лица, прелесть национального танца, доброжелательность — такое впечатление остаётся от карагинского хололо.

В одном доме праздник может продолжаться до тридцати пяти часов. Среди его участников находятся танцовщицы, которые танцуют без перерыва по двенадцать — четырнадцать часов. Мужчины танцуют эпизодично и гораздо меньше.

Женский танец выглядит так: танцовщица в праздничной кухлянке стоит, слегка наклонившись вперёд, ноги вместе, покачивается в стороны на носках, слегка приподнимаясь, отчего танец кажется лёгким. Руки согнуты в локтях, взмах неширокий, очертание движений плавное. Мастерски владея телом, многие танцовщицы достигают большого эффекта пластичности. Ритм меняется и соответственно меняется танец. Так как по времени женский танец наиболее длительный, то его можно считать основным танцем хололо; к тому же в нём принимает участие наибольшее количество присутствующих. На фоне общего танца часто возникают с некоторыми, довольно существенными различиями, другие, а именно: птичий, парный молодёжный, групповой молодёжный, мужа и жены и другие. Остановимся подробнее на разновидностях танца.

Общий танец. В нём принимает участие практически каждый — от малолетнего ребёнка до глубокого старика. Вот стал танцевать мальчик в очень коротенькой кухлянке. Все так весело засмеялись,

что он смутился и отошёл в сторонку. Поднялась со шкуры пожилая женщина. На пальцах старинные массивные серебряные кольца. Стала танцевать. В танце подошла к одиноко сидевшей молодой женщине, приглашая её, а сама вновь села на своё место. Хозяева предлагают гостям кухлянку: «Танцуй!» В танцах пожилых и старых женщин присутствует незаурядное мастерство, настоящее искусство. Движения отточены, ничего лишнего. Неудивительно, что именно они и оказываются победителями на «танцевальном соревновании». В определённые моменты «общего танца» многие из танцовщиц подражают повадкам и поведению нерпы, тюленя или лахтака.

Бывают случаи, когда женщина подходит к мужчине, и они вместе рядом танцуют общий танец. Если места в общей комнате недостаточно для всех, под другой бубен ещё танцуют и на кухне. Все танцуют в такт, и от топота ног дом дрожит до основания. Общая атмосфера праздничного танца радостная.

Птичий танец возникает самостоятельно в середине общего. Группа молодёжи с преобладанием девушек (пять девушек — два-три парня) образуют компактную группу в центре комнаты, энергично, темпераментно топают ногами, и девушки, разбившись на две группы, ритмично поочерёдно выкрикивают «птичье» слово: «Ик!-Ик!-Ик!» Этот танец отдалённо напоминает корякские национальные танцы «Чайки» и «Утки».

Парный молодёжный танец возникает так же, как и птичий. Молодая пара танцует в центре комнаты. Здесь уже нет выкриков, топанья и гиканья. Танец более спокойный. Девушка разводит руками в стороны, делает головой скользящие горизонтальные движения параллельно линии плеч (змееобразные), характерные для женского танца, использует всё богатство мимики, создавая спокойный уравновешенный образ. Особенно изящны движения руками. Юноша танцует мужественный танец охотника. Движения его резки, он много передвигается, ниже наклоняется, иногда мягко подпрыгивает. Танец живописен в кульминации: парень и девушка заглядывают друг другу в глаза, после чего медленно расходятся.

Следующий танец также парный, но танцуют муж и жена. Женщина продолжает традиционный общий танец — соревнование. Мужчина танцует с резкими, изломанными движениями рук, глубоко приседает, становится на одно колено, прыгает. Его танец стремителен, динамичен. Это танец ворона или орла. Женщина всё так же ровно продолжает свой танец. Весь танец длится около семи минут (танцевали Антон и Мария Притчины — муж и жена).

Индивидуальный танец точно такой же, как общий. Но танцовщица накидывает башлык кухлянки, как будто стыдится окружающих. Иногда так и не узнают, кто это танцует. Изредка лицо её открыто и на нём написано умиление.

На протяжении всего хололо во время исполнения танцев раздаётся очень много восклицаний, междометий. Вот они: «Хо-ло-ло-о! О-ча-ча-а! Ка-ча-ча-а! Кха-ча-ча-а! Ха-кха-ка-ка! Эт-кха-ка-ка! Ок-та-та-та! Хоч-кха, хоч-кха! Ик-ик! Ча-ча! Э-та-та! Хэк-хэктю-тю-тю! Ту-ту-у! Э-э-э! Гэт-гэт-гэт! Ко-о-о-ка-гр-гр-гр! Эха-ха-гра-гра-г ра! А-ххa, а-ххa! Ола-ла-гэй!»

Первое восклицание «Хололо!» и восклицание «Кха-ча-ча-а!» раздаются наиболее часто и почти всегда после окончания одного и начала другого танца. «Ик-ик!» — восклицание в молодёжном птичьем танце; «Хоч-кха, хоч-кха!» и «А-ххa!» — выкрикивают в ритме танца, чтобы подзадорить танцующих, «Ко-о-о-ка-гр-гр-гр!» и «Эха-ха-гра-гра!» — чаще восклицают старики. Уже никто не может объяснить смысла этих восклицаний.

Краеведческие записки, вып. 3, 1971, с. 59—66

Экспедиции в древность

Тысячелетний «Зелёный Мыс» начинается обрывом высотой более тридцати метров. Даже в безветрие с обрыва осыпается песок, катятся камни. Уже несколько дней я, участник археологической экспедиции Камчатского областного краеведческого музея, веду исследования неолитической стоянки «Зелёный Мыс» в окрестностях села Тиличики.

Площадь стоянки огромная, более четырёх гектаров. Исходя из геоморфологии местности и связанных с ней особенностей жизни людей, стоянку можно разделить на три части: «Зелёный Мыс № 1» — остатки огромных жилищ овальной формы с осями двадцать три и девятнадцать метров; «Зелёный Мыс № 2» — сама сопка с несколькими десятками небольших жилищ округлой формы диаметром от четырёх до девяти метров, с многочисленными ямами для хранения рыбы; «Зелёный Мыс № 3» — группа жилищ, расположенных у самого обрыва, на высоте сорока метров.

Археологическая разведка показала, что стоянка ещё в недавнем прошлом была обитаема, здесь жили коряки-алюторцы. Мощные культурные слои на стоянках № 2 и 3 свидетельствуют одновременно и о древности этого поселения-городища.

Буквально на каждой пяди земли здесь можно найти археологические предметы. Среди подъёмного материала (образцов, найденных на поверхности) — грузила для рыболовных сетей, кости лососёвых рыб. Найдена часть подполозка из распиленного китового ребра с замысловато просверлёнными отверстиями. Подполозок предназначался для собачьей нарты. Следовательно, жители стоянки занимались рыбной ловлей и морской охотой. О том, что люди с Зелёного Мыса были морскими жителями, свидетельствует и обилие раковин моллюсков (на глубине двадцать сантиметров в культурном слое стоянки № 2), употреблявшихся в пищу.

Фрагменты керамики прослеживаются до глубины шестьдесят сантиметров. В верхних горизонтах она становится тонкостенной, более ранняя имеет стенки толщиной до сантиметра. Посуда была круглодонной, характерной для корякских племён, пришедших на Камчатку с континента. Лепка ручная, так как гончарный круг был здесь неведом. На черепках из красной глины — оттиски сетки, очень похожие на керамику древней стоянки «Тавэлямту» в селе Карага. Примерная дата производства такой посуды — две — две с половиной тысячи лет назад.

Культурный слой идёт глубже, и там попадаются другие виды орудий — наконечники стрел и скребки из базальта и обсидиана.

Встречаются на стоянке каменные пестики и ступики. Это так называемые зернотёрки. Коряки собирали семена дикорастущих злаков, выкапывали клубни сараны, собирали ягоду. Всё это вместе с нерпичьим жиром растирали или толкли в каменных ступках, как это делают и сейчас в сёлах Анапка, Карага и других, когда готовятся к национальным праздникам.

Нам встретилась зернотёрка, протёртая с двух сторон, так что в ней образовалось отверстие. Возникшее новое орудие выполняло, видимо, какую-то другую функцию. Вес его около десяти килограммов. На орудии остались следы ударов твёрдым предметом. Оно могло служить грузилом для огромных сетей, которыми древние коряки ловили крупных ластоногих и китов. Аналогичные орудия меньших размеров, найденные здесь же, могли служить не только как грузила, но и как кистень при борьбе с врагами, и для охоты на зверей.

На примерах изготовления этих орудий методом пикетажа (долбления) можно сделать вывод о высокой технике обработки камня у жителей стоянки. Это характерно для развитого неолита.

Лучше всего сохранился культурный слой стоянки № 3. Мощность слоя — два метра, верхние горизонты содержат керамику,

а в самом основании найдена плоская ложечка из кости длиной двадцать и шириной три сантиметра.

Неолитическая стоянка «Зелёный Мыс» имеет большое значение в археологии Крайнего Северо-Востока Азии. Проведение раскопок здесь позволит решить многие вопросы расселения человека в этом районе земного шара.

...А Омко со своими людьми всё же ушёл на юг, где основал вблизи нынешнего села Анапка новое городище. На Зелёном Мысе поселился его брат-богатырь, который защищал корякскую землю от набегов врагов, хотевших отнять оленей и угнать их на север, на свою территорию. Так рассказывал мне старый сказочник, алюторский коряк Эвелкут. Но эта часть легенды появилась позже, когда коряки начали заниматься оленеводством.

Охотники и мореплаватели. Из Ачайваяма в Апуку я добрался на плоту, связанном из плавника. «Месяц будешь плыть», — сказали мне в бухгалтерии совхоза в Ачайваяме...

Апука показалась только на третьи сутки. Плот оказался тихоходом, да ещё заломы и мели мешали: несколько раз вручную пришлось копать через меляки «судоходный канал».

Добрался я в посёлок в воскресенье. Перевозчика не было, его лодка отдыхала на противоположном берегу. Капитан стоявшего у берега малого рыболовного сейнера не сразу согласился перевезти меня на другой берег, в Заречное: шёл отлив, передвижение сильно затруднялось мелководьем. Но, узнав о целях экспедиции, капитан отдал команду: «Малый вперёд!» — оглянулся на меня и добавил: «Это же совсем другое дело, сразу бы так и сказал...» Сейнер из-за отлива долго не мог пришвартоваться к причалу, но команда сделала всё для того, чтобы не возвращаться обратно, не выполнив обещания.

В устье реки Апуки по правому берегу раскинулись две неолитические стоянки. Река не имеет дельты, коренной берег представляет собой террасу высотой пять — восемь метров. К западу терраса переходит в сглаженный гребень горы высотой до пятидесяти метров. Именно здесь и были наиболее удобные места для древних рыбаков и охотников.

Первая стоянка древнего человека находится на берегу реки и простирается до устья вверх на двести метров. Здесь сейчас расположен посёлок. На месте стоянки сохранились многочисленные возвышенные места в виде холмов и земляных валов округлой формы — остатки древних жилищ. Особенно они хорошо просматриваются в районе маяка.

На обнажении террасы, на глубине до пятидесяти сантиметров, находится культурный слой, в котором встречаются брёвна разрушенного жилища. Каменный инвентарь, собранный здесь, представляет собой концевые скребки для обработки шкур, небольшие по размеру. Скребки изготовлены из кремня и обсидиана.

Здесь же найдены наконечники стрел и копий, обработанные техникой плоской ретуши, базальтовые скрёбла.

Но самое интересное связано со второй стоянкой. Она простирается от устья реки на запад вдоль морского берега. Стоянка расположена на двух уровнях: на низменном участке высотой три — четыре метра и на гребне пятидесятиметровой террасы. Стоянка на гребне террасы состоит из двух «юртовищ» диаметрами восемнадцать и двадцать два метра. На месте этих гигантских жилищ встречаются базальтовые и кремневые отщепы.

Нижняя часть стоянки, дюнообразное геоморфологическое образование, имеет двенадцать метров в длину и три метра в ширину. Оно примыкает к верхней части стоянки. Культурный слой здесь около восьмидесяти сантиметров, дёрн отсутствует. В слое, который представляет собой торфообразную массу, обнаружился богатейший костяной инвентарь, остатки брёвен. Кости же морских животных попадаются только на поверхности. Видимо, это место стало почитаться гораздо позднее.

Костяной инвентарь стоянки представляет исключительный интерес. Костяные наконечники стрел и острог имеют длину двадцать пять — тридцать, ширина их три сантиметра. Несколько таких наконечников имеют острые зазубрины с одной или двух сторон. Очень хорошо сохранились наконечники из клыка моржа. На их черешках, в которых просверлены отверстия для закрепления древка, изображён простой геометрический орнамент в виде параллельных линий, точек, насечек. Большинство острог в сечении представляют равнобедренный треугольник.

Встречаются и наконечники из кости иной, кинжалообразной формы. Обработка этого орудия производилась обсидиановым ножом, найденным тут же.

Шесть наконечников другого типа для охоты на крупного зверя совершенно не годятся: они короткие, тупые и имеют форму, известную по инвентарю берингоморской культуры. Берингоморская культура, изученная советскими археологами и этнографами на побережье Чукотки, относится, по-видимому, к древнеэскимосской.

Но эти наконечники, найденные на стоянке «Заречное-2», имеют также связь с подобными корякскими наконечниками. Рассказы-

вают, что раньше, в старину, такие наконечники применялись в детских играх, обряде гадания, похоронном ритуале.

Орудия охоты — остроги, копья, гарпуны, кости моржей, китов и нерп — говорят о том, что здесь в далёкую старину обитало племя охотников на морского зверя. Мужчины этого племени не отказывались также от охоты на медведей, лис и рыболовства. Но главным их занятием была охота на морского зверя.

Материальная культура, подобная культуре древних жителей, обитавших у устья реки Апуки, относится к так называемой позднеберингоморской. Впервые памятники этой культуры были обнаружены на побережье Чукотки. Стоянки «Заречное-1» и «Заречное-2» — первые такого типа на территории Камчатской области. Археологическое изучение их проводилось в 1967 и 1971 гг.

В книге «Происхождение и древняя культура коряков» археолог Р. С. Васильевский приводит интересные сведения по стоянкам «Варганчик», «Мыс Трёх Братьев», «Кип-Кич». Костяной инвентарь этих стоянок, безусловно, родственен стоянке «Заречное-2». Некоторый инвентарь указанных стоянок Р. С. Васильевский датирует XIII в., а культуру относит к древнекорякской.

Таким образом, поселение беринговоморской культуры «Заречное-2» генетически связано с древнекорякской культурой охотского побережья. В отношении возраста, исходя из орнамента на костяном инвентаре, можно предположить, что стоянке около двух тысяч лет.

Найденные наконечники я разложил на траве. Проходивший мимо высокий пожилой коряк подошёл, поздоровался. Внимательно рассмотрел наконечники. «Такой стрелой оленя насквозь пронзить можно было, — сказал он, — луки тогда большие были, длинные».

Во впадине у стоянки лежало несколько десятков черепов морских животных, и я решил выяснить, давно ли они здесь лежат. «Давно, — ответил мой новый знакомый, — старики рассказывали, что сюда их приносили после удачной охоты. Раньше костей здесь было ещё больше». — «И китов добывали?» — «Много добывали... Я ещё помню, когда на байдарах в море ходили. По двадцать человек в одну помещалось. Главный проверял, чтобы наконечники копий и гарпунов обязательно в чехлах были, чтобы байдару не проколоть, она лахтачьей шкурой обтягивалась...»

С места древней стоянки Олюторский залив казался выпуклым. На рейде стоял «Компетентный», современный рыболовный сейнер, пришедший на смену старинным байдарам. По тропе в посёлок шёл мой знакомый, который назвался Тнагыргыном, потомок

древних мореплавателей, которые в незапамятные времена отваживались выходить в океан на утлых байдарах.

В храме кита растёт голубика. На краю шестнадцатиметрового обрыва мыса Гойчак, который иначе называют Каменным, сложенного из андезитовых плит, находятся два удивительных сооружения: глубоко в почву, по эллипсу, вкопаны кости крупного морского животного. От снега и дождя, от солнца и ветра кости превратились в губчатую массу. С трудом удалось определить, что это рёбра и челюсти китов. Остатки одного из сооружений сохранились относительно хорошо — кости на тридцать — пятьдесят сантиметров возвышаются над землёй. От другого сооружения осталось только семь бугорков-выступов.

Здесь, в устье реки Пенжины, сохранилось много памятников минувших времён. Ниже по течению от мыса Гойчак мне попалась почти целая землянка детально описанного Крашенинниковым типа. Площадь этого жилища — около тридцати пяти квадратных метров. Внутрь ведёт вход через отверстие в крыше — по вырубленным в бревне ступенькам. Второй выход — на юг, к морю. Вдоль стен сохранились остатки настилов-нар, кровлю поддерживают четыре опорных столба — цельные деревья, вкопанные комлями вверх. На развилках корней лежат поперечные балки, поверх их — продольные. Столбы со всех сторон обиты колышками.

Крепление опорных столбов колками, установление их корнями вверх свидетельствует о древней традиции постройки. Укладка и крепление балок для древних людей, не имевших железного инструмента, представляло сложность, но она была разрешена вышеописанным оригинальным способом. Рациональность подобной техники также указывает на её древность.

И в древности, и в настоящее время по берегам устья реки Пенжины много леса-плавника, из которого при очевидных навыках местного населения нетрудно построить традиционные жилища. Почему же на мысе Каменном возведено сооружение не из леса-плавника, а из костей морского животного-гиганта? Зачем строить из костей, которые доставались с большим трудом и нужны были для различных поделок, если имелся более удобный материал? К тому же челюсти морских животных у древних коряков почитались священными...

Для ответа необходимо рассмотреть дополнительные факты, связанные с бытом и культурой предков пенжинских коряков. На стоянках в устье Пенжины, в районе посёлка Первореченск,

найдены плоские наконечники стрел и крупные скребки из базальта, овальный нож, раздробленные кости, фрагменты керамики. Все три стоянки, обнаруженные здесь, располагаются на коренных берегах, далеко от ручья, что свидетельствует об их древности.

Интересны стоянки «Каменка-1» и «Каменка-2», расположенные неподалёку. Культурный слой здесь колеблется от полуметра до полутора метров. На первой стоянке он имеет протяжённость шестьдесят (древнее городище), на второй — около десяти метров. В основании стоянок — углистый слой. В горизонтах встречаются предметы быта, остатки одежды — шило из древесины, халцедоновые отщепы, летние торбаса.

«Пройди вниз по левому берегу, хотя бы до Старой Каменки, там когда-то было село, — говорил мне работник Пенжинского райкома партии Геннадий Иванович Иванов, рассказывая об интересных местах в районе. — Сколько там костей крупных животных! Однажды мы попытались собрать их, но определить не могли, то ли мамонт это, то ли кит. И сейчас они там лежат...»

И вот мыс Зелёный. Тут более десяти остатков жилищ. Наиболее интересны два из них, у самой оконечности мыса — под ними имеется хорошо развитый культурный слой. Уже на поверхности стоянки были найдены зубчатые неповоротные гарпуны, похожие по технике на изделия стоянки «Атарган» (900-й г. н. э.), тесловидное орудие — из кости морского зверя, базальтовые скребки, плоские наконечники стрел и остатки толстостенной керамики с несколькими налепными валиками на венчике.

В начале 1960-х гг. здесь побывал доктор исторических наук Н. Н. Диков. Он отметил этот тип керамики в своей книге «Древние костры Камчатки и Чукотки».

В культурном слое, достигающем толщины полтора метра, встречаются истлевшие брёвна — остатки жилищ, морские раковины, кости китов, отходы каменной индустрии. Гарпуны, наконечники копий и стрел, кости морских животных указывают на то, что основным занятием древних обитателей стоянок устья Пенжины была охота на морского зверя.

Известно, что у древних коряков — морских охотников — лопатки нерп, позвонки и рёбра китов, нижние челюсти белух являлись предметами поклонения, почитались священными. Обнаружение их на стоянках в устье Пенжины свидетельствует о религиозных верованиях предков пенжинских коряков.

Таким образом, можно сделать предположение, что сооружения из костей на мысу Каменном были не просто жилищами, а помещениями

для ритуальных целей, построенными морскими охотниками в честь их «кормильца» — кита.

Возле «храма» в почве встречаются обломки тонкостенной керамики без отпечатков сетки. Возможно, что посуда служила не только для бытовых нужд, но и для жертвоприношений, поскольку она связана по местонахождению с «храмом кита». Возраст такой керамики — около тысячи лет или несколько меньше.

Следовательно, таков возраст и древнего ритуального сооружения на мысе Гойчак, «храма кита», среди остатков которого сейчас растут кусты голубики.

Камчатский комсомолец, 1972 г.: 5 августа, № 94; 17 августа, № 99; 19 сентября, № 113

Хо-ло-ло!

Гремят праздничные бубны — ка-ча-ча! Дом дрожит от топота ног: гэт-гэт-гэт! Жарко! Через открытую в мороз дверь вкатываются клубы пара. Горячий воздух вырывается на улицу, в нём мерцают звёзды северной ночи...

Пенсионеры, молодые мужчины и женщины, школьники, маленькие дети — утюню — все танцуют, подчиняясь ритму. Расшитые цветами, отороченные мехом кухлянки пляшут древние танцы. Подол — опуан — извивается соболем, звенят многочисленные колокольчики, сверкает бисер, хлещут по оранжевой замше нити алых бус, похожих на спелую бруснику.

В Караге корякский праздник хололо.

— Ка-гр-гр-гр! — поёт по-старинному дедушка Иляк.

— Аха-ха-гра-гра-гра! — долгая, бесконечная песня, то тихая, грустная, то весёлая, жизнерадостная. Потом заводит свою песню бабушка Наталья Котлова, песню длинную, как тундра...

— Заходи! — приглашают хозяева праздника Мария Павловна Попова, Ирина Спиридоновна Агинь и Николай Агинь.

— Катвала — садись! Ксаю — чаюй! — Ставят угощение на стол и самое главное блюдо — тылктыл — «корякское мороженое».

— Отведайте тылктыл! — целая фарфоровая тарелка похожего на фруктовое мороженое кушанья. Ложка, другая — и приходит снова бодрость, и снова можно идти танцевать. Тылктыл («толкушкой» назвали его землепроходцы) состоит из сухой толчёной икры, нерпичьего жира, сладкой травы — нунуну и обязательно ягоды — тонизирующей шикши, брусники или морошки, а вдобавок — сладкие корни. Это блюдо известно береговым и оленным корякам, чукчам. Но впервые оно описано у ительменов...

Мне повязывают на одежду мягкий пучок сухой зелёной травы, своеобразный «пропуск» — я среди танцующих.

Массовый танец гипнотизирует. Танцуют по десять — двенадцать часов, не замечая того. Наклонившись вперёд, плавно поднимаясь на носочки, танцующие покачиваются в такт бубну — танец нерпы. Женщины плавно разводят руками, заносят за спину, чуть сгибают их, как нерпы — свои ласты.

Мужчины танцуют грубее, резче. Их танец — это танец охотника, орла или ворона: прыжки, резкие движения рук, энергичные выкрики.

Помимо этих танцев, которые и образуют общий фон, на празднике исполняются «Парный молодёжный», «Мастерицы», «Птицы» и танец умиления.

Танцы возникли, видимо, в связи с древними обрядами собирателей, рыбаков и охотников, которыми были в древности ительмены и коряки. Охотники исполняли танец животного, на которого они охотились. Такое животное, бывшее основным объектом охоты, «кормильцем», особо почиталось, становилось тотемным. В танце обычно подражали движениям, повадкам «кормильца-зверя». В его честь и род человека мог стать родом медведя, бобра, орла, оленя...

Вокруг меня танцуют пожилые люди: Алексей Алексеевич Ласточкин, Екатерина Павловна Уварова, Иван Касьянович Тюменцев, Эммануил Иванович Котлов, Анастасия Васильевна Гуторова. Рядом с ними Василий Колегов и Сергей Никифоров, Саша Наянов, Ирина Никифорова, Вера Обухова, Валя Тюменцева — колхозная молодёжь, участники художественной самодеятельностьи. Они учатся у стариков тайнам древнего танца. Молодёжь переносит на сельскую сцену художественные образы и тысячелетиями выработанную танцевальную технику. Поэтому комсомольцы Караги, участники сельской художественной самодеятельности, завоёвывают на районных, окружных и областных смотрах дипломы и грамоты.

В январе 1973 г. создан танцевальный ансамбль «Энер» — «Звезда». Учительница Карагинской восьмилетней школы Ирина Спиридоновна Агинь, балетмейстер Василий Николаевич Соколов много сделали для создания ансамбля. Но своими корнями ансамбль уходит в народный корякский праздник хололо.

— О-ла-ла-гэй! — восклицает певец. Ритм его бубна захватывает участников праздника. Лучшие бубнисты села — Гавриил Яганов, Татьяна Яганова, Люба Лехтое, Яков и Христофор Танвилины — поют песни с поэтическими сюжетами. Некоторые из них перешли к исполнителям от отца или деда.

Раньше каждый пел только свою песню, а сейчас песня становится общей, выходит на сельскую сцену — рождается корякская песня, очистившаяся от культовой обрядности.

Сквозь традиционный узорчатый ковёр мелодии вдруг прорезается острое слово: «Вьетнам, Вьетнам...» Оно как тревожный набат на весёлом хололо: «Помните, люди. Не допускайте нового Вьетнама», — поёт пожилая колхозница. Бубен то планирует, то резко взлетает вверх в её натруженных руках. И снова новый ритм, новая жизнеутверждающая песня — вот они — древность и современность. (В описанные годы Вьетнам подвергался американской агрессии. — *Ред*.)

— Хо-ло-ло! — Входят в дом, здороваясь по-праздничному, рыбаки подлёдного лова Иван Маркелович Попов, Иван Александрович Колегов, Иван Касьянович Тюменцев.

— Хо-ло-ло! — отвечает хозяйка Мария Павловна Попова — хранительница народных сказок, мастерица, уважаемая в селе женщина. Входят Дарья Степановна Утонова — секретарь партийной организации, Анастасия Ивановна Гвалина — заведующая мастерской по пошиву национальной одежды, учителя. Мужчины уже выстругали деревянные «пропеллеры», «развернули» по спирали на тонкий ремень нерпичью шкуру, которую для этой цели снимают «чулком». И начался тэлытэл.

«Пропеллер», надетый на двойной ремень, с гулом вращается. Мужчина, сидящий прямо на полу, умело управляет им, то натягивая, то отпуская ремень. Ремень раскачивается и, наконец, рвётся. Его берёт себе победитель для хозяйственных нужд.

Пробует свои силы и Иван Маркелович Попов...

Тогда на Каюмской косе была пурга. Но десять собачьих упряжек всегда были начеку. Собаки, а их было сто, не притрагивались к мороженой наваге, а рвались работать. Но бригадир подлёдного лова коммунист Иван Маркелович Попов ждал, когда упадёт хотя бы на два-три градуса температура. По рации связывается с правлением колхоза «Ударник». Там решают: «Брать навагу».

Вентери стоят недалеко от берега, в местах нереста. Два из них в опасной зоне, но там, где улов всегда обеспечен, — граница льдов. Эти вентери дают по нескольку нарт рыбы...

Рыбаки сдвигают за канат огромный дощатый щит, подтягивают вентерь. Огромная «гармошка» ловушки показывается в полынье. Рыбы столько, что на морозе, под ветром, попеременно вычерпывая её зюгзей, рыбаки снимают ватники: жарко! Рыба засыпает мгновенно. Иногда попадаются бычки, окуни и «огуречники» —

они пахнут свежими огурцами и снегом. А рыбакам не до этого. Они работают дотемна. Гружёные нарты одна за другой уходят на приёмный пункт рыбокомбината...

Вечером в просторных помещениях стана рыбаки снимают оранжевые прорезиненные комбинезоны. С них на дощатый пол, звеня, падает ледяная корка. На двести процентов план выполнили тогда. Сейчас, в январе, бригада И. М. Попова берёт более трёх тонн наваги в сутки.

Рыбаки ужинают. Рассказывают мне: «Недавно медведь-шатун забрался в рыбстан, когтями оцарапал подоконник и стены, схватил буханку хлеба и ушёл в тундру...»

На улице залаяли собаки. Выходим. Приехал Аристарх Уваров с охоты, нерпу убил. Ловко орудуя ножом, охотник снимает шкуру: «Для хололо будет! Приходи в гости к нам», — приглашает...

И вот праздник — ангыт, как говорят в селе. Праздник морских охотников и рыбаков описал впервые С. П. Крашенинников. Этот праздник был характерен и для ительменов, так же, как и для нымыланов — береговых коряков.

По старинному обычаю, в ноябре-декабре каждого года запрещается охота и начинается праздник. И это легко объяснимо: снега мало — на нарте не проедешь. Реки не замёрзли, а хрупкий ледок не позволяет пользоваться батом, зверь ещё не полностью сменил мех. Наступает перерыв в хозяйственном цикле. В это время проводится праздник. Древний праздник был насыщен запретами, ритуальными обрядами. Считалось, что плохо будет, если ремень «талыта» перервётся и упадёт не в сенях, а в комнате — будет несчастье.

Я беседую с Марией Павловной Поповой, хозяйкой праздника. Она рассказывает о старинных обычаях без всякого сожаления о том, что многое, связанное с устарелым бытом, забылось. «Надо учить детей танцевать, шить национальную одежду, вышивать, — говорит она. — Я и моя дочь учим внучку Лилю и внука Колю...»

Мария Павловна в кухлянке, украшенной старинными орнаментами, «лунами»:

Кухлянка моя в шесть лун.
Цветами подол расшит...
Ко мне всё село спешит,
Я всех приглашаю к столу.
И если грустишь один,
И если тебе тяжело, —
Ты к нам, тумгутум, приходи.
Поможет тебе хололо!

Примерно в полночь приходят ряженые в масках. Их может быть два или четыре человека. По-корякски ряженых (и маски) называют «улляу». Улляу одеты в вывернутые наизнанку кухлянки, повязаны платками, лица закрыты грубой маской. И начинается потеха: улляу не произносят ни одного слова, никто из присутствующих не знает, кто играет их роль. Приходят они с суковатыми палками, стучат по полу. Пантомимы, которые ими разыгрываются, посвящаются теме семейной жизни. Иногда сельские актёры изображают борьбу за куклу, которая имитирует ребёнка. В этом, быть может, отражаются отголоски перехода ребёнка от матери к отцу в период становления патриархата.

«Улляу раньше могли зайти в любой дом, взять сколько угодно продуктов, одежду у того, кто был жаден, кто плохо относился к своим соседям, и эти излишки раздать другим людям», — рассказывают карагинцы.

Улляу уходят под шутки и смех присутствующих, а танец продолжается иногда до утра. Праздник хололо из древнего ритуального в советское время превратился в народный корякский. В наши дни он очистился от религиозных пережитков: маска улляу стала театральной, исчезли шаманские камлания, танцы из обрядовых стали всеобщими, на празднике родилась корякская народная песня.

Так при сохранении национальной корякской формы праздника (одежда, орнамент, песня, танец, маска) меняется его содержание. Примером правильного использования народных традиций является сельская самодеятельность села Карага, впитывающая в себя прекрасное искусство, сохранённое древним праздником.

Камчатский комсомолец, 17 февраля 1973 г., № 21

Откуда пришли предки коряков?
(научная гипотеза)

В V—II тысячелетиях до нашей эры к востоку от Енисея обитали неолитические племена. Они в своём развитии прошли несколько этапов культур. Наиболее древняя из культур — исаковская. Её сменяет серовская, далее следуют китойская и глазковская. Археологическую историю этих культур изучал академик А. П. Окладников. Наиболее интересной, на наш взгляд, является серовская культура, так как в ней прослеживаются истоки древнекорякской, характерной для северных районов Камчатской области. Сравнение данных по материалам археологических исследований серовской культуры и материалов Камчатского областного краеведческого музея

(археологический материал, собранный краеведом В. И. Заярновым в селе Рекинники и автором в сёлах Карага, Тиличики, Манилы и других) даёт интересные результаты.

Тёсла серовцев и древних коряков очень сходны. Керамика — обломки глиняной посуды — несёт на себе отпечаток сетки (сетки-плетёнки). «Сеточная» — характерна для серовской и древнекорякской культур.

Лепка посуды ручная; посуда — круглодонная, вернее, дно имеет эллипсовидную форму (стоянки «Гэкэнгэйнэк», «Зелёный Холм», «Ямэлкэн» на Камчатке). И древние серовцы, и древние коряки были бродячими охотниками, собирателями, рыбаками.

Для тех и других характерны наконечники стрел треугольной формы со стороной в один-два сантиметра (стоянка «Гэкэнгэйнэк»), костяные изделия для ловли рыбы, фигурки рыб из камня, наконечники копий из кремня.

Самые древние в мире серовские сложные луки изготовлялись из кости и дерева. Длинные костяные пластинки обладали большой упругостью: такой лук имел повышенную убойную силу. Сложный лук был в обиходе и у древних коряков. Двадцать лет тому назад в селе Манилы старики могли изготовлять такие луки, но обкладками служили пластинки из уса кита.

Наиболее интересны аналогии в похоронном обряде серовцев и древних коряков. Традиция похоронного обряда серовцев была восстановлена археологами и этнографами на основании материалов раскопок. Серовцы хоронили покойного головой на восток. Древние коряки кремировали также головой на восток. Рядом с умершим клали вещи первой необходимости. Коряки также клали лук, стрелы, огниво, сумочки с иглами и продуктами, нож, кружечку. И те, и другие заботились о благополучии родных в «стране мёртвых» и верили в «круговорот душ», в их возрождение. Древние коряки, например, говорили, что «умерший уже вернулся, пришёл», и, давая новорождённому имя умершего, искренне верили, что последний вернулся к ним.

Таким образом, серовская и древнекорякская культуры имеют много аналогий, как в материальной, так и в духовной культуре.

Как согласуются датировка и территориальные данные этих двух культур? Разрыв во времени и в пространстве очень велик. Если серовская культура имеет возраст около трёх тысяч лет до н. э., то разрыв во времени составляет более четырёх тысяч лет. Расстояние от Прибайкалья до Северной Камчатки около четырёх тысяч километров.

Будучи бродячими охотниками и рыболовами, серовцы медленно продвигались на север (под давлением племён с запада и юга, что очень характерно для неолита Прибайкалья). По пути они ассимилировались с другими племенами...

Ранние исследователи объясняли, что большая группа коряков жила в Магаданской области, что также указывает на движение коряков с запада на восток, а именно из Прибайкалья.

Таким образом, видимо, коряки являются потомками неолитических племён серовской культуры, о чём свидетельствуют приведённые выше факты.

Камчатский комсомолец, 16 августа 1973 г., № 98

Праздник кита

На море — ан'к'ан — такие волны, каких ещё никто не видел. Одна за другой, высокие, выше юкольников, они проходят приливную полосу, вбирают в себя песок и гальку, падают сверху на пожелтевшие кедрачи, ломая их.

Ветер не утихает ни на мгновение. То он — словно невидимая стена, через которую не пройти, то он хватает падающую волну и солёными брызгами сечёт по лицам охотников. В первый же день ветер сдул в большую протоку запасы дров, заготовленных на зиму, плотно заслонил собой дымоход в землянке. Кашляют дети, слезятся покрасневшие от дыма глаза у пожилых людей...

Старики давно счёт дням потеряли, хотя слепой Эвэлкут старательно завязывает узелки на сыром нерпичьем ремне. На охоту надо, голод подступает к селу. Скоро новая луна, может, утихнет море?

В селе все устали от ожидания. Серые, беспросветные дни тянутся бесконечно. У землянки барахтаются в талом снегу, воют, подняв морды кверху, мокрые голодные собаки. Но из-за ветра их никто не слышит...

— Юкольник упал у Нутэлкута! — Через верхнюю дверь спускается смуглый юноша в промокшей насквозь кухлянке.

Несколько мужчин безмолвно собираются, чтобы помочь односельчанину спасти сухую рыбу тав'эл, это их единственная надежда дотянуть до весны...

В полуопустевшей землянке бабушка Ивпилян'ав рассказывает старую, как мир, сказку. В землянке сумрачно и холодно. Костёр еле дымится. Все, затаив дыхание, слушают бабушку, сравнивая её рассказ со штормом — наказанием духов...

— Двух китов выбросило у мыса. Большого и его унюню-ребёнка, — крикнул сверху охотник Оттыле. — Шторм скоро кончится. — Хозяин моря пожалел нас!

В землянке торопливо подкладывают хворост в костёр. Бабушка-сказочница берёт в руки яяр и начинает петь:

— О-гоу-го-гоу! — Счастье большое! Праздник у нас начинается! Праздник кита!

Ночью ветер неожиданно утих, а рано утром мужчины на собачьих упряжках поехали за китами. Полозья то легко скользят по необычному для зимы раскисшему снегу, то резко скрипят по прибрежной гальке. Трудная дорога.

...Гигантская туша виднелась издалека. Кит лежал на синеватом песке между огромными белоснежными льдинами головой к морю. Но к нему не добраться: прилив и ещё не утихнувшие волны омывают кита. Собаки боятся подойти ближе.

Другой, маленький белый кит лежал в тундре на мшистых кочках. Охотники уже окружили его, сдвоили нарты, пытаются погрузить...

— Кита везут, кита везут! — радуются ребятишки.

Навстречу охотникам выбежали женщины в гагагли — праздничных кухлянках для танцев. Каждая размахивает горящей головнёй, приветствуя кормильцев. Праздничное блюдо с ягодой и священную траву женщины ставят на берег, а сами исполняют танец, двигая плечами, то приседая, то вставая. Все напевают: «Ах, пришёл гость!» И радостно восклицают: «Аля ля, ля, аля, ля, ла хо!»

Кита сбрасывают с нарт на землю, а женщины берут ветки ольхи, повязывают их жертвенной травой и, нашептав заклинания, кладут киту в рот. Затем старательно чистят кита травой. Голову его накрывают капюшоном, сплетённым из травы, чтобы кит ничего не видел. Мужчины быстро разделывают животное, голову кладут на крышу юкольника, снова закрывают травяным капюшоном. На берегу «хозяину моря» приносят в жертву собаку и спускаются в землянку.

Все говорят тихо, в очаге погасили огонь. Только каменные лампы-жирники, а их здесь столько, сколько семей участвует в празднике, горят чадящим пламенем.

Наконец угощения приготовлены. Все выходят из жилища, но скоро возвращаются. Каждая семья принесла связку хвороста. Затем развели в очаге большой огонь, и женщины, разложив толкушу в чашки, угощают взаимно представителей других семей.

Хозяин землянки взял кусочек сала, бросил его в огонь, сказал: «Мы сжигаем это в огне для тебя!» Затем подошёл к жертвеннику и намазал салом «рты» амулетов.

Вечером гадали с помощью лопатки кита. Один из мужчин держал лопатку, а другой накладывал на неё горящие уголья. Все мужчины внимательно рассматривали трещины. Трещины «указывали» путь киту обратно в море. Кит должен был вернуться в море, чтобы в следующий раз снова прийти к селу. Охотники будут его ждать с сетями и гарпунами. К радости присутствующих, вскоре поперёк кости появилась щель, указывающая на море...

Праздник с пирами и играми, с восхвалением кита шёл ещё несколько дней. Старики жевали мухомор, женщины били в бубен, а потом кита провожали в дорогу.

Две женщины надели маски из травы, стали на колени перед очагом и произносили заклинания, провожая «дух кита». Рядом с ними стоял юноша, украшенный ожерельем из травы. Он был без маски, так как считался человеком с «сильным сердцем» и не боялся «духа кита». Женщины подняли посуду с толкушей, которая стояла рядом, и показали её старикам. Старики определили, что кит принял жертву и благополучно возвратился домой. Мужчины положили в травяные мешки голову кита и головы двух нерп, добытых позже, и унесли в чащу.

Так проводился этот праздник ещё в начале XX в. у пенжинских коряков.

Камчатский комсомолец, 6 октября 1973 г., № 120

Советские и интернациональные праздники в корякском селе

Корякский народ, как и все народы земного шара, имеет свои народные праздники. Народные праздники берут своё начало в глубочайшей древности, с истоков исторического развития человеческого общества. Праздники эти несут на себе отпечатки развития племени или народности: элементы ритуального, моделирование производственных процессов, моменты искусства. Но народные праздники коряков, подчинённые шаманской обрядности, не могли иметь того воспитательного значения, которое несли праздники советские и интернациональные. Позже народные праздники, испытав на себе непосредственное влияние советских и интернациональных, частично слились с последними или очистились от всего ритуального.

Большинство советских и интернациональных праздников проходит осенью, зимой и весной. Исторически, как и у большинства народов мира, корякские народные праздники определились в сравнительно «свободные» сезоны, то есть к поздней осени, зиме и весне, когда оканчиваются рыболовство и охота, ко времени забоя оленей, когда наступает конец годового хозяйственного цикла у оленных и береговых жителей. Правда, в «межсезонье» население также занято промыслом, но эпизодически. Например, забой оленей может проводиться в году несколько раз: на мясо и шкуры; лов рыбы — зимой, весной и осенью (навага, корюшка, голец). Таким образом, корякские народные, советские и интернациональные праздники совпадают по времени, по сезону. Вот перечень некоторых корякских праздников и время их проведения: хололо — осенью; кильвэй — осенью и зимой; праздник к'аюю — весной; праздник байдары — весной; праздник голов и бубна — осенью, зимой и весной.

Советские и интернациональные праздники: Великой Октябрьской социалистической революции — 7—8 ноября; день Советской Конституции — 5 декабря; Новый год — 1—2 января; день Советской Армии — 23 февраля; Международный женский день — 8 марта; Первомай — 1—2 мая; День Победы — 9 мая.

В Корякии были широко отмечены столетие со дня рождения В. И. Ленина, сорокалетие округа. Отмечаются день выборов в Советы, День рыбака и День колхозника.

Корякские народные праздники связаны с сезонными охотой и рыболовством, поэтому и угощения на них являются сезонными и характерными только для каждого праздника.

Одновременность проведения народных и советских праздников даёт широкие возможности для взаимопроникновения их. Взаимодействие праздников проходит по нескольким линиям. Наиболее ярко выражено взаимовлияние в отношении культурном. На советских праздниках поют песни и мелодии, танцуют под бубен, надевают нарядные праздничные костюмы, готовят традиционные народные блюда. На корякском празднике часто играют на баяне или используют проигрыватель и магнитофон с записями русских и советских песен. Народные праздники впитывают в себя ту часть художественной самодеятельности, которая готовится для клубной сцены: современные песни и танцы, стихи, интермедии, номера, насыщенные юмором и сатирой, то есть то, что готовится для проведения советских и интернациональных праздников. С другой стороны, сельская художественная самодеятельность берёт себе всё

то лучшее, что создал корякский народ и сохранил в своих праздниках. Таким образом, художественная самодеятельность является мостом между советскими и интернациональными праздниками и народными.

Но проводятся они по-разному, по-разному несут идеологическую и воспитательную нагрузку. Первенство в этом принадлежит советским и интернациональным праздникам.

В первые годы советской власти на Камчатке проводились маёвки с пением революционных песен, митинги, доклады. Празднование Первомая и Октябрьской революции явилось для местного населения первой школой коммунистического воспитания. Праздники легко понимались коряками, так как у них было много своих народных. Первые агитаторы использовали эту возможность для более широкого объяснения истории борьбы рабочего класса России и задач, стоящих перед строителями социализма.

За прошедшие пятьдесят пять лет сложилась наиболее рациональная и устойчивая система празднования советских и интернациональных праздников. Вот как выглядит типичный план их проведения. Предпраздничный вечер в сельском клубе: 1. Торжественное заседание и доклад. 2. Вручение орденов, грамот и премий героям труда. 3. Концерт художественной самодеятельности. 4. Игры, викторина, «Голубой огонёк», КВН, танцы. Первый день праздника: 1. Демонстрация и митинги в районных центрах и сёлах округа. 2. Коллективная встреча праздника колхозниками или встреча в кругу семьи. Второй день: 1. Спортивные мероприятия: а) гонки на собачьих упряжках без остола на десять километров; б) если оленеводы с табунами находятся недалеко от села, то проводятся гонки на оленьих упряжках; в) национальная корякская борьба на снегу; г) метание аркана-чаута — целью служат оленьи рога. 2. Демонстрация кинофильма и танцы.

Доклады на праздничных собраниях читаются обычно секретарями колхозных или совхозных парторганизаций. Доклады просты и доступны для понимания даже пожилых коряков, плохо знающих русский язык. Доклады всегда связаны с насущными делами жителей села, их заботами, трудом, планами, успехами рыбаков и охотников.

К праздникам в корякском селе, как и во всей нашей стране, приурочивается выполнение планов. Так, в 1971 г. передовые оленеводческие звенья сохранили взрослое поголовье на девяносто девять процентов и получили по девяносто и более телят от сотни важенок. Всех их пригласили в президиум торжественных

собраний, проводившихся в связи с пятьдесят четвёртой годовщиной Октября.

Ордена и медали, переходящие Красные знамёна, грамоты, дипломы и вымпелы, ценные подарки и денежные премии — всё это вручалось в торжественной обстановке при участии всех жителей национальных сёл. Вручение наград производит неизгладимое впечатление на присутствующих и имеет большое воспитательное значение. Участники торжественного собрания хорошо знают лично и с большим уважением относятся к героям труда, горячо поздравляют их, радуются вместе их успехам.

После награждения лучших людей корякского села начинается выступление коллектива художественной самодеятельности. Обычно оно имеет два отделения. Первое начинается литературно-музыкальным монтажом или композицией, подготовленной областным или окружным корякским Домом народного творчества, силами самих участников концерта. В композиции принимают участие представители корякской молодёжи. Потом идут национальные номера: самодеятельные балеты-спектакли, отдельные танцевальные номера, народные песни и мелодии. Эта часть программы отличается ярким национальным колоритом, буйством красок, оригинальностью ритмов и мелодий, необычностью старинных национальных костюмов, украшенных бусами, бисером, колокольчиками. Второе отделение состоит большей частью из эстрадных номеров, в том числе и корякских.

Художественная самодеятельность имеет исключительно большое значение в проведении праздников в национальном селе. Неоценимо её культурное значение и в немалой мере — воспитательное.

Каждый коряк с детства учится петь, танцевать и играть на бубне, этом универсальном музыкальном инструменте. Бубен имеется в каждой корякской семье. Элементы народных танцев и мелодии передаются детям их родителями. Красивых напевов много в корякских сёлах, а песен со словами — мало, так как корякская песня возникла сравнительно недавно. За годы советской власти в корякских сёлах прочно заняли место в художественной самодеятельности интернациональные и советские песни на русском и корякском языках.

Ежегодно в сёлах и посёлках округа проводятся смотры художественной самодеятельности. Корякский ансамбль танца стал постоянно действующим. Он осуществил постановку первого корякского балета «Мэнго» и ительменского балета «Эмэм Кутх». Возникли ансамбли и художественные коллективы во многих других

корякских сёлах. В Палане — ансамбль «Каюю» («Оленёнок»). Это детский танцевальный коллектив. Его создал талантливый молодой балетмейстер Сергей Кевевтегин. Ансамбль ставит интересные детские спектакли из жизни животных. С. Кевевтегиным создан новый ансамбль «Айгена».

Самодеятельным коллективом Коврана руководит Татьяна Гуторова. Коллектив, в котором участвуют ительмены, русские и коряки, осуществил постановку танцевальной сюиты по ительменской легенде «Эльвель». В постановке принимал участие артист из корякского ансамбля «Мэнго» Борис Жирков. Музыка народная, записанная и обработанная камчатским поэтом и собирателем фольклора Георгием Поротовым.

В селе Карага участниками художественной самодеятельности поставлен балет-легенда «Калымарохланаут» — «Девушка-цветок».

В Пенжинском районе создан ансамбль «Песни тундры». Ансамбль показывает сюиту «Мой край корякский». Сюита построена на национальной основе и в полной мере использует корякские песни и танцы, пантомимы и народные мелодии. Стихи В. Косыгина и Г. Поротова органически включаются в постановку. Благодаря своеобразию и необычности мелодий, многоцветности ярких праздничных красок, выступления пенжинцев являются настоящим праздником народного искусства.

На своих концертах участники художественной самодеятельности Олюторского района показывают яркую красочную сюиту «Камчатский сувенир». На сцене идёт творческое состязание: русские и корякские мелодии, напевы, русские и корякские танцы сменяют друг друга. Сюита рассказывает о дружбе коряков и русских, которые живут на одной земле, вместе работают, вместе отдыхают и веселятся. Интересные программы, насыщенные национальными номерами, у художественных коллективов сёл Аянка, Анапка, Вывенка, Ачайваям, Слаутное, Хаилино, Тымлат, Верхние Пахачи, Тигиль, Ковран.

Деятельное участие в художественной самодеятельности принимают Сергей Кевевтегин, Нелли Суздалова, Татьяна Гуторова, Эмма Акеева, Екатерина Иванова, Людмила Вальганаут, Мария Яганова, Татьяна Яганова, Ирина Попова, Пётр Яганов, Борис Жирков, Михаил Лехтувье. Развитию корякского народного искусства в округе содействуют методисты домов народного творчества Г. Поротов, В. Косыгин, работник народного просвещения Т. Лукашкина, председатель сельсовета А. Гуторова.

Вот как описывает праздник в оленном табуне Владимир Косыгин: «...Ритмы! Сначала они едва уловимы. Как будто где-то далеко слышен топот копыт. Нарастает стадо! Из общего выделяется топот одного оленя. Ритм бубна — это стук копыт оленя... Не усидел оленевод Кутувье. И вот уже кухлянка, переходящая по кругу, у него. Он часто, но не сильно бьёт по бубну, словно настраивает его, потом резко ударяет по нему и начинает петь. Поёт бригадир оленеводов, уводя нас в свою тундру, показывая своих оленей: "Богатая наша тундра! Много оленей! Красива наша тундра! Каёвьёель — месяц молочных важенок настал! Слушай тундра! У нас праздник! Большой праздник!" Кухлянка идёт по кругу, и каждый, надевая её, по-своему поёт о красоте и богатстве тундры...»

Главным музыкальным инструментом при исполнении корякских народных и интернациональных мелодий и танцев является бубен. Музыка бубнов несёт много информации. Это различные тембры, разнообразные ритмы, громкость разной интенсивности. Глубоко сотрясая воздух, бубен на низких регистрах имеет необычные по красоте и сочности динамические оттенки, создаёт повышенное, праздничное настроение.

Музыка бубна неотделима от корякской народной мелодии. По своему построению мелодия очень сложна. В каждой семье есть своя мелодия, которая зачастую перешла в наследство от далёких предков. Иногда в семье имеется несколько мелодий, иногда их можно различить как женскую и мужскую. Женские мелодии элегичны, нежны, часто печальны. Мужские почти всегда энергичны, сдержанны, даже скупы. Музыкальный фольклор коряков исследован ещё мало, но благодаря художественной самодеятельности он сохраняется и доносится до слушателя. Это же относится и к танцевальному фольклору. Среди народных танцовщиц, певцов надо отметить Марию и Татьяну Ягановых, Якова Танвилина из Караги, Гаврилу Яганова из Тымлата, Валентину Уварову, Николая Шмагина из Анапки, Екатерину Кирикову из Ачайваяма, Марию Рультытегину из Верхних Пахачей и многих других талантливых участников художественной самодеятельности.

На клубной сцене обычно ставится несколько танцев: «Норгали», «Цветок», охотника, «Утки», «Чайки», советский корякский «Счастливая юность» и танцевальный спектакль на фольклорную тему, как, например, «Невеста Солнца» — в Караге. Остальной богатый танцевальный материал используется полностью во время семейных или народных праздников.

Исполнение танца, песни, мелодии, балетной сцены невозможно без корякского национального костюма. Праздничный костюм немногим отличается от традиционного промыслового: тот же головной убор — пэнкэн (пэлюх), кухлянка — ит'эн, брюки — кунаю (конайты), торбаса — плэку. Но праздничный вариант национальной одежды отличается тем, что мех на внутренней стороне одежды коротко срезан ножом, внешняя сторона окрашена более ярко и оторочена мехом лисы, белым мехом собаки или других, более ценных зверей. Подол кухлянки расшит широкой полосой яркого орнамента. Орнамент может быть растительным или геометрическим, может быть вышит нитками мулине или собран из кусочков оленьего меха. Кухлянка, торбаса, малахай расшиваются бусами или бисером. Цвета подбираются с большим вкусом.

Одежда имеет большое эстетическое значение в национальном танце. Танец без национальной праздничной одежды, в одежде повседневной не «смотрится». На протяжении многих столетий танцовщиками было подмечено, какое движение «оживляет» нить бисера, бусы, колокольчики. Одежда, приспособленная для танца, помогает изображать нерп, лахтаков, медведей и других зверей.

Малахай также расшивается множеством всевозможных украшений. Рисунок узоров на малахае и торбасах более древний, консервативный. В последнее время в Рекинниках и Анапке стали бисером вышивать изображения зверей на торбасах, в Караге — вышивать растительный орнамент гладью. В этом нет ничего удивительного: сказывается влияние русской национальной вышивки.

В округе есть много талантливых мастериц, изготовляющих великолепные изделия из меха и шкур, в том числе и национальную одежду. Это Т. И. Кокк, Л. И. Омьяна, О. Э. Камакан, Валентина Экеккина — из Таловки; И. П. Кавынь, А. У. Чилимма, Н. В. Хоянто — из Манил; Е. Х. Айкавава, В. Т. Хечгинелев, Г. М. Челкунина — из Парени. Больш*и*х успехов достигли в прикладном искусстве мастерицы Карагинского и Олюторского районов В. Милют, В. Тивлен, О. Олей, А. Наумова, М. Чечулина, двадцать две их работы были отправлены на всесоюзную выставку-конкурс в Москву.

В сёлах создаются мастерские по пошиву национальной одежды. Наряду с этим, изготовляются также сувениры. Например, в Палане есть сувенирный цех. В селе Анапка работают пятнадцать искусных мастериц. В селе Тиличики живёт Вера Григорьевна Милют. Её работы часто экспонируются на художественных выставках в Москве и Ленинграде.

Художественная самодеятельность смело входит в дом каждой корякской семьи, номера её быстро запоминаются и становятся достоянием всего села. Приехал в Карагу Данила Яганов — артист ансамбля «Мэнго», исполнял танец «Ухажёр». Через некоторое время этот танец, полный лёгкого юмора, очень подвижный и жизнерадостный, появился на сельской сцене. В Караге поются многие мелодии коряков Олюторского района, мелодии из балета «Мэнго», так как многие молодые карагинцы или танцевали в нём сами, или легко переняли их после выступления. Этот факт очень важен для развития корякского искусства, так как раньше, в старину, нельзя было пользоваться чужой мелодией (возможно, мелодия, переданная по наследству, имела магический, ритуальный характер). Эти условия тормозили развитие песенного жанра в корякском искусстве. Правда, были песни, спетые по случаю на охоте или рыбалке, — песни-однодневки. Но они легко забывались, так как отражали жизнь поверхностно.

Большим праздником был день, когда исполнилось сорок лет КНО. В округе — тридцать пять сельских клубов, пять домов культуры, сорок библиотек, пятнадцать красных яранг, окружной Дом народного творчества. Все эти учреждения культуры приняли участие в подготовке праздничной программы художественной самодеятельности.

На большой праздничный концерт приехали артисты из всех четырёх национальных районов округа. Старинные танцы сменялись стихами, а стихи — песнями. Здесь царили скрипка и бубен, баян и пианино. Режиссёром и ведущим был лауреат Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства Владимир Косыгин. Выступали танцевальные ансамбли, Пётр Яганов исполнил песни Г. Поротова «Чегейтынуп» и «Утки». С. Кевевтегин, лауреат конкурса бальных танцев, и артистка ансамбля «Мэнго» Л. Липатова исполнили «Романс» Д. Д. Шостаковича в классической балетной постановке. Два с лишним часа продолжался концерт. Это была встреча с песней и словом, с самобытным танцевальным искусством Корякии. Это была встреча с талантливой душой народа.

В художественной самодеятельности корякского села, как уже отмечено выше, происходит двойственный процесс. С одной стороны, корякские артисты привносят на сцену много национального, так как самосознание народа очень выросло, религиозные предрассудки, в общем, исчезли, повысилась образованность и культура. С другой стороны — овладение русским языком, непосредственный контакт с высокоразвитой культурой русского народа, русские

песни, в том числе и эстрадные, выдержанные в современных ритмах, влияние танцевальных мелодий и песен в грамзаписи — всё это ведёт к увеличению русских номеров. Но помимо этого явления наблюдается и следующее: национальные песни поются на русском языке (мелодия национальная) или русские песни поются с текстом, переведённым на корякский язык.

В процентном соотношении программу сельской художественной самодеятельности можно представить так: половина корякских номеров и половина русских (по времени, по продолжительности) при условии, что в программе имеется корякский национальный самодеятельный балет (как в Караге, Ковране), или выступает ансамбль («Мэнго», «Каюю», «Айгена»), или исполняются сюиты по национальной тематике («Мой край корякский», «Камчатский сувенир»). В случае если большие номера отсутствуют, то это соотношение выразится иначе: тридцать и семьдесят процентов. Следующим пунктом программы праздничного вечера являются игры, викторины, «Голубой огонёк» или КВН. Во всех этих мероприятиях участвует в основном молодёжь. Старики большей частью наблюдают или входят в состав жюри.

В вечернее кафе на «Голубой огонёк» часто приглашаются ветераны труда и войны, знатные люди колхозного села, гости из Паланы, Петропавловска, Москвы. Такие вечера часто носят тематический характер. Местные старожилы рассказывают о прошлом села, об установлении советской власти, о коллективизации. Танцы под сельский оркестр, под радиолу или баян заключают торжественный вечер. На следующий день праздник встречается в корякской семье за праздничным столом.

Вот один из примеров проведения праздника в корякской семье Антона и Марии Притчиных в день 8 марта в 1971 г. в Караге. Присутствовали гости: Виктор Колегов — молодой рыбак колхозного флота, Константин Логинов — оленевод совхоза «Карагинский», Аника Гуторова — чумработница, М. и Ж. Танвилины — пенсионеры, бывшие оленеводы, Зоя Черных — работница яслей из села Рекинники, Володя Притчин — ученик седьмого класса, сын хозяев.

Стол был празднично сервирован. Наряду с русскими блюдами, было более десятка корякских: суп из морских бычков — ильак'у, юкола — тав'ал с нерпичьим жиром мэтк'аймат, суп из нерпичьего мяса — унахал'ап, варёное оленье мясо — итыттыргын, головки кеты и горбуши — выллэв'ту, брусника — гыен'эн, суп из рыбной муки с нерпичьим жиром — г'ыннытг'ын и другие.

За праздничным столом хозяин провозглашает первый тост за присутствующих женщин, потом за Международный женский день. Застольная беседа велась о делах колхоза. Гости надевают праздничные кухлянки — начинается национальный корякский танец. Танцуют все. Раздаётся возглас: «Млавэткин'нэмэл'а!» — «Танцуйте красиво!»

Сначала играет хозяин, потом берёт в руки бубен хозяйка дома — Мария Притчина. Она перестраивается на свой ритм, поёт свою песню на весёлый мотив, слова она придумала только что: «Я сложила эту песню. Она, как ветер, легкокрыла. Пусть она улетает, я придумаю ещё лучшую песню для вас».

Берёт в руки бубен оленевод Константин Логинов. Бубен он поднимает невысоко, ударяет скользящим движением колотушки. Ритм медленный, тихо звенят стальные кольца на тыльной стороне бубна. Он поёт о тундре, о табуне, по которому уже успел соскучиться. Все танцуют и слушают рассказ-песню.

Гостья из села Рекинники Зоя Черных держит бубен, круто наклонив от себя. Ритм быстрый, настойчивый, упругий. Песня энергичная, радостная. По её стилю чувствуется, что поёт представитель другого села. Песня поётся на корякском языке. Припевом песни являются слова: «Я вчера была в Рекинниках, а сегодня весело праздную в Караге...»

В тех случаях, когда праздник длится один день, программы двух дней совмещаются и сразу после празднования в семье начинаются спортивные мероприятия.

Место спортивных соревнований оформляется колхозными комсомольцами, ответственным назначают члена комсомольского бюро. Призы вручаются на месте состязаний. Трепещут на ветру флаги и транспаранты, играет музыка. Так было на праздновании сорокалетия КНО. Проводились национальная борьба, бег с палкой, метание чаута. Победителями в борьбе стали Иннокентий Яганов из Паланы (лёгкий вес), Г. Тейкилькут из Тиличик (средний вес), К. Нутанкавав из Седанки (тяжёлый вес).

В соревнованиях по бегу с палкой на десять километров (вид соревнований, имеющий древние традиции среди оленеводов) победу одержал И. Аммик из Паланы.

Оленеводы П. Пепе из Каменского и С. Акеев, звеньевой совхоза «Паланский», метатели чаута, завоевали призы.

Советские и интернациональные праздники по-разному празднуются в табунах и сёлах, на севере и на юге округа. Но в общих, в главных чертах они едины.

Праздник Октября, благодаря его слиянию с праздниками, связанными с окончанием охоты и рыболовства, празднуется особенно широко, торжественно. Здесь можно наблюдать во всём блеске праздничную одежду, нарядные кухлянки, торбаса, малахаи, так как к этому времени стоят морозы и выпадает снег во всех районах округа. Почти все блюда корякской кухни, все танцы — народные.

День Советской Конституции совпадает по времени с забоем оленей. Угощения приготовляются из оленины.

День Советской Армии отмечается как праздник молодости, силы, ловкости. Проводятся гонки на собачьих упряжках, борьба, метание чаута.

Праздник 8 Марта проходит в клубе — торжественная часть и концерт, и дома, большей частью как семейный. К этому времени появляются традиционные блюда, связанные с весенней охотой и рыболовством.

Первомай празднуется так же широко, как и праздник Октября. В мае начинается подлёдный лов гольца, бычков на удочку и продолжается ещё лов наваги. Праздничными угощениями большей частью являются русские блюда, так как зимние запасы несколько истощаются.

В корякском селе так же отмечают дни выборов в Советы, субботники и воскресники, ярмарки. В сельском клубе в эти дни бывают концерты художественной самодеятельности, танцы. На ярмарках продаются национальные сувениры: обувь из меха оленя, расшитая бисером и бусами, оленьи рога, сумочки, рукавички — всё производства пошивочных мастерских, где работают корякские мастерицы.

Таким образом, советские и интернациональные праздники в корякском селе являются проводниками коммунистической идеологии, новой социалистической культуры, тем средством, которое способствовало очищению корякских народных праздников от культовой обрядности. Праздники эти способствуют интернациональному взаимопониманию и единению всех народностей, населяющих Камчатку.

Наряду с этим, советские и интернациональные праздники, проводимые в корякском селе, впитывают в себя из народных корякских всё лучшее и прогрессивное и благодаря этому становятся понятными и желанными для каждого коряка.

Наблюдая в селе, как проходит праздник, как радуются и веселятся старики и молодёжь, невольно вспоминаешь слова новой корякской песни, записанной поэтом и артистом Владимиром Ко-

сыгиным у девяностасемилетней Эльи из Караги: «...У внуков моих будут красивые, как звёзды, глаза, и они никогда не будут плакать от дыма...»

Краеведческие записки, вып. 4, 1973, с. 49—41

Кухлянка

Около двадцати — сорока тысяч лет тому назад человек изобрёл костяную иглу и научился шить. В это время и появилась одежда в нашем современном понимании. Материалом для шитья служили шкуры зверей, а основной функцией одежды была и остаётся до сих пор защита тела от холода и жары. В суровых условиях Восточной Сибири и Дальнего Востока первобытный человек также шёл по этому общему пути развития. Об этом свидетельствуют археологические находки академика А. П. Окладникова. Связанные с древними культурами Забайкалья, Прибайкалья, Южной Якутии, они дали в руки историков значительный материал для продолжения поиска предков палеоазиатов.

На Камчатке древние ительмены — предки представителей тарьинской культуры — также носили кухлянку. Кухлянка, таким образом, была присуща ещё в глубокой древности всем палеоазиатам — ительменам, корякам и чукчам. Одежда этого типа была наиболее удобной.

У наших соседей — тунгусоманьчжуров (эвенов, эвенков, нивхов и других народов Приамурья) верхняя одежда была халатообразного, распашного типа. Признаки — характерные для жителей Южной Сибири и Приморья. Соседи же чукчей, коряков, ительменов, живущие за океаном, — американские индейцы, заселившие Америку в древности, не имели одежды типа кухлянки. Правда, у индейцев штата Нью-Мексико и многих племён, живущих в Андах, есть одежда пончо, прообраз которой встречается в корякском фольклоре.

Эмэмхут, сын Куткинняку, сделав из дерева и оживив девушку, одевает её в одежду из шкуры. В цельной шкуре он вырезает отверстие для головы и надевает её на девушку. Итын'авут, жена героя, упрекает его, что «одежда эта сейчас недостойна настоящего человека». После чего девушку одевают в кухлянку.

Шкура с отверстием для головы очень похожа по своей простоте на пончо индейцев. Видимо, эта одежда составляла основу кухлянок. У коряков пахачинско-ачайваямской группы и до сих пор есть так называемый кожаный шлем-накомарник. У коряков этой

группы и почти у всех остальных (как у ительменов в старину) имеются кухлянки без капюшона.

Сравнивая кухлянки этого типа, шлемы, накомарники, приходишь к мысли, что объединение этих атрибутов палеоазиатов и дало впоследствии кухлянку с капюшоном. Это произошло после заселения Северной Америки, в эпоху одного из похолоданий.

Корякская национальная одежда создавалась и совершенствовалась в процессе трудовой деятельности людей. Основным материалом служили шкуры оленя, собаки, нерпы, снежного барана, по некоторым данным — нерпы, лахтака, медведя, шкурки пушных зверей (горностая, росомахи, соболя), а также птиц. Особенно ценились шкурки выпоротка (не родившегося оленёнка), пыжик — новорождённого, неблюя — молодого оленёнка. Из этих шкурок шили детскую одежду, а также бельё.

Изоляция от внешних влияний, отсталые способы ведения хозяйства тормозили совершенствование корякской одежды. Только с установлением советской власти на Камчатке, с переходом на оседлость в КНО, постройкой новых благоустроенных сёл, с установлением гарантированной оплаты труда в колхозах и совхозах — утратилась прямая зависимость коряков от природы, у них появились новые занятия и профессии. Последнее повлекло за собой изменения в одежде. Вместо универсального костюма (связанного с промыслом), появился повседневный, праздничный европейский костюм. Эта одежда в большей или меньшей степени испытала или испытывает влияние со стороны русской, появляются смешанные и переходные типы — от корякской национальной к современной городской.

Много сделали для развития современных сценического, повседневного и праздничного костюмов художники А. Пироженко, В. Зорин, художник-модельер Петропавловской фабрики индивидуального пошива Р. Скаршевская. На фабрике изготовлены сценические костюмы для корякского национального ансамбля «Мэнго» и ансамбля села Карага «Энер». Современные мастера национальной одежды вносят в неё некоторые изменения. Например, мастерицей В. Г. Милют из Олюторского района была создана корякская распашная одежда из оленьего меха. Если раньше покрой «реглан» был основным, то сейчас преобладает кухлянка со вставным рукавом. Изменилась и детская одежда. Мастерица из Тигильского района Д. Лахтой более десяти лет шьёт одежду для детей в виде меховых пальто.

Из праздничной кухлянки коряков развилась сценическая. Сохранив в общем традиционную форму, она стала более удобной

для танцевальных движений, усилила звучание орнаментов. Искусство вышивки у коряков хорошо развито с древности. Прежде всего, это геометрический и растительный орнамент, вышивка бисером, бусами, аппликации, мозаика.

Расшифровать некоторые мотивы геометрического орнамента помогли автору «сумки для воды», изготовленные из осоки и соломы диких злаков. Геометрический орнамент является наиболее древним. Он, по-видимому, берёт своё начало от неолитической орнаментированной керамики. Такая керамика была широко представлена и у палеоазиатов.

По свидетельству В. Чечулиной и Д. Уваровой из Анапки, считалось, что зловредное существо нинвит могло проникнуть в организм человека, если у него был порван головной убор или если на празднике танцовщица не надевала повязку-ленат. По этой причине красивым швом пришивали заплатки на кухлянке.

Таким образом, орнаменты, по мысли их создателей, играли защитную роль, отгоняя злых духов от человека. Каждый мотив орнамента, аппликации имел своё определённое место на одежде. В настоящее время ритуальный смысл орнамента забыт, и следствием этого является тот факт, что орнаменты могут украшать одежду по личному усмотрению мастера в любом месте платья. Ленат сейчас широко применяется в сценических костюмах корякских ансамблей «Мэнго», «Энер», «Каюю», «Айгена».

Широкое распространение на севере КНО получил советский корякский орнамент. Так, в центре бисерных спиралей, отороченных соболем («луны»), набирают из алого стекляруса пятиконечные звёзды, кухлянки украшаются вышитыми бисером или гладью повторяющимися изображениями серпа и молота, Спасской башни Кремля.

В КНО работает ряд мастерских, где изготовляется одежда для охотников, оленеводов, каюров. Но помимо этого изготовляются и новые образцы одежды. Иногда в таких мастерских работают пожилые мастерицы-пенсионерки, обладающие опытом, вкусом, секретами изготовления настоящих произведений народного искусства. Однако частенько они выполняют менее квалифицированную работу, и поэтому бывают случаи, когда местные мастерицы не удерживаются в мастерских, а их место занимают малосведущие люди, продукция которых, как правило, низкого качества.

Процесс становления новой корякской повседневной, праздничной, сценической одежды продолжается. Этому способствует то, что коренное население КНО уже не зависит от устарелого быта и суровой

природы, что стало возможным благодаря их социалистическому развитию, работе учреждений культуры, бытового обслуживания. Создание новых костюмов происходит в творческом содружестве камчатских художников и мастеров прикладного искусства, бережно относящихся к традициям корякского народа.

Камчатская правда, 15 ноября 1974 г., № 269

Корякские народные праздники

Корякских народных праздников около тридцати. Дошедшие до нас со времён неолита, они представляют огромный интерес для исторической науки. Ещё до недавнего времени в них сохранялись некоторые явления экономической и общественной жизни коряков, характерные для первобытного бесклассового общества, устарелые обычаи и ритуальные обряды. Вводя их в описания праздников, автор считает необходимым оговориться, что в настоящее время эти обычаи и обряды отошли в прошлое, уступив место новым, прогрессивным традициям современности.

Многие исследователи Камчатки кропотливо изучали и описывали корякские народные праздники. Эта тема нашла своё отражение в трудах С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», В. И. Иохельсона «Коряки», Н. Н. Беретти «На Крайнем Северо-Востоке», В. В. Антроповой «Коряки»...

Публикуемая статья носит описательный характер и основывается, главным образом, на материалах полевых исследований автора, собранных в районах КНО в 1966—1973 гг.

Праздники береговых коряков

Праздник первой нерпы устраивался в конце марта. В хорошую солнечную погоду два-три охотника уезжали к морю на собачьих упряжках. Здесь, в разводьях, которые к этому времени уже появляются, они вели охоту на нерпу. Перед началом охоты за ошейник к нарте привязывали жертвенную собаку, а за заднюю часть — ремнём, который держали в руке. Остол, тормозную палку с металлическим наконечником, втыкали в снег справа от собаки, чтобы собака прикасалась к нему боком. Собаку хорошо кормили в последний раз и ножом наносили удар под левую лопатку. Убитую собаку опускали в трещину во льдах. Туда же бросали щепотку табака.

Охотились с малокалиберной винтовкой или карабином от одного до трёх дней. Охотник прятался за торосы. Рядом с ним

стоял гарпун с привязанным к нему линём из нерпичьего ремня. Гарпуном убивали и подтаскивали нерпу к берегу или к льдине. (Сейчас охотники надевают поверх кухлянок белые камлейки и всё чаще пользуются надувными резиновыми лодками, очень удобными для транспортировки на нарте к месту охоты.)

После охоты праздник продолжался. Угощения готовили из нерпичьей печени, суп — из мяса, ели юколу с жиром, пили крепкий чай.

Темой танцев и песен на празднике первой нерпы является нерпичья охота. Охотники языком хореографии рассказывали о том, как они удачно убили зверя, как зверь пытался уйти, как трудно было его вытащить на лёд и как они радовались, когда добыча оказалась в их руках. Из охотничьей пантомимы родился танец нерпы, который сейчас исполняется на празднике хололо и силами художественной самодеятельности сельских клубов (сведения получены от А. А. Притчина, О. Утонова, И. С. Агиня, М. П. Поповой, село Карага).

Праздник очищения у береговых коряков проводился весной, когда семьи из села переезжали на летнюю рыбалку. Здесь, в летнем посёлке, при приближении семьи к своему жилищу, открывали верхний люк — вход в жилище и старики кричали: «Э! Пэй! К'н'толатк, уходи! Пэй!»

Землянку окружали все родственники и ждали. В ней, по представлениям людей старшего поколения, во время отсутствия хозяев поселялись яярткоч'о — «маленькие насекомые, которые играют на бубнах». Потом ещё раз кричали: «Уходите, мы приехали сюда!» После чего проводили очищение людей следующим образом: убивали жертвенную собаку, из неё извлекали внутренности, кишки. Двое мужчин становились у трупа собаки, сориентированной с севера на юг, брали кишки, растягивали их. Все жильцы землянки, а иногда и жители посёлка, должны были, наклонившись, пройти под внутренностями, не задев их. Последними проходили мужчины, проводившие очищение. После очищения в землянке начиналось празднество (информатор И. Жуков, село Подкагерное).

Праздник мира и радости проводился в один из дней начала мая у береговых коряков северной части Карагинского района (информаторы В. М. Уварова, Д. Уварова, село Анапка). В этот день просыпались очень рано, до восхода солнца, и весь день должен был пройти под знаком добра. В день праздника нельзя убивать ни одного живого существа, даже мухи. В быту нельзя было повышать голос, ссориться. В домах собирались старики и степенно

беседовали. Рекомендовалось забыть прошлые обиды. Жители села желали друг другу здоровья. Праздник назывался аюангыт. Подавались как корякские, так и русские блюда. Аюангыт слился в наше время с Первомаем.

Летний праздник морских охотников проводился на западном побережье округа в сёлах Подкагерное и Рекинники. Праздник связывался с охотой на морского зверя (информатор И. Жуков, село Подкагерное). Он проходил в одной из землянок старинного типа с выходами через коридор и верхнюю дверь-люк. Опытные охотники заранее приготавливали длинный ремень из шкуры лахтака. Один конец ремня привязывали за столб ближайшего юкольника, а второй опускали через верхний люк, который одновременно служил дымоходом. Ко второму концу на большой высоте привязывали крепкую, обязательно ольховую, палку. Если одного ремня не хватало, связывали два ремня так, что их длина превышала сорок — пятьдесят метров. Ремень предпочитали сухой: такой труднее было порвать. В то время, когда мужчины протягивали ремень, на улице летнего посёлка проводились игры.

Из всех мужчин выбирали двух самых высоких, и если они не доставали до перекладины, висящей высоко у потолка, то начинался праздник. Землянка вмещала несколько десятков человек — взрослых и детей, каждый старался достать до перекладины. Начинались прыжки, смех, всеобщее веселье. Первыми доставали до перекладины мужчины. На ней повисало несколько человек, ремень медленно растягивался. Мужчины раскачивались, как на качелях. Скоро на перекладине качалось полсела. Ремень, наконец, рвался. Хорошим предзнаменованием считалось, если он рвался на улице. В этом случае охота обещала быть удачной.

Возможно, что перекладина является прообразом позднейшей вертушки — тэлытэл, которая применяется на празднике хололо.

Праздник весеннего спуска байдары описан в научной литературе. Но и сейчас ещё многие старейшины-коряки помнят разные варианты его проведения. Вот как проходил праздник в селе Рекинники (информатор В. А. Миккуль):

В землянке собирались родственники и гости, которые узнали, что хозяин жилища будет опускать в море байдару. Гости из табунов привозили подарки — оленье мясо. Женщины при помощи пестиков из костей сивуча готовили толкушу. Присутствующие вели беседу, не касающуюся морской охоты. Костёр ещё не разводили.

Вдруг раздавался стук. Это кто-нибудь из присутствующих в жилище незаметно стучал по опорному столбу землянки. Хозяева

открывали летний вход в землянку, который в большинстве случаев был обращён к морю, с возгласами: «О, он стучится к нам! Он пришёл! Заходи!» Открывая дверь, находили привязанного к ней со стороны улицы деревянного божка, «охранителя» байдары — уттэкалак. «Охранителя» вносили в землянку и все восклицали: «А, пришёл море открывать! Ну, давай, заходи!» Его «сажали» у погасшего костра. Из одного обугленного углубления на «охранителе» (на некоторых уттэкалаках их было до тридцати) хозяин вращением сухой палочки между ладоней добывал «новый огонь». Когда появлялся дым, присутствующие громко говорили: «Новый огонь горит! Море открылось!» Хозяин жилища «кормил» «охранителя» — мазал ему рот жиром и толкушей. Момент добывания огня назывался «разбудить сверлением охранителя».

Начинались угощения и танцы. Танцы исполнялись в медленном ритме — чтобы море было спокойным. В танцах подражали лахтаку, нерпе, сивучу. В песнях, сопровождавших танцы, пелось о «хозяине моря».

Первыми из землянки выходили старики, за ними мужчины и мальчики. Один из стариков с копьём в руке вёл за собой на поводке «хорошую» собаку. Под помостом, на высоких столбах или на опорах из толстых шестов, составленных пирамидой, на которых лежал остов байдары, жертвенную собаку убивали. Командовал хозяин байдары или руководитель байдарного объединения. Охотники надевали тяжёлую покрышку байдары на каркас. Швы покрышки тщательно промазывались толчёной печенью и жиром морского зверя. Охотники брали вёсла, поднимали байдару на плечи и несли к воде. Впереди процессии несли уттэкалак и толкушу. В это время бросались друг в друга толкушей. Охотники садились лицом к корме, а руководитель — лицом к носу байдары. После удачной охоты, когда байдара возвращалась, у всех добытых лахтаков и нерп отрезали задние левые ласты, чтобы «звери не рассказывали сородичам», так как они в этом случае не смогут «возвратиться к себе домой».

Сейчас праздник байдары не празднуется, но многие его элементы перешли в художественную самодеятельность и сохранились на сельской сцене.

Праздник береговых коряков тэлытэл проводился весной в селе Подкагерном. Его главным моментом был акт «тэлытэл».

Тэлытэл выстругивался из цельного куска древесины, состоял из двух лопастей и несколько напоминал пропеллер. В средней части просверливали два отверстия, через которые продевали два

конца лахтачьего ремня. Тэлытэл имел в длину около метра, что было характерно для этого праздника. Ремень закреплялся за столбом землянки или юкольника. Мужчины, сидя на земле, периодически тянули на себя ремень, «пропеллер» вращался, ремень перетирался и через некоторое время рвался. Все мужчины были начеку и с обнажёнными ножами бросались к ремню. Каждый старался отрезать себе кусок. Считалось, что тому, кто успеет отрезать, повезёт на охоте (информатор И. Жуков, село Подкагерное).

Тэлытэл сейчас проводится на хололо.

Праздник первой рыбы начинался в июне. Пожилые женщины собирались на берегу реки или бухты. В воду бросали один конец травяной верёвки (наталатыткин), и одна из самых почтенных женщин бралась за другой конец её и всем своим видом показывала, что тянет с большим трудом. Женщина звала на помощь: «Идите сюда, помогите мне. Столько рыбы, что я одна не справлюсь!» К ней подходили другие, в том числе и беременные (этот обычай, по представлениям коряков, способствовал хорошим родам и одновременно обильному ходу рыбы во время нереста), и начинали тащить верёвку.

В Караге соломенную (из травы диких злаков) верёвку вместе с ольховой веткой и привязанной к ней первой рыбой тянули вдоль берега вверх по течению (*Гурвич И. С.* Корякские промысловые праздники // Сибирский этнографический сборник. — М., 1962, т. V, с. 247), в селе Рекинники — тянули верёвку без рыбы от воды на берег, в некоторых сёлах — вниз по течению. В соломенную верёвку вплетали части жабр и плавников или рыбий хребет с хвостом.

Женщины кричали, подражая чайкам: «Кыйя, кыйя!», так привлекая рыбу в реку (информаторы И. В. Какко, Н. А. Черных, село Рекинники).

Праздник часто проводился более полно в том случае, если лососёвая рыба шла на нерест плохо.

Первую рыбу вынимали из сети, разделывали, отрезали голову, удаляли хребет, готовили и с другими яствами ставили на праздничный стол. В этот же день (или реже — на следующий) приступали к лову.

Летний праздник нерпы отмечали в августе в Караге (информаторы М. Гуторов, Э. И. Котлов).

На берегу собирались мужчины, женщины оставались дома. Опытные охотники убивали собаку, на гарпунах поднимали её внутренности (кишки), и все, кто участвовал в охоте, проходили под

ними для очищения, после чего по несколько человек садились на баты и спускались вниз по реке. В это время в устье реки Караги наблюдаются самые большие отливы и образуются отмели. Охотники отгораживали сетями места лежбищ нерп, у сетей ставили баты и убивали нерп гарпунами, стреляли из винтовок, а иногда, по свидетельству информаторов, — специальными дубинками. Ни одна из раненых нерп не уходила с отмели. Охота при помощи гарпуна способствовала тому, что нерпы не распугивались. За одну такую охоту добывали по сорок и более животных.

Опытные охотники имели исключительные навыки владения гарпуном. Гарпун они метали «навесом» (чтобы не срикошетил), когда нерпа ещё только всплывала, и в момент достижения нерпой поверхности воды оружие вонзалось в животное.

После удачной охоты праздник продолжался.

Праздник голов лахтаков и нерп устраивался обычно весной или летом после удачной охоты у береговых коряков (информаторы Г. А. Уваров, Н. А. Притчин, Карага).

Добытого морского зверя делили между охотниками, участвовавшими в промысле, и всеми, кто попросит. Пластали ножом, отрезая мясо вместе со шкурой. Хозяин вёсельной или моторной лодки брал себе голову, передний левый ласт, сердце. Голову клали на землю или посередине комнаты, «кормили» её толкушей, травой лаутэн. Варили мясо, нерпичий суп, ели сырую печень. Сердце делили на части, нередко на всех присутствующих на празднике, но одну часть оставляли. Если кусочек пищи падал на пол, его не поднимали. Пожилые женщины, родственницы хозяина, шептали заклинания. Потом варили голову и ели. Нижнюю челюсть оставляли, привязывали к ней жертвенную траву, некоторое время хранили в сенях или на чердаке, а потом прятали в укромном месте в лесу, в тундре, на рыбалке.

Ещё в недалёком прошлом в селе Подкагерном был *праздник маски улляун*, проводившийся в ноябре. «Улляун» — маска, которую в старину надевали при некоторых обрядах. Сейчас она применяется на хололо в пантомиме и является частью большого и сложного праздника.

В празднике участвовали все жители села и два или четыре человека ряженых в масках. Могло быть и нечётное количество ряженых, например трое.

Родители предупреждали заранее своих детей, что вечером придут люди в масках — гости из тундры. Дети должны были себя хорошо вести, чтобы улляун не рассердились.

Вечером приходили односельчане в масках, которых никто не мог распознать. В руках у них были ольховые ветки. Они ходили по всем домам с вечера до поздней ночи или до утра, исполняли корякские танцы, за что жители преподносили им дары: нерпичье мясо, ягоды, кедровые шишки, толкушу, юколу. Если кто-либо жалел дать гостям подарок, ряженые могли сами взять, сколько хотели, и излишки передать нуждающимся. При них нельзя было смеяться, громко говорить, за это улляун жестоко наказывали ольховыми ветками. Большое внимание на празднике отводилось корякским танцам.

Праздник улляун в настоящее время слился с хололо (информаторы В. А. Миккуль, село Рекинники, И. Жуков, село Подкагерное).

Праздник кита описан В. И. Иохельсоном. Праздник проводился после добычи белого кита (видимо, это была всё же белуха, так как животное доставлялось к жилищу на собачьих упряжках).

В 1970 г. на берег недалеко от Караги после шторма выбросило кита. Его мясо местные жители использовали для корма собакам, а рёбра — на подполозки для нарт (в семьях Чечулиных и Танвилиных). Праздник кита здесь ограничивался угощениями, песнями и танцами под бубен.

Праздник белухи ещё в 1950-е гг. проводился в селе Манилы, на рыбалке у мыса Зелёного, в селе Старая Каменка (информатор И. Нинвит, Манилы). После добычи белухи на костре сжигали кусочки её мяса и жира, к нижней челюсти привязывали пучок жертвенной травы и прятали на берегу моря. «Кормление» амулетов салом, гадание при помощи лопатки, описанные В. И. Иохельсоном, не проводились. Охотились на белух при помощи гарпунов и копий, используя сети. В заключение устраивали пляски под бубен.

Праздник хололо описан автором. Здесь его можно представить только в виде схемы сменяющих друг друга событий: 1. Приготовление праздничных блюд и угощение гостей. 2. Начало танцев под бубен в сопровождении певца. 3. Раскачивание ремня, привязанного к косяку двери. 4. Перетягивание ольховых прутьев из сеней на кухню. 5. Сжигание в печке чучел морских животных. 6. Изготовление масок и вертушек. 7. Приход уляу (ряженых в масках), пантомима уляу. 8. Очищение ряжеными жилища. 9. Хозяин праздника бросает ягоду и шишки гостям. 10. Гости пробивают шкуру медведя заострённой палкой. 11. Хоровод вокруг берёзки с «копьём волка». 12. Тэлытэл — разрывание ремня с вертушкой. 13. Не давать «спать» таликамаку — «хозяину» вертушки. 14. Танец калаков. 15. Посвящение в охотники. 16. Посвящение лучшего охотника.

17. Продолжение танца. 18. Ответный визит охотника в дом, где проводился праздник. 19. Окончание акта тэлытэл.

Праздник хололо впитал в себя целый ряд праздников, характерных для морских охотников и рыбаков.

Праздник укладки байдары в настоящее время не проводится, но его описание есть в работах В. И. Иохельсона и Н. Н. Беретти.

С вытащенной на берег байдары снимали покрышку. У остова высверливали «новый огонь». Огнивную доску «кормили» жиром и говорили при этом, что «море замёрзло», после чего проводили церемонию, символизирующую «отправку» остова и огнивной доски по морю. Закрывали летний вход в землянку через коридор, а через зимний вход опускали лестницу.

На западном побережье в сёлах Подкагерном и Рекинники остов байдары укладывался на специальный помост, но позже это утратилось и каркас оставался зимовать на берегу. Остов последней байдары в селе Рекинники (в семье Какко) был распилен в конце 1960-х гг. (информатор В. А. Миккуль). Праздник укладки байдары проводился как семейный.

Несколько корякских праздников проводятся как среди береговых жителей — рыбаков и охотников, так и среди оленеводов. Это в первую очередь праздник бубна, медведя, проводы пушного зверя (лисицы, горностая и других).

Праздник бубна устраивался после изготовления нового бубна. Его делали в случае, если кто-либо из близких болел и находился в тяжёлом состоянии. Праздник мог начаться в любое время суток, даже в середине ночи. Иногда не зажигали свет, тогда эта часть праздника носила ритуальный характер. Хозяева дома, гости пели свои песни, плясали. Гости приносили в чехлах свои бубны. Новый бубен мог быть изготовлен и в том случае, если в семье уже имелись один или два бубна. Праздник открывался пиршеством, затем начинались пляски.

Праздник проводился и в день совершеннолетия одного из членов семьи. Сын или дочь брали бубен и уже «по-настоящему» играли (информаторы В. М. Уваров, село Анапка, М. Е. Притчина, село Лесная). Родители готовили угощения и созывали гостей. Считалось, что бубен нельзя передавать чужому человеку, по поверью в этом случае с хозяином могло случиться несчастье. На летних рыбалках старики пользовались бубном для того, чтобы отгонять нинвитов — злых духов.

У пенжинских коряков праздник бубна назывался комнэлан' и проводился два раза в год, во время июньского и осеннего праздников

оленеводов. Вероятно, что праздник бубна здесь слился (или так и не отделился) с другими праздниками.

В советское время праздник бубна проводится как праздник веселья, музыки и в селе, и в стадах.

У коряков были *праздники, связанные с проводами пушных зверей*. О них есть упоминание в литературе. Для того чтобы пушной зверёк снова попался охотнику, отец-охотник, после того как снимал с лисы, горностая или другого зверя шкурку, тушку отдавал своему сыну и просил, чтобы сын «поборолся» со зверьком. Сын брал тушку, выходил на улицу и, взяв тушку за конечности, легко ударял ею по снегу, после чего тушку забрасывал далеко в снег или на заснеженную крышу. Если сын приходил быстро, замёрзнув на морозе, то считалось, что зверь «победил». Поэтому ребята старались «бороться» подольше. В доме в этот вечер царило праздничное настроение (информатор И. Жуков, село Подкагерное).

Праздник медведя проводился в любое время после удачной охоты. Медведя доставляли на нарте в дом охотника, укладывали головой в сторону, противоположную выходу, обычно посередине комнаты. В ноздри зверю клали заячий пух и олений жир (в семье Ж. П. Танвилина). Все жители села или летнего посёлка подходили и целовали медведя в морду. Старшие уговаривали своих детей целовать медведя. При этом пожилые женщины шептали заклинания, касаясь подбородком носа зверя. Затем медведя разделывали, отделяя голову. Варили мясо, готовили праздничные угощения, пели, плясали (информатор Г. Качгипин, село Парень).

Праздники оленных коряков

Осенний праздник оленеводов, или праздник первого забоя проводился в начале осени, в сентябре — октябре, когда табуны возвращались с летовки. Оленей подгоняли к селу или стойбищу. Из гичгия, деревянной антропоморфной фигуры, при помощи лучкового сверла «высверливали» огонь. На доску для обработки оленьих шкур клали дёрн и на нём разводили небольшой костёр «высверленным новым огнём».

Мужчины с винтовками, а в старину с луками, и женщины с огнём шли навстречу стаду. Мужчины стреляли вверх, в сторону стада, и кричали, подражая оленю: «Угук!» Женщины бросали под ноги оленям немного праздничной пищи, горящие угли и шептали заклинания. После этого мужчины ловили оленей чаутом и за-

готавливали на всю зиму мясо и шкуры для пошива одежды (*Антропова В. В.* Культура и быт коряков. — Л., 1971, с. 23).

Первым убивали жертвенного оленя для «кормления» гичгия. Передние конечности оленя привязывали к двум опорам в центре яян'ы вместе с длинными ивовыми прутьями, на которых ещё сохранились жёлтые осенние листья (информатор Н. Н. Нанан, село Ачайваям). Одновременно с оленем убивали жертвенную собаку, после чего начинался забой оленей для зимних запасов.

Оленеводы вместе со своими сыновьями надевали на копья оленьи головы и ориентировали их на восток. В этот момент около каждого жилища расставляли деревянную посуду с ягодой и угощались без приглашения. При этом пожилые люди шептали заклинания.

Во время забоя обязательно убивали годовалого оленёнка, что было связано с традицией. Его кровью всем родственникам на лбу и щеках ставили знаки. На местах забоя разводили костры, варили мясо, суп из оленины, конечности. Кости ног раскалывали продольно при помощи ножа и извлекали мозг. Из костей, рогов оленя и песка сооружали конусы по числу убитых животных. Высота конусов достигала сорока сантиметров. В них втыкали ивовые прутья длиной до полутора метров. Конусы олицетворяли собой будущее возрождение оленей. В них некоторое время «проживала душа» оленей. В жилище при свете костра и свечей устраивали пляски в сопровождении бубна.

У пенжинских коряков праздник назывался «ангыт мг'н'ылавут» — праздник голов. В ходе праздника головы одного-двух оленей ставились около костра.

У оленеводов севера Олюторского района праздник называли «к'оянняйтат» — праздник оленёнка. Олюторские и ачайваямские коряки на празднике убивали взрослых и одного молодого оленя (*Гурвич И. С., Яйлеткан А. И.* Ачайваямская группа коряков-оленеводов // Краеведческие записки, вып. 3. Петропавловск-Камчатский, 1971, с. 48—49).

Декабрьский праздник обогатился новыми, современными обрядами. Сроки его сместились к началу декабря, так как в это время (примерно с 5—10 декабря) начинается забой оленей. К этому времени олени имеют высокую упитанность и хороший мех. Забой проводится в окрестностях сёл и посёлков, в местах, наиболее удобных для транспортировки мяса морским путём. На забое работают оленеводы, работники совхозов и пожилые опытные коряки из колхозов. Оленей загоняют к коралю, вылавливают чаутом. Пастухи

и колхозники привозят после забоя домой по несколько десятков оленьих голов и устраивают праздник (информатор А. Т. Нутэлкут, село Карага).

В селе Хаилино праздник проводился в конце декабря. Убивалась жертвенная собака. Позже этот обычай исчез, и во время праздника устраивалась ярмарка. Проводятся гонки на оленьих упряжках, бег в мешках, метание чаута.

Многие элементы декабрьского праздника перешли в праздник возвращения солнца.

Праздник возвращения солнца отмечается в последние дни старого года, обычно в день зимнего солнцестояния — 22 декабря, и может проводиться в последующие дни, вплоть до 13 января нового года включительно.

К селу подходит табун, пастухи забивают несколько оленей для себя и гостей. В прошлом оленей привязывали за шею и за заднюю часть корпуса и закалывали копьём с левой стороны. Старые пастухи наблюдали, как и в какую сторону упадёт животное; это являлось приметой, хорошей или плохой, в последующих перекочёвках.

На улице разжигали костры, разделывали туши, целый день в котлах варили оленину. Одновременно с оленем убивали жертвенную собаку. Кровь оленя и собаки смешивали и освящали место вокруг костра, разбрызгивая кровь на четыре стороны света. Кости оленей складывали в одно место, а потом сжигали на костре.

Типичными угощениями праздника были оленьи языки, толкуша, суп из оленьей крови. Во время праздника пожилые коряки употребляли мухомор — ели сухой или пили с голубичным отваром. Мухоморов должно было быть обязательно нечётное количество. Говорили так: «Обязательно, чтобы один из них (мухомор) был без товарища». Мухомор запрещалось сушить вниз шляпкой. Зачастую он являлся предметом обмена (информатор В. А. Миккуль, село Рекинники).

После угощения начинались корякские игры и спортивные соревнования. Соревнования открывались гонками на оленьих упряжках. В сёлах дистанция составляла семь — десять, в тундре — до пятидесяти километров. Если до коллективизации оленеводы соревновались на личных оленях, то в настоящее время — на совхозных, и соревнование идёт между звеньями. Праздник, таким образом, из семейного становится общественным.

Отголоском того, что праздник проводился как семейный, является тот факт, что во время гонок в селе гонщики садятся на нарту вместе с жёнами и детьми (информатор Е. Баранников, село Тымлат).

Дистанция бега с палкой, традиционный вид соревнований оленеводов, составляет иногда до сорока километров.

Корякская народная борьба ведётся обычно в стойке. Допускаются подножки. В кульминационный момент, чтобы измотать противника, борцы обмениваются лёгкими подзатыльниками. Борьба завершается броском одного из силачей на лопатки.

В день праздника проводятся игры: «корякский батут» — подбрасывание одного из присутствующих на растянутой шкуре и метание чаута по оленьим рогам, вращаемым на верёвке, привязанной к шесту.

Центральным моментом праздника является залезание на гладкий обледенелый столб или берёзовый хлыст высотой до десяти метров. На верхушке в качестве приза привязывают торбаса, мешочек с кедровыми шишками, корякский головной убор, сапоги, толкушу в котелке.

Забравшись на столб, смотрят в сторону солнца и восклицают: «Тыткитыт!» — олюторские коряки; «Тийкитий!» — корякичавчувены.

Соревнования и игры заканчиваются вечером, когда заходит солнце. В последний момент мужчины садятся друг другу на плечи, обхватывают столб руками. Повернувшись лицом к солнцу, они отмечают момент заката.

Этот факт, возможно, символизирует наблюдения коряков за солнцем в прошлом для правильного ведения хозяйственного цикла. Может быть, что в древности предки коряков почитали светило.

К концу праздника на снегу «не должно было оставаться ни кусочка мяса, ни одной косточки», чтобы «новое солнце увидело хорошую жизнь и чистоту». На алюторском языке праздник назывался «тыткэнлэктыткэн» (информаторы Л. В. Суздалова, В. А. Лазарев из села Тымлат, Е. Х. Чечулин, село Карага).

Февральский праздник связан с зимним забоем оленей. Но в настоящее время в оленеводческих совхозах забой проводится в декабре, поэтому в феврале оленеводы забивают личных оленей для запасов на весну. В праздник съезжаются родственники и гости. Угощения готовятся исключительно из оленины. На празднике едят горловые хрящи, сухожилия, мозги, печень и сердце. Праздник завершает хозяйственный цикл в оленеводстве. В заключение устраивались оленьи гонки, корякская борьба, игры, после чего табун стельных важенок отделялся и пастухи готовились к отёлу.

Праздник к'аюю — оленёнка — раньше проводился в апреле, во время отёла (информатор Л. И. Манихит, село Анапка). Праздничными

блюдами были толкуша — тылктыл и кушанья из костного мозга и жира. Угощая гостей, хозяева говорили: «Асагынг'ывык к'аюю кэтвэлгытки нэмэл'а» — рождайтесь, оленята — к'аюю, — хорошими». Совершался обряд задабривания хранителя табуна гичгия, которого «кормили» оленьим жиром. В Тигильском районе праздник первого оленёнка отодвинут назад, отмечается вместе с Днём Советской Армии — 23 февраля. Гостей потчуют традиционными корякскими угощениями, устраивают спортивные соревнования, гонки. Здесь же вручают призы.

В большинстве случаев праздник к'аюю слился в округе с праздником кильвэй.

Кильвэй отмечался ежегодно в период отёла, с конца марта по май. Из соседних табунов на оленях, из сёл — на собачьих упряжках приезжали гости. Утром пастухи выбирали из совхозного стада оленя хорошей упитанности — эн'ал'эн — оленя-быка и убивали копьём. Раньше этим же копьём одновременно убивали и жертвенную собаку.

Угощениями являются суп из крови оленя — к'ив'ылапан'н, мясо — тыргытыр, пирожки из мяса по-корякски, похожие на пельмени, снежки и котлеты из варёного мяса, обмакнутые в костный жир и слегка подмороженные, толкуша, приготовленная с мозгом и жиром.

Перед угощением гостей женщины, положив в деревянную чашку — каман'у — немного мяса, толкуши, заячьего пуха, обходили яян'у, между ней и заранее собранными в горку оленьими рогами, разбрасывали жертвенную пищу, «кормили» деревянных охранителей людей и оленей. Часть жертвенной пищи бросали в костёр. Восклицали: «Рождайтесь, к'аюю!»

Если ещё лежал снег, устраивали гонки на оленях (оленеводы) и собаках (береговые жители) и также корякскую борьбу (информатор Н. Н. Нанан, село Ачайваям).

В настоящее время праздник сохранился полностью на севере округа, в Олюторском и Пенжинском районах, среди оленеводов.

На праздник положительно влияет работа агитбригад. Несмотря на напряжённое время в табунах, оленеводы с радостью встречают артистов из района, которые прибывают сюда на вертолётах.

Обычно первым с кратким словом к оленеводам обращается главный ветврач совхоза, потом заведующий районным отделом культуры. Затем выступают артисты. Так было на празднике кильвэй в 1972 г. в совхозе «Карагинский». Здесь выступали агитбригады из Оссоры и Тымлата. Руководитель Н. Шмагин исполнял песни и стихи Г. Поротова и В. Косыгина. Заведующая сельским клубом Бодрова

и участница художественной самодеятельности Тымлата Е. Чечулина исполнили русские и корякские песни и танцы. Артисты были приняты оленеводами исключительно тепло. В разных районах округа праздник кильвэй проводился в разное время. В настоящее время он частично впитал в себя несколько других праздников: к'аюю, рогов, голов оленя. Если раньше кильвэй мог отмечаться до, во время и после отёла (информатор А. И. Делянский, село Аянка), то сейчас, утратив почти все пережиточные обряды, он отмечается регулярно, только во время отёла. С праздника кильвэй оленеводы начинают свой новый хозяйственный цикл.

Мг'н'ый — праздник очищения и новоселья оленных коряков раньше широко проводился в Олюторском районе. Время праздника назначалось хозяином табуна. В яян'е собирались гости, многие приходили со своими бубнами. Стол накрывался празднично: обязательно была толкуша, ягода, оленина. После угощения устраивались танцы и песни в сопровождении бубна. Танцы велись по часовой стрелке, «как солнце ходит». Этот хоровод, так называемый «общий танец», сопровождался старинной песней-мелодией оленеводов: «У-ву-ву-ву, бу-бу-бу, гр-гр-гр...»

После чего начиналось изгнание нинвитов — зловредных существ, которые, по древним верованиям коряков, мешали людям жить. Вход в жилище закрывали, подкладывали в костёр побольше хвороста, и, когда помещение наполнялось дымом, раздавался возглас. Вход быстро открывали, бубен высовывали наружу, ударяли по нему колотушкой и кричали: «Пэй! Пэй! Уходите нинвиты, очищайте наше жилище!» Каждый бубнист должен был сказать своё слово, после чего вход в яян'у закрывали снова. Пожилые женщины шептали заклинания у костра, сжигая заячий пух, частицы пищи, толкушу — «для счастья». Акт очищения заканчивался, вход в жилище открывали, начинался танец радости.

В настоящее время праздник проводится весной, когда пожилые оленеводы села, пенсионеры уходят в тундру, где они отдыхают летом. Праздник является семейным. В яян'е разводят «новый огонь», под аккомпанемент нескольких бубнов поют и танцуют. На праздник приглашают родственников и соседей. Старый праздник очищения проводится сейчас как праздник новоселья.

Перед перегоном оленей на летовку оленеводы отмечали *июньский праздник*. Летовку проводили на возвышенных местах, где мало овода, и на берегу моря. Там олени восстанавливали запасы солей, утраченных за год в тундре. Часто с собой в табун пастухи берут своих детей-школьников на время летних каникул.

Иногда праздник устраивался в тундре. Забивали оленя, устраивали камл'элан' — праздник бубна («вращение вокруг»). Из хорошо промытых варёных оленьих внутренностей изготовляли «оленей», которых потом «убивали» и играли после этого в игру «кинэлвэтыл» — гонки. Перед игрой вокруг костра разбрызгивали кровь оленя, чтобы «была хорошая летовка» (информатор А. Х. Килевьи, село Таловка).

Праздники «оленьих рогов» и «оленьих костей» вошли в наше время в состав кильвэя. У многих авторов он называется «праздником рогов». Ритуал, связанный с оленьими рогами, выполняли оленеводы во время похоронного обряда. Рога укладывались в одну линию с юга на север. На рога между их ветвями продольно клали ивовые шесты. Иногда рога вешались на пирамиду из трёх шестов на месте кремации (село Ачайваям).

Праздник костей проводился раньше после охоты на дикого оленя, медведя, морского зверя. Кости, как правило, складывались на почитаемых местах (аппапелях) — у гор и крупных одиноких камней, на кострищах, древних археологических стоянках, островах по реке Пенжине, островах Зубчатом, Карагинском (остров Ат'амтэн — «остров костей»). Момент почитания костей оленя вошёл сейчас в осенний праздник оленеводов.

Большое влияние на корякские народные праздники оказывают праздники советские и интернациональные, сельская художественная самодеятельность, учреждения Камчатского областного управления культуры. Благодаря этому, праздники интенсивно очищаются и развиваются. Это является одним из свидетельств становления корякской социалистической народности в советское время.

Краеведческие записки, вып. 5, 1974, с. 68—85

Камчатка под слоями времён

Археологические и этнографические исследования на Командорских и Алеутских островах связаны с решением одной из интереснейших проблем древнего Востока — заселением Американского континента. Принципиально эта проблема решена в 1960-х гг. доктором исторических наук Н. Н. Диковым, согласно выводам которого заселение Северной Америки шло через север Камчатки на Чукотку и Аляску — части некогда единого материка Берингии.

Академик Окладников выдвинул гипотезу, согласно которой заселение Америки могло идти также и по Командорско-Алеутской

островной гряде. Идея подтвердилась бы, если бы действительно самые западные острова гряды — Командоры были обитаемы до прихода туда русских Второй Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга в 1741 г.

Большинство учёных, однако, единогласно утверждают, что острова Медный и Беринга являлись необитаемыми. Но имеется ряд факторов, свидетельствующих о том, что Командоры нередко посещались алеутами до и после 1741 г. и достаточно долго они проживали здесь в древности.

Факт первый. В 1973 г. мной совместно с учениками Никольской средней школы в районе залива Орлова Камня на береговой террасе на глубине семидесяти сантиметров были найдены угли костра. Терраса здесь имеет ширину около четырёх метров, и образование слоя такой мощности (семьдесят сантиметров) приливами исключается. Следовательно, костёр горел в глубокой древности.

Факт второй. Ещё в июле 1973 г. в экспозиции Алеутского народного музея находилось шлифованное тесло из магматической или метаморфической породы серого цвета. Длина тесла — восемь, ширина рабочей части до четырёх сантиметров. Это каменное шлифованное долото использовалось в качестве орудия. Оно было найдено на территории острова Беринга в середине 1960-х гг. учениками Никольской средней школы.

Факт третий. Старожил Александр Моисеевич Аксёнов, алеут по национальности, сообщил мне о древнем, традиционном для алеутов захоронении (возможно, что покойник находится в сидячем положении) на одной из песчаных кос острова Медного. Останки человека Аксёнов видел сам и разрушающуюся часть могилы поправил, присыпав песком. Однажды, несколько десятков лет тому назад, к месту захоронения приезжал один из зарубежных археологов, но коренные жители сохранили в тайне это место. До настоящего времени захоронение остаётся в нетронутом состоянии.

Факт четвёртый. Совместная экспедиция Камчатского областного краеведческого музея, Института вулканологии АН СССР и Алеутского народного музея в 1966 г. собрала значительный материал (в том числе и археологический) на месте гибели пакетбота В. Беринга «Святой апостол Пётр». Среди образцов этой экспедиции корабельные гвозди из полосового железа, поздняя керамика и прочее, значительное место занимают осколки стеклянной посуды XVIII в.

Несомненно, что посуда — в основном трёх- и четырёхгранные бутылки, принадлежала экспедиции В. Беринга, потерпевшей здесь кораблекрушение. Восемнадцать осколков, большей частью донышек

бутылок, оказались ретушированными, то есть обработанными методом, характерным для людей каменного века, не знавших железа.

Видимо, сразу же после экспедиции В. Беринга на месте стоянки поселились алеуты, которые использовали осколки в качестве орудий труда, дополнительно обработав их. Ведь алеуты каменными орудиями могли изготовлять прекрасные плавательные средства. На своих байдарах и байдарках они свободно передвигались от острова к острову. Скорость байдарки, например, была такова, что её не мог догнать фрегат.

Датой заселения Командорских островов официально считается 1826 г. С этого времени алеуты были на службе в Российско-Американской компании, которая занималась добычей морских котиков. Лучшими добытчиками и обработчиками дорогих шкурок считались алеуты, для которых это занятие было традиционным.

Компания хорошо обеспечивала алеутов стальными ножами, пилами, коваными железными орудиями труда, изготовленными в Центральной России и на Урале. Поэтому после 1826 г. изготовление каменных ножей, скребков, наконечников стрел у алеутов быстро пришло в упадок и отмерло. Точно также происходило всюду, где появлялось железо.

Таким образом, можно считать, что ещё до образования компании в XVIII — начале XIX в. алеуты неоднократно бывали на островах Беринга и Медном и даже могли здесь проживать постоянно, чему помешали какие-то неведомые нам причины...

Происхождение алеутов, по-видимому, связано с экономическими, культурными взаимосвязями и территориальной общностью в определённый промежуток времени древних эскимосов, западноиндейских племён Северной Америки и древних предков ительменов Камчатки. Время возникновения алеутов как этнической общности определяется примерно пятидесятым — сороковым веками до нашей эры, то есть семь тысяч лет тому назад.

За высокие уловы, 19 сентября 1976 г., № 110.
Разновидность статьи под названием «Кто же жил на Командорах?» опубликована в газете «Камчатский комсомолец» за 9 сентября 1976 г., № 108

Пришедшее из древности

Старейшие жительницы национального села Карага Мария Павловна Попова, её сестра Екатерина Павловна Уварова и Анна Капитоновна Гуторова — большие знатоки и хранители древнейших камчадальских и корякских напевов. Это — традиционное под-

ражание крикам чаек, уток («Ахаюшки»). Любителям народного творчества Камчатки хорошо знакомы «Чайки» в исполнении М. Поповой и Е. Уваровой. Им аккомпанирует на бубне известная на Камчатке мастерица национальной вышивки, участница многих областных, зональных и республиканских выставок народного творчества А. Гуторова.

Известные в стране композиторы и музыковеды заинтересовались древнейшим народным искусством. Недавно М. Попова, Е. Уварова и А. Гуторова по приглашению Союза композиторов СССР побывали в Москве, где встретились специалисты фольклора Армении, Белоруссии и народов Севера под председательством Тихона Хренникова. Фольклорной группой народов Севера руководил член Союза композиторов Игорь Бродский.

На этом смотре-прослушивании были сделаны уникальные магнитофонные записи «голосов» птиц («Ахаюшки»). Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» скоро выпустит пластинку с именами наших земляков. Кроме того, исполнения М. Поповой, Е. Уваровой и А. Гуторовой «Ахаюшек» представители прессы засняли на киноленту и запечатлели на цветных фотографиях.

Москвичи показали своим гостям достопримечательности столицы. М. Попова, Е. Уварова и А. Гуторова побывали в Мавзолее В. И. Ленина.

Камчатская правда, 10 ноября 1976 г., № 266

Бубен, свирель, тэлытэл...

Попробуйте припомнить, какие инструменты народностей Камчатки вам знакомы? Наверняка вспомнится знаменитый бубен, возможно, манки из маховых перьев птиц, и то многие не отнесут их к музыкальным инструментам. А между тем у коряков, ительменов, эвенов, алеутов их существует около... пятидесяти. То, что многие неизвестны, объясняется тем, что распространены они не повсеместно, а в отдельных местах полуострова.

Многие инструменты бытуют в чисто практической деятельности северян. Про манки мы уже говорили. А вот колокольчики и бубенчики почти такие же, как и в каждой русской деревне. Они не давали оленям потеряться в тундре, а по особенному звону бубенчиков собачьей или оленьей упряжки северяне издалека распознавали каюров.

В отдельную группу можно выделить инструменты, сопровождавшие всевозможные праздники, танцы, обряды. Так тэлытэл-вертушка

звучал на праздниках нерпы, хололо, благодаренья. Использовался он и для гадания: с помощью тэлытэла пытались выяснить, будет ли предстоящая охота удачной. Мне приходилось встречать разнообразные ритуальные подвески (шаманские колокольчики), пищалку из бересты, манок — «музыкальное перо» на празднике гагары. До этого мы говорили об ударных, духовых и шумовых инструментах. Были у коренных жителей Камчатки и струнные — алеутская балалайка, ительменский двухструнный инструмент, музыкальный лук.

Общей особенностью музыкальных инструментов древней Камчатки является то, что они не успели окончательно выделиться из предметов бытового обихода. Поэтому с исчезновением старого уклада жизни возникает возможность исчезновения ряда инструментов.

За десять лет мне удалось собрать коллекцию народных инструментов Камчатки. О некоторых хочется рассказать подробней. Тэлытэл мы уже упоминали. Но слишком любопытен этот ни на что не похожий инструмент, чтобы не уделить ему ещё несколько строк. Звучал он на праздниках охотников, с виду напоминает пропеллер с продёрнутой через два отверстия верёвкой из крапивы (у ительменов) или ремнём из шкуры морского зверя (у коряков). Ремень закручивали и растягивали.

В переводе на русский язык «тэлытэл» и означает — «вертушка». Раскручиваясь, вертушка издавала жужжащие звуки, повышавшие настроение собравшихся на праздник.

Известно несколько видов тэлытэла. Скажем, эскимосский, тигильский, ительменский. И звучали они каждый по-своему. Этому способствовали особенности конструкции. На лопастях олюторского тэлытэла долбили дополнительные отверстия, вырезали специальные канавки. Тигильчане делали инструмент из берцовой кости оленя и специально зазубривали края. Ительменская вертушка и вертушка подкагерных коряков достигали одного метра в длину.

Бубен знаком, наверное, всем. Но ему сопутствовали и подвесные колокольчики. Это и олюторские праздничные — конкон ангытгэн, и ритуальные — коккон анайэн. В старину их изготовляли из толстого железа, позднее из тонкой жести. Звучали они опять же по-разному: праздничные звонче, ритуальные — глухо. К внутренней поверхности бубна прикреплялись железные кольца. При ударе колотушкой по бубну кольца звенели, дополняя звучание основного инструмента.

Особый род инструментов представляют ольховые, ивовые, рябиновые рожки с тростью из птичьего пера. Мне кажется, что они

появились как заимствование у землепроходцев или поздних крестьян-переселенцев, так как очень напоминают старинные народные инструменты славян.

Очень интересны разнообразные манки. Изготовлялись они из перьев утки, чайки, баклана. Причём некоторые, например, нив'лыкин гыугын якъякэн, делались с удлинённым отверстием, позволявшим регулировать звук. У камчадалов и южных нымыланов описаны свирели из трёх и даже пяти ивовых свистков.

Большую коллекцию камчатских народных инструментов собрал писатель Г. Г. Поротов. В ней много ительменских дудок-коонов, алеутские музыкальные раковины...

Я надеюсь, что многие из них зазвучат в будущем оркестре народных инструментов Камчатки.

Камчатская правда, 12 февраля 1977 г., № 36

Кто изобрёл бубен?

Старик Оттли и я сидим в юкольнике. Пахнет свежим сеном, которое здесь расстелено периной. Тав'ал (юколу) ещё не вносили сюда — рано, не высохла.

Через открытую дверь на нас смотрит тысячами мерцающих звёзд ночь. Оттли рассказывает о прошлом, о трудном деле — рыбном промысле, о запорах, черпушках, мариках. Здесь, в «домике на курьих ножках», уютно и тепло.

Вдруг издалека стремительно вырос гул. Пока я догадался, что это воют собаки прямо под сваями нашего юкольника, раздался грохот совсем другого происхождения — грохот бубна. Я вопросительно глянул на своего собеседника. Лицо его осветилось красным светом от папиросы.

— Сосед мой играет. Собаки завоют — в старину думали, что собаки чуют, как летят зловредные нинвиты, а то и сам Хозяин Вселенной.

— А почему в бубен стучит Энпэн?

— Вот бубном можно было их и отпугнуть. Да и не только выдуманных чертей, — усмехнулся старик, — даже медведя. Правда, надо было знать, как это делается.

Играют на камчатских праздниках на круглом, как полная луна, бубне. Звенят кольца-подвески, мелодично отзываются жестяные колокольчики, дождём стучат по тугой коже крупные красные бусы... «Подержи бубен над огнём костра, ударь — зазвенит так, что на Луне слышно», — говорят коряки.

Играют народные артисты на бубне. Красивый у инструмента тембр: то нежный, как всплеск морской волны, то тревожный — слышны пугливые шорохи в осеннем лесу, то громкий — грохочет бубен, как разбушевавшийся океан...

Бубен известен людям с глубокой древности. У палеоазиатов (древних жителей Азии) — коряков и чукчей — его изготовляли из шкуры оленя, у эскимосов — из желудка моржа, у эвенов и эвенков, как и у жителей Камчатки, — также из оленьей шкуры.

Обод у камчатского бубна — деревянный, у эскимосов он зачастую делался из костей морского зверя. Ительменские колдуны — камы — при своих магических церемониях редко пользовались бубном. Тем не менее, этот факт ещё требует доказательств. Древние ительмены — самые ранние жители Камчатки. Заселив полуостров, они являлись изолянтами, на них очень поздно сказалось культурное влияние смежных племён, знакомых с металлом.

Другое дело — коряки — нымыланы и чавчувены. Те издавна соприкасались с чукчами, юкагирами, эвенами, якутами, нивхами. Многие учёные считают, что оленеводство коряки заимствовали у соседей. Первыми оленеводами были эвенки и эвены. Археологические стоянки исаковской культуры, к которой, по-видимому, и принадлежали предки эвенков, находятся на берегах озера Байкал. Здесь же находятся стоянки более поздней культуры — серовской. Инвентарь стоянки, методы захоронения, элементы духовной культуры, реставрированные академиком А. П. Окладниковым, почти полностью соответствуют орудиям труда древних коряков.

Круглодонная керамика, удочки-дёргалки, сложный лук, гарпуны, кремация умерших и вера в «кругооборот душ» — все эти факты свидетельствуют о том, что культура серовцев схожа с древнекорякской. Серовцы сменили исаковцев. Возможно, исаковцы — предки эвенков, а серовцы — коряков. Древние коряки и древние эвены (относящиеся к тунгусоманьчжурам, как и эвенки) издавна соседствовали и, более того, жили на одной и той же территории (в современной Магаданской области).

Эвены и эвенки имеют бубен овальной формы. Обод его широкий, толстый. В некоторых героических легендах эвенков рассказывается, что ударами бубна отпугивали зверей и птиц, в других — что древние герои пользовались бубном как щитом. Но главная функция (возможно, более поздняя) была ритуальной, шаманской. Шаманизм возник у тунгусоманьчжуров, то есть у эвенков, эвенов, народностей Приморья. У эвенков, например, по материалам этнографа М. И. Суслова, были даже свои культовые жреческие храмы.

Интересно, что и у североамериканских индейцев был бубен. Обод индейского бубна изготовлялся из дерева, шкура применялась от бизона. Их использовали и жрецы, но чаще они служили боевыми щитами. Лёгкие, идеально круглой формы, они были очень удобными. Толстую шкуру бизона не пробивала не только стрела, но и копьё... Такие щиты были у лихих степных наездников — индейцев племени сиу. Ударами по щиту воины пугали врагов, а потом стреляли из луков и копьями обращали их в бегство. Индейский щит — типичный бубен. По диаметру он равен корякскому.

Бубен известен и другим народам: среднеазиатским, индийским, Средиземноморья. Появился ли он самостоятельно, проник ли на Запад в связи с военными походами и нашествиями из Азии, сказать пока трудно. На Дальнем Востоке, на Камчатке, в Северной Америке, в Сибири бубен известен с глубокой древности.

Как всё-таки возник бубен? Кто изобрёл его? После эпохи позднего неолита, в момент разложения родового строя, начинается промежуточный этап в развитии человеческого общества. Рабовладельческий строй ещё не наступил, но расслоение на богатых и бедных уже началось. Этот промежуточный этап характеризуется военными столкновениями племён. Их военная организация достигает высокого уровня, наступательным оружием являются копья, луки со стрелами, палицы, пращи. Защитой от них стал щит.

Щит! Шкура, натянутая на обруч, — самый простой щит. Он защищает воина от камней и стрел. Видимо, щитом-бубном отпугивали зверей. Несколько позже стали отпугивать сверхъестественных существ. В этот-то момент им заинтересовались жрецы-шаманы. Власть шаманов над бубном простиралась не одно столетие. Бубен «помогал» связываться с духами «верхнего неба», с подземными силами. У народностей Камчатки существовали все виды шаманизма: коллективный, домашний, шаманский — «профессиональный». К бубну в старину нельзя было прикоснуться чужому, чтобы его не осквернить.

Ещё в 1960-х гг. автору статьи удалось отметить факт наличия у чавчувенов севера Камчатки двух бубнов: одного для исполнения песен и плясок, другого — для гадания, пожелания хорошей охоты или удачи при кочёвке. Этот факт наглядно показывает, как произошло окончательное изменение функций бубна — от ритуальной к искусству.

В КНО известны бубны круглой и овальной формы, бубны с желобком-резонатором и без резонатора, бубны обычные и бубны для исполнения песен при аккомпанировании сразу двумя руками.

В наше время бубен на Камчатке является музыкальным инструментом коряков, чукчей, эвенов. Корякский бубен видели и слышали Улан-Батор, Берлин, Вена, Париж, Нью-Йорк.

Камчатский комсомолец, 15 февраля 1977 г., № 20

Слушайте песню бубна

— Тата, а что делать с г'эйнэчгыном и гычгныном як'якэн? — спросил мальчик, подняв глаза на взрослого.

— В костёр бросай! Они больше не нужны, праздник окончен, — отвечает оленевод, весело блеснув чёрными глазами. И заканчивает русской пословицей:

— Кончил дело — гуляй смело!

Я выхватываю из уже покрывающегося сизым пеплом костра ивовые рожки, гусиные и утиные манки из перьев, свирели. Мне никто не мешает, а наоборот, смотрят с большим интересом.

— Что, разве у северян были какие-либо ещё музыкальные инструменты, кроме бубна? — удивляются мои городские друзья.

Я не спорю, а рассказываю, что были у народностей Камчатки все виды музыкальных инструментов: духовые, струнные, ударные, шумовые.

— Исчезли?

— Нет, — отвечаю, — ещё многие бытуют и по сей день, но мало кто об этом знает...

Музыкальные инструменты коряков, ительменов, чукчей, эвенов, алеутов, курильцев были распространены по Камчатке не повсеместно, а локально. У каждой из групп коряков, например, были разного типа перья-манки, подвески, колокольчики, бубенчики.

Многие из инструментов бытовали в сугубо практической деятельности. Так, манки из маховых перьев птиц применялись на охоте, колокольчики, бубенчики — как ботало для оленей (чтобы те не потерялись в тундре).

Без музыкальных инструментов не обходится ни один праздник коряков, они сопровождали обряды, танцы, реже — песни. Вот тэлытэл — вертушка, она издаёт шумовые звуки, сопровождала танец нерпы. Пищалки из бересты и перьев — для праздника гагары. Оленеводы знали также инструмент из дерева, напоминающий горн.

Многие инструменты применялись на праздниках и в обрядах, которые выполняли «очистительную», защитную функцию. Все предметы, используемые в обрядах, зачастую и ритуальные, или выбрасывались, или сжигались, так как считалось, что они после

«очищения» людей и животных от злых сил и зловредных нинвитов оставались «нечистыми», впитывая в себя нечисть.

Сделанные специально для обряда музыкальные инструменты сжигались или оставлялись в тундре, на рыбалке. Большой интерес представляют струнные инструменты народностей Камчатки.

Это алеутская балалайка, форма которой близка к русской. Однако струны такой балалайки изготовлялись из китовых сухожилий. Были балалайки с ладами и без ладов. Ительмены мастерски исполняли мелодии на скрипке. Такие скрипки изготовлялись в сёлах Сопочное, Морошечное, Хайрюзово. Второй музыкальный двухструнный ительменский инструмент имел длинный гриф, струны скручивали из жил животных. У коряков, подобно племенам Тувы, был музыкальный лук. Но звук извлекался не стрелой, как у тувинцев, а щипковым методом.

Курильцы, населявшие северные Курильские острова и смешавшиеся с ительменами, играли на двух струнных инструментах: берестяном и деревянном. Деревянный, отдалённо напоминавший скрипку, изготовлялся из цельного куска древесины, имел длинный гриф, пять струн. Вставная прямоугольная дека имела небольшое квадратное или круглое отверстие.

Гамма, которой пользовались народности Камчатки в старину, состояла из пяти основных звуков. И струнные инструменты в большинстве настраивались таким образом. Были в древности и свои духовые инструменты: ительменские кооны, корякские трубки, «поющие» птичьи перья, свирели, свистки, рожки из древесной коры составляют особую группу (до двадцати видов инструментов). Некоторые из них позаимствованы у русских казаков-землепроходцев.

Ритм — основное условие музыки древних. Бубен из оленьей шкуры у коряков, эвенов, чукчей, из желудка моржа и лахтака у чукчей и коряков, ударный инструмент из бересты у камчадалов и эвенский «тамтам» и другие играли огромную роль в становлении музыки и песни камчатских народностей. Долгое время бубен был шаманским инструментом, инструментом для изгнания болезней. Нелегко было «поднять» его на сцену в первых коллективах художественной самодеятельности.

Шумовых инструментов было до полусотни: разнообразные колокольчики-подвески, пищалки и трещотки, вертушки из оленьей кости с многочисленными отверстиями.

Некоторые музыкальные инструменты древней Камчатки ещё не выделились из практической деятельности и не выполняют полностью свою функцию. В связи с тем, что старый быт и традиционные

устаревшие уклады быстро исчезают, возникла опасность, что эти инструменты могут исчезнуть.

Камчатский областной краеведческий музей ведёт планомерную работу по сбору и сохранению их. Уже собрано около двадцати инструментов. Областной Дом народного творчества и ансамбль «Мэнго» заинтересованы в их сборе, так как дальнейшее развитие художественной самодеятельности, камчатских песен и танцев, музыкальной культуры народностей полуострова невозможно без оригинальных народных инструментов.

В дальнейшем на их основе можно будет создать оркестр народных инструментов Камчатки.

За высокие уловы, 2 ноября 1977 г., № 130

Первая скульптура алеута

Эта фигурка изготовлена из мягкой породы, напоминающей гипс. Породу эту обычно называют «мыльный камень». Величина фигурки небольшая — с голубиное яйцо. Фигурка сохранилась не полностью, а только её головка. Скульптура изображает человека, и найдена она при земляных работах на окраине села Никольского. Фотографию этой скульптурки передал в музей Михаил Николаевич Косыгин — председатель Алеутского райисполкома.

Изображение реалистично, работа — безукоризненна! Какого она времени? Быть может, современная? Но тогда ценность её для учёных станет значительно ниже... Ответим на этот вопрос сразу. Несомненно, что скульптурное изображение жителя одного из островов Алеутской гряды — древнее! А именно — оно относится к эпохе неолита, когда уже были известны шлифовка и полировка. Этот археологический образец был извлечён из земли со значительной глубины.

Скульптура очень выразительна: чёткий профиль лица, капюшон камлейки туго затянут на лбу, щеках, под подбородком. Судя по капюшону, надетому таким образом, — это портрет охотника на морского зверя. Причём верхняя одежда изготовлена из хорошо обработанных кишок сивуча и, подобно плащу, не пропускала влаги. Капюшон плотно прилегает к лицу, быть может даже, что он оторочен мехом, надет на шапочку из меха или из перьев. Капюшон несколько увеличивает голову, но полностью повторяет её форму. Поэтому можно сразу определить, что череп натурщика был очень высоким.

Лицо древнего охотника удлинённой формы, суровое. Видимо, этот портрет человека средних лет. Глаза большие, зоркие, брови

широкие, рот большой. И что удивительно в этом лице, так это нос: он не похож ни на прямой нос ительмена, ни на небольшой нос коряка. Он орлиной формы!

Измеряю пропорции лица. Они классические: лоб, нос и подбородок равны. Эти пропорции характерны и для африканца, и для европейца, и для монголоида. Но перед нами древний житель Командорских островов, а именно — острова Беринга, так как он найден в земле именно здесь!

Когда же точно искусный ваятель прошлого, видимо, сам алеут, создал эту скульптуру? Кто изображён в камне? Техника обработки говорит о том, что изготовлена она не ранее двух тысяч, но и не позже пятисот — шестисот лет тому назад.

Внешний облик охотника: хорошо развитые скулы, решительный подбородок, крупные зубы, орлиный нос, высокий череп, характерный для людей, основной пищей которых было мясо. Всё это черты человека алеуто-эскимосской антропологической группы.

В Ленинграде, в Музее этнографии народов СССР, хранится маска «Хозяина Вселенной». Она была найдена на археологической стоянке на Чукотке, в районе обитания древних эскимосов, директором музея, доктором исторических наук Дорианом Сергеевым. Маска представляет собой широкое лицо, вырезанное из дерева, с довольно высокими округлыми скулами, большим ртом и точно таким же носом, как на фигурке из села Никольское. Возраст её — две тысячи лет.

Эскимосы и алеуты близки друг к другу и по языку, сходны и их внешние черты. С другой стороны, известно, что в этногенезе (происхождении) алеутов значительную роль сыграли некоторые индейские племена, для которых весьма характерен орлиный нос.

Уникальная находка, таким образом, является одним из первых скульптурных изображений алеута, который мог быть моряком, рыбаком, но более вероятно — охотником на морских зверей. Орудиями труда и добычи его были лёгкая кожаная байдарка, тонкие длинные копья — «стрелки», двухлопастное весло.

...В глубокой древности, следовательно, алеутам было известно высокое искусство резьбы по камню. Древние мастера воспевали в своих работах человека-труженика.

Алеутская звезда, 4 ноября 1978 г., № 87

От редактора. Материал повторён в журнале «Дальний Восток» (1979, № 11, с. 160) под названием «Портрет древнего охотника», а также включён в альманах «Норд Ост» (1980, № 2, с 76—87) как «Первый скульптурный портрет командорского алеута».

На выставке прикладного искусства народов Камчатки. Петропавловск,

1967 г. Фотографии Г. З. Гайдукевича [КОКМ ОФ 34460/28, 38, 39, 50]

Улляу — деревянное лицо

Нечасто увидишь в наши дни ритуальную маску, разве что в музее или на сцене. Ну, хотя бы во время выступлений знаменитого корякского ансамбля «Мэнго». Но многие ли из тех, кто аплодировал мастерству мэнговцев, задумывались над тем, что маски, используемые артистами, многие века были непременной деталью культуры северян.

Ритуальные маски встречаются у многих народностей Севера. У коряков, например, без масок не обходились обряды на праздниках нерпы, кита, хололо. Изготовляли их из различных материалов, однако самой популярной была маска из дерева, а ещё точнее — из ольхи. Правда, мне приходилось встречать маски из берёзы, ивы, даже кедрача.

Формы масок также были различны. Карагинцы предпочитали овалы из ольхи, сохраняя кору наверху и на месте носа. Аккуратно вырезались отверстия для глаз и рта. Маска крепилась ремешками. Женские маски полагалось делать более широкими, чем для мужчин. Но иногда, например, на известном празднике хололо, ряженые должны были выходить парами, изображая мужа и жену, потому и маски делали одинаковыми. Неукоснительно соблюдалось основное условие — человек, скрывавшийся за деревянной поделкой, до конца праздника не должен быть опознан сородичами.

В старину карагинцы делали маски удлинёнными. Порой они достигали пятидесяти сантиметров. Черты маски были подчёркнуто гротескны. Коряки западного побережья Камчатки готовили свои маски гораздо тщательней. «Лица» их делались выпуклыми, на «щеках» женских масок появлялись «румяна». Но такие подрумяненные маски надевали и мужчины.

Любопытно смотрятся маски коряков-алюторцев, Их не привязывали ремешками, а держали за специальную ручку. Углём или чёрной краской рисовались борода и усы.

Совсем не удивительно, что оленные коряки — чавчувены, кочевавшие по всей Камчатке от нынешней территории Быстринского района до Аянки, вырезали маски из кожи оленя. На зимних праздниках оленеводов в них исполнялись традиционные обряды. На оленью кожу нашивались «брови», «усы» и «волосы».

Я уже упоминал, что важнейшим условием праздников, требовавших обрядовых танцев с масками, считалась анонимность ряженых. И вот почему.

Обряды начинались исполнением пантомимы — имитировались охота на нерпу, лахтака, сивуча, семейные сцены, воспитание ребёнка. Вооружившись деревянными посохами, ряженые наказывали молодёжь, нарушившую обычаи своего стойбища. Эти мрачноватые обязанности ряженых этнографы наблюдали ещё в 1930-е гг. Перед окончанием обряда ряженые — улляу («деревянное лицо») должны были ещё изгонять из жилищ зловредных существ — нинвитов, якобы обитавших рядом с людьми. А во избежание мести нинвитов им приходилось тщательно скрывать лица. Но была и третья, более земная причина.

Поздно ночью ряженые забирали из юкольников и складов богачей или тех, кто не пользовался авторитетом, отличался жадностью, часть запасов — юколу, мясо, жир, ягоду. Всё это раздавалось на празднике, причём бо́льшая доля выделялась беднякам.

Таким образом, ряженые в деревянных и кожаных масках играли немаловажную роль в жизни кочевого общества. Однако роль их в традиционной культуре коряков была, пожалуй, негативной, так как полностью была подчинена культовой обрядности и первобытным верованиям.

Зато в наши дни без страха можно смотреть на танцовщиков в масках. Улляу из «Мэнго» побывали на многих сценах мира и всюду встречались аплодисментами.

Камчатская правда, 11 ноября 1978 г., № 258

Наша история

Карагинский район в древности представлял собой арену борьбы племён разного происхождения. Здесь, на юге, проживали ительмены, на севере — алюторцы. На острове Карагинском — отдельная этническая группа островитян. В XVIII в. с севера на территорию района пришла группа оленеводов-чавчувенов чукотского происхождения. Некоторые названия мест, рек, гор района имеют эскимосское происхождение. Здесь встречаются фрагменты глиняной посуды — керамика, характерная для самых южных насельников Камчатки (мыс Лопатка), «бородатых, усатых людей» — курильцев. В результате ассимиляции, слияния разных групп образовались карагинцы. В последние два столетия огромное влияние на карагинцев оказывают коряки северной части округа и русское население.

Интересна керамика карагинцев. Здесь преобладает традиционная глиняная посуда, характерная для коряков вообще. Она круглодонна,

на ней отпечатки сетки. В верхней части, там, где венчик, — отверстия. Она найдена в долине реки Караги, лагуне реки Макаровки, в Карагинской бухте, на стоянке «Тавэлямту», в селе Карага, на стоянке «Кэгенгэйнэн». Здесь же автор находил миниатюрные круглодонные жирники с ручкой, сделанные из глины. Посуда также круглодонная, однако она украшалась налепом из глины с красивым штампом. Такой налеп характерен для североохотоморской культуры, но та керамика была с плоским дном.

На стоянке в окрестностях посёлка Оссора найдены уникальные обломки керамики. Ручки у этих горшков были изнутри, сделаны из смеси глины с песком. Донце не сохранилось. Но есть все основания думать, что оно было плоским. Эта керамика, по-видимому, курильская. А ручки делались изнутри для того, чтобы не перегорали бечёвки, на которых подвешивался котёл над костром.

В селе Тымлат проживает группа алюторцев, керамика у их предков была с множеством налепов-валиков. Такая же керамика была у рекинникцев, пенжинцев и древних жителей Восточной Якутии (доякутское население).

Таким образом, древние карагинцы имели связи с северной частью Охотского побережья, с населением западного побережья Камчатки, с коряками-пенжинцами, а также и с курильско-ительменскими группами. Интересно и то, что вся керамика сделана из местных глин. Из этих глин в районе она может изготовляться и сегодня. Глины могут использоваться также в строительстве. Так древняя археология может служить современному хозяйству.

Путь Ильича, 29 августа 1979, № 103

Пушки и ядра
(к 125-летию со дня Петропавловской обороны 1854 г.)

В фондах Камчатского областного краеведческого музея имеются три пушки и несколько десятков ядер разного калибра, собранных на территории центра города Петропавловска и в Алеутском районе.

Более десятка ядер калибра сто пятьдесят миллиметров найдено на Мишенной и Никольской сопках в центре города. Эти ядра свободно подходят к морскому орудию, выставленному перед зданием музея. Орудие массивное, длина его три метра и пятнадцать сантиметров, внешний диаметр конца ствола («раструба») — тридцать шесть сантиметров. Калибр составляет двадцать четыре фунта. Точно такой калибр был и у пушек русского фрегата «Аврора»,

принявшего самое активное участие в обороне города от нападения англо-французской эскадры в 1854 г. Орудие это подлинное. Однако музейный экспонат был отлит после обороны, в 1860 г.

В мае текущего года в наш музей поступило чугунное ядро калибром сто сорок пять миллиметров, найденное на глубине около полутора метров на Озерновской косе, на месте строительства набережной у Култучного озера. Ядро принесли экскаваторщик С. Кипаль и рабочий О. Фёдоров.

Во время обороны героизм проявили все защитники города, но особенно канониры семи батарей, охранявших подступы к главному русскому порту на Тихом океане. Героем обороны был и командир батареи № 3 Александр Максутов. Батарея находилась на перешейке между Никольской сопкой и Сигнальным мысом (в то время перешеек называли «Ла-Перуз», так как там был воздвигнут памятник в честь французского мореплавателя, побывавшего в нашем городе в 1787 г.). Семь батарей города были размещены в стратегически важных пунктах, имели опытных командиров. Но пушки их были разнокалиберны, не хватало ядер, пороха. На каждую пушку приходилось по тридцать семь зарядов (из книги «Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г. Сборник воспоминаний, статей, писем, из официальных документов», составитель Б. П. Полевой, 1979 г., Петропавловск-Камчатский, с. 15—17). Здесь были ранены почти все артиллеристы, обслуживающие батарею. Умер от ран и командир, которому ядром оторвало руку. Прямыми попаданиями пушки были сбиты с лафетов, засыпаны землёй. К столетию Петропавловской обороны батарея была восстановлена, а пять её пушек отлиты на судоремонтной верфи имени В. И. Ленина по музейному образцу. Кстати, к этой пушке подходит и ядро, найденное на Озерновской косе, и пустотелое ядро (остался осколок — примерно четверть ядра), которое имело два отверстия разного диаметра. Оно было наполнено порохом и представляло собой бомбу. На фрагменте сохранились следы от бризантного разлёта мелких осколков при ударе о камень или металл.

Мала вероятность того, что русская бомба взорвалась в городе. Скорее всего, найденный осколок принадлежал неприятельской пушке. Но и у русских были такие же ядра. Свидетельством тому является вышеописанная морская пушка. На её хвостовой части начертана фамилия литейщика — «Егоров» (некоторые авторы считали, что в петровское время пушки крупного 36-фунтового калибра в России не отливались. По данным историка русского флота Ф. Веселаго, уже в сражении при Гангуте 1714 г. такие пушки были.

В 1767 г. русский флот имел восьмидесятифунтовые пушки, вес ядра тридцать два килограмма).

В экспозиции Камчатского областного краеведческого музея представлена пушка с батареи № 1, что находилась на мысе Сигнальном. Вернее, её часть — ствол был отбит во время боя, сохранилась только казённая часть.

20 августа 1854 г. в девять часов утра английские и французские фрегаты открыли огонь по первой и четвёртой батареям. Полтора часа сражались русские артиллеристы, обслуживавшие восемь орудий. Расчёты орудий трёх фрегатов и одного парохода неприятеля были вышколены, натренированы. Восемь русских орудий против восьмидесяти неприятельских!

Свистели ядра, рвались бомбы и гранаты. Орудия Сигнальной батареи были сбиты с лафетов, их крепёжные канаты были до самых колёс засыпаны землёй, что не позволяло повернуть пушки в сторону неприятеля.

Можно предположить, что орудие, которое находится в экспозиции музея, могло быть взорвано специально. (Опасаясь высадки неприятельского десанта в шестьсот человек у Красного Яра (Красная Сопка) с целью захвата города, командующий обороной генерал-майор Завойко, наблюдавший за сражением с Сигнального мыса, передал пушку батарее. Когда же назревала опасность, пушки заклёпывали, закапывали в земле или взрывали.)

Четыре ядра, найденные в городе, точно подходят к пушке с Сигнальной батареи. Их калибр три и треть фунта при диаметре ствола шестьдесят семь миллиметров, но в книге «Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.» указано, что на Сигнальном мысе были только пушки тридцатишестифунтового и двухпудового калибра.

Одно из четырёх ядер — с полостью, куда засыпался порох. Это граната образца 1854 г. В неё вставлялся тлеющий фитиль и производился выстрел. Граната могла взорваться в стволе орудия и разорвать его. Все эти ядра с плохо зачищенными заусеницами, под окалиной — усадочные раковины: в конце XVIII — начале XIX столетия пушечные ядра отливались недостаточно хорошо, станки быстро ломались, плохо изготовленные орудия взрывались, калеча людей, образуя пожары. По свидетельству современников, у защитников Петропавловска преобладали старые мелкокалиберные пушки, стрелявшие чугунными ядрами. По-видимому, эти ядра, как и пушка, были сибирской работы. Более мелкие ядра калибров сорок семь, пятьдесят три и шестьдесят миллиметров, собранные в городе, отли-

вались в опоках из двух половин. Эти ядра в тех трудных условиях могли заряжаться в любую пушку бо́льшего диаметра.

Уникально полированное ядро из мрамора. С XVI в. чугун успешно вытеснял камень. Но на Камчатке, ранее отсталой окраине царской России, каменные ядра могли сохраняться со времён первых русских казаков-землепроходцев. Калибр этого ядра — сто тридцать миллиметров. Можно предположить, что ими стреляли медные пушки (девять штук), зарытые в землю перед началом нападения и извлечённые только в 1881 г. Однако калибр медных пушек пока ещё не известен.

В музейной коллекции имеются два огромных чугунных ядра калибром двести тридцать миллиметров. Они характерны для пушек середины XIX столетия. Одно из них — цельное, другое — полое, но заполнено зажигательной смесью и запломбировано болтом с квадратной шляпкой. На стыке головки болта и поверхности ядра выступила натечная масса белого и цвета медного купороса. Основной её компонент — селитра. Купоросный же цвет связан, по-видимому, с медной трубкой, запрессованной в ядро. Трубка могла служить своеобразным капсюлем или ударным устройством. Такого типа ядро называли брандскугелем — «зажигательным ядром». С 1767 г. русский флот имел на своём вооружении брандскугели и бомбы. Но русские моряки больше предпочитали бомбы с неударными трубками (они были надёжнее).

Автор статьи «Петропавловский бой» капитан 3-го ранга В. А. Звонарёв, описывая пушки защитников города, отмечает, что шестая батарея у Култушного озера имела четыре батарейные пушки, стрелявшие картечью. В музее хранится картечь, литая из чугуна. Она также формировалась в опоке и была двух калибров: двадцать два и тридцать миллиметров.

Несмотря на преимущества неприятеля в личном оружии, защитники города в самый решительный момент — в яростной схватке на Никольской сопке (ительмены называли её Ниакинской) в нескольких рукопашных схватках при помощи полевой пушки малого калибра, стрелявшей картечью, разгромили превосходящего по силам противника.

В рапорте камчатского военного губернатора генерал-майора В. С. Завойко о разгроме англо-французского десанта приводятся следующие цифры: в нападении на город участвовало около девятисот человек противника. Десант отразили двести девяносто «нижних чинов», «что самое может свидетельствовать о храбрости отрядных командиров и их команды». Среди защитников города

были камчадалы, ительмены и коряки, которые вместе с русскими стояли на страже своей родины.

Исследование калибров ядер и пушек защитников Петропавловска пока ещё далеко не завершилось. В дальнейшем можно будет ещё более определённо сказать о пушках и ядрах, найденных на Камчатке, и, следовательно, рассказать о героизме наших славных предков, охранявших и защищавших самые восточные рубежи русской земли.

Рыбак Камчатки, 9 сентября 1979 г., № 106

Древняя керамика

В глубокой древности на территории современного Тигильского района проживали предки древних ительменов. Тогда это были неолитические племена. На их основе сложились этнические группы юго-западных и северо-западных ительменов.

Как известно, у ительменов не было своей керамики: глиняных горшков, мисок, кружек. Археологи и этнографы считают, что их культура была «докерамической». Однако автором найдено в окрестностях Коврана и Тигиля, на берегу Охотского моря, в устьях рек ряд обломков керамики. Это фрагменты круглодонной посуды, которая ближе всего к корякской. Посуда имеет прямой венчик, тулово её может быть высоким или низким, стенки толстые. Такая посуда лепилась без гончарного круга, вручную. В ней варили мясо. Некоторые образцы её и напоминают «нелепную» керамику (или даже «шнуровую») северных соседей тигильчан — жителей села Рекинники и даже села Старая Каменка, которые находились недалеко от Манил.

Исторические факты свидетельствуют о том, что в позднее время (во второй половине второго тысячелетия н. э.) древние коряки пришли на земли тигильских ительменов и утвердились в окрестностях современного села Ковран на правом берегу одноимённой реки. В дальнейшем они частично ассимилировались с ительменами.

В Тигильском районе найден также обломок плоскодонной посуды с ручками изнутри. Такого типа котлы и горшки и по настоящее время мы находим на мысе Лопатка, на берегу Авачинской губы и даже в Оссоре. Они принадлежали курильцам — коренным жителям северной части Курильских островов и Южной Камчатки. Курильцы были невысокого роста, смуглые, мужчины походили на меланезийцев или даже на австралийцев: они старательно ухаживали за длинными волнистыми волосами, пышными бородами и уса-

ми. Потом эти племена смешались с ительменским населением. Их керамика была усвоена предками тигильских коряков (курильцы пришли на Камчатку в XV—XVI вв.).

Таким образом, керамика тигильчан имеет разное происхождение. В свою очередь, она помогает более точно сказать, когда и какое влияние испытали на себе древние ительмены.

Знамя Ленина, 20 октября 1979 г., № 88

Музыка ительменов

В середине XVIII столетия на территории современного Усть-Большерецкого района проживали ительмены группы кыхчерен (в переводе означает «большой реки жители»). Это племя граничило с небольшим народом, проживавшим на Северных Курилах и на юге Камчатки, в районе Курильского озера, и называвшим себя «курильским народцем». В это время и русские именовали их курилами или курильчанами.

Носители древней культуры, рыбаки и охотники — курильцы оказали некоторое влияние на ительменов племени кыхчерен.

Так, кыхчерен усвоили технику изготовления глиняной посуды с плоским дном, позаимствовали кое-какие темы орнаментов, струнные музыкальные инструменты. При этом язык большерецких ительменов (этнографы называют их южными) подвергся незначительному влиянию.

Курильцы пришли на Камчатку сравнительно недавно — в XV в. На островах Шумшу и Парамушир или несколько южнее они, по моему мнению, возникли как особая этническая группа. Их «родственники» — айны (также называли «мохнатыми курильцами») проживали на Южных Курилах. Они проникли на север, смешались с ительменами, которые обитали на островах Шумшу и Парамушир. Так образовались курильцы.

У большерецких ительменов бытовали своеобразные музыкальные инструменты из сухого стебля борщевика (русские называли это растение «пучка»). Это — кооны, кыхмзели, кларнеты — пустотелые трубки, издававшие звуки своеобразной модуляции. Позже у них появились свирели, свистульки и даже рожки, изготовленные из коры деревьев. Эти инструменты были заимствованы у первых казаков-землепроходцев и русских поселенцев. Основу оркестров обычно составляют струнные, духовые и ударные инструменты.

Таковые были у большерецких ительменов.

Русские принесли на Камчатку рожки, свирели и даже струнные — разновидность балалайки с маленьким резонатором и большим грифом (струны были жильные). А влияние курильцев сказалось в том, что у большерецких ительменов появился своеобразный струнный инструмент с пятью струнами, без ладов. Вид его необычный, отдалённо напоминал меч. Инструмент имел несколько разновидностей: на больших играли лучковым смычком, на малых — медиатором из китового уса. Инструмент назывался кыхчерен.

Сотрудники Камчатского областного краеведческого музея собирают и восстанавливают музыкальные инструменты народностей Камчатки. Так, у нас имеется коллекция музыкальных инструментов усть-большерецких камчадалов — потомков ительменов, проживавших на территории района.

Ударник, 7 февраля 1980 г., № 18

Музыкальные инструменты ительменов

Сейчас в Тигильском районе проживают практически все ительмены Камчатки — самое древнее население полуострова. Предки ительменов жили на земле вулканов и гейзеров уже более пятнадцати тысяч лет тому назад. К приходу на Камчатку первых русских казаков-землепроходцев у ительменов было четыре основных группы. Ительмены имели свой диалект, характерные для них антропологические черты, материальную и духовную культуру.

Затем произошло смешение части ительменов с коряками, двигавшимися с севера, произошло также смешение ительменов, относившихся к группе линглин, с ительменами группы кыхчерен (усть-большерецкие). Отмечается, что тигильские ительмены были на редкость музыкальны. У них существовали свои свистки и свирели, различные «поющие трубки» из таких растений как борщевик. Несколько позже появились музыкальные рожки из коры ивы, рябины, ольхи. Изготовлялись такие рожки весной. Кора, снятая с молодого дерева или его отдельной ветки, сворачивалась в рожок, который в таком виде хорошо высушивался. Рожки преимущественно имели коническую форму. Широкая часть его служила раструбом, усиливавшим звук, в узкую вставлялось перо лебедя, гуся или чайки. На мастерски изготовленном таким способом инструменте можно было исполнить нехитрую мелодию (такие инструменты можно отнести к духовым деревянным).

Мембранные же инструменты изготавливались преимущественно из борщевика. В трубке растения тщательно срезалась корка так,

чтобы оставалась лишь тонкая плёнка, которая при извлечении звука вибрировала. Трубка второго типа звучала благодаря специально вырезанному язычку. Именно такие инструменты были преимущественно у тигильских ительменов. Их музыкальные трубки с вырезанным отверстием, подобным отверстию свирели, хорошо изготовляли и продолжают изготавливать для своих земляков умельцы Л. Жуков и Г. Запороцкий из Коврана, С. Притчин из Седанки. Их инструменты отличаются высоким качеством изготовления, хорошими музыкальными свойствами, чем-то напоминают инструменты народностей Средней Азии и Башкирии.

Богат музыкальный фольклор ительменов, коряков и эвенов, проживающих в Тигильском районе. Использование этих инструментов при подготовке концертов художественной самодеятельности, несомненно, позволит значительно обогатить репертуар, дать дальнейшее развитие богатому самобытному национальному искусству.

Знамя Ленина, 21 июня 1980 г., № 51

На чём плавали древние камчадалы

Мало кто знает, что народности Камчатки с древнейших времён знали несколько десятков плавательных средств. Это — плоты, челны, байдары, лодки. Они были оснащены шестами, вёслами, парусами. Эти суда изготовлялись не для развлекательных прогулок. На них ходили на суровый морской промысел ластоногих, каланов, китов. На них сражались с врагами, что зафиксировано, например, в легенде о побоище коряков-карагинцев с «морскими людьми» острова Карагинского. Ездили на судах в гости друг к другу. В сказаниях, записанных автором, отмечено, что алюторцы и даже эскимосы и чукчи достигали рек Караги, Ивашки и Озерной (восточной).

Культы «морских хозяев» были у алеутов и эскимосов — самых морских народов. Коряки, чукчи, ительмены и курильцы бросали морю жертвы, дабы погода была хорошая, просили посылать побольше нерп и китов. Коряки, юкагиры, эвены также имели достаточно приспособленные плавательные средства — лодки, каюки, байдарки.

До настоящего времени не совсем ясно, когда и где появились первые плоты, челны, лодки, корабли, умели ли древние или их предки — люди палеолита и неолита — пересекать моря и океаны, как они заселили Австралию, Америку, Полинезию, Микронезию, Меланезию, Камчатку, Сахалин.

Большинство учёных считает, что это произошло совсем недавно, одну-две тысячи лет тому назад. Однако археологи, в отличие от некоторых этнографов, это время удревняют в несколько раз: ведь континенты и острова были заселены тысячи, десятки тысяч лет тому назад.

В предлагаемом автором цикле материалов, собранных им на полуострове за шестнадцать лет поисков, командировок, археологических раскопок, в архивах, делается первая попытка описать и осмыслить увиденное, найти взаимовлияние разных народностей, отметить уникальность и определить, пока очень приблизительно, время появления у коренных жителей полуострова тех или иных плавательных средств.

В дальнейшем можно было бы восстановить их в виде моделей или в натуральную величину, а при заинтересованности спортивных кругов области возродить эти суда в качестве спортивных.

Плот о трёх углах? Собирая этнографический материал для фондов музея в сёлах Парень и Микино Пенжинского района и беседуя со старожилами-коряками, потомками древних мореходов, охотников на ластоногих, я находил неоднократные подтверждения известному науке удивительному факту: по рекам, озёрам, лагунам, а иногда даже в мелководной зоне северной части Охотского моря предки пенжинцев плавали на плотах из трёх брёвен.

— Плот из трёх брёвен? Он же перевернётся, — переспросил я пожилого рассказчика.

— В детстве это было. Давно. Да и плота я не видел, а отец мне рассказывал. Были треугольные плоты...

— Рассказ ваш больше на легенду похож, нежели на правду, — сказал я.

— Конечно, я не видел, — спокойно отвёл мой довод рассказчик. — Но такой плот как раз остойчив на воде и не мог перевернуться, потому что он был треугольным, на нём плавали в ледоход по рекам и по морю...

— На чём же сидели? — для видимости пытался спросить я.

— Наверное, на настиле...

Да, на северо-западе Камчатки был треугольный плот. Здесь, на границе обитания древних коряков, чукчей и юкагиров — автохтонного населения этих мест, родилось искусство плавания на плотах треугольной формы. Об этом есть свидетельство и видных этнографов.

Преимуществом такого плота было то, что любой из трёх углов мог стать «носом» корабля, а противоположное ему бревно — «кор-

мой», что давало возможность лавировать среди льдов. На плоту можно было грести как в середине, так и снаружи, и весло по этой причине было основным орудием, хотя древние пользовались и шестом. Треугольный плот наиболее устойчив на плаву, прост в управлении и изготовлении.

Однако плот такого типа трудно назвать обычным, ведь это почти корабль или, по крайней мере, нечто более сложное, нежели плот. У него есть нос, корма, палуба. На нём легче править вёслами, нежели шестом... Кто же был носителем традиции треугольного плота на северо-западе Камчатки? По-видимому, первоначально это были юкагиры и контактирующие с ними пенжинские коряки. О таких контактах говорят сами за себя орнаменты, некоторые лингвистические особенности языка, строения жилища и другие черты, общие для юкагиров и пенжинцев. И таким образом, старожилы-коряки действительно могут помнить предания своих предков о таком плоте...

В семидесятых годах XVIII столетия английский мореплаватель Джеймс Кук пытался пройти проливом между Австралией и Большим Барьерным рифом. Здесь его команда встретила упорное сопротивление аборигенов. Два охотника, не желая допустить чужаков на свою землю, подожгли сухую степь, а сами, уходя от лавины огня, оттолкнулись от берега, ушли в море на плоту.

Каково же было удивление моряков, когда они увидели, что плот треугольный, связанный из трёх брёвен. Коренные жители Австралии — аборигены, как известно, древнейшее население планеты, сохранившее материальную культуру, восходящую к палеолитическому времени (пятнадцать — двадцать тысяч лет тому назад).

Но и другие народы — рыбаки Южной Индии и Восточной Африки, более поздние по своему происхождению, по настоящее время изготовляют из связанных брёвен подобные «лодки».

Древние юкагиры и коряки, конечно, были знакомы с обычным, связанным из параллельно расположенных брёвен плотом, в более позднее время — с выдолбленными из древесных стволов челнами. Но треугольный плот, по-видимому, одно из древнейших плавательных средств народностей Камчатки. Его возраст — неолит. Уже несколько тысяч лет тому назад континентальные охотники вышли к берегу Охотского моря и сначала робко, а потом всё активнее начали осваивать его акваторию.

Тымитэм. «Хорошие плоты вязали. Крепкие. Для этого применяли лыко или тальник. Плавали по озёрам или по реке, где тихое течение. Как назывался? — Тымитэм...»

Мы беседуем с Сергеем Притчиным из села Седанка Тигильского района. Он — ительмен по национальности, музыкант по профессии, мой старый друг...

В старину ительмены пользовались плотами повсеместно. Устойчивый на плаву, большой грузоподъёмности, плот был незаменимым для перевозки собранных на лугах, в долинах рек связок кипрея и борщевика, мягкую часть стебля которых заготавливали впрок или потребляли с рыбой, берестяных туесов с ягодой. На нём ездили на птичьи базары или на места гнездовий за птичьими яйцами, перевозили туши добытых зверей.

На плот могла сесть вся семья с малыми детьми и стариками, так как поездка на нём была абсолютно безопасной.

Плот вязали из нескольких брёвен. Н. К. Старкова из ительменского села Ковран, кандидат исторических наук, сотрудник Дальневосточного научного центра Академии наук СССР, этнограф, описывая быт и обычаи земляков, сообщает, что плоты изготовляли из четырёх — шести стволов, связанных между собой. Л. Н. Жирков, прекрасный знаток ительменской старины, в 1971 г. рассказал автору, что его родители пользовались специальным заточенным с конца шестом. Брёвна для плота затачивались также, но с двух концов и вязались «размочаленной» ивой или берёзкой, а иногда и лыком минимум четыре раза.

Факт, что у шеста затачивался опорный конец, говорит о том, что плавали по рекам с песчаным и каменистым дном, по-видимому, не реже, чем по озёрам. Двусторонне затёсанные брёвна плота, конечно, способствовали его высокой обтекаемости. Это также могло быть связано с использованием плотов древних ительменов на реках.

Шест был универсальным орудием для озёр и рек. Отталкиваться в условиях более низкой обтекаемости гораздо продуктивнее, нежели грести. Шест должен был быть крепким, сухим, а его заточенный конец — иметь значительную площадь опоры, так как дно озера обычно довольно вязкое. Лёгкость шеста не только облегчала физическое усилие рук плотогона: лёгкий шест «сам» выскакивал из воды...

Относительно датировки появления традиционных плотов Камчатки возникает вопрос: какие плоты древние? Подпрямоугольные ительменского типа или треугольные?

Мне думается, что подпрямоугольные, ительменского типа. Треугольные же, несмотря на свою древность, являются более сложными в конструкторском отношении.

В свою очередь, плот с заточенными концами брёвен — явление также не самое древнее. Более ранний плот был из случайно собранного материала. Каменным же топором (возраст клиновидного топора более десяти — тринадцати тысяч лет, возраст округлого — более пятидесяти тысяч лет), лезвие которого имело клиновидную форму, дерево срубалось таким образом, что и пенёк, и ствол после порубки приобретали коническую форму.

Таким образом, плот ительменского типа появился не ранее появления клиновидного топора. Но его более примитивный предшественник — гораздо раньше.

Чёлн, украшенный инау. В Камчатский областной краеведческий музей поступил интересный экспонат: небольшая модель лодочки, вернее, челна, выскобленного из половинки продольно расколотой чурки. Экспонат передала в наши фонды доктор биологических наук, лауреат Государственной премии СССР Фаина Владимировна Крогиус. Она отдала много сил и времени изучению экологии лососей Камчатки. Уникальный чёлн в некоторой степени близок, созвучен теме научной работы учёного. Дело в том, что он был характерен для рыболовов-курильцев, небольшого народа, проживавшего на Северных Курилах и Южной Камчатке. Местом их обитания было Курильское озеро. Но археологические следы этого народа, образовавшегося от слияния ительменских и айнских этнических групп, находят и несколько севернее...

Внешне модель челна выглядит так: нос и корма вытянуты в виде сужающихся к концу лопастей, на поверхности которых наклонённые канавки. По ним стекала вода, попавшая на корпус челна. Рабочая ёмкость челна напоминает деревянное корыто: она неглубокая, борта пологие, сидеть здесь удобно, просторно.

Всё это наводит на мысль, что чёлн изготовлен не выдалбливанием, а выжиганием. Следовательно, и эта хорошо продуманная форма приспособлена для мореплавания. Это средство мореплавания имеет глубокую, более чем тысячелетнюю историю.

Вот ещё факты, доказывающие, что так оно и есть.

В центре челна сидит мужчина. У него пышные волосы, борода и усы. На голове шапочка. В руке он держит весло. Но какое! — в виде большой дубинки, на которой сверху вниз прорезана винтообразная резьба. Конец весла заточен и имеет форму грубого клина или колуна. Чем занимались люди, плавая на таких челнах? Зачем им такие вёсла?

Оказывается, такое весло само двигается в руке: опусти поглубже в воду — оно выскакивает из воды, как пробка. Чуть разожми

пальцы — весло, вращаясь, стоит вертикально. В воду не упадёт, и грести удобно.

Вдруг вынырнула из воды морская выдра (калан) или морской котик — объекты охоты курильцев, — тогда весло становится охотничьей дубинкой. Удары по добыче были очень сильными, так как «резьбовое ребро», имея острый край, концентрировало силу удара. Если крупное ластоногое вело себя агрессивно — орудие становилось оборонительным. Тогда от зверя отбивались топорообразным концом курильского весла. Весло, носившее функцию охотничьей дубинки, может, метательного орудия (их этнографы называют «невозвращающимися бумерангами»), безусловно, было очень удобно. Добывая зверя, не надо было терять время для смены весла на дубинку. С другой стороны, когда одно орудие несёт много функций, то считается что оно весьма архаично, древнее.

Корма и нос лодки были абсолютно одинаковы. И в этом смысле два гребца, стоящие на носу и корме, никогда круто не поворачивали своё судёнышко. Надо повернуть — гребут в противоположную сторону. Вот тебе нос и становится кормой!

Судёнышко, несмотря на кажущуюся неустойчивость, мореходно. Этому способствовали отточенные обводы корпуса.

И последнее: на носу и корме курильцы высверливали отверстия, куда вставляли инау — палочки, которые строгали небольшим мужским ножиком так, что стружки оставались в виде завитков, напоминающих волосы и платье человека. Инау — ритуальные предметы, ведущие своё начало, пожалуй, от неолита...

Таким образом, традиционный чёлн жителей Северных Курил и Южной Камчатки имеет внушительный возраст. Он чаще встречался у южных родственников курильцев — айнов. У курильцев уже в XVI—XX столетиях преобладали челны ительменского типа. Они имели высокие борта и длину до десяти метров. Плавали на них также по два человека, но пользовались как шестами, так и вёслами. На таких батах работать можно было и стоя, и сидя. Они были очень устойчивыми.

Последний факт даёт обоснованный повод считать курильцев народом, возникшим от слияния айнов и ительменов (наряду с антропологическими, этнографическими и лингвистическими данными).

Корякские плотогоны. С глубокой древности коряки пользовались плотами, которые изготовлялись в верховьях рек и на них сплавлялись вниз по течению. Летом и осенью оленеводы и рыбаки за какой-то час вязали плот и смело пускались в рискованное

плавание. Для плота собирали сухой плавник, принесённый паводком на песчаные острова, речные косы, или рубили сухие деревья.

Плоты из плавника, куда включали также и хлысты небольшого диаметра, укладывали двумя-тремя накатами: зачастую каждое бревно привязывали к другому отдельной короткой верёвкой. Такой плот был очень крепким. Иногда наскоро вязали цельным шнуром или даже чаутом — арканом для отлова оленей. Паланские коряки изготовляли их из специально срубленных деревьев. Вязали тремя-четырьмя верёвками или пряслами из витого тальника (реже берёзы), подобно ительменским плотам.

Но в древности срубить ствол дерева каменным топором было делом непростым, поэтому в те времена плот, по-видимому, бытовал исключительно из плавника. В эпоху железа железный и стальной топор поспособствовали появлению бревенчатых плотов. Но размеры плотов диктовала река. Если река была большой — его делали подлиннее, если быстрой — то почти квадратной формы. Правили всегда шестом.

Иногда после спуска в воду плот определённое время (от нескольких часов до суток) ставили на прикол, чтобы брёвна «отяжели» и плот стал более остойчивым. На плоты этого вида обычно грузили вещи, утварь, одежду. У коряков плот назывался *тымитэм* — как у ительменов и чукчей. Этнограф Н. К. Старкова считает, что общее название плота у этих народов свидетельствует об их древних контактах. И с этим нельзя не согласиться. В настоящее время можно достаточно точно сказать о контактах предков коряков и чукчей с ительменами. Это произошло не менее тысячи лет тому назад, но и не более двух тысяч. В этот промежуток времени у коряков уже были такие плоты, которые использовались для перевозки грузов. По свидетельству жителя Паланы Николая Новикова, который работал в оленеводстве, его земляки неоднократно пользовались плотами, переправляясь по рекам на плотах, укладывая на них орудия охоты, рыболовства, мешки-калаусы с вещами. Люди же садились на челны-баты, брали с собой продукты и так сопровождали старинный надёжный плот.

У коряков были грузовые плоты и другого вида. Этот плот отмечен доктором исторических наук И. С. Вдовиным, он применялся для транспортировки пойманной лососёвой рыбы. В 1960-х гг. такой плотик удалось увидеть в Олюторском районе и автору и записать некоторые сведения.

Для сплава свежевыловленной лососёвой рыбы применялось трёхпятиметровое бревно, к которому привязывались толстые раздвоенные

ветви так, что их часть находилась сверху бревна, а ветки, побеги — в воде. Ветки накрепко привязывались к бревну ивовыми прутьями. К веткам, находящимся в воде, привязывали рыб. Так рыба доставлялась живой. Плотик сплавлялся по реке вслед за батом или грузовым плотом. Само по себе такое приспособление ещё не является плотиком. Однако алюторские коряки (от слова «алютора» — островной), которые были прекрасными мореходами, освоившими и заселившими северную акваторию Камчатки, рассказали автору, что такие плотики для рыбы иногда связывали из двух толстых длинных брёвен. Плот такого типа был остойчивым и нёс на себе не только улов лосося за несколько дней, но и самого рыбака.

Корякский бат-атваат. Древнейший народ севера Камчатки — коряки — происходит из разных в генетическом отношении этнических групп. Проживают они на территории Камчатки не менее двадцати столетий, а быть может, и больше. Однако изучение быта коряков и археологические раскопки, проведённые автором, свидетельствуют, что эти группы к XX столетию сблизились настолько, что коряки сплотились в один народ.

Предки коряков ещё одну, две, три тысячи лет тому назад проживали на огромной территории: от устья Амура до Северной Камчатки и от реки Вилюй до Олюторского мыса...

Эти факты нашли своё отражение и в плавательных средствах коряков. Ведь у них, в отличие от ительменов, имеется несколько типов долблёных из цельного ствола челнов — батов-атваатов. Наиболее своеобразным по внешнему виду является северокорякский. Он изготовлялся чаще всего из тополя. Ствол рубили весной или осенью. Отрезали кусок определённой длины, сучки обрезали не у самого ствола, а несколько выше, чтобы не повредить, не нарушить обтекаемость судна. Сучки сглаживались. Носовой частью становился комлевый конец дерева, кормовой — верхушка.

Бат выдалбливали в древности массивным каменным теслом из кремневого сланца, а с заимствованием железа у русских казаков-землепроходцев — специальным металлическим топором-теслом.

Северокорякский бат, характерный для сёл, расположенных на реках Пахаче, Ачайваям, Апуке, — Верхние и Средние Пахачи, Ачайваям, Апука, Заречный — приспособлен для путешествий по горным рекам.

Баты изготовлялись не только из тополя, но и из берёзы — белой и каменной. Но это было характерно для населения, проживающего на нынешней территории Тигильского и Карагинского районов.

Баты тигильских коряков (а также и паланцев) были очень остойчивыми на плаву. Размеры — небольшие. Пользовались как шестами, так и вёслами. Шест применялся лёгкий, ивовый. Весло, к примеру, у карагинцев, имело лопатообразную форму, а ручка его — *Т*-образную. Иногда кромки лопасти весла обивались жестью.

Карагинские баты ещё в 1960-е гг. иногда достигали пятнадцати метров длины, но были в основном короткие, широкие. На них можно было грести или отталкиваться шестом стоя, не рискуя перевернуться. Карагинцы нашивали на борта бата при помощи ивовых прутьев широкие доски. На таких батах охотник на морского зверя Наум Уваров регулярно ходил морем в сёла Макарьевку и Дранку (расстояние более семидесяти километров).

Прекрасные баты до недавнего времени изготовляли жители этого села Яков Никифоров, Андрей Уваров, Фёдор Попов, Иннокентий Уваров.

И карагинцы, и паланцы для большей остойчивости на плаву к корпусу бата, чуть выше ватерлинии, по обе стороны привязывали средней толщины сухие лёгкие стволы деревьев. Во время шторма бат не переворачивался, а если был гружёным, то благодаря этому плавучесть его увеличивалась.

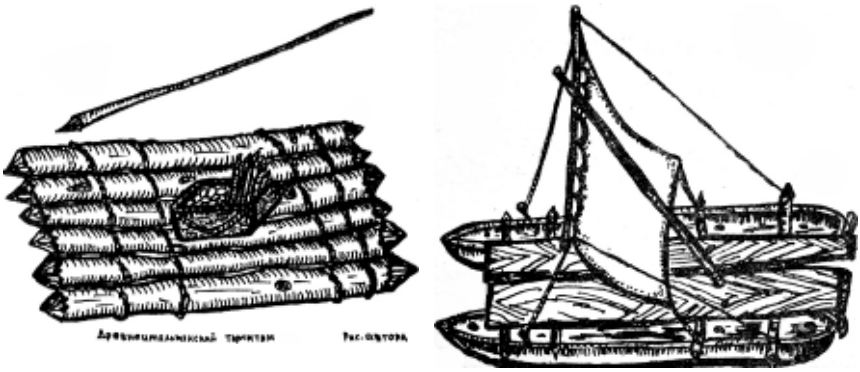
Коряки-пенжинцы имели баты, резко отличающиеся от прочих. Нос и корма у них были острые, но они не возвышались над бортами. Их называют каюками. Чем объяснить такую форму челна? По-видимому, традицией. Быть может, сказалось влияние берестяных «лодок» эвенского или юкагирского происхождения. Однако название «каюк», близкое к эскимосо-алеутскому «каяк», как и форма, могут дать основание считать пенжинский бат по происхождению связанным с плавсредствами соседних народов.

После изготовления бата его заполняли водой, бросали туда раскалённые камни, пропаривали. Древесина размягчалась, и тогда между бортами ставили от трёх до десяти распорок, чтобы грузоподъёмность челна увеличилась, чтобы он стал свободным, просторным. Но иногда этот приём не применялся.

Свои баты рыбаки, охотники и, реже, оленеводы сплачивали по два или по три. Тогда они служили своеобразными паромами.

На батах охотились на нерп и лахтаков в устьях рек и лагунах, ловили лосося, ходили всё лето и до первых заморозков к местам рыбалки, охоты, отвозили женщин на ягодники.

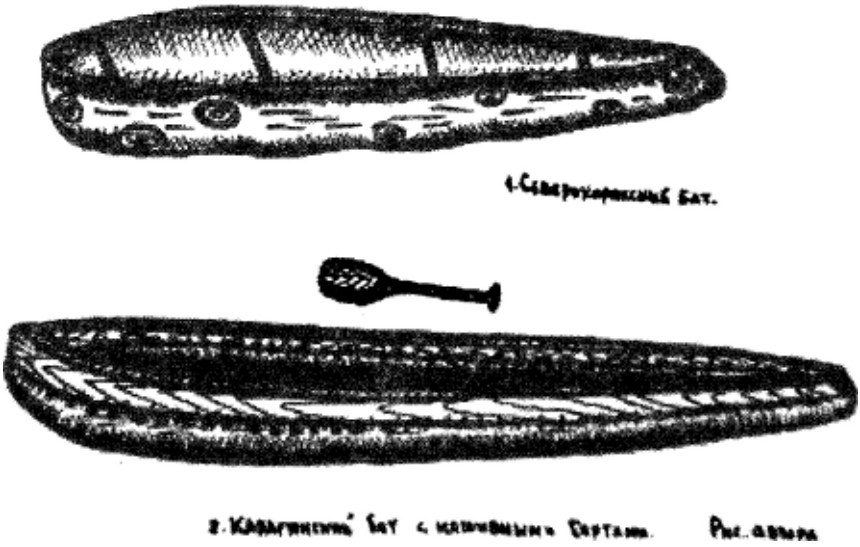
Северокамчатскому бату более двух тысяч лет. Модель такого бата была обнаружена археологами на месте, где обитали древние эскимосы и древние коряки, а позже — и предки чукчей.

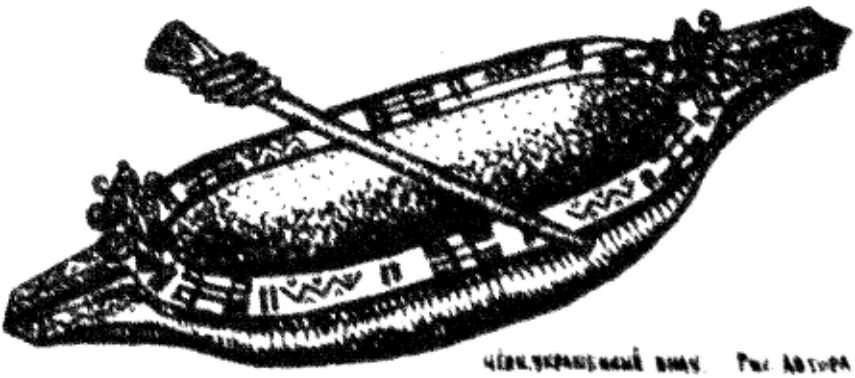
Древнеительменский тымитэм (слева) и корякский парусный катамаран

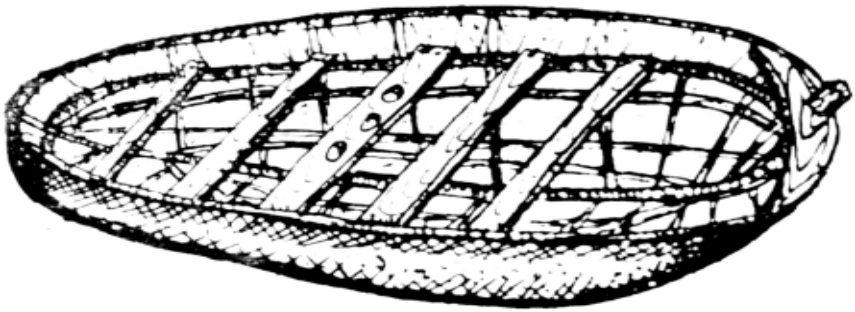
Корякский плот для рыбы (слева) и ительменский мореходный чёлн

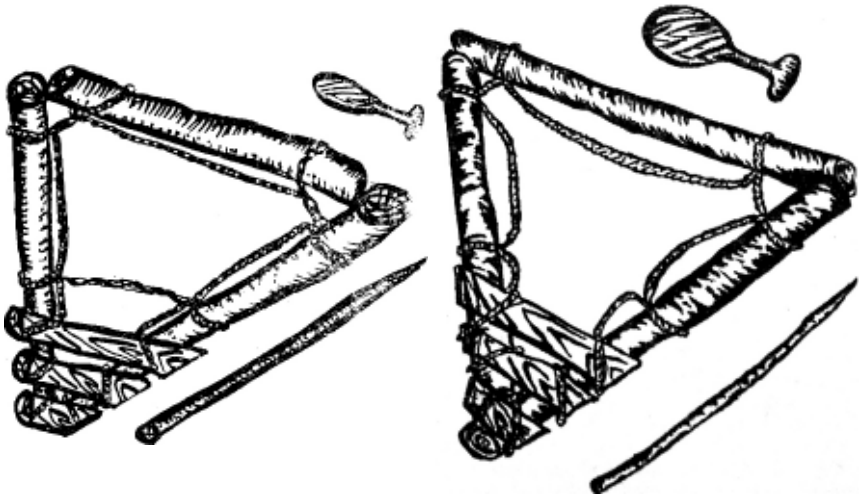
Северокорякский (сверху) и карагинский баты

Чёлн, украшенный инау

Корякская байдара

Треугольные плоты и шесты (все рисунки автора)

Бат добросовестно служил людям и в глубокой древности, и служит ещё в настоящее время. Бат нужен и в наши дни. Он может стать спортивным судном — весельным или парусным и быть очень современным в период, когда охрана природы приобретает новый смысл.

Ительменский мореходный чёлн. В своём капитальном «Описании земли Камчатки» отец русской этнографии С. П. Крашенинников рассказал о плавательных средствах ительменов. Их основу составляли выдолбленные из древесины стволов челны. Ительменские челны были двух видов: длинные, прямые — для рек и озёр и большие по диаметру с высоким носом — для больших бурных рек и моря.

Челны первого типа Крашенинников называет «тахту». Видимо, эти баты и сохранились у ительменов и камчадалов до настоящего времени. Тахту повторяет форму древесного ствола. Нос и корма таких челнов не возвышались над ним, а были на одном уровне. Борта чаще всего вогнуты внутрь. Имея длину до двенадцати метров, бат устойчив на воде. Обычно правили им два человека: один с носа, другой с кормы.

Чёлн-бат изготовить было непросто. Их выдалбливали при помощи топора (тесла). Во времена Крашенинникова бат выдалбливали до трёх лет. Этнограф, кандидат исторических наук Н. К. Старкова сообщает, что материал для бата выбирали весной или осенью в верховьях рек. Ствол дерева для бата имел диаметр один-полтора метра. Чтобы ствол у комля не раскололся при падении, у его основания или сверлили, или прорубали отверстия. Ствол рубили, а в более позднее время — и пилили. Для челна отрезали кусок не менее пяти метров. Теслом, а реже топором, вырубали широкую и глубокую канавку, которую расширяли. В посёлок сплавляли по реке, но иногда останавливались у горячих источников. Там углубление расширяли, выбирая древесину. Переворачивали и в высверленные на одинаковую глубину отверстия заколачивали округлые колышки. При окончательной выборке древесины колышки фиксировали толщину борта.

В бат заливали горячую воду из гидротермальных источников или специально кипячённую в котлах, после чего между бортами ставили от трёх до пяти распорок. Более старинный способ распаривания батов был такой: в налитую воду бросали раскалённые камни. Через некоторое время распорки меняли на более длинные. Всё делалось для того, чтобы чёлн был широким и просторным.

Чёлн этого типа был самым необходимым орудием у ительменов, главным хозяйственным занятием которых являлось рыболовство. Об этом свидетельствует, например, такой факт: слова «рыба» и «кушать» имеют один корень: «ножен-нужен».

Умение ловить рыбу сетями из кипрея и крапивы, крючком-мариком, острогами, рыболовным крючком, при помощи запоров, когда речку перегораживали «забором» из шестов, то есть «брать» её, когда было надо, наводит на мысль, что ительменское рыболовство было интенсивным хозяйствованием, напоминающим животноводство. Ведь рыба шла на нерест ежегодно, только успевай вылавливать и обрабатывать.

Бат использовался и для других хозяйственных целей: в нём при помощи раскалённых камней из мелкой серебристой рыбёшки, напоминающей корюшку, вытапливали жир. Иногда в небольших челнах, как и в других ёмкостях, в рыбьем жиру хранили птичьи яйца, где они оставались свежими до года и более.

Если баты-тахту встречались по Восточному (Тихий океан) и Пенжинскому морю (Охотскому), то ительмены реки Камчатки (племя бурин) ходили на долблёных челнах *кояхтахтым*. Узконосое симметричное судно имело месяцеобразное сечение. Кормы как таковой у него не было. Передний и задний носы, высоко поднятые над водой, округлое днище и широко разведённые борта делали его устойчивым при высокой волне. На кояхтахтымах ходили и по морю. Такой челн был чем-то похож на пироги полинезийцев, а также и на курильские челны. А вот название его, особенно первая часть, свидетельствует о близости к алеуто-эскимосскому названию морского судна каяка. По некоторым данным, на ительменских мореходных челнах выходили из устья реки Камчатки далеко в море. Мне думается, что предки ительменов могли достичь и Командорских остров. Правда, с полной уверенностью об этом говорить ещё рано. Но, например, некоторые археологические находки свидетельствуют, что предки ительменов и алеутов имели, по-видимому, близкую материальную культуру.

На батах пользовались вёслами *тэймэньн*. Они были однолопастными. Весельные лодки на западном побережье Тихого океана появились около шести тысяч лет тому назад. Это примерно совпадает со временем территориальной близости предков древних ительменов и древних алеутов.

Н. К. Старкова сообщает, что на долблёных лодках *к'тьм* против течения пользовались шестами *иьэлвэньн*, которые имели длину до трёх метров.

По сегодняшний день ительменские баты бороздят воды рек Камчатка, Ковран, Напана, Авача, Хайрюзова, Сопочная и других. Ительмены помнят древние традиции своих предков и умеют изготовлять речные баты.

Судоремонтник, 1980: 25 марта, № 13; 2 сентября, № 36; 23 сентября, № 39; 11 ноября, № 46; 9 декабря, № 50

От редактора. Эти материалы под названием «Плавательные средства народностей Камчатки» были напечатаны также в первом выпуске краеведческого журнала «Неизвестная Камчатка» в 1998 г., с. 26—31. В первоначальный текст внесены небольшие изменения и добавления, статья снабжена авторскими иллюстрациями.

Эвенские подвески, бубен

В Пенжинском районе в сёлах Аянка, Оклан, Слаутное проживает этническая группа эвенов. Эвены-пенжинцы сохранили свою традиционную материальную и духовную культуру. Основное занятие имеет древние корни — это оленеводство. Наряду с пушной охотой, оленеводство было знакомо эвенам, точнее их предкам, не менее двух тысяч лет.

Но хотя дикий олень был одомашнен предками эвенков и эвенов в позднем неолите, эвены не знали нарт, а ездили на оленях верхом. Удобной для езды верхом была и одежда распашного типа: кафтан тэтэ и своеобразный фартук.

Эвенская народная одежда богато украшалась аппликацией, бисером, бусами. По моему мнению, вертикальная «лесенка» на бортах кафтана, криволинейный орнамент, вышитый бисером в виде кружков и волн, не что иное, как календарь. И вот почему. «Лесенка» на бортах кратна числу семь (семь дней недели), криволинейный орнамент, а именно — кружки (их пятьдесят четыре) можно соотнести с пятьюдесятью четырьмя неделями одного года.

У северной группы эвенов, в отличие от быстринской (всего на Камчатке их тысяча двести человек: шестьсот в Пенжинском и столько же в Быстринском районах), сохранились традиционные праздники и музыкальные инструменты. К ним относятся металлические подвески ромбовидной формы, бубен позднего, корякского типа. Однако у эвенов были бубны другого вида — широкоободные.

Эвенский широкоободный бубен имел ширину обода до двенадцати сантиметров. Обод гнулся из тонкой дранки, из которой обычно эвены изготовляли колыбели для детей. Ударником могла слу-

жить деревянная трость, обшитая мехом оленя или узкая длинная линейка из китового уса. Ударник второго типа красиво оформлялся бисером, бусами. Бубен имел глубокое звучание. На нём играли во время праздников медведя и оленных. В канун пятидесятилетия Корякского автономного округа эвенский бубен всё чаще появляется на сельской сцене.

Полярная звезда, 30 апреля 1980 г., № 35

Посвящение в мужчины

У многих народов Азии, Африки, Южной Америки существовал такой обряд. И у коренных народностей Камчатки испытания — инициации — ещё в дореволюционное время были делом обычным.

Родился мальчик. Подрос. Если он в детстве убивал насекомых, мышей, птиц, то его мать или бабушка сохраняли насекомое и снимали скальпы с головок мелких животных, а когда малыш немного подрастал, на главном зимнем празднике охотников их вплетали в венок из кипрея.

И вот начиналось первое посвящение. Из жилища изгоняли всех мужчин, вокруг мальчика исполняли ритуальный танец. При этом его запугивали нашептыванием заговоров, камланием, проверяя смелость и выдержку. В середине танца одна из самых пожилых женщин селения хватала венок с головы мальчика, выбегала на улицу. В кромешной тьме декабрьской ночи она находила дом лучшего охотника, передавала ему венок. Этот охотник должен был поехать на собаках в тундру и привезти куропатку. На следующий день её мясом угощали гостей в доме будущего мужчины. Он должен был съесть птичье сердце.

Когда посвящённый в охотники подрастал и собирался жениться, ему приходилось пройти через новое испытание.

В огромной полуземлянке площадью до шестидесяти квадратных метров у стен ставили десяток спальных пологов. На порогах этих меховых палаток сидели женщины. Мужчины находились у костра, в центре землянки, в качестве наблюдателей.

По знаку, поданному наиболее почтенной женщиной, жених бросался за невестой, пытаясь её поймать. Невеста убегала в полог, жених за ней. Сидящая на пороге била жениха розгами или палкой, а невеста перебегала в следующий полог.

Если жених не нравился невесте, то поймать её было невозможно. А жениха за вечер избивали до такой степени, что он с трудом мог самостоятельно передвигаться.

Такое испытание устраивалось у ительменов и коряков. У коряков жених перед сватовством два-три года отрабатывал за невесту: пас оленей, ловил рыбу, выполнял в доме её родителей самую чёрную работу. И только после этого мог принять участие в обряде «хватания невесты».

Первые русские землепроходцы XVII в. отметили, что эскимосы и «чубатые чукчи» прокалывали верхнюю и нижнюю губы или кожу лба, вставляя костяные или каменные пластинки и гвозди — так называемые лабретки и проколки.

Такие лабретки имеются в коллекции Камчатского областного краеведческого музея. Много их найдено археологами доктором исторических наук Н. Н. Диковым и Т. М. Диковой на стоянках «Мыс Лопатка», «Авача» и на палеолитической стоянке на реке Камчатке — «Ушковское озеро».

Болезненная операция прокалывания губ, лица и кожи была, по-видимому, связана с актом посвящения в воины. Уже один его устрашающий вид должен был обращать врагов в бегство. Эта тема часто встречается в камчатском фольклоре. Когда человек достигал преклонного возраста, его мужество подвергалось последнему испытанию. Основу его составляла ампутация мизинца пальца руки или его фаланги. Археологи отметили этот обряд также у неолитических обитателей Кавказа и Балкан.

В нескольких чукотских и корякских сказках, записанных автором на Камчатке, рассказывается, что для того, чтобы зловредное существо келе (у коряков — нинвит) не проникло в организм человека через мизинчик — самый «слабый пальчик», его ампутировали. В быту же в более позднее время ампутацию заменяли изготовлением защитного кожаного чехла, который надевали на палец. У коряков обряд проводили только для пожилых людей и исключительно по их желанию.

К мужчине, проходящему инициацию, относились с большим почтением. Его приглашали на праздники, предлагали участвовать в колдовских обрядах.

Дальний Восток, 1980, № 3, с. 159—160

Камчатские этюды

Бумеранг заходит справа. «Трудно в табунах? Ведь во время дежурства целый день приходится на своих двоих». — «Да нет, — отвечает Николай. — Не очень». — «А если надо повернуть оленей? Кажется, оленегонных лаек у вас не было?» — «Лайки в наших

табунах ещё не приспособились, только учатся пасти оленей». — «Так неужели каждый год мчаться за стадом? Пугливые вожаки как бегают! И на упряжке не угонишься!» — «Зачем же гнаться, — улыбается оленевод из оленесовхоза «Манильский» Николай Тнельхут и спрашивает: — Наверное, хочешь про корякский бумеранг расспросить?»

С глубокой древности коряки пользуются деревянными метательными орудиями, напоминающими бумеранги. Молодые пастухи называют их *уттилтилгын*, что означает «крылатое дерево».

Обычно, если услышишь слово «бумеранг», с ним сразу ассоциируются коренные жители Австралии, которые при помощи этого орудия охотились на летящих птиц. Точно так же охотились и курильцы, жители юга Камчатки.

В 1920-е гг. английские археологи обнаружили бумеранг на неолитических стоянках в междуречье Тигра и Евфрата. В Месопотамии бумеранг был известен уже более девяти тысяч лет тому назад. Бумеранг известен и в Африке.

Бумеранг — орудие охоты. Очертания его чаще всего напоминают букву «*Г*». Он изготовляется из дерева. Пущенный опытной рукой, бумеранг поражал летящую птицу. В случае промаха орудие возвращалось к ногам охотника. У древних племён были и другие метательные дубинки. Их называют «невозвращающимися бумерангами». На огромных открытых пространствах степей и полупустынь бумеранг был удобен для охоты на птиц.

Коренные жители Камчатки охотились на птиц другими способами: добывали их во время линьки, осенью — запущенными в стаю связками метательных камней с сетью или, зимой, волосяными силками. Добывать же одиночных птиц бумерангами на озёрах и болотах, потом искать само орудие — крайне нерационально. Поэтому корякский бумеранг, видимо, был, главным образом, связан не с охотой.

Николай рассказывает: «У чавчувенов и пенжинских оленеводов есть это орудие. Оно бывает разной формы. Чаще всего встречается похожее на дугообразный копыл нарты или на саблю. На птиц охотятся? Бывало раньше... Он помогает управлять табуном. Для этого на бумеранге вырезают глубокие квадратные ямки. При полёте он издаёт специфический свист. И осторожные вожаки, идущие впереди стада, поворачивают в нужном нам направлении...»

Так что функция метательного орудия коряков связана с оленеводством. Метательные орудия этого типа отмечены советскими этнографами И. С. Гурвичем и Ю. Б. Симченко и у других народностей

Севера. Так, доктор исторических наук И. С. Гурвич дал описание чукотских метательных посохов *танвычгытрын*, или, как их ещё называют, — *кенунен*, а также дощечек *вычгытрын*. Если чукчи посохи иногда метали в птиц, то метательной дощечкой-бумерангом они подгоняли оленей, отбившихся от стада.

...Я держу в руках и разглядываю корякский «крылатый предмет»: сечение напоминает профиль самолётного крыла, форма — саблевидная, выделяется ручка, а в самой широкой части — четыре углубления квадратной формы.

Несколько раз запускаю его на заснеженном Култучном озере. После шестнадцатой попытки орудие летит по дуге почти на двести шестьдесят градусов, чуть не дотянув до круга. Запускаю по линии от земли — вверх под углом градусов шестьдесят, как обычно мечут оленеводы. Летит лучше, но сильнее мешает порывистый ветер. Правильно метать орудие нелегко. Для этого нужна упорная длительная тренировка...

Оленеводы Антон Притчин из села Анапка и Михаил Мичгин из села Манилы рассказали, как лучше метать посох для бега, представляющий собой почти двухметровую палку с тщательно вырезанным и украшенным резьбой навершием. С такой палкой оленеводы соревновались в беге на пятьдесят километров, с ней перепрыгивали через пропасти и речки.

Посох, пущенный умелой рукой, мог лететь, вращаясь в вертикальной или горизонтальной плоскостях. В первом случае он заходил справа от стада и втыкался в снег, отпугивая оленей...

Не просто быть мужчиной. По единодушному мнению мужчин, нелегка их жизнь в наше время. А как дела обстояли в древности? Вот, к примеру, что приходилось испытать представителям «сильного» пола народностей Камчатки.

Родился мальчик. Подрос. Стоило ему прихлопнуть муху, поймать бабочку, птицу или мышонка, как кто-либо из родственниц по линии бабушки не оставлял это событие без внимания. Насекомых засушивали, с мышонка или птицы снимали скальп и хранили до главного осеннего праздника.

...Грохочут бубны, льётся песня, стены дрожат от топота ног — танцует всё село. И вдруг пауза. Женщины изгоняют всех мужчин, кроме одного-единственного мальчишки — сына или внука хозяйки. Вокруг него нарядные женщины ведут круговой танец. А хозяйка надевает ему на голову венок из кипрея, в который вплетён сохранённый в семье «охотничий» трофей его детства.

Но недолго мальчику красоваться в венке. Одна из женщин срывает его и мчится через всё село к жилищу лучшего охотника. Её сопровождают два оруженосца, поджидавшие снаружи. Охотник и «почтальон» танцуют охотничий танец, а наутро, чуть свет, охотник приносит в праздничное жилище куропатку. Её мясом угощают всех гостей. Юный герой праздника должен съесть сердце птицы. После этого считается, что он стал настоящим охотником.

Мальчик вырос, и тут его ожидает новый экзамен. Ему надо жениться, но это сделать непросто. Мужчина идёт в жилище своей невесты для того, чтобы отработать за неё. Работать ему приходилось год, два, три, а то и больше: пасти оленей, ловить рыбу, делать самую чёрную работу. Но часто случалось так: просыпается жених, а все его вещи уже на улице, у входа...

В лучшем случае он допускается до участия в обряде «хватание невесты». В округлой землянке площадью шестьдесят квадратных метров вдоль стен ставилось до десяти палаток-пологов, в каждой проживает одна семья. На пороге каждого полога усаживается хозяйка, вооружённая крепкой палкой или розгами. Нарядная невеста выходит на середину землянки. Здесь, у костра, стоят мужчины, не принимающие участия в обряде, а лишь наблюдающие. По знаку, поданному одним из них, жених бросается за невестой. Но не тут-то было. Невеста скрывается в одном из пологов, а жениха встречают побоями. К концу обряда, в процессе которого невеста перебегает из одного полога в другой, неудачливый жених еле держится на ногах.

А вот другая картина из прошлого. К острожку, селению или месту обжитой рыбалки подходят враги. Ощетинившись копьями, защищаясь щитами из прутьев или натянутых кож, одетые в панцири из рёбер морских животных, сражаются воины. Вдруг один из врагов поднимает глаза и, увидев лицо защитника, издаёт крик ужаса. Это мужчина, прошедший посвящение в воины, навёл страх на агрессоров...

Вокруг посвящаемого — одни мужчины. В руках жреца сверкает каменный нож. Вот он прорезает будущему воину верхнюю губу и вставляет изнутри *Т*-образный предмет из шлифованного камня — лабрет. Потом прокалывает кожу лба и вонзает каменную проколку. Ни один мускул на лице воина не дрогнет. Он выдержал, он настоящий воин.

На археологических стоянках Камчатки от мыса Лопатки до острова Карагинского автор находил такие лабретки. Они найдены и на палеолитической стоянке «Ушковское озеро» доктором

исторических наук, членом-корреспондентом Академии наук СССР, археологом Н. Н. Диковым. Возраст этих лабреток весьма почтенный: им более семи тысяч лет...

Со старостью приходит мудрость, а вместе с ней уважение. Но со старостью возникает и «опасность вселения в человека нинвита» — зловредного существа. У коряков, например, нинвит «вселялся» через самый беззащитный маленький пальчик — мизинец. Для этого в старину одну фалангу мизинца ампутировали. Интересно, что эту операцию проводили и люди неолита, проживавшие на Кавказе и на Балканах. У народностей Камчатки ампутацию заменили надеванием кожаного колпачка.

Такого «старейшину» чаще всего приглашали на праздники и обряды: он считался неуязвимым...

Нелегка была жизнь мужчины в древности!

Водители катамаранов. Старый Эвгур оттолкнулся от берега, и наше судёнышко вышло на речную стремнину.

— Помочь? — спросил я и взял в руку отполированный шест.

— Не надо, — ответил он, пыхнув трубкой.

Необычное судно легко шло против течения, и только синяя вода звонко плескалась между его двумя акулообразными корпусами — сдвоенными батами.

Я, наконец, пригляделся к ним. Два деревянных бата, соединённые между собой перекладинами. На них палуба — дощатый настил. В одной из досок — округлое отверстие, на середине помоста с двух сторон — по деревянной уключине.

— Для вёсел, — искоса взглянув, сказал рыбак. — Сейчас моторки — «Прогрессы» и «Казанки», а ещё двадцать лет назад бататваат — был самым главным на реке корякским «кораблём». Вот такой тополь свалишь и на берегу реки выдалбливаешь топориком, — показал старик на дерево, когда мы причалили почаевать.

— А как этот ствол перетащить на берег? Он же десять метров длиной и почти метр в диаметре.

Старик ответил не сразу. Снял с костра кипящий чайник, не торопясь, открыл крышку, бросил туда горсть заварки и сказал:

— На собачках... Средник закреплю, крикну вожаку, и бревно, не заметишь как, на берегу. Один раз собаки так разогнались, что вместе со стволом упали в реку, и часа два я их вылавливал.

— Для чего отверстие в помосте?

— Я туда ставлю второй шест, на шест — парус: если ветер — против течения легче идти... Дед мой рассказывал, что под парусом даже в залив выходили...

По реке Камчатке ительмены и камчадалы перевозили на катамаранах дрова, сено, собачьи упряжки. Позже катамаран служил паромом для переправки лошадей. Без сдвоенных батов нельзя было наладить запор — сложное сооружение на реках для лова лосося. Остойчивый катамаран тем не менее после использования снова разбирался.

Старожилы сёл Коврана, Милькова, Усть-Камчатска рассказывали, что прежде ительмены соединяли даже по три бата. Тримаран был очень устойчив даже во время весенних и летних паводков, осенних ветров. По-видимому, все группы ительменов использовали катамараны и тримараны, занимаясь рыболовством и, в меньшей степени, охотой на морских зверей.

Таким образом, почти у всех групп коряков восточного побережья Камчатки и у ительменов были катамараны. А ведь Восточную Камчатку омывают воды огромного Тихого океана. Нет ли связи между катамаранами Камчатки и Океании?

Листаю книгу известного исследователя — историка, географа, биолога Те Ранги Хироа «Мореплаватели солнечного Восхода».

...Старший брат за три тысячи километров едет в гости к младшему. Его катамаран мчится в ночной тьме. Катамаран — деревянная скорлупа с огромным парусом. Средняя скорость — более двадцати километров в час, пятьсот километров за сутки.

Плещется, искрится подсвеченная микроорганизмами вода под балансиром. По какой карте ориентируется молодой капитан? По карте звёздного неба. Выдолбленная из пальмового ствола лодка то вздымается, то падает в бездну меж валов. Лодка похожа на бат. Но вторая — балансир — противовес.

У катамаранов камчатских народностей не было балансира. Они состояли из двух или трёх челнов-батов; каждым из них можно было пользоваться как лодкой. Балансир — позднее изобретение обитателей Океании.

По мнению крупных этнографов — доктора исторических наук И. С. Вдовина, кандидата исторических наук ительменки Н. К. Старковой, у ительменов есть черты материальной и духовной культуры некоторых народностей Океании, и не исключено, что ительменский катамаран ведёт свою родословную с далёких островов. Но большая этническая древность Камчатки может быть доводом к тому, что родина катамарана — именно здесь.

Улляу — деревянное лицо. Праздник морских зверей в разгаре. Разгорячённые танцовщицы в праздничных кухлянках, чуть наклонившись вперёд, плавно разводя руками и приподнимаясь на

носочках, «плывут» в огромном бушующем море. Бубен, как гром, а за грохотом бубна льётся песня. Её поёт Татьяна Яганова, а танцовщицы — это нерпы...

Нити крупных разноцветных бус хлещут по отороченным соболем оранжевым кухлянкам, улыбки, радостный смех! Дом дрожит от топота ног. Идёт корякский праздник! Но вдруг, как ночной тревожный стук в окно, — удар в дверь, потом второй...

В доме общая растерянность, после чего нависает гнетущая тишина. Настежь распахивается дверь, и в прихожую вкатывается белый шар пара. Вместе с ним, переваливаясь с ноги на ногу, входят ряженые. На них вывернутая наизнанку меховая одежда, в руках — толстые берёзовые палки, на лицах — красные ольховые маски.

— Улляу! — шепчут старики. — Деревянное лицо!

Притихли взрослые, плачут от страха дети.

Вот один из пришельцев вытаскивает из толпы молодого человека и полушутя, полусерьёзно бьёт его по спине берёзовой палкой. Юноша нарушил какие-то моральные нормы в селе.

Потом начинается пантомима: охота на нерпу, морского зайца — лахтака, морского льва — сивуча, семейные сцены, примеры неправильного воспитания ребёнка.

Все хохочут. А ряженые больше молчат. Но иногда и переговариваются, издавая короткие горловые или щёлкающие звуки.

Один из них неожиданно подходит к красивой девушке, достаёт из кухлянки бусы из рябины или брусники и надевает ей на шею. Все радуются: идёт сватовство. Будет свадьба!

И снова улляу строги и молчаливы. Они обшаривают палками все углы дома, под кроватями и под потолком.

— Что они делают? — спрашиваю я шёпотом пожилого охотника дедушку Оттля.

— Изгоняют зловредных существ-нинвитов, чтобы всё было хорошо, чтобы никто не болел...

Поздней ночью ушли улляу. Но вот они приходят снова. Каждый с мешком. В доме — ликование: улляу раздают юколу, ягоду, вяленое мясо, жир. Это они «изъяли» все запасы у жадного хозяина-скопидома, который не пользовался авторитетом у односельчан, не отличался честностью, не помогал другим...

Ритуальные маски встречаются у многих народностей Севера: коряков, ительменов, алеутов, чукчей, эвенов. У коряков, например, без масок не обходились обряды на праздниках кита, нерпы, хололо.

Изготовляли их из различных материалов, однако самой популярной была маска из дерева, а ещё точнее — из ольхи. Правда, мне приходилось встречать маски из берёзы, ивы, даже кедрача.

Формы масок также были разными. Карагинские коряки предпочитали овалы из ольхи, сохраняя кору на лобной и носовой частях. Аккуратно вырезались отверстия для глаз и рта. Маски крепились ремешками. В старину карагинцы делали маски удлинёнными, и порой они достигали полуметра. Черты масок были подчёркнуто гротескны.

Коряки западного побережья Камчатки готовили свои маски гораздо тщательней. Их «лица» делались выпуклыми, овальной формы. Изнутри они глубоко выскабливались. На щеках женских масок — «румяна». Но эту маску надевали и мужчины. Корякиалюторцы изготовляли маски с ручкой. На такой личине рисовали бороду и усы. У чавчувенов — оленных коряков, кочевавших по всей Камчатке, маски изготавливались из кожи оленя. Сверху пришивались «волосы» из лошадиного хвоста, надо ртом — длинные усы, над глазами — брови. В них исполняли обряды на зимних праздниках оленеводов. Были маски и у других народностей Камчатки: у алеутов — гипсовые, у ительменов — травяные.

Для чего всё же надевали маску? Для очищения и изгнания нинвитов, наказания нарушителей морали, нравственности, для сватовства, перераспределения продуктов. Таким образом, ряженые играли больш*ую* роль в жизни древнего корякского общества. Однако иногда роль традиционной духовной культуры и её атрибутики была негативной, так как подчинялась культовой обрядности, первобытным верованиям.

И казалось бы, что всё, связанное с маской, уже хорошо изучено. Но это не совсем так. Многое ещё остаётся загадкой. В советское время ритуальные маски народностей Камчатки, как и бубен, стали театральными. В них исполняются танцы, пантомимы, театрализованные постановки.

Норд Ост, 1980, № 2, с. 76—87

Ительменская музыка

Ительмены, исконное население Центральной и Южной Камчатки, имели свои музыкальные инструменты. Позже, после появления контактной группы, образовавшейся от браков между ительменами и русскими казаками, — камчадалов, появились новые инструменты —

рожки, свирели. Известно: ительмены имели своеобразные струнные и шумовые инструменты.

Одним из струнных является кыхчерен, на котором играли жители реки Большой (по-ительменски «кыхчерен» значит «большая»). Инструмент имел пять струн. Их изготовляли из ниток и жил. Позже появились медные струны. Инструмент имел форму меча. В этом отношении он был похож на инструменты курильцев — жителей юга Камчатки. На кыхчерене играли как на щипковых, но можно было играть смычком и медиатором. Медиатор изготовляли из китового уса. По-видимому, строй кыхчерена был в соответствии с пентатоникой, в некоторой характерной степени для народностей Камчатки. В такой гамме основой является не восемь звуков, а пять.

Береговые ительмены, занимавшиеся прибрежным собирательством, из двухстворчатых раковин изготовляли своеобразные маракасы. Их заполняли или мелкой галькой, или мелкими ракушками. Из двухстворчатых выбирали мидии, жемчужницы, мамаи, гребешки. Из спиральных — рапаны, ковчеги. Спиральные служили своеобразными усилителями голоса.

В древности все музыкальные инструменты носили религиозный, ритуальный характер, точно так же, как песня и танец. После установления советской власти на Камчатке некоторое время музыкальные инструменты её коренных обитателей не использовались на сцене, в праздниках и быту.

В настоящее время традиционные музыкальные инструменты получили новую жизнь. Они активно используются участниками художественной самодеятельности для сопровождения песен, танцев и способствуют развитию народного искусства.

Камчатский комсомолец, 19 февраля 1981 г., № 21

Перстень казачьего атамана?

Этот массивный перстень отлит из медного сплава. За двести пятьдесят лет пребывания в земле он покрылся плотной патиной, но сохранился хорошо: без особого труда на его широкой внешней стороне можно разглядеть рисунок.

Изображение сработано методом глубокой гравировки: два высоких шатра (а может, сторожевые башни), увенчанных шпилями со сложными навершиями. Выше шатров изображена корона, а под ней — птица с поднятыми крыльями — символ неусыпной бдительности.

Перстень, безусловно, играл роль печатки. Он изготовлен просто, из дешёвого металла. Это говорит о том, что перстень мог принадлежать не высокопоставленному лицу, а человеку, стоявшему на средней ступеньке социальной лестницы. Кому именно? Очевидно, камчатскому казаку. И возможно, командиру казачьего отряда — атаману.

...Уже с начала XVII столетия русские казаки-землепроходцы устремились на восток. Забайкальские, якутские, амурские, камчатские казаки стояли на рубежах Русского государства. В 1703 г. на полуострове были основаны Большерецкий и Нижнекамчатский остроги.

В 20—30-х гг. XVIII в. казаки полуострова оказали большую помощь экспедициям командора Витуса Беринга — как материально, рабочей и тягловой силой, так и личным участием. Первая Камчатская экспедиция обосновалась в Нижнекамчатском остроге. Сюда из Петербурга, Москвы и с Урала было доставлено огромное количество товаров для торговли: бисер, ножи, топоры, амуниция. Здесь же столетия спустя найден и наш перстень.

Судя по технике, печатка была изготовлена на материке. На полуостров она могла попасть с Первой Камчатской экспедицией. Если это так, значит, перстень был потерян владельцем не ранее сороковых, а точнее — в конце двадцатых годов XVIII в.

Камчатская правда, 6 июня 1981 г., № 131

Ительменский боевой топор

Среди тёсел, главных орудий предков древних ительменов-тарьинцев, в коллекции областного краеведческого музея есть одно, резко отличающееся от остальных своим видом. Оно изготовлено из чёрного кремневого сланца, вытянутое по форме. Оба конца тщательно заточены и отполированы. Причём заточены так, что образуют как бы две многогранные пирамиды. Один конец имеет девятнадцать плоскостей заточки, другой — шестнадцать. Длина орудия достигает восемнадцати сантиметров, наибольший диаметр — четыре с половиной. Примерно посередине орудия имеется перехват в виде шейки. В сечении орудие приближается к кругу, но нижняя сторона несколько сплюснута.

Какова функция этого предмета? Что это — тесло, молот, топор или так называемое «расщепляющее тесло» — такими в древности раскалывали брёвна на плахи, которые были так нужны для сооружения полуподземных жилищ.

Но у расщепляющего тесла один ударный конец (обушок) тупой, а выступы у перехвата — кольцевые. К тому же у тесла довольно широкое, но плоское лезвие и острый обушок.

Топор, как известно, имеет клиновидное лезвие, которое при работе направлено в плоскости движения орудия (у тесла — перпендикулярно плоскости). Музейный экспонат не мог носить функцию рубящего орудия уже по своей форме. К тому же перехват его обработан так называемой техникой пикетажа, то есть «выклёвыванием» острым концом каменного орудия. Такая обработка способствовала более надёжному креплению ручки.

Остаётся последнее предположение — орудие было своеобразным молотом! А точнее — боевым молотом. Оно достаточно массивно, заточено с обеих сторон, но главная ударная часть более удлинена. Орудие крепилось к ручке методом плотного обхвата.

В эпоху разложения первобытно-общинного строя на Камчатке нередко случались межплеменные столкновения, поэтому мнение о боевой функции орудия достаточно обосновано. Но возможна ещё одна функция этого орудия — роль культового топора, характерного для Восточной Азии и Северной Америки. Тогда его дугообразная форма могла быть связана не только с ударной функцией, но, быть может, и с метательной.

Метательный топор?! Его можно было метать, поражая цель, как индейским томагавком? Да, такая функция орудия не исключена! Но мог ли быть у предков ительменов томагавк? Мог, ибо по современным представлениям ительмены в антропологическом плане весьма близки к американским индейцам и относятся к одной расе — американоидной. Их общие предки тысячелетия назад прошли из Азии через Камчатку в Америку и заселили её...

Ительменский боевой топор найден на берегу Авачинской губы в районе рыбацкого посёлка Сероглазка. Ещё в XVIII столетии там проживали ительмены, а позже их потомки — камчадалы.

Камчатская правда, 3 июля 1981 г., № 154

Эвенский бубен

Не звонко, а глубоко и чуть глухо, таинственно звучит эвенский бубен. Колотушка удлинённая, обшитая кожей, охристого цвета. Она украшена бисерной вышивкой, аппликацией и могла быть сделана из деревянной заготовки в виде трости или даже пластины китового уса.

Грохочет эвенский бубен. Обод его широкий, но тонкий. Он из щепы, мастерски отслоённой от цельного ствола. Из такого же материала пожилые умельцы-эвены и сегодня могут изготовить лёгкие и удобные детские колыбели, так необходимые при летних кочёвках.

Широкий обод способствует генерированию низкого звука, подобного звуку басового тамтама. Он далеко слышен и глубоко трогает душу участника эвенского праздника, особенно медвежьего, который ещё сохранился у быстринцев.

Заглянем внутрь бубна-тамтама, которым пользовались и сто лет назад. Именно тогда этнограф В. И. Иохельсон дал описание эвенского бубна. Внутри бубна две крест-накрест пересекающиеся бечёвки. К петлям, а их шесть, привешены колокольчики, иногда связка жестяных подвесок ромбовидной формы.

От удара трости звучит не только тонкая оленья кожа, но и громко звенят весёлые колокольчики, радуя оленеводов.

Каждый праздник звучит бубен со сцен домов культуры района. Его таинственный ритмичный звук уносит стариков к далёким воспоминаниям, а молодым приносит ощущение бодрости, желание встать в круг танцующих.

Новая жизнь, 7 ноября 1981 г., № 89—90

«Святой апостол Пётр» — пакетбот и гукер

Как строились пакетботы «Святой апостол Пётр» и «Святой апостол Павел», а позже и гукер (из деталей и материалов пакетбота), как собирались шпангоуты, обшивка, палуба, такелаж? Из каких материалов, посредством чего? На эти и другие подобные вопросы помогают ответить экспонаты областного краеведческого музея, найденные на берегу бухты Командор на острове Беринга.

Это, прежде всего, корабельные гвозди, при помощи которых крепились шпангоуты к штевням (форштевню и ахтерштевню), палубный настил — к бимсам, обшивке. В коллекции имеются гвозди квадратные, прямоугольные, круглые в сечении с соответствующими шляпками. Все гвозди с пакетбота «Святой апостол Пётр». Часть их пошла на сооружение гукера, на котором экипаж пакетбота благополучно добрался до Петропавловской гавани.

Гвозди разной длины. Все кованые, грубой работы. Только один гвоздь из музейной коллекции выкован тщательно, «чисто». Он многогранный в сечении, и такой же формы у него шляпка. Якутский археолог доктор исторических наук Ю. Мочанов датирует его возраст

серединой XVIII столетия. Но не совсем ясно, относится ли он к археологической коллекции, связанной с зимовкой экипажа Витуса Беринга.

Старший лейтенант штурман Свен Ваксель, помощник Беринга, пишет в своих воспоминаниях, что при постройке гукера «Святой Пётр» для укрепления судна внутреннюю трюмную ставну обшили по шпангоуту старыми палубными досками. Их нельзя было использовать для внешней обшивки, так как они имели отверстия от гвоздей (или, быть может, от деревянных расклиненных корабельных заклёпок).

Палуба несла четырнадцать пушек (четыре из них не найдены и по сей день) значительного веса, которые, по-видимому, выдвигались из амбразур, а последние закрывались люками, оснащёнными специально выкованными для этой цели навесами. Такие навесы применялись для корабельных люков и дверей, к ним крепились массивные дверные накладки и засовы.

Найдены и тщательно восстановлены иллюминаторы. Они были небольших размеров подквадратной формы из многослойной белой слюды-мусковита, названной так в Западной Европе по имени столицы русского государства Москвы, так как эта слюда поступала на рынки только из России.

На пакетботе были две мачты (фок и грот), бушприт, реи, ванты, а также сложная система блоков и канатов бегучего такелажа, без которого не мог существовать парусник. Часть этого оборудования перешла на гукер. Из фока и грота были изготовлены доски для обшивки форштевня и ахтерштевня. «Мы положили начало постройке судна 6 мая 1741 г. Заложили киль, вытесали и укрепили форштевень и ахтерштевень», — пишет Свен Ваксель.

Однако некоторое количество блоков, коушей к ним (металлических вкладышей), остатков канатов оказалось неиспользованным и осталось на острове. Часть из них в настоящее время находится в фондах музея, тщательно реставрируется и изучается.

В нашей коллекции хранятся канаты толщиной от пяти до тридцати миллиметров. Это говорит о том, что, имея небольшое сечение, они были весьма прочными. И возможно, изготовлялись из отечественной или манильской пеньки. Сохранившиеся канаты — остатки тех, из которых вытапливалась смола для заливки пазов в обшивке гукера. Канаты рубились на куски и подогревались в чугунном котле. Благодаря тому, что обуглились, они не сгнили, а хорошо сохранились, пролежав в земле около двухсот тридцати лет.

Во время зимовки на необитаемом острове (позже его назвали островом Беринга) здесь были построены жилища в форме полуземлянок, а весной началась постройка гукера. Для этой цели большой продольной пилой пилили доски, корабельными топорами рубили остов нового корабля. В экспозиции музея представлены ручки пилы и два корабельных топора. Имеется также железное орудие в виде наконечника тесла. На месте стоянки были найдены дрель и стальные ножницы. Однако они могут быть более позднего или заграничного происхождения.

Из предметов быта большое место занимает посуда: медный чайник, чугунный котёл (сохранились фрагменты), стеклянные штофы, полуштофы, четверти, а также несколько керамических ёмкостей в форме русских кринок, жбанов, макитр. Фрагменты этих предметов представляют большой интерес. В них хранили напитки, медицинские препараты, кислоты, чернила. Они были разных размеров — от двух литров до двухсот граммов. Керамическая посуда имела чаще всего небольшое донце, высокое тулово и широкую входную часть со слегка отогнутым наружу венчиком. Большая часть осколков керамической посуды покрыта золотисто-охристой глазурью.

Судя по описанию академика Л. Берга, на месте зимовки было законсервировано и спрятано сорок железных и медных напёрстков, десять шил, шестьдесят четыре медных колокольчика, пять негодных топоров, сто семьдесят семь ножей. Некоторую часть этих предметов летом этого года обнаружила экспедиция Дальневосточного научного центра Академии наук СССР из Владивостока под руководством археолога В. Д. Ленкова. Находки были вывезены во Владивосток.

Археологические находки, связанные со Второй Камчатской экспедицией, являются свидетельством обширных экономических связей петровской России, связей как внутренних, так и внешних. Эти музейные экспонаты очень разнообразны по материалам их изготовления, по своим функциям. Здесь изделия из чугуна, железа, меди, олова, свинца, латуни, бронзы, дерева и стекла, слюды, глины, парусины, пеньки, кожи, шерсти и волос.

О широких экономических связях при постройке и оснащении пакетботов и всей Второй Камчатской экспедиции говорят, прежде всего, предметы чёрной металлургии: чугунные пушки Каменского завода на Урале, ядра, картечь, полосовое корабельное железо, гвозди, скобы, навесы. Эти орудия и детали изготовлены из русского металла. Хорошее железо выплавлялось на Урале из местных

руд и древесного угля, чугун — в Карелии, в Туле изготовляли кремнёвые ружья, сабли и другое холодное оружие. Из сестрорецкого кварцевого песка, что под Петербургом, выплавлялось стекло, из которого выдували самую типичную для XVIII столетия посуду — штофы.

Из парусины в Охотском порту на месте закладки пакетботов шили паруса. Парусина была доставлена сюда из Петербурга. И ветер из далёкой России, наполнив их, довёл пакетботы до самых берегов Северной Америки.

Таким образом, пакетботы были сложными сооружениями, жизнеспособными и стойкими, что было доказано успешным выполнением поставленных перед экспедициями задач. Это стало возможным благодаря широким экономическим связям России.

Камчатская правда, 22 декабря 1981 г., № 286

Двойной лук

Двойной лук — полузабытое орудие охоты древних пенжинских и гижигинских чавчувенов — оленных коряков, коренных жителей Камчатки. Старики рассказывают, что это старинное своеобразное орудие делалось так: два лука привязывались к крепкой берёзовой палке, посередине которой было просверлено отверстие. Концы этих очень мощных луков крепились к концам палки-основания. Тетиву плели из сухожилий со спины или ног оленя, она плотно прилегала к основанию лука (той самой берёзовой палке).

Стрела — не менее метра длиной — была оснащена наконечником из вулканического стекла-обсидиана. Называлась стрела *кихигельэн* и, оперённая маховым пером орлана, имела огромную пробивную силу: были случаи, когда она пробивала зверя насквозь.

Двойной лук держали в левой руке за основание чуть ниже отверстия для стрелы. При достаточном натяжении тетивы луки изгибались, несколько отходя назад, и нижние концы их вместе с кольцом, к которому они были привязаны, поднимались вверх. Так как основание тоже немного сгибалось, то тетивой можно было поранить, даже рассечь руку. Чтобы избежать этого, надевали особую перчатку из толстой кожи.

При некотором усовершенствовании двойной лук мог использоваться и как самострел, но в основном он применялся для стрельбы из засады и в преследовании «мясного» зверя.

Дальний Восток, 1981, № 3, с. 159—160

Сущность обрядов северян

Разнообразны по содержанию и исполнению обряды коренных жителей Камчатки. Какова история их происхождения? Исследования показывают, что обряды не выдумывались праздными людьми, а рождались в ходе трудовой деятельности северян. С древних времён они были необходимостью для коряков, ительменов, чукчей, эвенов в их нелёгкой жизни.

Собираясь на охоту или рыбалку, человек не был уверен в удаче. Чтобы она, эта удача, была — исполняли обряд. Возвращался охотник с добычей. Сколько радости в стойбище! Теперь не будет голода. Кто герой дня? Охотник? Оказывается, нет. Почитаемым существом считался у северян добытый зверь. Это он «пришёл сам» к охотнику, к людям. Ему посвящался главный обряд благодарения. Мясо зверя съедали, а кости сжигали. Этот акт считался «отправлением» в потусторонний мир. При этом хозяева яранги, чума, землянки и гости восклицали: «Возвращайся к нам скорей! Приводи с собой ещё нерп, лахтаков, медведей!»

Таким образом, и в глубокой древности, и в исторически недалёком прошлом (ещё в начале XX в.) обряды связывались с хозяйственной деятельностью северян.

При плохой погоде нелегко было запастись ягодой, травами, кореньями на весь год, не всегда шла рыба, не всегда везло на охоте. Народности Камчатки верили, что хозяева моря, рек, гор «регулируют поступление пищи» для них. Поэтому старшее поколение наставляло молодых: «Хозяева посылают нам пищу потому, что вы проводите обряды». И в обрядовых песнях были слова: «Приходите, звери! Мы вам приносим жертвы: убиваем собаку, убиваем оленя, отсыпаем ягоды, отливаем немного чая или вина».

Ительмены, исконным занятием которых было рыболовство, приносили в жертву головки лососёвых, на жабрах которых наносились царапины в виде сетки.

Береговые коряки — собиратели дикоросов и охотники — жертвоприношения (ягоды, бусы) возлагали к деревянным идолам, к ритуальным камням и сопкам...

— Там, в верховье реки, камень есть, — рассказывают тымлатцы. — Когда убивали зверя, охотники этот камень «кормили», украшали. О нём вспоминали на празднике морских охотников. Камень почитался, как живое существо...

Оленные коряки связывали свои обряды с оленеводством, его хозяйственными циклами: подгон табуна после нагула осенью и забой, корализация, отёл, июньский угон на летовку.

В быту, который так или иначе был связан с хозяйственными занятиями, отмечались аналогичные обряды, а также и более древний пласт, характерный для старой жизни.

Многие обряды входили в состав праздников. Они большей частью связаны с трудом и искусством, некоторые — с лечением больных или шаманскими камланиями...

«Угощайтесь», — подносит хозяйка дома каман'у с ягодой. С наслаждением беру свежую сочную бруснику и не сразу догадываюсь, что это идёт обряд плодородия.

Вдруг все срываются со своих мест, и откуда-то сверху, от самого потолка падает град. Успеваю поймать — шишка кедрача! Хозяин высыпал мешок крупных, отборных шишек гостям. И это тоже обряд плодородия.

В дореволюционное время у ительменов и береговых коряков был такой традиционный обряд: каждую весну все жители поселения выходили на берег реки, в их числе старики и беременные женщины.

Первую пойманную рыбу разделывали. К её голове привязывали травяную верёвку, за которую держались все присутствующие. Конец верёвки с рыбной головой бросали в воду и кричали: «Рыба! Приходи к нам! Чайки, вы летаете над морем! Приводите рыбу к нам!» Верёвку вытаскивали на берег. Обряд заманивания рыбы в реку открывал начало летней путины.

Были и запреты, связанные с этим обрядом: чтобы хорошо шла и ловилась рыба, нельзя было дубить и обрабатывать шкуры. Обряд заманивания рыбы якобы способствовал и благополучному протеканию родов у беременных женщин.

Охотничьи обряды отличались сложностью, а иногда и запутанностью, которую трудно расшифровать в настоящее время. Так, охотник, добывший нерпу, обрезал у неё кончик носа, ластов. Шептал заклинания. Разделывая зверя, брал себе сердце, левую лопатку с мясом. Внутренние органы разделял не сразу, так как считалось, что в них находится «жизненная сила». Остальное мясо раздавал родственникам, соседям. Поздней осенью «поминал» всех добытых морских животных. Почему он так поступал? Эти обычаи не до конца разгаданы.

Морские охотники перед уходом на промысел, чтобы охота была удачной, обязательно приносили в жертву собаку. Всё время, когда хозяин находился на промысле, нельзя было подметать пол в жилище (чтобы ветер не поднялся), никто из членов семьи не смел сломать веточку, рубить дрова (чтобы весло не сломалось).

Алеуты перед охотой обязательно бросали «хозяину моря» мелкую монету, чтобы он благосклонно отнёсся к охотнику.

Северяне, охотившиеся на дикого оленя, снежного барана, кости этих животных раскалывали вдоль, мозг съедали, а осколки костей складывали и сжигали. Это делалось для того, чтобы зверь снова вернулся. На лопаточной кости при гадании (дошёл ли зверь до своего дома) прожигалось отверстие. Позднее, найдя такую лопатку, оленеводы и охотники в пасмурный день смотрели через отверстие на солнце. Считалось, что это принесёт улучшение погоды.

Бытовые обряды несли защитные функции. Они «охраняли» живых от мёртвых, «очищали» жилище, «отгоняли» скверну от гостей.

Очищение жилища проводилось несколькими способами. Так, рыбаки изгоняли из летнего жилища яяркочъо — «маленьких насекомых, которые играют на бубнах». У карагинцев ряженые в деревянных масках, размахивая берёзовыми палками, «изгоняли» зловредных существ — нинвитов. Они водили палками под кроватями, по углам потолка. Оленеводы «очищали» летнее жилище (ярангу) при помощи игры на пяти — семи бубнах. При встрече гостей дорогу к жилищу посыпали пеплом и угольками, «отгоняя от них нинвитов».

В старину, чтобы обезопасить врага, у него выдергивали волос с головы и сжигали его на костре.

В жилище нельзя было вечером смеяться, нельзя было выносить на улицу посуду, так как считалось, что испортится погода.

Не имея письменности, которая могла бы закрепить народные знания, мудрость, зафиксировать сведения о природе, климате, погоде, народности Камчатки использовали для этой цели ритуалы, в том числе и обряды.

Следовательно, ошибочно считать, что все обряды были отрицательными. Были и нейтральные, а также и положительные. Во многих из них накапливались полезные знания по медицине, поверья и приметы, касающиеся охоты, рыболовства, погоды.

Например, у олюторцев и карагинцев считалось, что если закат над морем алый или если ветер меняется против движения солнца (на восток), то погода будет ненастной. Если во время пурги охотник находил березняк, то он не замерзал, так как березняк не заносился снегом. Эти поверья ложились в основу специфических обрядов: «кормление» мест ночёвки, приношения морю.

Местные знахари лечили северян травами, ягодой, кореньями, внушением (своеобразный гипноз). Однако всё это сопровождалось обрядом пэйку, связанным с огнём.

Нейтральные обряды часто имели рациональное зерно. Так, почитались места тынтыннуттынут, связанные с памятными кремациями. Проезжающий каюр отсыпал здесь немного табака, отливал чая. Были почитаемые места, связанные с героями, с защитой родного села. О них рассказывались поэтические легенды.

Некоторые обряды несли и социальные функции. Например, приобщением юного охотника, рыбака, как первый акт инициации, занимались женщины карагинской и олюторской групп коряков. Мальчиков от семи до четырнадцати лет окружали почётом и вниманием, вокруг них исполняли специальный круговой танец, на них надевали венки. Подростки становились полноценными членами трудового коллектива охотников.

У чавчувенов и пенжинских коряков подобно проводились обряды приобщения девушек к очагу.

Таким образом, у народностей Камчатки были разные по своей социальной, бытовой, ритуальной, функциональной значимости обряды. Все они сплачивали древние коллективы, играя в этом смысле положительную роль.

Однако, по-видимому, преобладающие отрицательные обряды играли доминирующую роль. А вся обрядовая система, находясь в руках богачей-угнетателей, шаманов, знахарей, мало способствовала росту социального сознания народа. И всё же в обрядах отражались экономическая жизнь, практический опыт, этика и эстетика. Обряды вселяли уверенность в сердцах древних обитателей Камчатки, «охраняли» их от мнимых и нередко реальных врагов.

Переломным рубежом в развитии обрядов северян стали их контакты с русскими людьми, а после установления советской власти — и с представителями других народов нашей страны.

Первоначально между новыми и старыми обрядами наблюдалась острая борьба. Представители старшего поколения неохотно подключались к проведению новых обрядов. Но это сопротивление было пассивным. Активное наступление на старую обрядность повела местная молодёжь. Революционно настроенная комсомолия вела непримиримую борьбу со всем старым, отжившим.

Поначалу в национальном селе проводились обряды корякские, ительменские, чукотские. Они обычно являлись семейными, часто устарелыми. Но вечерами на клубной сцене или во время советских праздников эти же люди со всей серьёзностью проводили новые обряды.

Новые обряды не могли полностью вытеснить старые, традиционные, но существенно их изменяли. Радостный подъём, оторван-

ность от малокультурного быта, торжественность обстановки в праздничнo убранном клубе, электрическое освещение, музыка — всё это производило неизгладимое впечатление на людей всех возрастов. Правда, не всегда сразу доходил смысл новых обрядов до присутствующих на торжествах. Но когда они понимали, что обряд способствует закреплению более прогрессивных методов труда, поощрению лучших производственников, чествованию родителей и новорождённого, тогда они охотно принимали новшество. В конце концов советские и гражданские обряды победили в камчатском селе.

Не обошлось, к сожалению, без передержек. Случается, в наших сёлах без достаточного на то основания отказываются от традиционных обрядов. Часто поверхностные знания истории народа, узкий кругозор, слабое представление о перспективах культурного развития приводили молодых активистов к ошибкам. Они отрицали полезность народных праздников и обрядов. Следует заметить, опровергателями всех без исключения древних традиционных ритуалов, прежде всего, выступала молодёжь местной коренной национальности. Работники районных партийных и советских органов обычно поправляли таких активистов, регулировали их общественную деятельность.

У народностей Камчатки были обряды, которые с глубокой древности сопровождали наиболее ответственные моменты в их жизни. Это так называемые «посвящения». Например, у коряков, чукчей, ительменов, алеутов жизнь мужчины состояла из цепи таких обрядов. Мальчика, убившего бабочку, мышонка, посвящали в охотники. Молодой мужчина подвергался ряду испытаний, чтобы стать главой семьи. Мужчина-воин проходил серьёзный экзамен, в ходе которого специальными каменными инструментами прокалывали губы, ноздри, вставляли костяные или каменные «зубы». Даже старики проходили инициации. При этом им отрезали мизинец, куда по древним поверьям вселялось зловредное существо. Позже вместо ампутации на мизинец надевали кожаный чехол.

Существовало немало и других обрядов, смысл которых был положительным, а форма — жестокой, отрицательной. К настоящему времени эти обряды прошли большую эволюцию. Сейчас даже старожилы не помнят их изначальной формы.

Прочно вошли в жизнь северян современные обряды: регистрация брака в сельсовете, регистрация новорождённого на клубной сцене или в сельсовете с вручением родителям ребёнка памятного знака, медали, удостоверения, свидетельства о рождении; торжественные

посвящения в рыбаки, оленеводы, охотники; вручение грамот, премий, наград лучшим колхозникам, работникам совхоза, госпромхоза; чествование ветеранов, проводы на пенсию, многие другие обряды, играющие огромную роль в деле воспитания современного человека. Новый обряд соответствует новому пониманию жизни, новым занятиям, новой морали.

Советский человек — гражданин развитого социалистического общества. По какому пути он должен идти? Вправе ли он полностью отрицать старые традиционные обряды, забывать своё прошлое?

Несмотря на развитие техники, индустриализацию, хозяйство Камчатки, особенно её север, носит ярко выраженный отпечаток прошлого: и в наши дни люди полуострова занимаются оленеводством, охотой, рыболовством, собиранием дикоросов, прикладным искусством. Эти направления трудовой деятельности человека сложились в далёком прошлом. Они устойчивы по многим причинам, основная же географическая. Северный олень обитает только в холодной, тундровой зоне. Пушной зверь (соболь, лиса, горностай) имеет лучший мех в условиях континентального климата. Для нашего полуострова характерен ежегодный рунный ход ценных лососёвых пород рыбы на нерест. А раз так, то вполне естественны на Камчатке оленеводство, рыболовство, охота. Эти виды трудовой деятельности северян за годы советской власти существенно изменились. Эти отрасли хозяйства стали товарными, рентабельными.

Обряды, сопутствующие таким занятиям, стали могучим рычагом воспитания трудовых навыков у молодёжи, приобщения её к производительному, творческому труду.

Вот как проходил один из таких трудовых обрядов в совхозе «Карагинский»:

Клубный зал заполнили жители села. На сцене, за столом президиума — знатные люди, руководители совхоза.

— Посвящается в оленеводы комсомолец Михаил Гуторов! — торжественно объявляет руководитель вечера.

На сцену поднимается виновник торжества, с ним ветераны труда, комсомольцы. Молодому оленеводу повязывают специальную праздничную ленту, вручают чаут — орудие для отлова животных, почётный диплом. Комсомольцы читают шуточные стихи. Знатные пастухи дают напутствия своему преемнику...

По двум путям развивается советская обрядность на Камчатке — по новому и традиционному. Советские гражданские обряды способствуют дальнейшему совершенствованию человека. Они помо-

гают воспитывать в людях патриотизм и социалистический интернационализм, готовность в любой момент встать на защиту великих завоеваний Октября; традиционные — трудовые навыки, специфические для района, колхоза, совхоза занятия. Но все эти обряды, в сущности, служат одной цели — воспитать человека активным строителем коммунистического общества, которому чужды национальная ограниченность, исключительность, который был бы по своему характеру оптимистом, своим вдохновенным трудом приумножающим экономическую мощь любимой родины, обновляющим суровый камчатский край.

Блокнот агитатора, 1981, № 1, с. 15—19

Реликвии острова Беринга

Слюдяной иллюминатор. На столе, предварительно застеленном белым ватманом, — две горсти тонких прозрачных пластинок самой неожиданной формы. Рядом — толстая вытянутая полоска из такого же материала, только желтоватого цвета. Над ними возвышается грубый кусок ржавчины, приглядевшись к которому можно заметить канавку, а в ней — шляпки очень мелких, так называемых «сапожных» гвоздей.

Нас четверо: два старшеклассника — Алексей Щербаков и Дмитрий Ярославский, студент третьего курса Камчатского пединститута Анатолий Зиневич и автор этих строк. Мы осторожно собираем из этих прозрачных пластинок нечто единое целое.

— Откуда этот мусковит? — спрашивает Анатолий. — Карельский он или уральский?

Пока это не ясно и мне самому. А ребята неторопливо подбирают кусочки с одной прямой стороной, выбирая их из общей массы.

— Неужели из этой слюды делали иллюминаторы? — сомневается Алексей.

— А почему бы и нет! Слюда прочнее стекла, — отвечает Дмитрий.

— Но не прозрачнее!? Смотри, через эти мелкие кусочки ничего толком не увидишь...

— А если целая пластина, большая, — то увидишь, — парирует Дима.

...Вот уже вторую неделю ребята-комсомольцы, активисты археологического кружка при Камчатском областном краеведческом музее восстанавливают иллюминаторы с пакетбота «Святой апостол Пётр», фрагменты которых были собраны участниками экспедиции на Командоры в 1966 г. и в дни моей командировки на остров

Беринга в 1973 г. До сего дня они хранились в фондах нашего музея в разрозненном состоянии.

Почему мы так уверенно собираем именно два иллюминатора? Дело в том, что все эти кусочки найдены в двух местах, и прямых слюдяных кромок в каждой кучке избирается как раз на два квадрата со стороной где-то около двенадцати сантиметров.

— Иллюминаторы... квадратные?

Да, квадратные, и вскоре ребята уже демонстрируют их. Но как проверить, что так было на самом деле?

Ребята размышляют недолго. По их мнению (так оно и оказалось), кусок ржавчины с мелкими гвоздями — не что иное, как железная «рама» одного из иллюминаторов. Прикладываем уже склеенное «стеклышко» к канавке с гвоздями — всё подходит точно. А полоска слюды, окрашенная в жёлтый цвет окислами железа, — остаток от другой, не сохранившейся рамки.

...Огромное кормовое «окно» состояло из многих десятков таких слюдяных иллюминаторов, смонтированных на металлической основе. Оно принадлежало кают-компании, где собирались офицеры, помощник капитана Свен Ваксель, учёный-натуралист Георг Стеллер и сам капитан Витус Беринг. Здесь горячо спорили и хладнокровно вычисляли курс корабля на Камчатку, в Россию. Ровный свет — солнечный и отражённый от моря — озарял первые карты северо-западного побережья Америки, открытой русскими моряками.

Герб. Среди находок, собранных в бухте Командора, на месте зимовки экспедиции, наибольший интерес вызывает бронзовый чеканный круг.

Вначале он представлял собой полусотню разрозненных, покрытых зелёной патиной кусочков. Благодаря скрупулезной работе краеведов А. Зиневича, А. Щербакова и Д. Ярославского кусочки были «смонтированы» в один круг. Правда, круг не полный: часть фрагментов ещё находится где-то в земле на острове Беринга...

Чеканка на круге, по-видимому, заводского производства и, быть может, выполнена она на Петербургском Монетном дворе не позже 1740 г.

Круг имеет диаметр небольшого блюдца. Кромка украшена вогнутой канавкой и пунктиром выпуклых точек. Всё поле круга занимает двуглавый орёл, увенчанный коронами. В его правой руке — скипетр. Рельефно, художественно изображены крыло, перья, глаза, клюв. Работа чеканщика, автора модели, — тонкая, профессиональная. Такая техника характерна для русских орденских звёзд XVIII—XIX столетий.

К сожалению, герб сохранился не полностью, лучше всего — довольно массивная бронзовая полукруглая планка, к которой, возможно, герб крепился.

Этот государственный знак петровской эпохи мог служить для того, чтобы русские первооткрыватели отмечали им новые земли.

Найдено ещё два аналогичных герба, также фрагменты. Один из них в три раза меньшего диаметра. Он с частью подвески и с кусочками ткани и кожи.

Это наводит на мысль, связанную вот с каким фактом: по сведениям штурмана Свена Вакселя, в числе инструментов и оружия, «законсервированных» на месте зимовки экипажа пакетбота, находился и флаг адмирала. Ведь Витус Беринг получил от Петра I звание капитана-командора (близкое к адмиральскому), и беринговский пакетбот, в отличие от судна, которым командовал Чириков, шёл под адмиральским флагом.

Малая подвеска с изображением герба, возможно, была атрибутом адмиральского флага.

Камчатский комсомолец, 14 января 1982 г., № 5

Посвящается Витусу Берингу

Материалы этой выставки, открытой в областном краеведческом музее, поступили к нам после археологических раскопок и сбора экспонатов на Командорских островах. Все предметы так или иначе были связаны с пакетботом «Святой апостол Пётр», капитаном которого был Витус Беринг.

Кованые лючные навесы, изъеденные ржавчиной, литая дверная накладка, «кантовые» кованые корабельные гвозди разной длины с округлыми и квадратными шляпками: для бимсов, бортовой обшивки палубного настила — представлены для обзора. Это наиболее крупные предметы, ими скреплялись основные узлы пакетбота.

Здесь же находятся фрагменты двух слюдяных иллюминаторов. Они — квадратной формы, небольших размеров и собирались на металлическом каркасе в многоячеистую систему, в огромное удлинённое кормовое окно кают-компании.

Предметы рангоута: деревянные блоки из тонкослойных пород дерева, произраставших на Дальнем Востоке (лиственница и каменная берёза), диаметром до десяти сантиметров, но по годичным кольцам — им было примерно сорок — пятьдесят лет. Дерево хорошо сохранилось, а вот железные коуши (внутренние вкладыши) к блокам превратились в ржавчину. Как ни странно, в хорошем

состоянии оказались корабельные канаты. Правда, они обуглены, так как из них при постройке из обломков пакетбота спасательного гукера вытапливали смолу. Они разного диаметра и, подобно всем экспонатам, пролежали в земле двести двадцать пять лет. Многие вещи с пакетбота были взяты на гукер, другие надёжно запрятаны в склад (тот был раскопан археологом Ленковым из Дальневосточного научного центра в прошлом, 1981 г.).

На нашей выставке имеются предметы быта, труда, оружие экспедиции В. Беринга, которых больше нет нигде в мире. Здесь представлены отлитая в бухте Командора свинцовая пуля с литничком, ещё не отрубленным, и кусок свинца, увесистый, покрытый окисью белого цвета естественного происхождения («свинцовые белила»), картечь литая чугунная, двух-, трёхфунтовые ядра. Ядра, калибр которых в XVIII в. определялся их весом, сильно испорчены коррозией.

В фондах музея имеется не менее интересный экспонат с места находок этих ядер: отпечаток ядра диаметром около ста пятидесяти миллиметров. Был ли такой калибр на борту беринговского пакетбота, пока не установлено.

Орудия труда — матросские ножи, один из которых хорошо сохранился. Он без ручки, но лезвие толстое, кованое, острие заточено хорошо, насад — в виде черешка. Два небольших корабельных топора, фрагменты бронзового измерителя с иглой и кисти с обмоткой из тонкой медной проволоки.

Здесь же, в стеклянной витрине, демонстрируются предметы быта: обломки глиняной керамики в виде крынок; части распространённых в 1600—1700-х гг. квадратных в сечении штофов — бутылок для напитков и лекарств; детали кожаной обуви, стенка чугунного котла.

Все эти предметы композиционно «объединяет» модель корабля-парусника, флагмана Второй Камчатской экспедиции — пакетбота «Святой апостол Пётр». Приглядитесь к нему внимательно: четырнадцать чугунных пушек, капитанский мостик, кают-компания, бугшприт и две мачты с парусами, наполненными ветром дальних странствий. В носовой части, на борту — два кованых якоря, корабельный колокол: на корме у ограждения капитанского мостика — штурвал, перед ним компас. Здесь же подвешен фонарь, а выше развевается Андреевский флаг — флаг русского военного флота. Наши предки не только искали и исследовали новые земли, но и охраняли их на восточных рубежах Российской земли.

Камчатская правда, 30 мая 1982 г.

Кухлянка, которой тысяча лет

Предки современных жителей Корякского автономного округа создали универсальную в своём роде кухлянку — одежду «закрытого» типа. Рукава и подол её опушены мехом росомахи. Для каждой кухлянки характерен капюшон и «воротник-нагрудник» для защиты лица во время пурги. В комплекте с меховым головным убором пэнкэн — малахаем, торбасами — плэку — кухлянка незаменима в зимней тундре и тайге. В ней можно спать прямо в снегу. При передвижении на нарте её надевают мехом внутрь, при ходьбе — мехом наружу.

Для оленеводов мастерицы шьют прекрасные мужские головные уборы — укампэнкэн (в переводе: «головной убор в форме деревянной округлой посуды»), богато расшитый бисером, бусами, украшенный орнаментами. Он характерен для оленеводов-чавчувенов и чукчей. Рукавицы из камуса, праздничные пояса, бисерные чехлы для табакерок — это всё можно увидеть в областном краеведческом музее. Здесь собрана и национальная одежда эвенов распашного типа: тэта, торбаса — унтэ (позже так стали называть обувь лётчиков и полярников), головной убор, похожий на нанайский и эвенкийский (это не случайно: отдалённые предки эвенов жили в Приморье и Приамурье).

Детская одежда тоже представлена в музее.

Камчатский комсомолец, 12 июня 1982 г., № 73

Охотники, рыбаки, собиратели

Более поздний этап древней курильской культуры интересен орудиями, изготовленными из кости. Они очень разнообразны по форме, но преобладают те, которые использовались при охоте, — это копьевидные с черешком наконечники и их хвостовые части. С ними охотились на птиц, тундровых зверей. Древко стрелы, видимо, изготовлялось из дерева. Одна из деталей такой стрелы украшена геометрическим орнаментом с чертами стилизации. Имеется наконечник в виде лопатки. Его ударная часть округлена, и подпрямоугольный насад мог быть отделяемым, но привязывался к древку стрелы на длинном жильном шнуре.

Самым сложным орудием курильцев был поворотный гарпун. Он имеет два симметричных шипа, ниже которых по вертикали располагаются два отверстия для линя. Ещё ниже имеется выемка, куда вставлялся колок, другим своим концом крепившийся в гнезде

древка. По обе стороны от выемки — острые плечики, которые упирались в рану морского зверя. Поворотный гарпун является доказательством высокой степени развития морской охоты у курильцев.

Костяное орудие с желобком, двумя отверстиями, к тому же «согнутое» по середине, могло быть составной частью крючка — марика — для лова крупных лососей. Округлой «пяткой» оно вставлялось в основание, которое могло быть также костяным.

Довольно широкая игла из крупной кости птицы (лебедя или гуся) с идеально круглым просверленным отверстием могла использоваться для изготовления изделий из меха и кожи. На выветренной поверхности стоянки найдены поздние бусы из голубой и синей стеклянной пасты. Все бусины с одним сквозным отверстием, но одна из них с двумя взаимно пересекающимися...

Таким образом, древние курильцы в эпоху расцвета были прекрасными охотниками, ловили рыбу, шили одежду, носили украшения. У них была высокая техника поворотных гарпунов. Зимой они жили в полуземлянках, летом — в свайных постройках — юкольниках, где хранили и припасы. Одежду носили не только меховую, но и из ткани, изготовленной на примитивных ткацких станках. И что самое неожиданное: у них были бумеранги, которые они метали с большой точностью, охотясь на птиц.

Ударник, 16 сентября 1982 г., № 114

«Мост» через море

Из Магадана на Камчатку прибыл отряд археологов под руководством доктора исторических наук, члена-корреспондента Академии наук СССР Николая Николаевича Дикова для продолжения исследований на палеолитической стоянке «Ушковское озеро». Здесь производятся раскопки палеолитического посёлка с большим количеством жилищ. Топография посёлка, функциональное значение каждой постройки, их размеры и вместимость дадут новые сведения для моделирования социальной организации первобытного коллектива.

Площадь посёлка огромна — более пяти тысяч квадратных метров, а стоянки — больше во много раз. Более двадцати лет ведёт здесь археологические раскопки Н. Н. Диков. На стоянке выявлено восемь культурных слоёв. Самому древнему из них (определено по радиоуглеродному методу) — более пятнадцати тысяч лет.

Инвентарь стоянки очень разнообразен: кремневые тесла предков ительменов-тарьинцев, каменные шпильки и лабретки, имев-

шие ритуальное назначение, характерное для алеутоэскимосов, палеолитические клиновидные нуклеусы, из которых изготовлялись ножевидные пластины, а также черешковые наконечники. Они характерны для самых ранних жителей Камчатки, людей палеолита. Интересно, что черешковые наконечники на Камчатке появились раньше, чем на многих палеолитических стоянках мира.

На стоянке «Ушковское озеро» найдено захоронение человека, покрытое красным охристым слоем: древние люди верили, что охра красного цвета имеет магическое свойство, дающее возможность умершему возродиться в другом мире.

Здесь же были обнаружены связки бус из камня, раковин моллюсков и даже янтаря. Геологами было определено, что янтарь этот — камчатского происхождения и добывался в палеолите на западном побережье полуострова. Эти украшения с тысячами бус были не что иное, как вампум (разновидность так называемого «предметного письма») протоиндейцев.

В горизонте выше Н. Н. Диков раскопал ритуальное захоронение собаки. Собаки использовались как транспортное средство. Так было установлено, что предки американских индейцев двигались в Северную Америку по «мосту» через Охотское море, через Камчатку, а не наоборот. Точное, строгое доказательство, основанное на подлинных орудиях труда, стало общепринятым в научном мире...

В археологический отряд входят сотрудники Магаданского Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Дальневосточного научного центра Академии наук СССР, а также студенты Камчатского педагогического института.

Палеолитическая стоянка «Ушковское озеро» — уникальный памятник археологии. Он взят под государственную охрану. В начале октября экспедиция отбудет из Петропавловска-Камчатского к месту раскопок. Работы закончатся в октябре.

Камчатский комсомолец, 5 октября 1982 г., № 119

Американский учёный на Медном

Однажды, листая подшивку газеты «Камчатская правда» за июль 1937 г., я обратил внимание на статью «Американская экспедиция на Командорских островах». В 1973 г., собирая этнографический материал по командорским алеутам и вспомнив ту статью, я стал расспрашивать местных жителей о предвоенной экспедиции.

И вот какие интересные сведения сообщил мне по этому поводу Александр Моисеевич Аксёнов, ранее занимавший должность председателя Медновского сельсовета. Оказывается, он был участником археологических исследований на острове от советской стороны. И областная газета тогда осветила это событие на своих страницах. Вот полный текст заметки:

«Остров Беринга (по радио). По разрешению нашего правительства на Командорские острова приехала археологическая экспедиция, изучающая происхождение алеутского народа. Работа экспедиции не увенчалась, однако, успехом, так как ни один житель островов не мог дать сведений о населении доберинговского времени, то есть до сорок первого года XVIII столетия. Экспедиции пришлось ограничиться некоторыми данными о жизни на острове в более позднее время.

Начальник экспедиции доктор Сердиличен благодарил алеутов и районные организации за посильную помощь, оказанную ему и членам его экспедиции. Перед отъездом он выразил своё восхищение хорошей жизнью алеутов».

Стояла подпись — Антипов...

Однако в заметку, из-за того что она была передана в Петропавловск по радио, вкралась неточность: настоящая фамилия археолога — Грдличек. Он был доктором археологии, американцем чешского происхождения. И тогда, и позже этот учёный хорошо относился к нашей стране. Будучи честным человеком, он выступал в печати и на собраниях против ярых антисоветчиков Америки, всегда был объективен. Грдличек дружил с нашим академиком А. П. Окладниковым и участвовал перед Великой Отечественной войной с ним в Среднеазиатской археологической экспедиции, где были обнаружены рисунки, сделанные древними людьми цветными охристыми красками. Это динамичные, словно застывшие в прыжке дикие лошади, олени, бизоны...

«Мы тогда помогали американскому археологу, — вспоминает Александр Моисеевич. — Он обошёл весь остров. Интересовался сказками. Мы ему многое рассказывали. Он записывал алеутские слова. Экспедиция рыла шурфы, но тогда на Медном ничего не нашли»...

Советское государство всегда придерживалось политики мира, торговых и культурных отношений между всеми странами, в том числе — странами акватории Тихого океана. И факт американской экспедиции 1937 г. был таким шагом.

Алеутская звезда, 10 ноября 1982 г., № 90

В фондах Камчатского областного краеведческого музея хранится около десятка гарпунов и стрел — метательных орудий для охоты на морских животных и птиц. Эти предметы были изготовлены в XIX и начале XX столетия (а может быть, и ранее) алеутами — прекрасными охотниками, зоной промысла которых было бурное Берингово море.

Все эти орудия чем-то похожи друг на друга: деревянное, округлое в сечении древко, окрашенное красным (древние алеуты красили дерево кровью), костяная втулка, вставленная вырезом «на ус» в древко, и на месте стыка всё закреплено широкой полоской обмотки из жильной нитки. Наконечник вставлялся обычно в гнездо в торцовой части втулки. Последняя делалась не менее пятнадцати — двадцатисантиметровой длины, чтобы раненый зверь не перекусил орудие охоты у места попадания. Наконечник обычно отделялся и привязывался длинным жильным шнуром или ремнём к древку. После поражения зверя древко служило своеобразным поплавком.

Наиболее ранним орудием, на мой взгляд, является гарпун поворотного типа (пунукский тип древнеэскимосской культуры, а эскимосы родственны алеутам). Он — для охоты на сивучей и других крупных животных. Находка такого гарпуна на Командорских островах является большой неожиданностью. Наличие его здесь можно считать даже открытием. У гарпуна, точнее его костяного наконечника, имеется остриё с симметричными плечиками, три отверстия для линя и внизу одна «шпора». После удара гарпун поворачивался в ране, упираясь «шпорой» в мышечную ткань. Вот почему зверь уже не мог сорваться. Древко гарпуна массивное, втулка также. На противоположном конце древка вставлено пятиугольное костяное остриё — «пятка», крепко привязанное ремешком.

Второе командорское оружие — стрела с костяным наконечником — гарпуном с тремя шипами на одной стороне. Стрела красного цвета, ударный конец — костяная втулка, куда вставлялся наконечник. Хвостовая часть стрелы заканчивается шариком с прорезью, который соприкасался с тетивой. Стрела оперена тремя птичьими перьями, привязанными жильными нитками. Такой стрелой могли охотиться, например, на каланов. По-видимому, охотились не при помощи копьеметалки, а при помощи лука. По размерам стрелы (полтора метра) можно сказать, что лук имел также внушительные размеры.

Эти уникальные образцы древнеалеутской культуры, её позднего этапа, бережно хранятся в нашем музее. Костяные наконечники в эпоху железа — редкий «пережиток» древней культуры.

Алеутская звезда, 1 декабря 1982 г., № 96

Тэлытэл — пропеллер, которому тысяча лет

...Женщины танцуют самозабвенно. Слегка наклоняясь вперёд и покачиваясь на носочках, они плавно разводят руками, как будто плывут по волнам.

Идёт осенний праздник проводов морских зверей, старинный праздник нымыланов, береговых коряков. Сейчас он мало где сохранился. И тут из прихожей доносится тяжёлый, низкий гул, заглушающий песню и глухие удары бубна. Поднимается ветер, освежая танцующих и зрителей.

Там, в прихожей, на туго закрученном ремне, который одним концом привязан за столб, вращается деревянный пропеллер. Отля — опытный охотник из села Карага — сидит на полу и держится за перекладину, продетую через петлю на конце ремня. Охотник то тянет ремень на себя, то плавно отпускает. Вертушка взвывает, как морской исполин морж. Это вращается тэлытэл.

Часом раньше несколько мужчин, сидя у печки, быстро и ловко строгали берёзовые чурки самыми лучшими ножами Камчатки. Их уже несколько столетий куют в селе Парень. Ножом просверливают на середине пропеллера два отверстия для нерпичьего ремня. На концах лопастей по обе стороны вырезают две полусферы, которые при вращении тэлытэла издают особенный гул. Иногда на лопастях вырезают отверстия.

Вертушку делают по-разному. Ительмены изготовляли её длиной до метра и надевали на двойную верёвку из крапивы. У паланских оленеводов использовалась берцовая кость оленя. Был тэлытэл у островных коряков — алюторцев, у южных чукчей. У северных коряков, алеутов, эскимосов он напоминал видом птиц.

Алеуты подобную птицу надевали на жезл, встречая и приветствуя гостей или мореплавателей, но связь деревянных птиц с тэлытэлом ещё до конца не выяснена.

...Хозяин праздника уже отправил в огненное море — бросил в горящую печку — изображение нерпы, разрезал шкуру зверя по спирали. Получился ремень длиной в сорок — пятьдесят метров. Ремень продели в тэлытэл.

И вот обряд идёт полным ходом.

Мужчины, сменяя друг друга, вращают пропеллер — тянут за ремень и с нетерпением ждут: кто первый порвёт — тот становится самым сильным мужчиной и самым удачливым охотником. Если туго закрученный ремень оборвётся и вертушка полетит в комнату, то считается, что отправленные нерпы вернутся в будущем году и охотники их снова добудут.

Тэлытэл, или талытал, или тилтил — эти слова переводятся как «вертушка», «створчатая дверь», «крылья», «орёл». Корни этих слов, по-видимому, означают «крыло, крылья». А это, судя по фольклору, могло быть связано с птицей или бабочкой, которая отправляла или возвращала душу добытого зверя. Здесь мы и подошли к разгадке тайны «крылатого предмета», которая долго не была раскрыта.

Учёные, изучающие археологические стоянки предков эскимосов, проживавших на Чукотке, нашли удивительные по форме и орнаментовке предметы, которые ими были названы крылатыми. Небольшие (пятнадцать — двадцать сантиметров в длину), они имеют крылья и зачастую два отверстия (я полагаю, что для ремня), а в средней части — углубление для палки или жезла. Но оно было далеко не у всех крылатых предметов.

В настоящее время нет единого мнения о назначении крылатых предметов. Одни учёные считают, что эти находки являются деталью плавательного средства эскимосов — каяка, другие называют их деталью гарпуна или, быть может, жезла.

Конечно, тэлытэл гораздо моложе эскимосских находок, но он может прояснить многое. В частности, то, что эскимосский предмет мог играть роль обрядового, ко всему прочему, предмета, а по возрасту мог быть предком тэлытэла.

Камчатскими «вертушками» заинтересовались инженеры Московского авиационного института, занимающиеся исследованием и созданием новых видов пропеллеров для самолётов. Оказалось, что пропеллеру, которому не менее тысячи лет, сопутствуют аэродинамические эффекты, характерные для современных воздушных винтов.

Дальний Восток, 1982, № 4, с. 159—160

Аттэваат

...Необычным судном коряков северо-западного побережья Охотского моря была морская байдара — аттэваат — не кожаная на сборном каркасе, а деревянная. Байдара имела большую грузоподъёмность, и в условиях сурового Охотского моря, среди плавучих льдов

она была самым приспособленным видом транспорта и плавательным средством для охоты на крупных ластоногих и китов. Байдары изготовляли из трёх частей: носа, кормы и середины. Эти части выдалбливались из огромных деревьев (многолетних тополей) отдельно и собирались: их очень прочно сшивали полосками китового уса. Байдара была устойчивой на плаву, очень крепкой и надёжной даже в условиях высокой волны.

Для прочности, остойчивости и возможности идти «в крест» течения и ветра к днищу китовым усом пришивали киль, который на охотском диалекте корякского языка назывался «китчак». Он перекрывал два шва на днище, делая его жёстким на излом. Жёсткость корпуса сверху обеспечивалась скамейками-банками (по-корякски — вэкалгалв'о) для гребцов и носовой доской, расположенной поперёк байдары, — тчивазин. Последняя являлась своеобразным походным трапом: при швартовке эта доска втыкалась в берег и по ней охотники сходили с байдары на берег. Солидными были размеры доски — длина два метра, ширина до сорока сантиметров.

Слово «тчивазин» с наличием фонемы «з» говорит, что в языке охотских коряков (а возможно, поэтому и в транспортных средствах) прослеживается влияние охотских эвенов. К противоположным торцам доски привязывались клинообразные концы, похожие на «хвосты» кафтанов оленных эвенов, — галв'о. Этот факт также свидетельствует в пользу эвенского влияния на береговых коряков Северной Охотии.

Данные о плавательных средствах этого района приводятся в Архиве Академии наук СССР в документах, датированных 1709—1711 гг. Подробное описание приводит исследователь Линденау. Он, в частности, пишет: «Вёсел длиной в полторы сажени, полулопастных, в байдаре полагается десять: два сзади, на корме, которыми укрепляется один гребень, а восемь по обеим сторонам». На байдаре с правой стороны от острого носа имелся средних размеров деревянный крюк — оивалга.

На него клали линь, который при охоте на кита отпускали вместе с привязанным к нему гарпуном. Трёхметровые вёсла, которых было десять (а гребцов девять), также способствовали большей устойчивости судна.

Каждый гребец стоял лицом к носу и во время гребли толкал весло от себя. Гребец же с кормовыми вёслами смотрел вперёд. Вёсла крепились к ременным уключинам по концам банок. Байдара аттэваат развивала сравнительно большую скорость и имела свои

«спасательные средства» — небольшую лодочку-байдарку, обтянутую нерпичьей кожей.

Среди пенжинских коряков есть старожилы, которые помнят рассказы дедов об этом типе мореходных судов.

Рыбак Камчатки, 15 июня 1983 г., № 69

Остров черемши

На самых северных Курильских островах — Шумшу и Парамушире — проживала этническая группа курильцев, народ со своеобразной культурой. Так, зимой курильцы, как оленные северяне, носили кухлянки, торбаса, меховые брюки, ездили на собаках, строили тёплые жилища. Летом же по-южному носили одежду из кожи, набедренные повязки, ткали своеобразный холст на специальных станках. У них был полинезийский простой лук, на костяных наконечниках стрел — канавка для яда. Плавали на байдарах, их чёлны имели фальшборт. Курильцы охотились на медведей и на морских зверей. Для морской охоты использовали добротные гарпуны, которые надёжно удерживали животных на острие, и они не могли сорваться.

Материалы раскопок археолога Тамары Митрофановны Диковой подтвердили, что курильцы проживали не только на Северных Курилах, но и на мысе Лопатка.

Имеющиеся в фондах нашего музея материалы свидетельствуют, что «диффузия» курильцев продолжалась и в более позднее время от мыса Лопатка по линии, соединявшей Усть-Большерецк, реку Налычеву и город Петропавловск. В музейной коллекции есть плоскодонная керамика с ручками из глины, поворотные гарпуны, костяные стрелы и рыболовный крючок, голубые бусы, деталь собачьей упряжки. На стоянках обитания курильцев найдены небольшие топоры из кремневого сланца, каменные наконечники стрел с полукруглым острием, а также уникальная костяная фигурка в форме ритуальной палочки — инау. Начиная с 1970 г., фонды музея всё интенсивнее пополняются предметами курильцев.

Интересно, что топоним «Шумшу» с ительменского переводится как «Остров черемши» или «Черемша». Кто же первым заселил остров Шумшу (и, возможно, Парамушир) — айны или ительмены? Ительменское название первого острова «Шумшу» даёт право считать, что первыми были ительмены. Позже, после «нашествия» с юга айнов, здесь начались этногенические процессы, которые привели к созданию этнической группы — курильцев. Изучение

древнекурильской культуры продолжают сотрудники Камчатского областного краеведческого музея.

Камчатский комсомолец, 23 августа 1983 г., № 101

Тигильские коряки: обрядность вчера и сегодня

Тигильская группа коряков входит в общность, носящую название «коряки-паланцы». Общность эта охватывает территорию от Тигиля до Паланы. Но некоторые этнографы и демографы относят к ним также и жителей сёл Подкагирное и Рекинники. Праздники и обряды у коряков этой группы связаны с занятиями охотой, рыболовством и оленеводством.

Паланцы — это отдельная (одна из нескольких) группа коряков, которая имеет свой язык, материальную и духовную культуру, отличающуюся от соседей. Это и понятно. Ведь паланцы сложились в процессе длительного развития и благодаря тесным контактам с южными соседями — ительменами, северными — пенжинцами, оленными — чавчувенами, а в начале XIX в. и с эвенами. Есть факты, свидетельствующие о том, что в далёком прошлом у паланцев присутствовали даже элементы эскимосской культуры. Об этом говорят, к примеру, каменные ножи, которыми женщины пластали ластоногих.

Элементы традиционной духовной культуры паланцев также очень разнообразны. Здесь и праздник охотников на нерп, который местное население называли просто «ангыт» (праздник) или по восклицанию на этом празднике — «хололо» или «ололо» (глухое «г», как приставной звук, более характерно для карагинцев).

Около десятка праздников и ещё более обрядов у этой группы связано с оленеводством. Большинство их отмечалось ещё в дореволюционное время и имело ряд негативных черт. В частности, во время обрядов и на праздниках присутствовали шаманы, церковники (на земле паланцев было несколько церквей), имели место случаи жертвоприношений. В настоящее время тигильская группа коряков занимается в основном выпасом оленей (совхозы «Тигильский» и «Паланский»), охотой на пушного зверя, рыболовством. Занятиям соответствуют праздники и обряды, которые в советский период преобразовались и отражают наш образ жизни и то новое в быту и занятиях людей труда, что способствует всё убыстряющимся темпам развития района и области.

Так, на февральском празднике оленеводов, который по новой традиции считается мужским и отмечается 23 февраля, устраивают-

ся спортивные состязания, где демонстрируются ловкость, сила и мужество молодых оленеводов — будущих защитников родины. В программу праздника включаются гонки на собачьих и оленьих упряжках, корякская народная борьба, биатлон (лыжные гонки со стрельбой по мишеням), а также современные обряды в форме торжественных награждений победителей соревнований.

В селе отмечаются и другие советские обряды. В частности, в торжественной обстановке проходит регистрация бракосочетания. Молодожёны, среди которых могут быть представители корякской, ительменской или другой национальности, одеты согласно традиции, обычаю или моде. В руках они держат цветы. Звучит торжественная музыка. Вот они надевают обручальные кольца. Рядом стоит шафер и подружка с красными лентами через плечо, алым цветком или брошью на груди. Новобрачные ставят свои подписи под документом. Сотрудники отдела ЗАГС или сельсовета вручают им «Свидетельство о браке», означающее рождение ещё одной советской семьи...

А ведь ещё шестьдесят шесть лет тому назад у тигильских и некоторых других групп коряков свадебного обряда вообще не было. Родители заранее договаривались между собой, что их дети, повзрослев, станут мужем и женой, девушек выдавали замуж против их воли. Иногда оленевод или рыбак становился мужем после «отработки за невесту» и так называемого обычая «хватания невесты».

Наличие в районе оленеводческих хозяйств способствует рождению новых обрядов, органически вплетающихся в жизнь, в производство. На клубных сценах сейчас можно видеть современный обряд «Посвящение молодых пастухов в оленеводы». В торжественной обстановке самым достойным вручается главное орудие труда оленевода — чаут (аркан). Одновременно пастуху даётся специальная грамота, через плечо повязывается алая лента, дарятся памятные подарки.

Посвящённых в оленеводы ребят поздравляют старшие товарищи по работе, участники агиткультбригад, учащиеся профтехучилища, родные и знакомые.

Обряд этот родился, конечно, не на пустом месте, а благодаря сохранению рационального зерна в одной из древних корякских традиций. Развитию советской обрядности с её яркой по форме и зрелищной стороной, связанной с народными традициями, способствуют работники культуры, пропагандисты. Больш*ая* в том заслуга и представителей местных коренных национальностей,

которые передают свой опыт и знания ради этого важного дела. Всем им надо сказать спасибо и пожелать новых успехов и в дальнейшем.

Знамя Ленина, 13 октября 1983 г., № 84

Этническая карта района в XVII в.

В XVII в. русские землепроходцы Чукотки, а в конце столетия отряд казачьего пятидесятника Володимера Атласова из Анадырского острога дошёл до Южной Камчатки. Из Якутского острога, основанного в 1632 г., казаки шли на восток «для прииску новых землиц» и поиска пушнины: соболей и лис-огнёвок. Ценился в то время и «рыбий зуб» — моржовый клык, запасы которого были в районе лежбищ на берегах Анадырского залива. Проходили казаки и по территории современного Пенжинского района.

Уже тогда ими были отмечены этнические группы, которые живут здесь по настоящее время или исчезли, слившись с другими народностями. Так, в месте наибольшего сближения рек Анадырь и Пенжина проживали ходынцы, а по среднему течению реки Анадырь — анаулы. Это были, по-видимому, юкагирские племена. Они в более раннее время вклинивались между палеоазиатами (чукчами и коряками), разделив их, а позже растворились в палеоазиатской среде, значительно изменив внешний облик последних. На западе района проживали ямовские коряки, иретские чавчувены, коряки-туманцы, гижигинцы, итканцы, пареньцы и каменцы. Каменцы обитали от села Старая Каменка (позже переселились в Манилы) до села Рекинники включительно. Севернее туманцев и гижигинцев, а также каменцев жили кочевые оленеводы-чавчувены.

Сложный и даже пёстрый этнический состав групп, владевших разными диалектами, усугублялся ещё соседством тунгусо-маньчжурских родов. Последние продвигались из районов Приамурья и Приморья на север, сталкиваясь с юго-западными коряками (ямовскими, иретскими, туманскими).

Столкновения иногда носили вооружённый характер. Из шести групп тунгусоманьчжуров три группы в дальнейшем сохранились и составили основу эвенского этноса на Камчатке. Это долганы, уяганы, дельяны. Эвены, проживающие по настоящее время на севере Камчатки, носят фамилии Уяганов, Делямских, Долганов. Эвенов на Камчатке более тысячи человек. «Тауйские пешетунгусы», горгоры, завердоры, являвшиеся своеобразным «буфером» между ямовскими, иретскими коряками и уяганами, долганами, дельяна-

ми, растворились, ассимилировались среди коряков и эвенов и утратили свою самостоятельность.

К концу XVII столетия более десятка казачьих отрядов прошли через земли, населённые предками современных пенжинцев. Они нанесли на карты реки, горные хребты, озёра, тундру, принесли медь и железо, наладили кузнечный промысел. Благодаря экономическим связям, пушнина и рыба стали товарной продукцией, и местное коренное население включилось в товарно-денежные отношения. Это привело к завершению древнекорякского этапа истории и наступлению эпохи развития культуры XVIII столетия.

Полярная звезда, 22 декабря 1984 г., № 102—103

Триста лет назад

В XVII—XVIII столетиях на территории Карагинского района шли интенсивные демографические процессы: окончательно формировалась новая этническая группа коряков — карагинские. По-видимому, до этого на большей части района проживали коряки-алюторцы, поселения которых начинались от мыса Говена, на реке Алют (Альют) от села Алюторка (Култушное) и, быть может, простирались до реки Уки и даже до реки Левой Озерной. На реке Озерной проживали северо-восточные ительмены.

Судя по некоторым археологическим находкам, собранным автором статьи, словарю, составленному С. П. Крашенинниковым по записям из уст жителей острова Карагинского, лингвистическим исследованиям С. Н. Стебницкого, на острове Карагинском в древности и даже в XVII—XVIII вв. проживали ительмены. Слияние южных алюторцев с северными и большей частью с островными ительменами явилось главным фактором формирования карагинских коряков. Этот процесс шёл неравномерно. Так, в 1730—1740 гг. и на острове Карагинском, и на юге района проживали отдельные группы ительменов; на границе с озерновскими ительменами — промежуточная группа укинцев.

И в XVII в., и в настоящее время на севере района жили и живут алюторцы (обитатели сёл Анапка, Кичига, Ильпырь, Тымлат). Они занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом и, что явилось нетипичным для береговых коряков, оленеводством. Такое хозяйствование этнографы, изучающие Камчатку, называют «алюторским».

Южнее, от села Старая Карага, проживали береговые корякикарагинцы. Они — морские охотники, рыболовы. На острове жители

занимались рыболовством, охотой на моржей и китов. У них, как и у береговых карагинцев, были огромные байдары с деревянным наборным каркасом, обтянутым шкурами лахтаков и сивучей.

Кто были соседи населения, проживавшего на территории современного Карагинского района? На западе, в долинах и распадках Срединного хребта, кочевали оленные коряки-чавчувены. По горным тропам, идущим через перевалы из Ивашки — в Палану, из Караги — в Лесную, из Апапки — в Рекинники, карагинцы добирались летом на долблёнках-батах, зимой — на собачьих упряжках до коряков-паланцев, лесновцев и каменцев (к каменцам относятся и жители села Рекинники). На юге, от реки Озерной до реки Камчатки, проживали ительмены группы ханчалай, по имени которых, по мнению автора, и была названа Камчатка.

Алюторцы и карагинцы неоднократно сталкивались с оленеводами-чавчувенами, что способствовало у первых развитию оленеводства. Одно из таких столкновений, закончившееся мирной ассимиляцией чавчувенов, произошло в 1740 г. Тогда «чукча» (чавчувен) Чинник, «прикочевавший с севера» со своими оленными табунами, осел в Караге. Потомки Чинника здесь живут и по настоящее время, носят чавчувенские имена: Синню, Тныгыргын, Рока, Рольтнтэгин, Етвагаль.

С XVII столетия через земли района проходили нартовые пути с западного побережья. Через перевалы — в Карагу; по реке Еловке, северному притоку реки Камчатки, — в Нижнекамчатский острог (современный Усть-Камчатск) и дальше — в Петропавловск. Верхом на лошадях русские казаки-землепроходцы пробивались на юг в поисках пушнины, рыбных рек, удобных гаваней...

В XVIII в. в селе Карага побывал выдающийся исследователь Камчатки Степан Петрович Крашенинников, в 1900 г. — этнограф, академик Владимир Иванович Богораз-Тан, в 1930-е гг. — талантливый лингвист Сергей Николаевич Стебницкий.

Путь Ильича, 3 января 1985 г., № 2

Корякская культура

«...Инструмент костяной, который одевают [на руку] при выделывании стрелошных камней, стрелки из разных светлых и других камней, два каменных и один костяной топоры, инструмент, которым каменные стрелы выделывают, кость, которую при стрелянии из луков на руку одевали» — вот часть реестра этнографической

коллекции, собранной студентом Петербургской Академии наук Алексеем Горлановым.

Население, проживающее на территории современного Тигильского района, особенно в южной его части, было смешанным ительменокорякским. Это слияние двух этносов (ительменов и коряков) происходило на контактной территории на север и юг от рек Хайрюзовой и Коврана.

Горланов пишет: «...Живущие на реке Хайрюзовой камчадалы стрелошные камни собирают и из них стрелы делают, на Быстрой реке, которая течёт в Хайрюзову, стрелошные камни также находят... Стрелошный камень чёрный, камчадальским именем желваку, берут камчадалы по речным берегам, который камень расколовши, кладут близ огня, чтобы оный разогрелся. Как разогреется, взяв особливый камень, обтирают оной (очищают от железистой корки. — *В. М.*), а обтерши, отбивают края на части весьма малые».

Так ительмены производили орудия труда, охоты — наконечники копий и стрел. Борьба между ительменами и коряками велась, по-видимому, не одно столетие. Велась с переменным успехом, причём мирные периоды были тогда более продолжительными, нежели военные.

Это способствовало тому, что местный ительменский язык (один из его диалектов) под влиянием корякского несколько видоизменился. В нём есть сравнительно большой процент слов западнокорякских, что сделало его более понятным для смешанного местного населения. Поэтому, видимо, из всех ительменских диалектов (точнее, это были самостоятельные языки) хайрюзовско-ковранский сохранился до наших дней и является живым языком, на котором в настоящее время ведётся преподавание в школах.

Ительмены, как и коряки, зачастую воевали между собой. Вот сведения из архива Академии наук СССР (XVIII в., фонд А. Горланова): «Ительмены между собой войну имели, то были у них луки, лахташные панцири, на головах для обороны ничего у них надевано не было».

Археологические стоянки Тигильского района также отражают события, которые происходили в давние времена. В 1970—1971 и 1977 гг. автор этих строк проводил археологическую разведку на юге района. На стоянке «Хайрюзово-2» тогда были найдены наконечники стрел, ножи, скребки — бо́льшая часть из вулканического стекла — обсидиана. Здесь жили люди эпохи позднего неолита — нового каменного века — предки ительменов, так как орудия труда и охоты относились к позднему этапу тарьинской культуры.

На этой стоянке были найдены и другие орудия. Среди них обломок глиняной посуды с «ногтевым» орнаментом, действительно напоминающий отпечатки в виде многочисленных «простых скобок» — ногтей. Обломок глиняной посуды — выпуклый, имел круглодонную форму. У ительменов была посуда из глины, заимствованная у южных соседей — курильцев, но совсем другого типа: плоскодонная с ручками, но не снаружи, а изнутри.

Глиняная посуда с «ногтевым» орнаментом встречается у южных коряков-карагинцев, где она была обнаружена школьниками села Ивашка в 1968 г. Таким образом, древние коряки (на позднем этапе древнекорякской культуры) продолжительное время проживали на реке Хайрюзовой. И на определённом этапе это была южная граница расселения коряков с ительменами.

Знамя Ленина, 13 апреля 1985 г., № 32

Глиняная посуда Камчатки

Народности Камчатки на протяжении сотен лет хорошо приспособились к суровым условиям Крайнего Северо-Востока Азии. Ими были созданы удобные, тёплые зимние и летние жилища, незаменимая в местных условиях меховая одежда, а также деревянная, берестяная и глиняная посуда — керамика.

У всех народностей Камчатки (исключение составляли курильцы — жители юга полуострова) керамика была круглодонной и с большей, нежели у смежных народностей, толщиной стенок. Такую керамику древние изготовляли «ленточным методом» — из глиняной ленты, которую как бы сворачивали, придавая форму нужного изделия. Так как гончарного круга не было, то необходимые предметы кухонной утвари изготовляли и из округлого куска глиняного теста, вытягивая стенки вверх вручную. Этнографами даны описания изготовления посуды таким способом: в глубокую выемку глиняного кома клали круглый камень и по глине ударяли массивной лопаткой. Стенки сосуда формировались от ударов лопатки снаружи и ударов камня по внутренней стороне стенки — изнутри.

Керамика камчатских народностей (коряков, чукчей, южных кереков, курильцев и ительменов) украшалась глиняными налепами или штампами в виде «ложного текстиля», ямок, дужек, вафельных оттисков или могла быть гладкой.

А теперь о самом главном. На археологических стоянках в окрестностях села Тиличики автором было найдено несколько сот че-

репков корякской посуды. По форме вся она круглодонная, толстостенная. Есть гладкая, но много с ложнотекстильным оттиском. Встречается и со штампом. Это древнекорякская керамика, которую алюторцы изготовляли ещё лет четыреста — пятьсот тому назад, а может быть, и позже. На основе их формы (орнаментика взята северная) автором сделаны эскизы будущей камчатской керамики.

Наличие древней керамики свидетельствует о том, что в районе от Зелёного холма до Тиличикского распадка, а также в самом распадке имеется несколько видов глины — от ярко-оранжевой до сине-зелёной. Из оранжевой глины ещё недавно в окрестностях районного центра производили кирпич. Даже при небольших расходах можно было бы практиковать выпуск глиняной детской игрушки (например, школьниками в небольшой муфельной печи). Олюторская игрушка, темой которой могут быть животные и птицы, обитающие на территории района, могла бы заинтересовать торговлю, а следовательно, стать самоокупаемой отраслью.

Заря коммунизма, 10 декабря 1985 г., № 148

Вооружение корякского воина

В период с конца XVII до начала XX столетия на территории проживания коряков первые русские казаки-первопроходцы, а позже этнографы отметили наличие у коренных жителей военного оружия, амуниции, одежды. Однако это не всё и не сразу было осознано учёными. Одни считали, что оружие, в том числе сабли, палаши, наконечники копий и стрел, луки, стрелы с каменными наконечниками (кремень, обсидиан — вулканическое стекло), принадлежало не корякам, а какому-то другому народу. Но выводы эти были ошибочными.

Корякский воин был одет в длинную до земли одежду (по-видимому, кожаную), покрытую костяными пластинками, каждая из которых имела шесть отверстий. Пластинки накладывались так, что каждая последовательно прикрывала край предыдущей. На голове воин носил округлую невысокую шапочку, также обшитую костяными панцирными пластинками. На плечах его покоился деревянный «закрылок», состоящий из трёх обшитых толстой кожей морского зверя досок. Закрылок защищал шею воина.

Лёгкие невысокие летне-осенние торбаса на подошве имели несколько поперечных нашивок из нерпичьего или лахтажного ремня, а верх торбасов был также защищён панцирными пластинками

из верхней надкостницы рёбер китов, реже — пластинками из широких костей рога оленя.

...Корякский воин стоит на высоком обрыве берега спокойной реки. Снизу наступают враги. Воин правой рукой достаёт из-за спины, из колчана, боевую стрелу, накладывает её на тетиву огромного, но простого лука. На его левой руке у запястья — костяная пластинка. Тетива натянута до отказа, она звенит. Тонкий полупрозрачный ремень из шкуры лахтака мгновенно, с гигантской силой посылает стрелу вдаль. Слышен затихающий свист, и вот далеко, за двести метров, один из захватчиков с криком падает наземь, сражённый стрелой... Опытный воин мог в те отдалённые времена, запустив две-три стрелы в воздух, в буквальном смысле расстрелять врагов другими стрелами, выхваченными затем из заплечного колчана. Костяной панцирь, головной убор, закрылки невозможно было пробить стрелой, однако тяжёлый камень, запущенный пращой, наносил воину ощутимый удар, выводя его из строя.

Есть и изображения корякских воинов, сделанные, правда, в более поздний период членами этнографической экспедиции в северных районах Камчатки: у них в руках луки и стрелы, над плечами — защитные закрылки, длинная верхняя одежда с нашитыми вплотную одна к одной костяными пластинами. На археологической стоянке (в Корякском автономном округе) № Р-40 мной была найдена короткая деревянная стрела с цельным трёхгранным деревянным оперением и железным наконечником с поперечным срезом острия. Передняя часть наконечника была прорезана, в прорезь вставлялся наконечник стрелы, закреплённый жильной ниткой.

В Паланском музее в 1980 г. имелась в фондах одна защитная пластинка с боевого панциря, изготовленная из моржового клыка. Пластинка была украшена линейным, геометрическим, точечным орнаментом. На ней, по-видимому, были календарные знаки, элементы пиктографии. Она, несомненно, принадлежала древнему корякскому воину. В таком обличии и с таким вооружением корякские воины и сражались. Их противниками были чукчи, эвены, ительмены. Приход русских положил конец этим междоусобицам.

Путь Ильича, 14 декабря 1985 г., № 150

Как скручивали глину

Народности Камчатки хорошо приспособились к суровым условиям Крайнего Северо-Востока, ими были созданы удобные и тёплые летние и зимние жилища, незаменимая в местных условиях

меховая одежда, а также деревянная, берестяная и глиняная посуда — керамика. У всех народностей Камчатки (исключение составляли курильцы — жители юга полуострова, у которых горшки-котлы были с плоским дном) керамика была круглодонной. Древние изготовляли её «ленточным методом» — из глиняной ленты, которую как бы «сворачивали», придавая ей форму нужного изделия. Так как гончарного круга не было, то необходимые предметы кухонной утвари изготовляли из куска глиняного теста, вытягивая стенки вверх вручную. Этнографами даны описания изготовления посуды таким способом: в глиняный ком, в глубокую выемку клали круглый камень и по глине ударяли массивной лопаткой. Так формировались стенки сосуда.

Керамика камчатских народностей: коряков, чукчей, южных кереков, курильцев и ительменов — украшалась глиняными налепами или штампами в виде «ложного текстиля», ямок, скобок, вафельных оттисков или могла быть гладкой.

Сейчас, когда на Камчатке создаётся керамическое производство, желательно развивать в этом искусстве местные традиции.

Камчатская правда, 4 января 1986 г., № 3

По следам экспедиции Витуса Беринга (новая экспозиция)

В Камчатском областном краеведческом музее открылся отдел истории дооктябрьского периода, где наряду с другими темами (такими как «Русская Америка», «Камчатка в XVII—XVIII вв.», «Традиционная культура коренных народностей Камчатки») экспонируются материалы по Первой и Второй Камчатским экспедициям под начальством Витуса Беринга.

В отделе представлены экспонаты, связанные с зимовкой Беринга и экипажа пакетбота «Святой апостол Пётр» на тогда необитаемом острове (ныне остров Беринга). Это фрагменты квадратной в сечении посуды — штофов, блоки и коуши к ним, фрагменты канатов разной толщины, картечь, ядра, полосовое железо. Пушка с пакетбота Беринга, доставленная из Никольского в наш музей, установлена в зале на мастерски изготовленном артиллерийском лафете. Лафет поставлен на колёса с железными шинами, хорошо тонирован кислотами и красителями и создаёт представление подлинности. В витрине имеется выкладка фрагментов обуви (кожи), окислившегося до белого цвета свинца, ременная пряжка, ручки пил, железный наконечник тесла, ножницы, корабельные гвозди...

На витраже, изготовленном по материалам Свена Векселя, сподвижника Беринга, изображение небольшого палаточного посёлка, где зимовала команда потерпевшего кораблекрушение пакетбота «Святой апостол Пётр», а дальше, на террасе, — могила Беринга с крестом над ней. До настоящего времени останки знаменитого командора не найдены. Но это возможно, если предположить, что похоронен он был в парадной форме, а она, как известно, имела бронзовые пуговицы, знаки отличия, ордена. Листая редкую книгу «Исторические очерки и рассказы» С. Н. Шубинского, изданную в Петербурге в 1911 г., я выписал следующую фразу (с. 359): «...Ширина (широта) креста 55 гр. 05 мин. июля 7 дня, по оной ширине сыскано склонение компаса — 13 гр. 58 мин., которое приемлется за 1 $^{1}/_{4}$ румб восточное».

Эти данные могли бы способствовать более успешным определениям места захоронения великого мореплавателя. Однако такой поиск должен проводиться не любителями, а представителями Алеутского районного музея, районным отделением Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, которым могут оказать помощь краеведы районного центра, а также сотрудники областного отделения этого общества.

Рыбак Камчатки, 26 января 1986 г.

Что имеем — не храним...

Немногие знают, что памятниками традиционной материальной культуры являются рыбацкие посёлки коряков, чукчей, ительменов, кереков, эвенов, проживающих на Камчатке. Их уникальные сооружения на сваях — юкольники (мамин'а); наземные жилища, конические, с коридором и дымовым отверстием — айраны; овальные, двухскатные с входом с боковой стороны — бараборы представляют большой интерес не только для этнографов и археологов, но и для архитекторов, строителей. Именно этнографы выявили, что эти традиционные посёлки и жилища являются прекрасным примером приспособления местного населения Камчатки к суровым условиям Севера.

По современным археологическим данным, юкольники, полуподземные жилища восходят к неолиту — новому каменному веку (восемь — три тысячи лет до н. э.). Конические двух- или четырёхскатные вешала служили для вяления лососёвой рыбы, её хранения. Юкольники сооружали на берегах рек и озёр. Эта традиция связана с приспособлением человека к водным системам: река —

озеро, река — море. Неолитические орудия — каменные топоры, тёсла использовались для изготовления чанов, сооружения жилищ.

Наступило время, когда традиционные рыбацкие поселения коряков необходимо взять под охрану. На реке Караге к 1968 г. осталось три памятника традиционной материальной культуры карагинских коряков: Хынныткин (его называют «Первая коса»), Кирпичная и Трёхъюкольник. На Хынныткин тогда было двадцать юкольников и столько же вешал для вяления рыбы. В настоящее время юкольников осталось менее десяти. И повинны в этом не силы природы, а чаще всего люди. Так, несколько лет тому назад тракторист из Оссоры ограбил юкольник одинокой пожилой женщины из Караги. Он взломал замок, снял с петель дверь, а юколу выбросил. Женщина осталась без запасов на длинную зиму. Часто приезжающие на зимнюю рыбалку или на охоту из Оссоры могут из-за нехватки топлива жечь в костре опоры юкольников. К сожалению, ещё не было случая, чтобы кто-нибудь из нарушителей был наказан.

Другая причина — в равнодушии к дому, где прошло детство.

Исчезают традиционные жилища и на Кирпичной, где также было небольшое селение. Тогда мы с дедом Отли — Андреем Ивановичем Никифоровым, Егором Христофоровичем Чечулиным, Фёдором Спиридоновичем Поповым — обходили высокие, на массивных столбах, свайные жилища, единственную барабору в районе, которую так и не сохранили.

Отдельные юкольники сохранились у горы Каспо (в переводе с ительменского — «Деталь крыши традиционного жилища»), у местонахождения Трёхъюкольника, по берегам рек Тымлат, Пустая, Анапка. Исчезли юкольники в районе села Ивашка, так называемые «Ближние» и «Дальние». Исчезновение традиционных памятников материальной культуры народностей Камчатки идёт стремительно и необратимо. В начале 1980-х гг. я информировал представителя районного отделения ВООПИК о неблагополучном состоянии памятников района. Однако тогда эта информация серьёзно воспринята не была. Тогда же было разрушено несколько археологических памятников карагинских коряков (Ферма, Радиостанция, Дорога в Карагу, Холмы). На месте последнего была устроена свалка, и это там, где можно было бы создать заповедник на берегу Оссорского озера. Если бы тогда в Карагинском районе была проведена даже небольшая профилактическая работа, то многие памятники, в том числе и традиционной культуры, сохранились бы по настоящее время.

Сохранение традиционных посёлков и жилищ, где летом проживают и работают представители коренной национальности, имеет большое значение. К сожалению, есть случаи отношения к ним представителей администрации, рыбинспекции формального или даже негативного. Необходимо изменить свои взгляды на многие черты традиционной материальной и духовной культуры северян. Прежде всего, надо научиться её уважать, ценить.

Укрепление культурных связей с зарубежными странами особенно бурно идёт сегодня, в период перестройки. Так, эскимосская делегация с Аляски, журналисты стран социалистического содружества побывали на Камчатке в 1987 г. В этом же году делегация мастериц прикладного искусства Камчатки и корякский национальный ансамбль танца «Мэнго» ездили в Японию. Весной 1988 г. ительменский ансамбль «Эльвель» был на гастролях во Вьетнаме, а в апреле сего года прикладницы Камчатки побывают в ФРГ. Несомненно, что международные связи будут расширяться и нашим зарубежным друзьям будет интересно побывать в традиционных посёлках — памятниках материальной культуры коренных народностей Камчатки. Ведь многие черты традиционных культур наших соседей — коренных жителей Северной Америки, Юго-Восточной Азии — схожи.

Как же реально решить проблему сохранения корякских памятников, традиционной материальной культуры в Карагинском районе? Думаю, что выход есть.

В январе 1988 г. в беседе с первым секретарём Карагинского райкома комсомола В. Русиновичем комсомольцам сёл Караги, Костромы, Оссоры предложено взять под охрану памятники традиционной материальной культуры карагинских коряков, заняться их восстановлением и реставрацией. Комсомольцы района согласились и в свою очередь предложили своими силами построить молодёжный центр туризма и отдыха.

Это может быть интересное в архитектурном плане рубленое здание на каменном фундаменте, с конструктивными элементами традиционных жилищ, украшенное соответствующим национальным декором, орнаментикой. Молодёжный центр войдёт в комсомольский кооператив «Родник» и будет заниматься собирательной работой для районного и школьных музеев, охраной природы, экологических, археологических и этнографических памятников, поиском гидротермальных источников, организацией летнего и зимнего туризма. Комсомольцы мечтают добиться, чтобы кооператив «Родник» стал хозрасчётным.

Во время беседы с комсомольским активом района было решено о передаче кооперативом Камчатскому областному краеведческому музею нескольких традиционных корякских жилищ, восстановленных комсомольцами Оссоры и Караги. Они составят основу первого в области корякского этнографического комплекса под открытым небом.

Памятники традиционной материальной культуры карагинских коряков Хыннытким и Кирпичная в ближайший срок будут взяты на учёт Камчатским отделением ВООПИК, будут использоваться по закону и охраняться государством.

Корякский коммунист, 16 апреля 1988 г., № 45—46

Памятники корякской культуры

В Карагинском районе имеются уникальные памятники традиционной материальной культуры коряков-карагинцев. Это летние рыбацкие посёлки, состоящие из юкольников, овальных по форме наземных сооружений с входом с боковой (длинной) стороны, а также «землянки» — полунадземные жилища с деревянными стенами и потолком, с обкладкой стен до крыши дёрном. Эти посёлки и жилища используются местными жителями во время нерестового хода рыбы для вяления её, заготовки на зиму ягоды, кедровых шишек, грибов, съедобных трубчатых растений и корней.

В экологическом плане рациональные занятия коряков, их посёлки и жилища абсолютно чисты; от них никакого вреда не было для окружающей среды. Северяне всегда знали меру всему, они никогда не брали больше рыбы, дикоросов, чем было необходимо для семьи. Жилища летних посёлков уникальны своими конструктивными особенностями, которые сложились как адаптивные (приспособительные) к окружающей среде. Юкольники на сваях — от наводнений, полуземлянки — от суровых морозов, айраны — от осеннего ненастья, бараборы — для временных больших коллективов (рыбаки, охотники, собиратели, гости), для хранения зимой орудий труда.

Почти все перечисленные жилища восходят к древности и даже к неолитическому времени (две — пять тысяч лет назад). Уже тогда они были связаны с адаптацией человека к водным системам: река — озеро, река — море.

Тогда и появились плоты (тимитим), челны (атваат)... Рыболовство было главным, ведущим занятием у береговых коряков — нымыланов. Рыболовство и оленеводство были характерны для

всего корякского этноса, их продукты составляли основу корякской народной кухни.

Традиционные посёлки коряков, являясь пережиточными по времени, играют огромную роль в экономической жизни местного населения и, следовательно, имеют право на существование. Они являются также памятниками традиционной материальной культуры и по этой причине должны охраняться, быть поставленными на учёт и, конечно, использоваться как функционирующие рыбаками, охотниками, а также и как объекты для туристов и экскурсантов. А это для Карагинского района имело бы немалое значение.

Сравнительно недавно — в 1968 г. было по реке Караге три таких посёлка-памятника: Хынныткин (его называют «Первая коса»), Кирпичная и Трёхъюкольник. Тогда на Хынныткин было двадцать юкольников и столько же вешал для вяления рыбы. В настоящее время юкольников осталось менее десяти. И не паводок, не циклоны и пурги, а люди разрушают их. Это и неизвестный тракторист из Оссоры, ограбивший юкольник одинокой женщины из Караги, и приезжие рыбаки, и охотники-любители.

Исчезают и традиционные жилища на Кирпичной, на других рыбалках, где ранее были целые посёлки. В 1975 г. мы с дедом Оттли — Андреем Ивановичем Никифоровым, Сео — Егором Христофоровичем Чечулиным и Фёдором Спиридоновичем Поповым — обходили высокие, на массивных столбах, жилища айраны, ремонтировали единственную в районе барабору, которая так и не сохранилась.

Юкольники карагинских коряков частично восходят и к ительменской традиции. Именно слияние проживавших ещё в XVII—XVIII вв. на юге района и на острове Карагинском ительменов и проживающих на севере района коряков-алюторцев, продвигавшихся на юг, способствовало образованию этнической группы «карагинские коряки». Этим, например, объясняются некоторые трудности перевода на русский язык топонимов и гидронимов на карте Карагинского района. Юкольники были и у подножия горы Каспо («каспо» в переводе с ительменского — «деталь крыши традиционного жилища»), у месторасположения Трёхъюкольника, по рекам Тымлат, Пустая, Анапка. В районе села Ивашка исчезли так называемые «Ближние» и «Дальние» юкольники.

В начале 1980-х гг. я информировал представителя районного отделения ВООПИК о неблагополучном состоянии памятников района. Однако тогда эта информация серьёзно воспринята не была. Тогда же были разрушены археологические памятники в Оссоре: Радиостанция, Ферма, Моренные холмы, Дюны. На месте Моренных

холмов, у так называемой «Конечной морены», оставшейся от растаявшего ледника, с прекрасными озёрами, холмами, кедрачовыми зарослями сделали свалку. Здесь сливаются химические отходы, которые стекают в ранее чистейшее Оссорское озеро — Гыттыгын, отравляя его. А ведь это уникальное место могло бы стать ландшафтным заповедником, местом отдыха трудящихся. При въезде сюда, на холмы, справа у дороги стояло корякское древнейшее полуподземное жилище, которое бульдозером столкнули в озеро...

Проблема охраны памятников природы в Оссоре, как и по всему району, стоит остро. Охрана их — задача государственная.

Как же реально решить эту проблему? В январе 1988 г. в беседе с первым секретарём Карагинского райкома ВЛКСМ В. В. Русиновичем нами было предложено молодёжи взять под охрану эти памятники, восстановить и реставрировать их. Комсомольцы района согласились с этим предложением. В свою очередь они решили своими силами построить молодёжный центр туризма и отдыха. Это будет интересное в архитектурном отношении срубное здание на каменном фундаменте, с конструктивными элементами традиционных жилищ, украшенное соответствующим национальным декором, орнаментикой. Молодёжный центр будет входить в Центр молодёжной инициативы «Родник», который займётся собирательской работой для районного и школьных музеев, охраной природы экономических, археологических и этнографических памятников, поиском гидротермальных источников, летним и зимним туризмом.

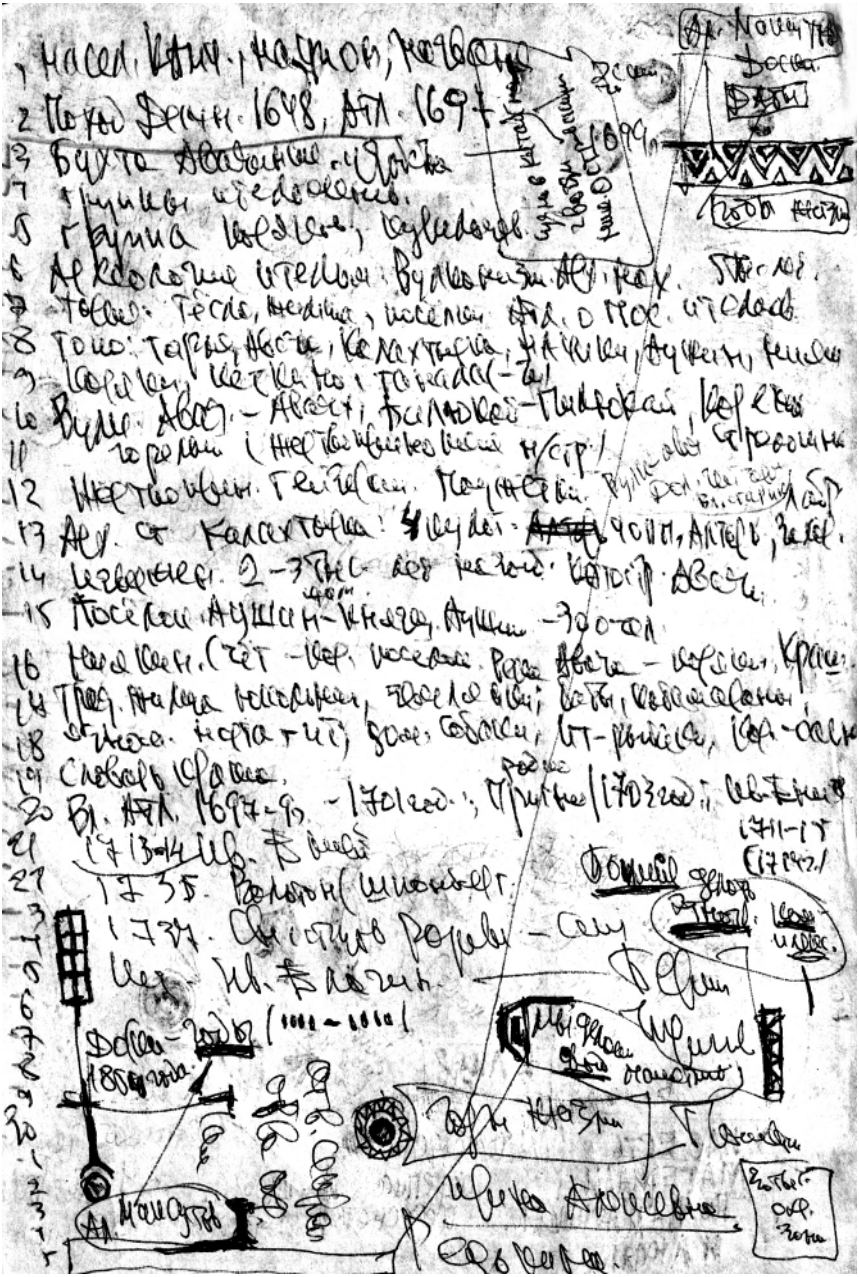
Центр молодёжной инициативы решил провести хозрасчётную передачу Камчатскому областному краеведческому музею нескольких традиционных корякских жилищ, восстановленных комсомольцами Оссоры и Караги. Эти жилища составят основу первого на Камчатке музейного традиционного этнографического комплекса под открытым небом в Петропавловске-Камчатском.

Памятники традиционной материальной культуры карагинских коряков Хыннытkин и Кирпичная в ближайшее время будут взяты на учёт Камчатским отделением ВООПИК, будут использоваться и охраняться со всей строгостью советских законов.

Путь Ильича, 21—26 апреля 1988 г., № 48—50

Страницы рабочей тетради В. Н. Малюковича.

Записи 1980-х гг. [КОКМ ОФ 31700/152]

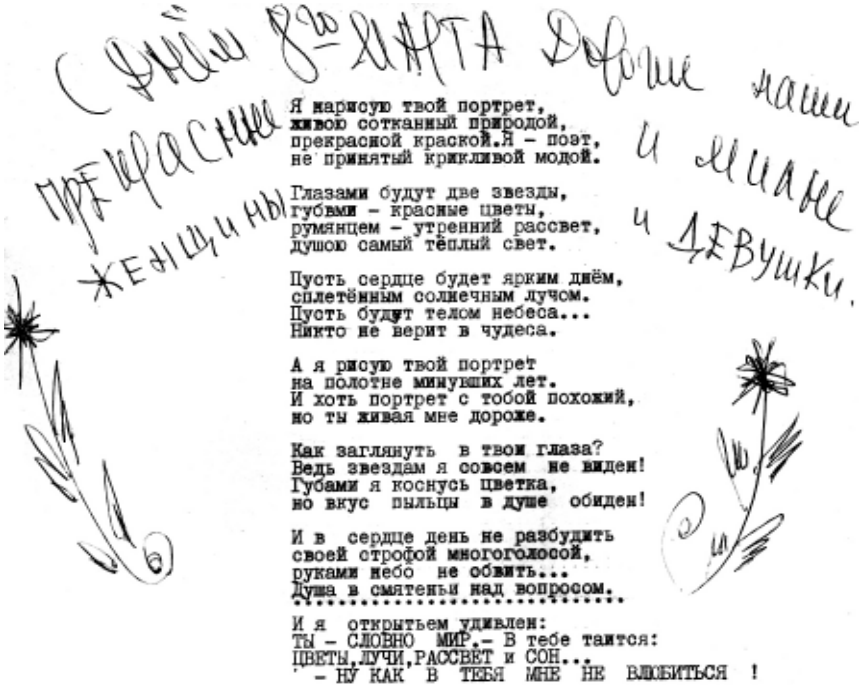
Малюкович с сотрудниками ККОМ, 1983 г. [КОКМ ОФ 31995/91]
(слева направо):
Т. Я. Старыгина, научный сотрудник отдела фондов;
И. В. Витер, заведующая отделом дореволюционной истории;
Т. Я. Давыдова (Смолина), заведующая художественным отделом;
Белоусова, заведующая Паланским филиалом;
А. Ф. Пинчук, таксидермист;
З. А. Гейнетдинова, научный сотрудник отдела фондов;
Ф. В. Герман, техник;
Л. Н. Гудкова, заведующая отделом массовой работы;
Т. М. Солёнова, заведующая отделом фондов;
И. Л. Волошкина, научный сотрудник отдела фондов;
В. Я. Шалагинова (?), смотритель;
Г. И. Бурова, заведующая отделом природы;
З. Ф. Макаришина, смотритель

Выступление перед детьми, 1970-е гг. [КОКМ ОФ 32492/16]

На художественной выставке. Слева — радиокорреспондент В. П. Пустовит, справа — геолог Ю. Ф. Манухин [КОКМ ОФ 31700/152]

С Днём 8-го МАРТА Дорогие наши
прекрасные и милые
женщины и девушки.

Я нарисую твой портрет,
живою сотканный природой,
прекрасной краской.Я – поэт,
не принятый крикливой модой.

Глазами будут две звезды,
губами – красные цветы,
румянцем – утренний рассвет,
душою самый тёплый свет.

Пусть сердце будет ярким днём,
сплетённым солнечным лучом.
Пусть будут телом небеса...
Никто не верит в чудеса.

А я рисую твой портрет
на полотне минувших лет.
И хоть портрет с тобой похожий,
но ты живая мне дороже.

Как заглянуть в твои глаза?
Ведь звездам я совсем не виден!
Губами я коснусь цветка,
но вкус пыльцы в душе обиден!

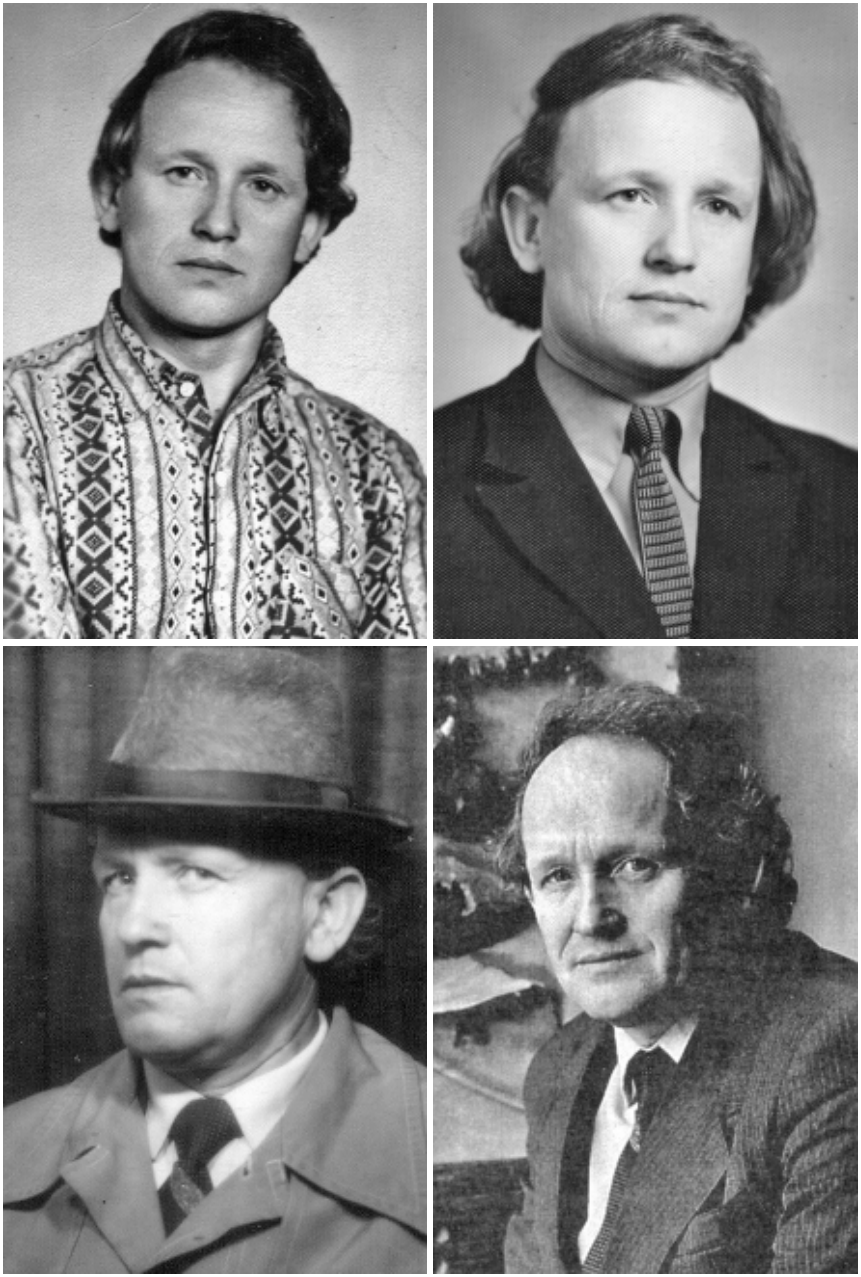
И в сердце день не разбудить
своей строфой многоголосой,
руками небо не обвить...
Душа в смятенье над вопросом.
.....

И я открытьем удивлен:
ТЫ – СЛОВНО МИР.– В тебе таится:
ЦВЕТЫ,ЛУЧИ,РАССВЕТ и СОН...
– НУ КАК В ТЕБЯ МНЕ НЕ ВЛЮБИТЬСЯ !

Стихотворное поздравление коллег с 8 Марта, 1980-е гг.
[КОКМ ОФ 31700/102]

В. Малюкович (слева) на художественой выставке, 1980-е гг. Среди присутствующих — писатели В. Овчинников и А. Овчинникова, художники В. Ефимов и В. Шохин

Портреты разных лет

А сейчас читателям будет представлена настоящая «книга в книге» — «Прекрасная Калимарок'лян'ав (девушка — цветок)». Это — авторизованная рукопись сборника записанных и обработанных в 1967—1973 гг. В. Н. Малюковичем корякских народных сказок. В неё, подготовленную в 1974 г., он включил 25 сюжетов. В своё время воплотить авторский замысел не удалось. Это было сделано гораздо позже, когда в 2001 г. в Петропавловске вышла его ныне широко известная книга «Кутккынняку». Но содержание приводимой ниже рукописи несколько отличается от этой осуществлённой работы, в которой автор участия уже не принимал, некоторыми сюжетными линиями и, главное, — именами героев и названиями отдельных предметов и явлений. Более того, в сказках, записанных в разных местностях Корякии, они тоже расходятся. При подготовке рукописи к публикации сохранено авторское написание.

Предварить же сказочные истории нам показалось уместным рукописью В. Н. Малюковича «Когда родилась сказка?», подготовленной в 1977 г., являющейся, по-видимому, одним из вариантов предисловия к несостоявшейся в то время книге.

Когда родилась сказка?

И действительно, когда? И какая сказка, какого народа? В эпоху ли охоты первобытных людей на мамонта — палеолите, или тогда, когда были изобретены лук и стрелы, началась шлифовка топоров и тёсел — в новом каменном веке — неолите? Или в более поздние времена?

Но могли ли дойти до нас сказки и предания охотников на мамонта, бизона, шерстистого носорога, пещерного медведя через толщу времён — двенадцать — двадцать тысячелетий?

Видимо, нет. Ведь и самой темы охоты на этих вымерших на Камчатке животных (а мы будем говорить о фольклоре одной из камчатских народностей) не сохранилось. Значит, сказки, дошедшие до наших дней, появились значительно позже.

Передо мной лежит высокая стопка пронумерованных листов. Здесь несколько сот народных сказок, записанных в Корякском национальном округе. Открываю одну из них — «Прекрасная Калимароклянав — девушка цветка дикого лука». Читаю, вхожу в древ-

ний сумрачный мир, где лишь изредка блеснёт солнечный луч. Вот звери и птицы говорят с героиней на своём языке, и она их понимает. Вот Вамингинаут — колдунья, женщина-тритон, для того чтобы беззаботно и весело, без труда прожить часть своей жизни, вставляет заострённую палочку в ухо своей матери, кладёт её на плоский тёплый камень, расчёсывает волосы костяным гребешком упип, чтобы усыпить, и ударом по палочке временно умерщвляет её. Радуется: не надо кормить немощную старуху, можно веселиться, порхать без всяких забот.

Колдунья зашивает рот Калимароклянав, прячет её, отнимает сына, обманывает её мужа Эмэммкута, что она его жена, но злые нинвиты наказали её, изменив её прекрасное лицо.

У героини рождается второй ребёнок. Одиноко живут они в тундре, ходят в холодной соломенной одежде, питаются корнями, ягодой, бабочками.

Растёт сын. Однажды в поисках пищи зашёл он далеко, увидел избушку — айран, похожую на ту, где они жили с матерью. Обежал её вокруг, осторожно зашёл. А там — мехами застлан пол, тепло, уютно, над костром висит котёл, а в нём варится мясо. Покатался мальчик на мягких шкурах, погладил мех медведей и диких оленей, подошёл к костру. «Возьму кусочек мяса для своей мамочки. Сколько лет она мяса не пробовала!»

То возьмёт кусочек, то положит снова в котёл. Потом решился: спрятал за пазуху. А тут его как схватят...

Эта сказка кончается благополучно. Но есть сказки и предания о войнах чукчей с коряками, сказки о жестокости врагов, о животных и птицах, о превращениях колдуна или близкого родственника в нинвита.

Основная тема и основной образ корякских народных сказок — жизнь и приключения весёлого, доброго волшебника Куткинняху (Хойкинняху) и членов его семьи. Эта тема характерна и для ительменского двойника Куткинняху — Кутха.

Куткинняху — воплощение оптимизма, житейской смекалки. Он и члены его семьи отличаются добротой, помогают односельчанам, делятся с ними пищей, защищают от врагов. Куткинняху — собирательный образ. Он волшебник, может многое, но не всё. Надев волшебную кухлянку чёрной птицы ворона, он летает в другие миры, за моря и горы. Охота на нерпу, борьба семьи Куткинняху с мышиным народом, с куропаточьими существами — эти темы, действительно, как дыхание самой седой древности — эпохи людей нового каменного века — неолита. Учёные называют это время

пережиточным неолитом, в котором народности Камчатки пребывали в середине XVII столетия, когда первые русские казаки-землепроходцы пришли на полуостров.

Одновременно в стопке корякских сказок ряд их отличается своей тематикой: здесь главное оленеводство, оленьи гонки, праздники, пастьба оленей, борьба или дружба с волками. В некоторых преданиях упоминаются имена богатых оленеводов или мудрых стариков, разбойников, отнимающих оленей у бедняков-оленеводов. И герои этих сказок из семьи Куткинняху носят имена, несколько отличающиеся от тех, что встречаются у жителей восточного и западного берега Камчатки.

Это фольклор чавчувенов, оленных коряков. Главный герой — отец семейства Куткинняху, которого ласково называют ещё Курк'ил, его жена Миты (ласковое название Миттыколтанан, Миттайн — прекрасная, красивая), сын — Эмемкут (Амамхут или Эмэмкутъаъэн) — героическая личность.

У Куткинняху двенадцать детей: прекрасная Кэчимав'н'ав'ут, Йинпан'г'аут, Чаней (Чаняёв'н'ав'ут), Чичихнан, Кач'г'энаку (волосатый), Каляг'ан'авут, К'учьан'авут (смешливая, баловница), Клюю (злая), Тынын'аут (добрая) и другие.

Из двенадцати детей патриарха чавчувенского фольклора Куткинняху только четыре сына, остальные — дочери. Применяя демографические методы анализа, можно подсчитать: около семидесяти процентов лиц женского и тридцать — мужского. Такое соотношение говорит о том, что в том обществе, где женщин больше, чем мужчин, возникают самые благоприятные условия для роста численности населения. В нымыланском фольклоре, например, соотношение это другое, оно указывает на бо́льшую демографическую стабильность.

Когда же наблюдался подъём, расцвет духовной жизни народа, то есть развитие искусства, устного народного творчества? Конечно же, в мирную эпоху, в эпоху большого роста населения, улучшения его материального положения. У чавчувенов это произошло тогда, когда эта этническая общность окончательно сформировалась, выделилась из более древней — общекорякской, то есть тогда, когда у чавчувенов появилось оленеводство. Из исследований археологов и этнографов известно, что коряки познакомились с оленеводством не ранее как семьсот — восемьсот лет назад. Они или сами приручили дикого оленя, или заимствовали это занятие у соседей.

Так или иначе, но на археологических стоянках на юге Чукотки — севере Камчатки находят кости дикого оленя, на которого

охотились палеоазиаты. У этого оленя длинные мощные кости конечностей, острые рога, весили они гораздо больше, нежели домашние. Кости домашних оленей находятся в верхних горизонтах и датируются примерно 1100—1200 гг.

Появление оленеводства способствовало экономическому развитию оленных коряков-чавчувенов и становлению их как народности, отличающейся языком, материальной культурой от береговых коряков. Эта группа возникла на контакте коряков, чукчей, юкагиров, кереков и, возможно, южных эскимосов. Поэтому антропологически она резко отличается от своих южных сородичей. Слияние разных этнических компонентов, как известно, способствует высокой рождаемости, а наличие избытка мяса, оленьих шкур (одежды), жира (отопления и освещения) — ведь это были оленеводы — в несколько раз понижает смертность.

Население бурно растёт, что ведёт к так называемому демографическому взрыву, когда ареал его распространения увеличивается. Идёт успешная борьба за пастбища, совершенствуются методы труда. Оленеводство, как один из видов животноводства, стоит по своему экономическому уровню выше собирательства, охоты и рыболовства.

Скорость развития духовной культуры всегда несколько отстаёт от темпов материальной. Но примерно через два-три поколения, то есть сто лет, у чавчувенов создаётся своя специфическая культура, в том числе и фольклор: сказки, легенды, предания, загадки. Их тематика и черты резко отличаются от более древней — нымыланской. Тут преобладает тема оленеводства, а герои нымыланского фольклора преобразуются: к их корневой основе добавляются чавчувенские суффиксы (иногда префиксы), другие корни-определения.

Около семисот лет тому назад возник чавчувенский фольклор, родились новые сказки, в которые, конечно, частично перекочевали и сюжеты соседей этих корякских оленеводческих групп. В 1200—1300-х гг. возникли те прекраснее легенды и сказки, которыми мы восхищаемся и по настоящее время.

Фольклор, по образному высказыванию Карла Маркса, появляется в эпоху детства человечества, и было бы неожиданностью обнаружить этот процесс в низах индустриального общества.

Фольклор — явление коллективное. Через десятки, сотни тысяч уст проходит сказка, прежде чем стать таковой. Самое типическое отложилось в сказке, в том числе и типичная семья того времени, когда сложился фольклор. Семья Куткинняку и была такой типичной. В её деятельности отразилось то содержание

занятий, идей, праздников, какие были характерны для той далёкой эпохи.

В середине XVII в., когда первые русские землепроходцы узнали о народностях Камчатки, чавчувены были самой крупной корякской группой. Они вели кочевой образ жизни, следуя за оленями.

В первые годы советской власти на Камчатке ведётся борьба за переход на оседлость, за интенсификацию оленеводства. В связи с этим изучаются чавчувенский фольклор, язык, материальная и духовная культура. Это было необходимо для борьбы с чавчувенами-богатеями, которые сосредоточили в своих руках львиную долю оленей полуострова.

При разработке и создании корякского литературного языка был взят за основу чавчувенский диалект благодаря тому, что в количественном отношении чавчувены составляли большинство.

Начиная с 10 декабря 1930 г., со времени образования КНО, бурно развивается советская корякская литература. Корякские писатели — бывшие оленеводы, охотники, рыбаки, вооружённые только что созданной на основе русского алфавита корякской письменностью, пишут о расцвете одной из самых древней народности Азиатского континента — коряков. Ведь только несколько десятилетий тогда отделяли народности Камчатки от каменного века! И вот писатели Кецай Кеккеттын, Лев Жуков, Иван Баранников, Андрей Уваров и другие взялись донести тёмным массам оленеводов, проведшим всю жизнь в тундре около оленей, свет новой национальной политики советской власти, свет знаний, свет ленинских идей.

Сегодня, в день шестидесятилетия советской власти, чавчувены, давшие корякам основу литературного языка, уже далеко не те тёмные люди, не тот народ, который жил в вечных скитаниях, прижавшись к табуну-кормильцу. Двести тысяч оленей разбиты на совхозные табуны, табуны — на звенья. Отцы, мужья, сыновья работают посменно, идут в продолжительные отпуска, которые часто проводят на южных курортах, в санаториях и домах отдыха, в здравницах Камчатки и на горячих целебных источниках. Средний заработок их — более трёх тысяч рублей в год, реальный — выше в четыре-пять раз, так как продукты оленеводства они приобретают по низкой стоимости. Их семьи находятся в благоустроенных сёлах, дети воспитываются в яслях, детсадах, интернатах, учатся в школах, техникумах, вузах страны, куда поступают вне конкурса и где живут на государственном обеспечении.

Мне много раз приходилось бывать в оленеводческих совхозах, ночевать в меховых палатках оленеводов.

— Как жизнь, энпэклавол (почтенный старик)? — спрашиваю у опытного пастуха.

— Эмэлкэ, кайлём (хорошо, спасибо)! — отвечает он, лучисто сощурив свои солнечные глаза. — Живём хорошо. Олешки пасутся, кино смотрим, радио слушаем из Паланы, газету читаю.

— Передача для оленеводов?

— Для нас, — затягивается он папиросой, — и на русском, и на корякском языке. А начинается, знаешь, какой песней?

— Какой?

— «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля...»

КОКМ ОФ 31700/129. Рукопись. 1977 г.

Прекрасная Калимарок'лян'ав

Моим северным друзьям — корякским сказочникам, певцам и танцорам, пастухам, рыбакам и охотникам, рассказавшим эти легенды и сказки у ночных костров, в оленьих табунах, на летних рыбалках, в ярангах и прекрасных современных домах, посвящается эта книга.

В. Малюкович

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу:
«От лесов, равнин пустынных,
От озёр Страны Полночной...»

Генри Лонгфелло,
«Песнь о Гайавате»

Предисловие

Трудной была жизнь коряка: суровая северная природа — холодные дожди летом и осенью, длинная многоснежная зима, когда и на нарте с лёгкой собачьей упряжкой не просто было проехать до ближайшего селения. Частые голодовки: гибель оленей, составлявших основную пищу оленных коряков — чавчувенов, зависимость береговых жителей — нымыланов от нерестового хода лососёвой

рыбы, враждебные отношения соседних родов и племён, заставлявшие всегда быть начеку — носить с собой тяжёлое копьё, лук, нож, аркан-чаут. Тундра и море впроголодь кормили, а тусклое солнце не баловало коряка.

Но в глубинах этого небольшого древнего народа родилось и светило своё солнце. Оно сияло в дымной яранге кочевников и в обширной землянке приморского жителя. Этим солнцем были чудесные сказки и легенды...

Во время многодневной пурги выли на ветру от холода и страха выносливые собаки, а люди внимательно слушали старого сказителя, иногда перебивая его рассказ восклицаниями радости, восхищения или ужаса.

Сказочник закрывал глаза, так много повидавшие на своём веку несправедливости. Голос его летел высоко над снежными вершинами сопок мудрой птицей-вороном, мерно взмахивающим огромными крыльями, полз подкрадывающейся к добыче росомахой, становился таким низким и страстным, что слушатели действительно представляли злых духов — нин'витов, хозяев гор и рек, свирепых зверей и жестоких колдунов... От страха начинали плакать дети, а сказитель брал в руки бубен и продолжал петь сказку. Именно петь! Не у многих народов сказки поют и рассказывают, как у коряков. У них, не имевших письменности до установления советской власти на Камчатке, в сказках собралось всё самое лучшее — и народная мудрость, и песня, и зачатки театрального искусства.

Основная тема, основой образ большинства предлагаемых тебе, читатель, сказок — жизнь, приключения весёлого человека, доброго волшебника Куткинняку и членов его семьи. Куткинняку — воплощение оптимизма, житейской смекалки. Он и члены его семьи отличаются добротой, помогают своему народу, делятся с ним радостями, добытой пищей, защищают народ от врагов.

Образ Куткинняку собирательный. Он — волшебник, может многое, но не всё. Надевая чёрную кухлянку ворона, он летает далеко за горизонт, чтобы рассказать об увиденном людям. Иногда он приносит неприятности своей жене, родным, но всегда в трудное для семьи время возвращается домой. Куткинняку в общем симпатичный человек с маленькими недостатками и большими достоинствами.

Вот сказки о природе: мифические, религиозные представления коряков о людях-облаках, о горячих источниках, вулканах. Они сложились у коряков, как и у других народов, как объяснение явлений природы на уровне людей каменного века.

В сказках о мирах мышей, гольцов, собак, медведей, моржей — животные живут жизнью и организацией, похожей на человеческую.

Корякские народные сказки очень разнообразны по темам. Они отражают жизнь и быт, где преобладали собирательство, рыболовство, охота и оленеводство. Эти традиционные занятия северян были несовершенными и редко могли обеспечить их запасами пищи на целый год. Тема голода, нищеты корякской семьи нашла наиболее полное отражение в фольклоре.

Записывая сказки, собиратель старался возможно точнее зафиксировать их, избежать сглаживания, украшательства. Большинство корякских сказок зафиксировано в нескольких вариантах. Именно на их основе и созданы сценические варианты, рассчитанные на постановку на сцене сельских клубов, в школах, в сельских и районных домах культуры. Большая концентрация фактического материала в сценических вариантах объясняется также и включением в них достоверного этнографического материала. При этом автор старался приспособить их к специфике сцены, развить те моменты, которые имеют значительную художественную ценность, обогащают, оживляют сюжет, действие. Имена сказочных героев здесь приведены к общекорякским и написание их упрощено.

Безусловно, предлагаемая форма театральных представлений на тему сказок не является чем-то постоянным и неизменным. Постановщики вправе что-то развивать, что-то сократить, ввести новых героев, сообразуясь с законами сцены и художественным вкусом. Для этой цели лучше всего опираться на подлинник, имеющийся в этой книге.

На клубной сцене сказка получает новую жизнь. Но главная опасность здесь состоит в том, чтобы не смешивать «самодеятельный фольклор» с народным, созданным на протяжении сотен лет, устоявшимся и имеющим высокую художественную и культурную ценность. Недаром даже неграмотным людям, воспитанным на одном народном творчестве, доступны для понимания самые высокие вершины искусства и литературы.

С другой стороны, работники культуры должны более активно привлекать фольклорные формы, выбирать из них наиболее актуальное для пропаганды всего самого лучшего, прогрессивного, что имеется в сокровищнице народной мудрости.

У коряков, как и у других малых народностей Камчатки, в сравнительно недалёком прошлом в сознании ещё сохранялись пережитки древних религиозных верований, часто проводились ритуальные обряды, отмечались магические праздники.

В корякских же сказках, самом популярном фольклоре, впитывающем в себя всё самое лучшее, передовые идеалы, мечты, духовные ценности, имеется ряд циклов, где высмеиваются богачи, развенчивается сила злых духов, критикуются шаманы и религиозные пережитки.

Основная задача настоящей книги — публикуя народные сказки, способствовать развитию и ещё большему расцвету народного искусства, национального по форме, социалистического по содержанию. Насущной задачей искусства, основанного на народном творчестве, является окончательное искоренение некоторых пережитков прошлого.

Очень важно правильное, вдумчивое осуществление предлагаемых балетных, кукольных и драматических постановок на сцене. Опыт постановки балетов «Мэнго» и «Эмэмкут» корякским ансамблем «Мэнго» (руководитель А. В. Гиль), фольклорных балетов «Прекрасная Калимароклянав» и «Невеста Тыйкылкута» на сельской сцене Караги и кукольного спектакля «Почему у дятла праздничная кухлянка» художественной самодеятельностью Карагинской восьмилетней школы показывает, что одним из главных условий самой удачной постановки является тесный контакт со знатоками фольклора, танцовщиками, старожилами, комсомольскими руководителями. В селе Карага это М. П. Попова, И. С. Агинь, Д. П. Правоверова, В. М. Обухова, Э. И. Котлов, Мария Яганова, Сергей Никифоров, Василий Колегов, Татьяна Яганова, Валентина Тюменцева.

Только с их помощью спектакль мог стать подлинным праздником искусства.

При постановке театрального представления на фольклорной основе на сцене корякского села необходимо учитывать психологию зрителя. Корякский зритель не привык к обобщённым, абстрактным формам. Он мыслит конкретно, предметно («Истина конкретна», — любил говорить большой знаток театра Б. Брехт). Поэтому в сценической постановке на фольклорную тему допустимы некоторые формы конкретного, близкого к жизни, не обобщённого. Это, на мой взгляд, будет способствовать более полному пониманию хода сценического действия зрителем, являющимся в большинстве случаев колхозником, жителем села.

В дальнейшем развитие корякского театра перейдёт к последующим этапам.

Важную роль играет сценический костюм, созданный на основе корякской национальной одежды (художники А. Пироженко,

В. Зорин), традиционные украшения, игра на бубне и других национальных инструментах непосредственно на сцене, древнейшее по происхождению горловое пение, а также танцы.

Возвращаясь к корякским народным сказкам, нельзя не отметить, что многие из них озарены прекрасным светом жизни. Вот сказка о Калимароклянав — девушке-цветке. Это благородная, романтическая повесть. И там, где сказитель повествует о страданиях матери и голодающем мальчике в бедной соломенной одежде, читателя охватывает щемящее чувство участия. Другая сказка о верности и любви простой девушки Ильно. Девушка бросается в огненный кратер вулкана ради любимого, выдерживает все испытания ради счастья людей, освобождая их от злого колдуна.

Любовь к родной земле, доброжелательность, доброта и любовь, побеждающие зло, — эти высокие человеческие чувства, рождённые в суровых условиях борьбы за существование, — найдёт читатель в сказках, собранных в 1966—1973 гг. на территории Корякского национального округа Камчатской области.

Прекрасная Калимарок'лян'ав — девушка-цветок
(рассказано Н. А. Черных, село Рекинники, 1967 г.)

Жили на свете Амамхут и его брат Кетгинягу. Ну, и родители их: отец Куткинняху, мать Миты, брат Чичичьин, сестры Ичиман'ав и Клю.

Амамхут и Кетгинягу уехали на охоту далеко в горную тундру. Охотились там на диких оленей, снежных баранов и ещё на разных зверей и птиц. Хорошими охотниками они были. Старший брат Амамхут никогда не приходил без добычи. Без промаха стрелял из лука. Кетгинягу по любому следу мог узнать, какой здесь зверь прошёл.

И вот однажды весной после удачной охоты братья спускались с гор. Амамхут пошёл одним перевалом, Кетгинягу другим. Амамхуту посчастливилось найти по дороге островок дикого лука. Он наклонился и стал рвать зелёный лук. Зашёл в самую гущу и, подняв глаза, обмер: среди изумрудной зелени на упругом стебельке тихо покачивался алый цветок дикого лука. Изумительной красоты был цветок, ничего подобного не видел раньше бывалый охотник. И сказал Амамхут самому себе: «Дай сорву этот чудесный цветок, и пусть посмотрит, полюбуется на него мой брат Кетгинягу!»

Как сорвал он цветок, так вместе с луком и положил его в мешок. А раньше, в старину, мешки были из оленьих шкур. Шкуру

сначала вымачивали в воде и держали до тех пор, пока шерсть не выпадала. Потом её выделывали, и она становилась мягкой. Мешки делали большими и удобными, их красиво расшивали разными узорами.

Пока Амамхут шёл по осыпям и ручьям, он забыл о прекрасном цветке. Наконец пришёл. Тяжёлый охотничий лук, колчан со стрелами и свой мешок под юкольником повесил. Длинное копьё прислонил к столбу и вошёл в землянку.

Увидев брата, он тотчас вспомнил о цветке:

— Да, Кетгинягу! Я нашёл чудесный цветок дикого лука!

Кетгинягу отвечает спокойно:

— Ты что, никогда не видел дикого лука?

— Это необыкновенный цветок! Ну, если не веришь, сейчас покажу тебе его.

Только вышел, смотрит, глазам своим не верит: на белоснежной оленьей шкуре под юкольником сидит девушка, да такая красивая! Глаза как день солнечный сияют, губы — малина нежная, щёки — спелая брусника, а длинные чёрные волосы по траве и земле стелются. Красавица! Сидит, нарядные одежды бисером расшивает...

Амамхут зажмурился, протёр глаза, открыл и всё равно видит перед собой девушку. Он сразу влюбился, взял её за руки.

Девушка вырвалась и, раскрасневшись от стыда, спросила:

— Ты что, на мне женишься, что так напал на меня? Не смог жениться, как люди, а украл меня. Это ведь отец меня спрятал от мужчин, но ты всё же нашёл!

— Да! — не задумываясь, ответил Амамхут. — Стань моей женой!

И вдруг он услышал плач новорождённого. Это родился его сын. Взял Амамхут за руку жену-красавицу, жена — за руку сына, и так втроём и вошли они в землянку:

— Ты, брат, не ругай меня. Этот цветок — не дикий лук, а девушка. Отец спрятал дочь от мужчин, а я её нашёл. Это моя жена Калимарок'лян'ав — девушка-цветок и мой сын!

Как только улыбалась жена Амамхута — у неё с губ летела спелая ягода малина. Она умела готовить вкусную пищу, шить красивую одежду. На все руки была мастерицей.

Стали они жить — не тужить.

Всё лето братья охотились, а Калимарок'лян'ав одежду им шьёт новую, юколу сушит да мясо вялит. Сколько ягоды, брусники и голубики собрала!

В конце осени охота уже кончалась. Кетгинягу стал говорить, что домой пора ехать, что уже нельзя больше охотиться — запрещено по обычаям. Но Амамхут не послушался брата:

— Вот, последний раз сходим, и всё...

Не помогли просьбы и уговоры, и дотянули они до последнего дня.

А далеко от землянки Калимарок'лян'ав за зелёными холмами у болота жила Камингин'аут со своей старой и слабой матерью. Камингин'аут была ленивой, злой и ничего не умела делать. Как-то говорит она своей матери:

— Дай, я расчешу твои волосы.

Но та не хотела. Тогда дочь схватила её за волосы и больно держала, пока мать не согласилась. Она послушалась и спрашивает:

— Где мне лечь?

— Да вот, ложись на большой камень.

И как только она легла, тут же уснула. Тогда Камингин'аут заострила палку и вставила в ухо матери. Мать тут же умерла, а Камингин'аут весело направилась туда, где жили Амамхут и его жена.

Пришла, а дома была одна Калимарок'лян'ав с мальчиком. Стала Камингин'аут просить у неё старую кухлянку и меховую одежду — керкер.

Говорит Калимарок'лян'ав:

— Нет, сейчас достану тебе новые одежды...

— Нет, давай мне одежду, что на тебе! — требует Камингин'аут.

Она хотела поссориться с женой Амамхута — завидовала её счастью...

— Да нет! Одежда на мне поношенная, я тебе новую дам, красивее и лучше.

Тогда Камингин'аут стала насильно раздевать её. Раздела, переоделась в её одежду. Сама взяла иголку с ниткой и пришила язык Калимарок'лян'ав к верхней губе, положила её на жерди над костром. Шкурами закрыла невыделанными, чтобы не видно было. Раньше ведь не было печей. В землянке горел костёр. Над костром клали длинные жерди для сушки одежды.

Сама Камингин'аут села на шкуры и взяла ребёнка вверх ногами. Неумелой была, не знала, как ребёнка на руках держать...

Приходят братья с охоты. Посмотрел Кетгинягу и испугался: сидит незнакомая женщина с растрёпанными грязными волосами и бессмысленными глазами.

— Кто это сидит? А где Калимарок'лян'ав? — спрашивает.

— А я и есть Калимарок'лян'ав, — говорит Камингин'аут.

— Куда ушла Калимарок'лян'ав? — спросил Кетгинягу. — Почему это ты Калимарок'лян'ав? Почему ты не варила пищу?

Стал Кетгинягу сам разводить костёр.

Приходит в землянку Амамхут. Посмотрел на Камингин'аут, от неожиданности вскрикнул:

— Как ты держишь ребёнка! Где Калимарок'лян'ав?

— Вот я, Калимарок'лян'ав, — отвечает ему она... Сколько я говорила тебе, что охота уже кончается, поедем домой! А ты не хотел слушать. Когда вы ушли на охоту — пролетали последние гуси с белыми пятнами на крыльях, они и унесли мою красоту, мой голос, хорошее настроение. Теперь я не могу ничего делать, даже сшить вам ничего не могу... Уедем завтра с рассветом отсюда! Боюсь, что и с вами гуси что-нибудь сделают...

Братья ещё не верили этой Камингин'аут. А она всё им доказывала, что это так и было и что это правда...

Прежде обычай был: в ноябре надо кончать охоту, а если не слушались охотники, то их пугали старики, что с ними может произойти несчастье. И если они всё же не прекращали охоту, то действительно с ними что-нибудь случалось...

И вот, ещё и ночь не прошла, стали братья собираться домой. Почаевали, а Камингин'аут поторапливает:

— Быстрей, быстрей! Светает.

Быстро запрягли оленей, взяли сына Ахатню. Стали выходить из землянки. Самым последним Амамхут выходил.

Калимарок'лян'ав всё наблюдала за ними и слышала, как лгала Камингин'аут. Когда Амамхут стал выходить, она нарочно кашлянула. Амамхут услышал и сказал:

— Вы слышали? Человек кашляет!

А Камингин'аут поторапливает:

— Быстрее, быстрей выходите, а то и вас начинает зачаровывать.

Только вышел Амамхут, как вдруг слышит опять голос:

— Ахатню маленького без груди оставляешь!

Амамхут снова оглянулся и сказал:

— Ну, слышали же! Человек говорит!

И тут Камингин'аут потащила его к нарте, испугалась, что раскроется её обман.

С болью в груди уехал Амамхут.

А ещё раньше, до отъезда, когда Калимарок'лян'ав прекрасно смеялась, Кетгинягу ездил к родителям и рассказывал им о красавице-невестке. Хвалил жену Амамхута, что она всё умеет делать, а как начнёт улыбаться — изо рта малина летит сладкая.

И вот родители увидели оленьи упряжки, обрадовались и навстречу бегут. Самым первым Чичичьин прибежал, брат Амамхута. Открыл полог на нарте и закричал:

— Кого вы привезли к нам! Это же Камингин'аут — ведьма болотная!

Стала Камингин'аут оправдываться:

— Я им говорила: поедем домой, а то будет несчастье. Они меня не послушались. Говорят: последний раз сходим! А когда последний раз поехали на охоту, я вышла к реке. В это время пролетели гуси с белыми пятнами на крыльях и унесли у меня всё: и мягкий голос, и красоту, и всё то, что я умела раньше делать. Теперь я не могу даже шить!

Так осталась Камингин'аут жить в семье Куткинняху. Всю зиму жила. Долгой была эта зима! Но вот пришла весна. Опять настала пора охоты. А Камингин'аут не пускает Амамхута никуда. Говорит:

— Если и пойдёте на охоту, то не ходите в ту сторону, где раньше охотились! Вдруг что-нибудь случится с вами!

Послушались Амамхут и Кетгинягу и пошли охотиться в другую сторону. Но хорошей охоты не было, они ничего не добыли. Как будто всё весенней водой смыло. И вот однажды Амамхут говорит брату:

— Пойдём, Кетгинягу, в другую сторону, где мы раньше охотились на зверя. Пусть что будет, то и будет!

Собрались. Пошли на прежнее место. Построили там новую землянку, и вновь вернулось к ним охотничье счастье. Стало всё по-прежнему, много было разного зверя. Они охотились луками и самострелами добывали. И много же заготовили они припасов!

А бедная Калимарок'лян'ав родила второго сына, и стал он уже большим — быстро рос. Плохо жили они, голодали. Далеко ходил мальчик, ловил в тундре бабочек, съедобных букашек. Тем они и кормились. Одежда износилась, мать из соломы плела день и ночь.

Однажды мальчик встал утром рано и говорит матери:

— Я сегодня пойду ещё дальше.

— Ты смотри, сынок, не ходи далеко, — наказывала сыну мать, — а то люди увидят тебя, испугаются твоей одежды и тебя убьют. Но если злые люди тебя поймают и захотят убить, ты им скажи: «Погодите убивать меня. Я расскажу вам что-то: был у меня отец Амамхут и дядя мой Кетгинягу, дед Куткинняху, бабушка Миты и многие другие родственники... Я настоящий человек!»

Мальчик послушался и обещал матери, что далеко ходить не будет.

Пошёл он и нечаянно зашёл далеко. Видит — стоит землянка. Подошёл к землянке, посмотрел, вокруг обошёл. Потом внутрь зашёл. Там мягкие оленьи шкуры застелены. Мальчик снял свои соломенные брюки, кухлянку, стал валяться и сам себе говорить:

— Ох! Как хорошо и мягко лежать здесь! А мы с мамой вечно на соломе спим и носим холодную соломенную одежду...

Повалялся и сказал самому себе:

— Ну, хватит! А то сейчас придут злые люди и убьют меня.

Оделся, подошёл к костру. Нашёл там кусочки горелого мяса. Стал их собирать. Собрал немного и пошёл домой. Пришёл и матери дал найденное.

— А где ты взял, сынок, всё это, — спрашивает его Калимарок'лян'ав.

— Я нашёл землянку, такую, как у нас, только там шкуры застелены кругом.

— Сынок, послушай меня! Не ходи туда больше, а то тебя убьют!

Мальчик не послушался, тайно ходил и всегда приносил оттуда кусочки мяса.

Пришли с охоты Амамхут и Кетгинягу.

— Ты закрывал землянку? — спросил Амамхут у брата.

— Да, — ответил тот. — Я плотно закрыл.

— Не знаешь, почему у меня на постели солома? Ты на постели обувался?

— Нет. Возле костра и сразу же убрал за собой...

— Почему у нас в котле на жиру следы детских пальчиков? Откуда появились эти следы? Может, сюда кто-нибудь приходит? — и Амамхут заглянул в котёл.

— Не пойдём на охоту, а останемся и посмотрим, кто наведывается к нам, — предложил Кетгинягу.

Спрятались братья, ждут.

В полдень снова пришёл мальчик. Покружился вокруг землянки. Потом зашёл, снял опять соломенную одежду. Стал качаться на мягких шкурах. Амамхут смотрел, слушал, чуть было не выдержал, хотел поймать мальчика. Но Кетгинягу остановил брата:

— Подожди! Что он будет делать дальше?

— Ну, мне пора собираться, а то сейчас придут люди и меня убьют, — сказал мальчик.

Он оделся и стал опять кружить около костра. Здесь он увидел сваренное мясо.

— Вот бы взять кусочек и отнести мамочке, Калимарок'лян'ав! — то возьмёт, то положит.

Потом взял и положил кусочек за пазуху, подошёл к котлу, взял в ладошку жира от бульона. Уходить стал, и тут его как схватили! Он закричал, заплакал горько и говорит:

— Подождите, я вам что-то расскажу...

— Нет, мы тебя убьём! Воришка! Может быть, ты не человек, а нин'вит?

— Не убивайте пока не расскажу, а потом убьёте...

Стал он рассказывать:

— Был у меня отец Амамхут, моя мать Калимарок'лян'ав, дядя Кетгинягу, дед Куткинняху, бабушка Миты и многие другие. Пришла к нам Камингин'аут, обманула моего отца и дядю и моего брата Ахатню увезла с собой. Маму мою к жердям привязала и над костром язык её пришила к верхней губе. Когда ещё рассвета не было, все они уехали...

Рассказывал мальчик, заслушались братья и забыли о нём. А мальчик вырвался из рук и убежал. Кетгинягу и Амамхут бежали за ним, но не смогли поймать — быстро бегал. Запыхавшись, вскочил в землянку.

— Что с тобой, сынок? Кто за тобой гонится? — спросила мать.

— Люди бегут за мной. Скоро тут будут!

— Сколько тебе говорила: не ходи далеко! А ты не послушался меня...

Только проговорила она это, как слышит топот. Мальчик схватился за соломенный подол матери, и они спрятались, наблюдают.

Заходят двое мужчин, и один из них спрашивает:

— Где тут люди? — это Амамхут спросил.

Калимарок'лян'ав стояла как вкопанная и ничего не могла сказать. Посмотрела на мужа, узнала, обрадовалась:

— Это правда, мы люди. Мы здесь живём! Но показываться не будем: у нас одежда не как у людей, а соломенная.

Как только узнал Амамхут голос жены, шевельнул правой бровью. Смотрят — стоят двое в расшитых сверкающими камнями и бисером одежде — Калимрок'лян'ав и мальчик, на Амамхута похожий. Левой бровью шевельнул — вокруг шкуры застланы. Потом хлопнул руками: смотрят — дрова нарубленные появились. Тут улыбнулась радостно Калимарок'лян'ав и посыпалась нежная малина. Сразу стала она готовить и шить...

Счастливое было лето! И когда пришла осень, стали они в дорогу собираться, домой. Запрягли оленей и поехали. Смотрят родственники — мчатся упряжки. Обрадовались все, встречать побежали...

Как только сказали: «Смотрите, вон нарта с пологом. Женщина с ними!» — Камингин'аут места себе найти не может, а её все толкают, но держат, чтобы не убежала...

Подняли полог — Калимарок'лян'ав. Улыбнулась она, и малиной всё покрылось. Самым первым подбежал Чичичьин. Стал он собирать малину да похваливать Калимарок'лян'ав:

— Вот, наконец привезли нашу невестку!

Готовится семья Куткинняху к большому празднику: убили оленей, приготовили праздничные угощения...

Тут Камингин'аут схватила бубен и давай камлать, чтобы беду накликать. Люди еле отобрали бубен и связали её.

И Амамхут расправился с Камингин'аут: выбрил ей голову до самых костей, привязал к палке и бросил в сторону юга, и попал ею прямо в жилище её матери. Когда упала Камигин'аут, она как засмеётся:

— Теперь можно и смеяться. Зато я много раз ела жирное мясо, много спала и ничего не делала!

Взяла и вытащила у матери из уха острую палку. Мать встала, зевнула и говорит:

— Теперь и я проснулась. Думала, что ты ушла куда-нибудь далеко!

— Куда же я пойду без тебя? — отвечает ей лживая дочка.

А остальные люди — гости и родственники Куткинняху — веселились, радовались удачной охоте и хорошему празднику.

Как медведь добыл кухлянку, бубен и ольховую маску (записано со слов М. В. Котлова, село Карага, 1969 г.)

На берегу реки в берлоге под большим старым пнём жил медведь. Любил медведь рыбачить и переплывать реку. А медведи хорошо плавают!

Однажды рыбачит себе медведь, носит рыбу, у берлоги складывает. Только собрался на вешала вешать — появился нин'вит: рога бараньи, закручены, копыта оленьи, весь шерстью зарос — страшный. Бубен держит, на месте прыгает.

Не боится его медведь — сильный. Развешивает рыбу на вешала.

А нин'вит как ударит колотушкой в бубен! Смотрит медведь — куча рыбы пропала.

Делать нечего. Почесал за ухом, снова пошёл ловить.

Тут Улляу пришёл с севера со своей волшебной берёзовой тростью. Стукнул по пню — куча рыбы появилась.

Нин'вит ударит в бубен — рыба пропала. Стали спорить нин'вит и Улляу. Спорили, спорили. Помирились.

— Сыграем в карты, — показывает молча Улляу, они ведь немые.

— Давай, — согласился нин'вит. Сели, играют.

За это время трудолюбивый медведь наловил целую гору рыбы. Снова развешивает.

Проиграл нин'вит всё Улляу, схватил бубен, камлает против него.

Улляу взял свою трость и стал отгонять злого нин'вита. Снова чуть не подрались.

Тут Имъекчук — горностай — прискакал, всем новости стал рассказывать (в корякских сказках горностай и заяц разносят новости по тундре. — *В. М.*):

— В тундре ягода поспела. В озёрах уток и гусей развелось! В горах снег уже выпал. А на обомшелом пне, под которым живёт медведь Кайн'нн, три цветка расцвели. И каждый цветок — это одна сила. Кто сорвёт все три — тот будет самым сильным! Три силы у него будет.

Бросились к пню нин'вит и Улляу. А сзади к ним подошёл медведь, развёл их в разные стороны и собрал три цветка сразу.

Спорят между собой нин'вит и Улляу.

Медведь забрался в свою берлогу, спит, отдыхает.

Отдал нин'вит Улляу бубен, а сам помчался куда-то. Вернулся с волшебной кухлянкой в руках. Подошёл на цыпочках к пню, надел на него кухлянку, захохотал:

— Попался медведь! Не выйдешь из берлоги — кухлянка волшебная!

Нин'вит хотел взять обратно бубен у Улляу, а тот не отдаёт: сам камлает. Только ударит колотушкой — нин'вит падает на колени. Ухватился нин'вит за бубен, тянет к себе, а Улляу — к себе. Ударил его Улляу по голове волшебной тростью. Драться начали, бубен пополам разорвали.

Сшивает Улляу бубен хворостиной от трости. Смотрит нин'вит то на него, то на берлогу, ждёт чего-то.

Из берлоги выходит медведь. Надел на себя кухлянку, радуется:

— Вот хорошая кухлянка! Как раз мне подходит.

— Отдай кухлянку! Это моя, — кричит нин'вит.

— Нет, раз ты меня хотел поймать кухлянкой. Я сам в неё влез, она сейчас моя!

Тут нин'вит вцепился в бусы с колокольчиком. Оторвались бусы от кухлянки, зазвенел колокольчик.

Смотрят — на месте бус появился цветок рододендрон. Окружили его медведь, Улляу и нин'вит, удивляются.

Ушёл медведь к реке продолжать рыбачить.

Сшил Улляу бубен хворостиной, отдал нин'виту. Тот как ударил по нему — бубен расколол на две части. Одна половинка улетела в болото, другая — в реку. Мечется нин'вит с колотушкой по речному берегу, а достать половинку бубна не может.

Улляу хотел достать её своей тростью — трость так и осталась в болоте, завязла. Улляу взобрался на дерево на берегу, дерево сломалось, и он повис на сучке, зацепившись одеждой.

А медведь поймал в реке одну половинку бубна, в болоте — вторую. Быстро сшил иглой с ниткой. Вышел на берег, смотрит, колотушка лежит на пне, а нин'вит катается по земле, копытами стучит.

Взял колотушку медведь, ударил по бубну. Нин'вит превратился в Алёкру — страшное существо с головой кабана — и бесследно пропал, а вместо Улляу — маска ольховая висит на дереве.

Стал медведь играть на бубне. По реке люди приплыли к нему в гости. Праздник устроил медведь и отдал людям праздничную кухлянку, ольховую маску и трость, чтобы нин'витов изгонять, бубен и цветы рододендрона.

Навсегда пропали нин'вит и Улляу. Только на большом празднике хололо взрослые и сейчас пугают ими мальчиков и девочек, которые ночью долго танцуют и не идут домой спать.

А медведь всё также рыбачит — трудолюбивый!

Сказка о Хадитъильин
(рассказано Матрёной Черных-Овва, Н. А. Черных, село Рекинники, 1968 г.)

Жили-были в селе одни собаки. И среди них самая молодая и маленькая. Звали её Хадитъильин. Собаки жили дружно и никогда не ссорились.

Как-то вечером Хадитъильин стала просить свою мать, чтобы та рассказала ей сказку.

— Вон иди к старой тётушке. Пусть она тебе лучше расскажет.

Тётушка ответила Хадитъильин, что она не умеет рассказывать, и послала ее к другой.

Долго маленькая собачка упрашивала всех, наконец кто-то невидимый сказал грубым голосом:

— Ладно, Хадитъильин, я тебе расскажу!

— Расскажи, расскажи, — обрадовалась Хадитъильин.

И вот невидимая ведьма-нин'витын'авут начала рассказывать сказку:

— Хадитъильину алячвагильнин минвильхчирав'ин — мизинец Хадитъильин сейчас съем. (Колдовской заговор, при повторении которого быстро засыпали. Мизинец считался у коряков наиболее уязвимым: нин'виты могли через него вселиться в человека. Поэтому старики шили для него специальный защитный кожаный чехол. — *В. М.*)

Как только услыхали жители землянки эти слова, стали рыть землю — ход из землянки на улицу. А Камав'н'аут, так звали нин'витын'авут, увидела выход и спрашивает:

— Что это светится там?

— Это Луна и ещё туман плывёт, — отвечают собаки.

Камав'н'аут продолжает говорить, и говорит одно и то же:

— Хадитъильинын алячвагильнин минвильхчирав'ин...

И маленькая собачка крепко уснула.

Камав'н'аут спрашивает других собак:

— Ну, как, вы уже спите?

— Нет, мы не спим, мы только готовим постель. Скоро и мы уснём, — отвечают собаки.

А тем временем они одна за другой выходили на улицу. Последние рассыпали по всему полу острые осколки камней. (Часто встречающийся в корякских сказках мотив. Обычно рассыпают осколки кремня и вулканического стекла обсидиана, отходы от производства скребков для выделки шкур. — *В. М.*)

Вот, наконец, последней стала выходить мать Хадитъильин. Но сколько она ни будила свою дочь, та так крепко спала, что не проснулась. Тогда мать взяла большую деревянную миску — каман'у и накрыла Хадитъильин.

Когда все собаки ушли, Камав'н'аут спросила:

— Ну, как вы, спите? — и не услышала ответа. Высунула она язык и облизалась. Потом стала лизать весь пол и порезала язык:

— О, какие же невкусные собаки, — сказала ведьма, когда почувствовала свою кровь. — Солёные!

Тут проснулась Хадитъильин и говорит:

— Хотела ты, Камав'н'аут, меня съесть, а я сижу под стенной балкой.

Провела Камав'н'аут по стенам своим языком и опять порезала.

Пока ведьма лизала стены, Хадитъильин уже была на другом месте. Так и не смогла нин'витын'аут найти маленькую собачку, спрятавшуюся под миской. Тогда Камав'н'аут говорит ей:

— Какая ты ловкая и умная! Выходи и будешь у меня работать!

— А ты меня не съешь, если я выйду?

— Не бойся. Будешь у меня нянькой.

Вышла Хадитъильин и пошли они домой к Камав'н'аут. Пришли, и Камав'н'аут наказывает:

— Мака (пелёнка в виде клапана у детского комбинезона. Под него клали чистый мягкий мох. — *В. М.*) не трогай, пока я не приду. Шкуры, которыми застлан пол, не поднимай, бочки с водой не трогай. Ничего не трогай, только за моей дочкой смотри. — И сама ушла гулять.

Только ушла ведьма, Хадитъильин сняла мака. А из мака поползли нерпы, лахтаки, другие морские животные и рыбы. Посмотрела в бочку с водой, а оттуда — земные животные. Всё наоборот! «Пусть расползаются по земле, чего им здесь сидеть», — подумала Хадитъильин. Подняла шкуры, смотрит на всё, не боится. А дочка Камав'н'аут упала на землю. Забилась, закричала от страха. Очнулась Хадитъильин и побежала что есть силы, куда глаза глядят.

Тем временем идёт Камав'н'аут и видит медведя:

— Вот ещё одного пропустила я. — И поймала медведя.

Дальше идёт — поймала нерпу, потом бабочку. Собирает зверей, уже рук не хватает, а животных всё больше и больше. И вдруг она вспомнила о маленькой собачонке. Догадалась.

— Ну, тебе, Хадитъильин, не жить больше! — закричала ведьма и бросилась на поиски няньки.

Слышит Хадитъильин, что близко Камав'н'аут. Взялась за своё ухо, и тут же ухо превратилось в большую просторную ярангу, а сама она — в прекрасную девушку. Села у входа, вышивает.

Прибежала Камав'н'аут, спрашивает:

— Ты не видела Хадитъильин?

— Нет, не видела. Видела только, что давно пробегала мимо собака.

— Вот это она и есть! Ну, я её съем и ни косточки не оставлю! Сейчас догоню, — Камав'н'аут собралась уходить.

— Ты с дороги отдохнула бы, а то мне страшно: муж ушёл, и мне одной оставаться нельзя, — предложила ей Хадитъильин.

Спрашивает ведьма:

— А куда твой муж ушёл?

— На охоту с ночёвкой, — ответила Хадитъильин.

— Ну, так уж и быть! Заночую!

— Что натворила эта гадкая собачка?

— Да я её хотела съесть, а она меня перехитрила. Взяла я её в няньки, она всех зверей выпустила, которых я собирала по свету. Откуда у неё столько волшебства набралось? И дочку мою испугала...

— Что ты с ней сделаешь? — спросила Хадитъильин.

— Как что? Съем!

Когда ведьма уснула, Хадитъильин взяла керкер (меховой комбинезон — женская одежда. — *В. М.*), проколола в нём много отверстий, указала «звезду Марса» и поставила керкер вместо яранги. А сама побежала.

Бежала, бежала — встречает речку. Видит — на другом берегу шиповник.

— Шиповник-шиповник, перевези меня на ту сторону.

Шиповник перевез её, и она побежала дальше.

В это время Камав'н'аут проснулась. Смотрит — Марс на месте. «Ещё ночь», — подумала и продолжила спать.

Бежит Хадитъильин дальше. Долго бежала. Видит — большая река. А на дереве сидит К'эккук — кукушка.

— К'эккук! Перенеси меня на ту сторону, а то за мной Камав'н'аут бежит.

Кукушка перенесла Хадитъильин. Сидят, разговаривают они между собой.

Долго ещё спала Камав'н'аут — три дня. Проснулась наконец, открыла глаза, подумала: «Что случилось, что всё ещё не светает?» Шевельнулась, и на неё сверху упал дырявый керкер.

— Что это? Небо упало? — испугалась. Отвела керкер руками: было так светло! А сама она лежала под открытым небом. Посмотрела на керкер — он оказался весь дырявый. Удивилась. Потом вспомнила про собачку и ещё больше рассвирепела.

— Если бы я раньше узнала, что это она, я бы с ней расправилась!

Вскочила Камав'н'аут и побежала догонять Хадитъильин. На пути встречает реку. Увидела шиповник, спросила:

— Шиповник, Хадитъильин переплывала эту речку?

— Какая-то собачка выпила всю воду. Прошла и опять водой реку наполнила.

— Ну, а ты меня лучше перевези.

Шиповник перевёз её. Хотел он что-то спросить, но она очень торопилась и побежала дальше. Быстро бежала — вторая река. Остановилась.

Притаилась на другом берегу Хадитъильин. К'эккук дала ей птичью одежду:

— Ты не бойся, — говорит, — будешь моей женой. Не узнают тебя.

В это время подходит Камав'н'аут и кричит через реку:

— К'эккук! Ты не видел, проходила ли здесь Хадитъильин?

— Нет. Хадитъильин не видел! Тут маленькая собачка прошла, — отвечает К'эккук.

— Перевези меня побыстрей!

— А маленькая собачка всю речку выпила, прошла. Потом воду выпустила. И, видишь, опять река течёт, — засмеялась К'эккук.

— И-и! Если маленькая собачка выпила реку, то мне сделать это ещё легче, — сказала ведьма и стала лакать воду своим длинным языком.

Скоро она выпила всю реку. Стала переходить сухое дно и чуть задела соломинку у берега, живот её и лопнул.

И до сих пор Камав'н'аут не появлялась на этом свете. А зверей, птиц, рыб, жуков и бабочек много стало.

К'эккук и Хадитъильин стали вместе жить и веселиться.

К'утота и Кльльак'атню
(рассказано В. М. Уваровой, село Анапка, 1969 г.)

Жили Кухта с сыном. У сына была жена К'утота и был у них унюню (ребёнок) Ак'атню.

Однажды сын предложил своему отцу Кухте:

— Давай пойдём, поохотимся!

Отец отказался и говорит ему:

— Лучше жену стереги, а то тут много зверей бродит!

Сын отвечает:

— Ничего с ней не случится. Мы быстро вернёмся.

Тогда старик согласился. Пошли. В дороге сделали привал, построили шалаш. Охотились, добыли много дичи.

Удачной была охота, и они остались на этом месте. Пошёл сын прогуляться в тундру. Идёт и встречает юношу Кльльак'атню (от *кльль* — бусинка. — *В. М.*). Юноша был одет в праздничную одежду, расшитую красивыми бусами. Взяла зависть сына Кухты, и он убил юношу. Оторвал с его кухлянки все бусы и пошёл к своей жене, забыв о родном отце. Отдал жене бусы, сказал:

— Побыстрей собирайся! Поедем жить в другое место.

К'утота спросила мужа:

— Зачем ты его убил, чужого сына?

Отвечает ей муж:

— Не бойся, ничего с нами не случится. Только поживей собирайся. Найдём хорошее место, безопасное.

Так они и сделали. Нашли рощу каменной берёзы, построили себе жилище, к которому трудно было добраться. И жили они здесь спокойно.

А в это время отец Клльак'атню ждал своего сына и от долгого ожидания стал тревожиться. Ничего не сказав своей жене, он не вытерпел и пошёл искать сына. Вскоре нашёл его. Увидел, что сын убит и одежда его без бус. Похоронил. Потом пошёл искать врагов, которые его сына убили. Долго искал. Обошёл много речек, озёр, долин. За это время от боли по потерянному сыну и от солнца у него выгорели глаза. Нашёл он высокую сопку, пошёл туда, взобрался. Стал осматриваться и вдруг в зелёной чаще увидел дымок. Заметил, где стоит землянка сына Кухты, и пошёл обратно домой.

Дома его окружили воины. Он рассказал, что Клльак'атню убил сын Кухты. Мужчины наточили копья, собрались и пошли по тропе туда, где жил сын Кухты со своей женой К'утотой и Ак'атню. Воины подкрались к землянке и, направив копья вперёд, застыли.

Сын Кухты ничего не заметил, а его жена увидела блестевшие на солнце копья и врагов. Она молча толкнула мужа, незаметно указав опасность. Враги легко ранили его, и он убежал в лес, а жена К'утота осталась одна с Ак'атню на руках. Она горько плакала от стыда, что её муж испугался и убежал. Старики убитого Клльак'атню взяли её с сыном к себе. Так они решили отомстить, усыновив и воспитав чужого сына, так как Клльак'атню был убит из зависти.

Сыну К'утоты вместо имени Ак'атню дали новое имя — Клльак'атню.

Старик всё время носил своего приёмного сына на шее — так его полюбил. Сын рос быстро и ни в чём не нуждался. Беспечно жил. Старик, теперь его второй отец, учил охотиться и рыбачить. Скоро Клльак'атню стал самостоятельно ходить на охоту, делать ловушки — взрослым стал.

Однажды у племени людей с бусами был большой праздник. Вокруг костра танцевали и пели под бубен. Юноши соревновались. И самым красивым и сильным среди них был Клльак'атню. Он победил всех. Девушки поднесли ему подарки и хотели уже вручить, но один из стариков — жрец — ударил в бубен и запел древнюю, никому уже не понятную песню. Все замерли в ожидании чего-то страшного. Старик начал камлать — петь и плясать вокруг

костра. Внезапно он остановился и выкрикнул, что приёмный сын старика скоро станет враждебным нин'витом, который будет им, племени людей с бусами, причинять зло, и племя погибнет. Он сказал это на непонятном для К'утоты и её сына языке. Все зашумели, а мать и сын ничего не поняли...

Когда Кльльак'атню ушёл на охоту, мать узнала, что старик-шаман сказал, что её сына собираются убить. Она проплакала весь день.

Возвратившись домой с охоты, сын удивился, что мать плачет вместо того чтобы радоваться: он принёс много дичи.

— Отчего ты плачешь, мама? — спросил он.

— От радости, сынок, — ответила К'утота.

А у самой слёзы застилают глаза и на сердце тяжело. Так продолжалось несколько дней.

Как-то Кльльак'атню пошёл побродить в тундру. Устав, он прилёг и подумал: «Почему мать плачет всё время?» Потом Кальльак'атню встал и увидел Милюта — зайчика.

— Что ты здесь делаешь? Расскажи мне, что нового произошло в тундре? — попросил юноша.

— Ничего не делаю. Просто греюсь на солнышке, — ответил тот.

Юноша всё расспрашивал о новостях, и Милют рассказал:

— Вот жили Кухта и его сын с женой и Ак'атню. Сын Кухты убил из зависти Кльльак'атню, а его сына и жену захватило племя людей с бусами. Сыну дали вместо имени Ак'атню имя Кльльак'атню. И он сейчас охотится где-то здесь, недалеко, но его хотят убить...

Юноша не ожидал услышать такую новость и удивился, что он ничего об этом не знал ни от матери, ни от отца — старика. И вот, придя домой, он ничего не сказал своим близким. Как будто ничего не знает.

В это время Кухта, превратившись в чёрного ворона, искал свою невестку с сыном.

На своём пути он встретил этого же Милюта. Сел Кухта на дерево, присмотрелся и попросил рассказать что-нибудь. Но Милют отказывается:

— Если ты меня не покормишь, то я тебе ничего не расскажу.

— Ну ладно тебе, расскажи, можно и без завтрака рассказать, — упрашивает его Кухта.

А Милют всё своё гнёт. Тогда пришлось Кухте слететь с дерева на землю, превратиться в человека. Взял он крохотную половинку скорлупки кедровой шишки, положил туда немного земли.

«Как плохо, да ещё скорлупа от шишки такая маленькая. Я же раздавлю её одним пальцем», — подумал Милют.

Кухта говорит:

— Кто-то думает, что ему неприятно смотреть на пищу, которую я готовлю?

Милют смутился. Ему стадо стыдно. Потом смотрит он: Кухта толчёт листья. Выделился неприятный зелёный сок. Милют опять про себя подумал: «Вот ещё не хватало — есть эти горькие листья! Никто и не посмотрел бы на них!»

А Кухта своё:

— Кто-то подумал, что ему противна и эта пища.

Милют смутился и на этот раз. Покраснел, как краб. Потом он увидел, что Кухта взмахнул рукой и что из того, что он приготовил, возникло прекрасное и вкусное праздничное блюдо. Удивился Милют и стал с наслаждением есть. Насытившись, он подробно рассказал историю о сыне Кухты, его жене К'утоте и Ак'атню, которого теперь зовут Кльльак'атню, и что его внука хотят убить. Милют рассказывал и другие новости, но Кухта спросил его, где сейчас К'утота со своим сыном?

Узнав об этом, Кухта пошёл к племени людей с бусами, где были в плену его родственники. Когда пришёл, К'утота сразу его узнала. Она рассказала о том, сколько пережила и как много выстрадала. За то, что эти люди хотели убить его внука, рассердился Кухта и объявил им войну.

Собралась вся семья Кухты, а его сына, который убил юношу из-за бус, нет. Хотел и его наказать мудрый старик, да убежал тот в тундру и долго не показывался.

Пошла семья Кухты в военный поход и вместе с ними Кльльак'атню. Отогнали они племя людей с бусами подальше. Помирились и вернулись к себе. Отпраздновали победу и стали жить да поживать счастливо.

Легенда о любви к родине
(рассказано Ульяной Коллеговой и М. Гуторовым, село Карага, 1969 г.)

Давным-давно на высоком обрыве у подножья горы Кетгым стояла крепость Тавэлямту. Горный ручей и воды глубокой бухты защищали её с юга, высокая гора — с севера. Крепостные валы, острый частокол делали её неприступной.

День и ночь дежурили люди на крыше самого высокого жилища и смотрели через морской пролив в сторону острова Карагинского. Оттуда на огромных кожаных байдарах каждый год приплывали

морские жители, одетые в камлейки из шкурок морских птиц, в деревянных шапках с длинными козырьками. Шапки, раскрашенные цветными рисунками, волнистыми линиями и убранные яркими перьями, не могла пробить стрела, а панцири из плоских костей сивучей и лахтаков даже копьё не пробивало.

Но никогда раньше не могли победить чужеземные воины отважных карагинцев. В их жилища, вкопанные глубоко в землю, ни разу не вошёл ни один враг, но для гостей дверь была открыта всегда.

Сейчас уже старики не знают, почему крепость называлась Тавэлямту, но это место они и сейчас считают священным.

Вот что рассказывают старожилы:

...Однажды все уехали на Ынныткин — летнюю рыбалку: лосось шёл нереститься. Последним уезжал вождь. Он стоял с луком и колчаном на левом плече, в руке держал гарпун и прощался со своими сыновьями и дочерью. Те, два парня и девушка, почтительно слушали отца.

— Оставайтесь здесь, берегите нашу землю. Это наша земля — Тавэлямту, Ынныткин, сэссэн, кэрэн'ынэн, — сказал отец кратко, обращаясь к старшему сыну Оттле.

Мать с сумкой за спиной, в которой раскачивался маленький сын, гладила свою дочь по голове:

— Доченька! Рано вставай, раньше чаек. На берег иди. Собирай моллюсков, морскую капусту, морских ёжиков. У ручья крабов лови. Любят они сладкую воду ручья пить по утрам. Сначала братьев корми, потом сама ешь...

Братья и сестра стояли со слезами на глазах. Им очень не хотелось оставаться здесь на всё лето, когда юноши посёлка рыбачили на быстроходных батах, охотились с луком, ловили гусей, гоняли в табунах оленей. А девушки и женщины собирали ягоду, сушили кипрей, вялили юколу, рассказывая сказки, свои необыкновенные сны, подшучивая друг над дружкой.

Оттля почтительно обратился к отцу, сказав, что они уже не первый год остаются здесь.

— Пусть нас заменят. Многие юноши хотели бы остаться, — сказал старший сын. Но отец сурово осёк его:

— Очаг наш священен. Он не может погаснуть. Нам нельзя нарушать старинный обычай. На нашей семье лежит обязанность охранять огонь и жилище. Кто нарушит это — тот должен умереть...

Родители ушли на берег, где их ждал бат.

Оттля сжал кулаки, хотел крикнуть вслед, что они не понимают и не любят своих детей. Но, увидев, как медленно идет отец, припа-

дая на правую ногу, и с каким трудом, придерживая рукой широкую лямку на лбу, несёт сумку мать, успокоился, смягчился.

— Идите к родителям, — кивнул он брату и сестре.

И те стремглав бросились через кедрачи вниз, к берегу...

Отец и мать гребли размеренно и ровно однолопастными вёслами. И бат плавно уходил по спокойной глади бухты к Ынныткин — речной косе под названием «Кончик носа».

Все трое детей поднялись на большую рарану и долго смотрели на запад, куда в такую любимую, летнюю страну юкольников, соломенных домиков на высоких сваях уехали родители.

— Ты, Кикли, принеси хвороста, — сказал Оттля младшему брату. — А ты чего-нибудь поесть собери, — обратился он к сестре.

Он внимательно посмотрел на брата и сестру и удивился: до чего быстро выросли и красивыми стали! Думал, глядел им вслед: хорошая наша семья, дружная. Братьев и сестёр много. Мужчин много. Охотимся хорошо и рыбачим...

Девушка шла по берегу, перекинув через плечо ремень круглой корзинки. Собирала ракушки и морскую капусту. Посмотрела на своё отражение в речке:

— Красивая я! А старший брат на празднике юношей ко мне не подпускает. Всех бьёт. Мать забыла, что сама молодой была. Всё «доченька, доченька». А я взрослой стала. И отец не пускает к подружкам. Плохая семья!

Поднялась наверх. Поставила лукошко. Вынесла уголья — костёр развести хотела, посмотрела на море — угли из рук выпали: под ровдужным парусом к берегу шла огромная военная байдара. Закричала девушка.

Братья сорвали со стены луки, схватили копья, выскочили.

К берету подходили враги с острова. Скоро они высадились на берег, вытащили кожаную байдару, перевернули, подпёрли вёслами. Из паруса соорудили палатку, развели на песке костры.

У центрального костра стояли три человека: один — вождь в костяном панцире из рёбер, в деревянном шлеме. Всё его лицо исполосовали шрамы. Рядом с ним стоял воин с жестоким сердцем с татуировкой на лице. Возле них — прекрасный юноша, сын вождя. Вождь и воины указывали на крепость и что-то говорили. А юноша, увидев девушку, стоящую на краю обрыва, неотрывно смотрел на неё. Заметив это, Оттля взял сестру за руку и увёл её к землянке.

Всю ночь в стане врагов полыхали костры. До самого утра защитники не смыкали глаз. На следующее утро чуть свет враги

пошли на штурм крепости. Впереди шли вождь и воин с жестоким сердцем. Но крепость взять было невозможно. Братья стойко оборонялись, отстреливались из луков, бросали камни, которые подносила сестра. Стрела Оттли вонзилась в шлем воина с жестоким сердцем. Когда один из захватчиков был убит, враги отступили. Всё это время сын вождя не поднимал лука, а смотрел на девушку.

Враги отплыли на середину бухты хоронить в море погибшего. Остались воин с жестоким сердцем, несколько воинов и сын вождя.

В это время за водой к ручью спустилась девушка. Набрав воды в плетёную суму, она хотела подняться в крепость. Но от скалы отделился юноша. Подняв глаза, она, увидев его, очень испугалась и остановилась. Юноша протянул ей какой-то сверкнувший на солнце круглый предмет. Девушка взяла и ахнула — медное зеркало! Посмотрелась в него, узнала себя, зарделась. Юноша сказал ей что-то, но она ничего не поняла — язык непонятный...

Она оглянулась и увидела, что за ними наблюдает воин с жестоким сердцем. Взглянув на его татуированное лицо, она от испуга уронила сумку. Юноша снова набрал воды, и она убежала в крепость.

— Воды принесла я, — сказала, поставив сумку.

— В руке у тебя что? — спросил Оттля. — Покажи!

— Мне подарил юноша... — протянула она зеркало.

Братья долго разглядывали диковинный предмет. Наконец старший сказал:

— Надо возвратить обратно. Враги не дают подарков просто так.

— Не верну, — не согласилась сестра.

— Отнеси, — не выдержал Оттля, громко сказал.

Их спор прервал радостный крик Кикли. Он рассказал, что рядом пасётся целое стадо диких оленей и он чуть одного не поймал чаутом.

— А без чаута не догнал бы? — спросил Оттля с иронией.

— Догнал бы, если бы чаута не было.

Старший покачал головой, засмеялся.

Но Кикли не успел обидеться — рядом с ними в землю вонзилась стрела с окрашенной полоской кожи: враги предлагали мир.

— Что-то у них случилось, — удивился Оттля. — Но ты сходи, отнеси подарок назад. Сейчас, после похорон, они не будут воевать. Иди когда стемнеет.

С сумкой для воды девушка незаметно ушла к ручью. Она остановилась у дерева и услышала, как говорили между собой вождь, воин с жестоким сердцем и прекрасный юноша.

— Пусть она подрежет тетивы луков у братьев, — говорил воин с жестоким сердцем, — если она тебя любит. Мы ничего не будем разрушать, только возьмём несколько шкур. Уйдём назад и больше никогда не будем воевать. Мир скрепим вашей свадьбой.

— Я не верю тебе, — ответил ему юноша.

Не шелохнувшись стояла девушка, слушая спор. Она поняла только одно, что говорят о ней. Отец долго убеждал сына. Юноша оглянулся и, увидев девушку за деревом, подошёл к ней и попытался рассказать всё.

— Никто не погибнет. И наши племена не будут больше воевать.

Он показал на своём луке, что ей надо подрезать тетивы луков её братьев. Она задумалась, но когда юноша поклялся ей в любви, согласилась.

Пришла домой. Вошла в землянку. Взяла отцовский нож, сняла со стены два боевых лука. Чуть подрезала сверху толстые лахтачьи тетивы и замазала порезы густым оленьим жиром, смешанным с золой. Вышла наверх. Увидела старшего брата, который готовился к бою. Стало ей плохо на душе, виноватой себя почувствовала.

— Оленя поймал! Я догнал его! — радостно крикнул младший брат. — Я за рога его к берёзе привязал чаутом.

— Сюда привести?

— Лучше завтра. Когда убьём, мясо родителям отвезёшь, — ответил Оттля. — Сейчас готовься. Враги что-то задумали...

После полудня враги пошли на приступ. Братья схватили боевые луки и спокойно, ничего не подозревая, натянули тетивы. После нескольких выстрелов тетивы оборвались.

— Беги за охотничьими, — крикнул старший.

Но враги, завёрнутые в панцири из толстых ивовых прутьев, связанных нерпичьими ремешками, с луками, деревянными кружк*а*ми на груди, один за другим уже поднимались по склону на первую террасу.

Братья упорно сражались копьями. Но многочисленные враги, сомкнувшись и направив на них копья с медными наконечниками, теснили их к горе.

Оттля, неожиданно быстро и сильно орудуя копьём, сбил наконечник с копья вождя. Тот оказался в опасности. К нему на помощь бросился сын и заслонил отца. Оттля не тронул сына вождя.

Враги теснили братьев, хотели взять их в плен. Но братья отступили в лес. И тут они вспомнили о сестре. Оглянулись — её нигде не было.

Младший, Кикли, бросился на землю, заплакал. Оттля сел на ствол упавшей берёзы, возле привязанного чаутом оленя, и рассматривал лопнувшие тетивы луков:

— Перерезаны в одном и том же месте. Неужели сестра? — Ах, ненавистная!— ругался старший.

Кикли молчал...

Они выглянули из-за деревьев: враги захватили крепость, сокрушали жилище, несли к байдаре богатую добычу: меха, одежду, утварь...

— Всё из-за неё, — прошептал младший.

Вдруг раздался крик сестры. И они увидели, что воин с жестоким сердцем связал девушку и вёл к нагруженной, уже готовой к отплытию байдаре.

Оттля медленно распутал с рогов оленя чаут, свернул его, и вместе с братом по заросшему ольховником оврагу, неслышно, они пробрались к краю террасы. Дымились разрушенные и сожжённые землянки.

Они посмотрели с обрыва: далеко внизу в гружённой до бортов байдаре сидели воины и в середине — связанная девушка, их сестра. Байдара медленно шла вдоль берега. И когда она поравнялась с крепостью, где был отвесный обрыв, Оттля метнул чаут. Тот обвил сестру за стан, и братья, твёрдо упираясь ногами в землю, выхватили её из байдары. За несколько секунд они подняли сестру наверх и бросились в лес. Враги оторопели.

С холма была хорошо видна байдара и воины, гребущие длинными вёслами. Там бился и кричал юноша.

— Вы лжецы! — кричал он отцу и воину с жестоким сердцем. — Вы обманули людей с тёплого берега. Вы разрушили дома и ограбили их. Они придут и разрушат наш посёлок... Сколько вы раньше убили невинных чужих и наших людей! Убийцы!

Воин с жестоким сердцем привязал юношу к каркасу байдары. Тот бился, вырывался, раскачивал байдару.

Братья смотрели вдаль. Рядом с ними, опустив голову, стояла их сестра.

— Ты подрезала тетивы. Из-за тебя мы нарушили древний закон: погас вечный огонь нашего очага. Отец больше не будет вождём.

Она стояла такая прекрасная, юная девушка, каких ещё не видела земля карагинцев, и плакала без слёз.

— Ты никогда не вернёшься к нам на землю, как возвращаются снова все люди нашего племени. Ты никогда не будешь ходить

в расшитых праздничных одеждах в стране верхних людей, потому что тебя забудут потомки, и твоим именем не назовут больше ни одну девушку.

Старший брат подвёл сестру к дикому оленю. Тот, скосив налитые кровью глаза, забился так, что старая каменная берёза задрожала до вершины и с неё, как снег, закружились, полетели лёгкие чешуйки бересты.

Он привязал сестру за длинные, до самой земли косы к рогам оленя и, вынув из деревянных ножен нож, полоснул по ремню. Олень стоял ещё одно мгновение...

Братьям стало невыносимо жаль их самую любимую сестру, которой они неосознанно гордились. Которая, как они только сейчас поняли, была для них единственной радостью.

Кикли не выдержал, бросился:

— Не надо, подожди! — только он и успел крикнуть. И успел увидеть тёмные, как ночь, глаза, полные слёз.

Но было уже поздно.

Сокжой рванулся, помчался по свалам каменного моря. И крик погибающей девушки разнёсся над горой Кетгым, расплылся над бухтой, достиг байдары, уходящей за горизонт, и слился с криком юноши.

И над огромной выпуклой бухтой целое мгновение царил крик двух обманутых влюблённых.

Кикли бросился к Оттле, обнял его, забился в рыданиях.

— Надо строить разрушенный посёлок, — сказал старший брат. Глаза его были сухи, ни один мускул на лице не дрогнул.

Жаворонок и Ворон

(рассказано А. П. Тюменцевой, село Анапка, О. Г. Нуталкут, село Апука, 1969 г.)

Однажды Куткинняху говорит:

— Кто дров принесёт на всю зиму и живого медведя поймает, за того отдам дочь свою Аняроксон'аут.

Дочь у старика была красавицей, всё стойбище от неё глаз оторвать не могло. Сватались к ней многие, но не хотела замуж дочь.

Решили посвататься маленькая птичка — Жаворонок и большая — Ворон.

— Вот отработаете за невесту да дров заготовите для меня из кедрача и берёзы — отдам за лучшего работника свою дочь, — говорит отец.

— Мы согласны, — замахали крыльями Жаворонок и Ворон.

Прилетели в лес, взялись за дело. Жаворонок работает, поёт — целую гору дров заготовил, всё тащит и тащит. Маленький, а трудолюбивый. Потом поймал живого медведя и забросил на дрова. Сидит рядом, поёт.

Ворон целый день слоняется между деревьями, ищет что-то, клюёт. Ничего больше делать не хотел. Идёт и видит, что птичка Жаворонок тащит дрова к жилищу Куткинняху, а на дровах лежит живой медведь, боится спрыгнуть вниз. Схватился Ворон клювом за ветку, бежит рядом, как будто помогает.

Вот и землянка Куткинняху. Встречают их хозяева. Жаворонок и Ворон входят в землянку.

— Это я сам, — говорит Ворон. А Миты схватила хвастливого Ворона, помяла ему крылья, под подол кухлянки спрятала, вынесла на улицу и выбросила.

Медведя хозяева и другие гости стали разделывать.

— Я буду разделывать! — кричит Ворон и начал с головы. Люди все заняты, не обращают внимания на него. А Ворон съел один глаз и всё прыгает. Потом и второй съел.

Жаворонка не видно и не слышно — он ещё дрова тащит. А Ворон хвастается:

— Это я! Это я ещё принёс!

Всё «я» и «я» — всем надоел. Даже медведь открыл рот — так хвастался Ворон. Но тот будто не замечал ничего. Стали готовить медвежье мясо: раскалили на костре камни, положили сырой мох, на него — мясо и снова сырой мох, чтобы тушилось. К свадебному пиршеству готовились. Ворон всем мешает, путается под ногами. Хозяйка поймала его, помяла крылья, спрятала под кухлянкой, вынесла на улицу. Выбросила лентяя.

В это время пошёл дождь, погода испортилась.

Куткинняху говорит:

— Кто достанет солнце, погоду исправит?

А Ворон тут как тут. Пришёл, отряхнулся, каркнул:

— Я хочу жениться на твоей дочери. Отдай дочь — погоду исправлю!

— Нет, — говорит Куткинняху. — Вот сделай сначала хорошую погоду, тогда и женишься!

Миты, жена старика, сшила новые торбаса, сварила поесть на дорогу, сухарей нашла и всё отдала Ворону. Тот жадно поел, схватил торбаса и улетел. Прилетел на небо и пошёл делать хорошую погоду. Вспомнил там, что Миты и Куткинняху ему дочь не отдали

сразу. Разозлился на них. Схватил солнце клювом, спрятал в рот и держит.

Погода ещё хуже стала, всем надоела. Долго плохой была. Жаворонок и говорит Куткинняху:

— Нравится мне твоя дочь Аняроксон'аут. Мудрый Куткинняху, хочу на ней жениться!

— Когда сделаешь хорошую погоду, тогда и женишься!

Миты сшила новые торбаса, наварила разных кушаний. Но Жаворонок говорит:

— Мне ничего не надо. — И улетел.

Прилетел, смотрит — Ворон держит солнце.

— Почему, Вэллы, держишь солнце?

— Когда отдадут за меня дочь Куткинняху, отпущу солнце, — отвечает Ворон.

Тогда Жаворонок добыл огонь и поджёг Ворону хвост. Тот оглянулся назад — хвост чёрный горит. Испугался, выпустил солнце, упал в заросли кедрача и там спрятался.

Солнце поднялось высоко, и наступила хорошая погода.

Жаворонок спустился вниз, прилетел к жилищу Куткинняху, запел. Куткинняху и Миты выдали за него свою дочь. Увёз Жаворонок жену домой. Но часто ездили они в гости к весёлому старику.

В гостях на морском дне
(рассказано А. Я. Волковой, село Анапка, 1969 г.)

Захотелось Куткинняху сходить в гости к жителям моря на морское дно. А как туда попасть, не знает. Вот идёт он по берегу и встречает маленького Краба с большими усами.

— Краб, отвези меня на морское дно к молчаливым жителям моря, в гости меня отвези... — пел Куткинняху.

Но Краб дремал, ничего не слышал и ничего не ответил. Крабы ведь любят поспать!

— Вэгыткэн'-вэгыткэн'! Мы будем там с тобой кушать нерпичий жир, много жира! Но ты никому об этом не рассказывай, — продолжал свою песню хитрый Куткинняху. — Но если расскажешь, зачем мы пришли, смеяться будут над нами! Как будто мы с тобой пришли, чтобы нас угощали.

Краб рассердился:

— Оставь меня! Отстань! Не хочу я жира! Не даёшь мне спать! Нельзя тебе туда идти — там воды пресной нет.

— Отвези меня, отвези, — всё настойчивее просил Куткинняху. — Краб, Краб, не спи! Посади меня на себя, отвези!

— Ладно, — согласился Краб, — садись. И посадил Куткинняху на свою твёрдую колючую спину.

Едут они в глубь моря. Сначала на пути встретились моллюски, потом морские звёзды и ёжики. Все здоровались с Крабом, но Куткинняху не может отвечать — там же вода вокруг.

Скоро они въехали в тёмный лес из морской капусты. Лес колебался от водных течений. Долго ехали по лесу. Потом приехали на опушку и встретили тут настоящих жителей моря.

— Куткинняху приехал! Он молчит, словно воды в рот набрал! — кричат жители моря.

Посадили гостя на шкуры и спрашивают:

— Зачем пришёл к нам?

— В гости, — показывает, — пришёл.

Ему говорят:

— Садись, ешь! Сам угощайся!

Много ел Куткинняху рыбы, мяса и нерпичьего жира.

— Апьак'а — пить хочу, — показывает Куткинняху.

— Иди дальше по дну, вниз, там пей. Только вот вместо черпака бери ракушку и пей из неё, — советуют морские жители.

Пошёл Куткинняху искать воду. Бродит по дну морскому, видит — стоит бочка с пресной водой. Хотел напиться, а вода исчезла. Ещё дальше пошёл.

Долго был в гостях. То к одним, то к другим в гости идёт. Всюду его хорошо угощают, а воды не дают.

Встречает нерпушку, на которую когда-то охотился.

— На тебе чуточку воды, — и нерпушка подала ему маленькую раковину с водой — полглотка.

Всё ходит Куткинняху по дну.

А Краб рассказал всем, зачем в гости пришёл Куткинняху, и попросил, чтобы не давали ему пить. Ведь вода в море солёная!

Так много съел Куткинняху, что даже плохо ему стало. Наконец пришёл он к одной мудрой старушке, она была бабушкой лахтака.

— Очень хочу пить, умираю от жажды! — показывает.

— На, возьми маленькую волшебную кружечку и попей, сынок!

Подала бабушка кружечку с напёрсток. Сходил Куткинняху за водой, попил и оставил немножко воды для старушки, хотя воды в кружечке было и так мало. Поблагодарил её и пошёл дальше. Хотел ещё остаться на морском дне, да побоялся, что умрёт от жажды.

И только потому он благополучно вышел на берег, что бабушку не обидел и ей воды не пожалел.

Пришёл домой, выпил несколько больших бочек воды. Сладкой она ему показалась!

Натерпелся Куткинняху на дне морском! И всё из-за того, что пожадничал. И жители моря наказали его за это.

Любовь Ильно

(легенда, рассказана А. А. Суздаловой, село Тымлат, 1969 г.)

Жила на свете старая женщина. У неё дочь была, и звали её Ильно. Дочь всё умела делать и по хозяйству успевала — мастерицей на все руки была. Время выдавать её замуж пришло, а она не хочет:

— Не пойду! Как ты, мать, одна останешься?

— Доченька, со мной одной ничего не случится. Я проживу и одна, — говорит мать.

Однажды дочь за ягодой пошла. В лесу, среди кедрачей, она увидела ворона с подбитым крылом. Ильно подобрала ворона, сделала ему гнездо из веток и травы, каждый день ухаживала за ним. А мать ничего не знала об этом — дочь ей не сказала.

Как-то раз взяла Ильно ягоды и юколы и пошла в лес — кормить ворона.

— Куда ты уходишь каждый день? — спросила её мать.

Но дочь торопилась и не ответила. Тогда мать пошла следом за ней и зашла в дремучую чащу. Смотрит — гнездо ворона, и её дочь кормит птицу. Мать удивилась и не знала, что и сказать. Потом подошла и спросила:

— Ты кормишь ворона?

Ильно всё рассказала матери.

— Хорошо, что ты так относишься к зверям, что спасла ворона, — говорит мать, — возьмём птицу домой.

Взяли они птицу, принесли.

Выздоровел ворон, окреп. Крыло срослось, и остался он жить у них.

Однажды ночью проснулась Ильно и видит: ворон встал, сбросил с себя чёрную кухлянку и превратился в прекрасного юношу. Юноша снял со стены охотничий лук и ушёл на охоту. Рано утром он принёс добычу, повесил лук на место и снова превратился в ворона. Ильно не могла уснуть до самого утра — влюбилась в юношу. Дочь рассказала всё матери, а та ей и говорит:

— Ты не спи всю ночь и всю одежду ворона перед самым восходом солнца брось в реку. Я слышала об этом от добрых людей.

Дочь так и сделала. Под утро, когда юноша ушёл охотиться, она взяла одежду — чёрную кухлянку с вороньими перьями — и бросила в реку.

Утром прибежал с охоты юноша и спрашивает:

— А где моя одежда? Ты не видела?

Девушка посмотрела на него — слова сказать не может, до того он был красив, и она так сильно в него влюбилась.

— Найди мне одежду, — говорит юноша. — Обязательно найди!

— Где я найду? — отвечает Ильно. — Река быстрая унесла...

— Если любишь, найди. Даже из-под земли. Не найдёшь — несчастье случится, и мы никогда не увидимся больше.

Раздался гром, сверкнула молния, стало темно, солнце погасло. Девушка горько заплакала, а когда успокоилась и открыла глаза — юноши не было. Последнее, что она услышала, его голос: «Найди меня! Меня зовут Тэйкылкут... (мужское имя от слова «солнце». — *В. М.*)»!

Мать и дочь заболели от горя — навсегда исчез юноша.

Утром мимо яранги проезжал добрый волшебник. Он был мудрым и с одного раза отгадывал желания. Девушка печально сидела на берегу реки. Волшебник подошёл к ней тихо и спросил:

— Почему ты такая грустная?

Рассказала ему всё девушка.

— Ты не горюй! — утешает он. — Я ведь знаю, кто превратил юношу в ворона.

И рассказал:

— Недалеко отсюда есть дымящаяся гора, в ней живёт злой дух. У злого духа есть дочь, и он хочет, чтобы твой любимый женился на его безобразной и жестокой дочери.

Ильно расспросила волшебника, как ей спасти Тэйкылкута.

— Иди к горе. Если любишь — бросайся в огонь.

Она испугалась:

— Я не могу, боюсь, сгорю!

— Не бойся и делай то, что я тебе говорю, — волшебник протянул ей прозрачный камешек. — Будешь проходить мимо большой реки, а её не переплыть, вода ледяная. Возьмёшь с собой этот камешек-амулет и коснёшься воды. Река станет небольшим ручейком. Ты перейдёшь. Тебя будут подстерегать много опасностей, но ты не бойся — всё преодолеешь! — и волшебник пошёл дальше своей дорогой.

Мать говорит:

— Не бойся, иди!

Пошла Ильно искать любимого. Долго она шла и видит: вдалеке высокая гора, а перед ней течёт большая река с ледяной водой. Бросила она в волны амулет, и река стала маленьким ручьём. Девушка перешла на другой берег и похолодела от ужаса: на сумрачном берегу стоят живые уродливые деревья. Их ветви извиваются и воют. Страшно ей стало. Она очень боялась. Но, вспоминая о прекрасном юноше, которого полюбила, прошла мимо заколдованного леса.

Навстречу ей промчалась стая волков с горящими глазами, и Ильно, заслонив лицо руками, пробежала через стаю к сверкающей горе.

У подножья горы росла высокая трава, белели кости животных и людей. Трудно было подниматься вверх по скользким камням. Упала Ильно. И там, где она дотронулась до склона горы рукой, образовались ступеньки. Так по ступенькам и добралась до вершины. Отсюда она увидела всю землю: тундру, реки и далеко-далеко свой дом.

На вершине едкий дым не давал дыхнуть, а из огненной пропасти летели искры. В глубине её клокотала, варилась пища злого духа. Там, внизу, под землёй жил злой дух. Это он сотрясал землю.

Ильно стояла на краю пропасти и вдруг услышала громовой голос:

— Что ты тут делаешь?

— Это я, Ильно! Я жду... Зачем ты забрал моего жениха?

— Твой возлюбленный не захотел жениться на моей дочери. Он живёт здесь, под землёй... А ты что стоишь?

Страшно было Ильно, но она прыгнула в пламя... Очнулась — жива и здорова! Немного прошла и увидела прекрасный дворец — огромную пещеру. Вошла. Как здесь просторно! Дальше идёт. Вот открытый полог, а перед ним полыхает костёр. Искры и дым выходят через кратер вулкана. Ильно не сразу заметила, что в пологе сидит безобразная дочь духа. Глаза у неё чёрные, как угли, и жадные, волосы длинные и лохматые, руки кривые, со скрюченными пальцами. Около неё стоит ещё страшнее, чем она, дряхлый старик-дух. Вокруг костра нин'виты пляшут дикий танец. Злой дух говорит Ильно:

— Юноша будет мужем той, кто лучше сошьёт и украсит летние перчатки.

— Он будет моим мужем! — взвизгнула дочь духа.

Расстроилась Ильно, села у выхода из пещеры, задумалась.

Вдруг к ней подходит старушка-ведунья.

— Мэй! Здравствуй, бабушка, — поздоровалась девушка.

— О чём задумалась, девочка? — спросила старушка.

— Завтра мне надо показать злому духу расшитые летние рукавички. Но я боюсь, что не смогу сделать лучше, чем его дочь. И тогда всё пропало!

— Ты не горюй! Я дам тебе волшебную сверкающую иглу и нитки, самые тонкие. Когда будешь шить, то считай про себя: раз, два, три, четыре...

И ещё бабушка посоветовала, что сказать, когда рукавички будут готовы. Ильно поблагодарила, простилась с ней и пошла в подземный дворец. Там она сделала всё так, как научила её старушка. Дочь духа уже ждала её и заканчивала свою работу. Но у Ильно получились самые красивые рукавички. Такие, каких никто ещё в тундре не шил. Разозлилась ведьма, закричала:

— Не хочу, чтобы Ильно стала женой прекрасного юноши!

Когда она кричала — огромный костёр вспыхивал ещё сильнее, дым становился ещё чернее и земля дрожала. А злой дух повторил:

— Не бывать этому! Мы всё равно убьём её!

Вышла девушка из дворца и снова встретила на том же месте бабушку:

— Что мне делать, бабушка, скажи? Они хотят меня убить.

Бабушка знала тайну духа подземного мира и научила что делать:

— Когда все будут спать — подойди к нему, вырви у него один волос из головы и сожги его в большом костре. И тогда, каким бы яростным он ни был, заколдовать ли тебя будет пытаться, или натравливать собак, издеваться — ты не обращай на него внимания. Он никогда тебя не сможет убить.

Все уснули. Ильно вошла и выдернула волос с головы злого духа. Сожгла. Колдун проснулся, стал крошить скалы, бесноваться. Натравливал на неё собак, но девушка не обращала на всё это внимания. Дух видит, что ничего сделать с Ильно не может, успокоился. На следующий день он говорит:

— Если ты хочешь, чтобы любимый стал твоим, превратись в ручей, а он — в камни у ручья. Иначе вы никогда больше не встретитесь и ты не будешь его женой.

Ильно не знала, что и делать, вышла из дворца. Там она в последний раз встретила мудрую старушку и рассказала ей всё.

— Ничего не поделаешь, — говорит старушка. — Но перед тем как превратиться в ручей, прокляни духа подземного царства и его семью, и они сгинут. А ты останешься с любимым навсегда.

На следующий день Ильно вышла к подземной реке и увидела свою мать. Мать опечалилась и говорит дочери:

— Не бойся, доченька моя! Я также за тобой скоро пойду, и мы будем жить вместе. А потом вместе к людям придём.

И они ещё долго говорили обо всём.

Был страшный день. Тучи заволокли всё небо, гремел гром. На землю опустились сумерки, молнии летели от вершины вулкана к небу. На землю падали огненные камни.

Колдун привёл прекрасного юношу.

— Тэйкылкут! — крикнула Ильно и бросилась к любимому.

Он был так красив, что вокруг стало светло от его красоты. Ильно и юноша наконец встретились. Пошёл ливень, задрожала земля. Злой колдун превратил девушку в ручей, а юношу — в каменную глыбу у ручья.

И ручей от их любви стал горячим. Недалеко от села Тымлат течёт он и сейчас.

Злой колдун и его дочь пропали в эту ночь, и люди их больше не видели.

Люди говорят, что живут среди олюторских коряков Ильно и её любимый Тэйкылкут — солнечный человек. Поэтому и солнце светит.

Амаммкут и Кулик

(рассказано А. В. Чечулиной, село Тымлат, 1970 г.)

Жил Кулик на болоте. Однажды он летел над тундрой и увидел красивую девушку, собиравшую морошку. Кулик опустился на кочку и, подойдя к девушке, сказал ей нежным голосом:

— Тыныавут! Ты мне понравилась. Я женюсь на тебе!

— Хорошо, — покраснев от стыда, согласилась дочь Куткынаху.

— Тогда садись на меня, и мы полетим ко мне домой.

Тыныавут села на Кулика, и он понёс её над морем. Но вот появилась пустынная скала. Кулик опустился на неё и сказал девушке:

— Ты подожди меня здесь, я скоро вернусь.

Взлетев высоко над островком, Кулик нагло засмеялся и крикнул:

— Сиди здесь, красавица! Я обманул тебя и лечу домой!

Бедная девушка умоляла Кулика, чтобы тот её не оставлял, но безжалостный Кулик не стал её слушать и скрылся.

Близился вечер, начался прилив. Испуганная девушка сидела, поджав ноги и ухватившись за край скалы. Скоро вода поднялась

до её колен. И тут она увидела стаю уток. Утки пролетали низко над ней, и она закричала им:

— Утки! Возьмите меня с собой! Иначе я умру здесь. Я вас отблагодарю, только возьмите!

Но утки ответили ей:

— Мы не можем тебя взять, потому что мы очень устали. За нами летят лебеди. Может, они тебя возьмут?

Утки покружили над ней и улетели.

И тут вдали показалась стая лебедей. Тыныавут закричала:

— Лебеди! Помогите мне! Возьмите меня с собой!

Лебеди опустились к ней на скалу и стали советоваться. Старый лебедь сказал:

— Садись на меня. Потом, когда я устану, пересядешь на другого. Так и будешь пересаживаться с одного лебедя на другого, пока не долетим до берега.

Села Тыныавут, и они полетели. Летят лебеди и девушку подхватывают. Устали все. Но вот берег вдали показался. Молодой лебедь сказал своим товарищам:

— Вы вперёд летите, а я её донесу, тут осталось немного.

— Не горячись! Тебе будет трудно: сам погибнешь и девушку погубишь, — возражали ему опытные лебеди.

Но он настоял на своём. Лебеди улетели дальше, а молодой лебедь с Тыныавут летел позади всех. Летят они, а берег ещё далеко. Уже совсем обессилел лебедь, напрягает последние силы. Вот и долгожданный берег. Лебедь опустился на землю и упал. Задыхаясь, он сказал девушке:

— Ты иди и оставь меня...

— Нет! — закричала Тыныавут. — Я буду с тобой, но только не умирай! Я прошу тебя!

Но лебедь лежал обессилевший. Девушка сидела возле него и плакала. Прошли вечер и ночь, а лебедь так и не поднялся. Утром Тыныавут встала и, взяв его на руки, пошла по тундре. Шла и собирала для него ягоду. Не успев отойти далеко от берега, она увидела Кулика. Он закружил над ней и закричал:

— А, тебя спасли лебеди! Но ты от меня никуда не уйдёшь!

Тут он захлопал крыльями, и появилась огромная стая куликов. Они подхватили её и понесли куда-то. Летели высоко, и тут она увидела жильё Кулика. Опустили девушку на землю, и к ней подошёл Кулик.

— Ты будешь у меня служить и только никуда бежать не вздумай!

Кулик что-то сказал на своём языке слугам, те бросились к Тыныавут, схватили и завязали ей язык так, что она не могла сказать ни слова. Злобно засмеялся Кулик и полетел к родителям девушки — сообщить, что их дочь вышла за него замуж.

Обрадовались родители. Куткынаху собрался навестить свою дочь. Обернувшись вороном, полетел он над тундрой за Куликом. К вечеру прилетели они к жилищу хозяина.

Тут к ним вышла Тыныавут. Хотела она подойти к отцу, но Кулик её грубо толкнул в грудь и крикнул:

— Иди, готовь угощения, лентяйка! Ничего целый день не делаешь!

А когда приблизился Куткынаху, Кулик сказал ему ласково:

— Проходи, старик. Дочь твоя больна. Глаза что-то побаливают. Лежит она в пологе...

Куткынаху прошёл. Подошёл к «дочери», а это лежала, укрывшись с головой, ленивая сестра Кулика. Она притворялась больной и стонала.

— Ты бы хоть села, поговорила со мной, — попросил Куткынаху.

— Нет, отец, не могу я сидеть, — отвечает та.

— Тебе хорошо здесь живётся? — спросил Куткынаху.

— Очень хорошо. Всё делает служанка: ягоду и травы собирает, шьёт и варит, а я здесь отдыхаю. Вот только глаза что-то заболели...

Тыныавут подавала на стол. Её толкали, били, ругали, но она не могла сказать ни слова.

Старик, посмеиваясь, сказал Кулику:

— Вы бы хоть не били её, хоть слуга, а надо жалеть: ей же больно.

Кулик, ударив палкой девушку, ответил старику:

— Пусть не бездельничает. Уходит в тундру, долго не приходит. Ищем её, работать не хочет.

Когда стемнело, стали готовиться ко сну. Кулик и говорит Куткынаху:

— Старик, служанка наша плохая. Ночью может подойти к тебе и попробует рассказать всякую чепуху. Не верь ей, лживая она.

— Ладно, — ответил старик.

Настала ночь. Куткынаху всю ночь не мог уснуть. И вот он почувствовал, что кто-то дотронулся до его руки и пытается что-то сказать. Старик испугался, закричал.

Проснулся Кулик и, схватив палку, стал бить девушку.

Куткынаху лежал и думал: «Что за служанка? Немая? Что-то хотела сказать? Что же ей надо?»

Отец так и не понял, что это была его дочь и что она хотела, чтобы Куткынаху развязал ей язык. А старик испугался. Ведь хитрый Кулик предупредил его.

Настало утро, и Куткынаху отправился домой. Прилетев, он рассказал родственникам, что его дочь больна, но живёт очень хорошо, с прислугой.

Амаммкут, сын Куткынаху, спросил отца:

— Правда, что моя сестра болеет? Ты действительно убедился?

— Вот ещё! Конечно же, сам видел!

На следующий день Амаммкут собрался в гости к сестре. Пришёл к Кулику, увидел девушку-служанку и сразу узнал в ней сестру. Подумал:

— Ах, отец! Обманул тебя лживый Кулик!

И тут он нечаянно задел сестру Кулика. Та захныкала обиженно и сказала Амаммкуту:

— Ты уже и не считаешь меня за сестру. Я больна, а ты не замечаешь меня!

— Что же ты лежишь, если у тебя болят только глаза. Вставай! Ты же ходить можешь? Так покажись мне! — попросил Амаммкут.

Но она осталась лежать в кукуле.

День быстро прошёл. Как и Куткынаху, Кулик предупредил Амаммкута перед сном...

Ночью Амаммкут не спал. И вдруг он почувствовал прикосновение горячей руки. Это была Тыныавут.

Он молча развязал ей язык и велел идти спать.

Утром проснулся рано и стал выкидывать из жилища всех подряд. Последнего схватил Кулика и отсёк ему голову с длинным носом.

Расправившись с семьей ненавистного Кулика, брат и сестра сразу же направились домой. Когда они шли по цветущей тундре, вдруг увидели, как с неба, сложив крылья, упал белоснежный лебедь. Лебедь превратился в прекрасного юношу, одетого в праздничную кухлянку. Он подошёл к Амаммкуту и Тыныавут. Те очень обрадовались ему и втроём пошли к дому старого Куткынаху.

Три брата и три нин'вита
(рассказано В. М. Уваровой, село Анапка, 1970 г.)

У отца было три сына. Старым стал отец. Перед смертью позвал сыновей и сказал им:

— Будьте смелыми, честными и делайте людям только добро, — сказал и умер.

Жили братья, оленей пасли, рыбу ловили, но трудно было жить: в тех местах обитали три великана — нин'вита. Они охотились на людей, и все их боялись.

Пошли братья в лес за хворостом. Зашли в самую чащу и заблудились. Искали дорогу назад, но так и не нашли. Место было незнакомое. Набрели на поляну, смотрят: посередине поляны стоит огромная яян'а из новых оленьих шкур. Около яян'ы — большая куча костей белеет. Пока блуждали — темнеть стало. Настал вечер. Братья посоветовались и зашли в жилище. Зашли и задрожали от страха: вокруг костра сидели три нин'вита и варили мясо в котле. Братья проголодались за день. Нин'виты, конечно, пригласили их поужинать. Братья не отказались, усталые, легли спать.

Младшие братья быстро уснули, а старший не спал. Слышит, нин'виты что-то о них говорят. Ни одного слова не пропустил старший. Нин'виты костёр погасили, и старший услышал, как они точат большие ножи и приговаривают:

— Уа (да)! Сейчас свежего мяса отведаем, свежей печени!

Старший тихонько разбудил братьев и прошептал им:

— Снимайте свои кухлянки и набивайте их соломой!

Братья быстро сняли кухлянки, набили их соломой и положили на место, где спали. А сами вырезали со стороны полога дыру в покрышке яян'ы и убежали.

В это время нин'виты подкрались к пологу, и старший первым вонзил в кухлянку свой нож, потом второй, потом третий. Видят — кухлянки соломой набиты!

— Яво (подожди)! Они нас перехитрили! В погоню! — и нин'виты понеслись за братьями.

Бегут братья, устали уже, особенно самый младший. И вдруг слышат, что кто-то их догоняет. Оглянулись — старший нин'вит впереди, вот чуть-чуть и схватит их младшего брата.

Старший брат взмахнул правой рукой — лес дремучий вырос за ними. Бегут братья, дышат тяжело. А за ними нин'виты мчатся, ломая толстые деревья. Треск стоит и топот такой, что земля дрожит.

Вот нин'виты выскочили из леса. Догоняют.

Старший взмахнул левой рукой — возникла за ними большая бурная река, и они очутились на другом берегу.

Нин'виты кричат братьям:

— Как перейти реку?

— Выпейте всю воду, тогда и перейдёте, — отвечают им братья.

Пили-пили нин'виты и всё не могут выпить. Один из них, старший, уже лежит, не может подняться и просит листочек:

— Не падай на меня, а то я лопну, очень тебя прошу.

Тут пролетел лёгкий ветерок, и листочек упал прямо на брюхо нин'виту. Брюхо не выдержало и лопнуло.

Но двое всё же перешли реку и вот опять догоняют братьев.

Тогда старший брат бросил в сторону нин'витов чёрные угольки. Начался пожар. А для них самое страшное — это огонь. Огонь сразу охватил нин'витов, и все они сгорели.

Братья оглянулись: они попали в незнакомую сторону. Тут было хорошо, но они пошли домой. Их радостно встретили люди, так как братья спасли всех от гнёта злых и мстительных духов — нин'витов. Братья зажили счастливо. Старшие женились, а младший быстро вырос. Говорят, что хоть много времени прошло, но живут они и до сих пор.

Находчивый Кутха
(рассказано В. Н. Чечулиной, село Анапка, 1969 г.)

Однажды Кутха говорит своей жене:

— Пойдём, Миты, покатаемся на санках.

— А вдруг мы попадёмся старой ведьме нин'витэн'аут? — отвечает ему Миты.

Кутха долго упрашивал Миты, и жена уже было согласилась, но вспомнила, что ей нечего надеть.

— А свадебные торбаса и кухлянку? — говорит Кутха. — Надевай их.

Миты оделась, и они пошли кататься.

Только съехали с горы, сразу же попали в ярангу, где жила нин'витэн'аут. Миты очень рассердилась на мужа — в старину у коряков считалось, что в будний день нельзя надевать праздничную одежду, и толкнула его туда, а сама убежала домой.

Кутха долго искал впотьмах выход, но так и не смог найти. В это время старая ведьма говорит своим детишкам:

— Идите, погуляйте, а заодно посмотрите, может быть, в ярангу попался какой-нибудь лакомый кусочек?

Выбрались дети из полога в ярангу и увидели Кутху. От радости даже запели. Приводят Кутху к ведьме, а та обрадовалась:

— Ага! Попался, Кутха! Сейчас мы тебя съедим!

— Подождите есть. Я должен спеть песню, — попросил Кутха.

— Сейчас меня большим ножом зарежут, — поёт Кутха, — в большом котле сварят, большими зубами съедят...

— Верно, — говорит нин'витэн'аут. — Сейчас мы съедим тебя!

Тогда Кутха попросился, чтобы его отпустили на минутку на улицу — по нужде сходить. Не верит ему старая ведьма, уж очень она боится, что убежит от неё такой лакомый кусочек.

— Если не веришь, — говорит ей Кутха, — привяжи меня верёвкой за пояс, чтобы я не убежал.

Привязали его верёвкой и отпустили на улицу. Выходит Кутха из яранги и видит — сидит муж ведьмы — нин'вит и топор точит. А на правой руке у него большой палец наполовину отрублен.

Кутха отобрал у нин'вита топор, убил его, привязал к его поясу верёвку и крикнул: — Тяните меня!

А сам ушёл домой.

Старая ведьма вместе со своими детьми притащили вместо Кутхи нин'вита, быстро сварили в большом котле и стали есть большими зубами. И вдруг один из детей говорит:

— Смотрите, вот рука без пальца! Это же нин'вит варится!

Тут ведьма поняла, как обманул её Кутха, решила отомстить ему.

Кутха пришёл домой, пригнал стадо своих оленей и отправился к яранге нин'витэн'аут. Увидела ведьма Кутху, обрадовалась, что сейчас сможет растерзать его. Но Кутха опередил ее:

— Вот я и пришёл к тебе сам! Видишь, сколько оленей пригнал для твоей семьи!

Погнал стадо, и олени один за другим помчались к яранге.

— Ешьте! — кричит Кутха.

Прожорливая ведьма и её дети открыли рты, хватают оленей и глотают их живьём. Ели, ели, а пищи всё больше и больше. Чем больше едят, тем больше оленей их окружают. Взмолились и просят у Кутхи:

— Пожалей нас, не губи!

Но сами остановиться не могут. Лопнули от жадности ведьма и все её дети. А олени живые и невредимые выскочили и пасутся по всей тундре. Так мудрый Кутха расправился со старой нин'витэн'аут и её детьми, пугавшими людей по ночам. И люди стали жить счастливо и ничего не бояться.

Олень и рыба-бычок
(рассказано Г. А. Уваровой, село Карага, 1969 г.)

На берег моря вышел дикий олень Ылв'эыл. Хотел воды солёной напиться, потому что в тундре соли нет. Олени любят соль.

Пьёт солёную воду, смотрит: выплывает из воды рыба-бычок Ильг'ак — большая голова, а хвост маленький.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Титульный лист: Владимир Малюкович
"Прекрасная Калимарок'лян'ав" /Корякские сказки/.

2. Предисловие /от Камчатского Дома Народного творчества-цель книги/.

3. Эпиграф/Генри Лонгфелло/.

4. Посвящение.

5. К читателю.

6. Прекрасная Калимарок'лян'ав - девушка-цветок. Черных Н.А., с.Рекинники, 1967 г.

7. Как медведь добыл кухлянку, бубен и ольховую маску.
Котлов Э.И., Котлов М.В., с.Карага, 1969 г.

8. Сказка о Хадитъильин.
Черных Матрена /Орва/, Черных Н.А., с.Рекинники, 1968 г.

9. К'утота и Клльлак'атню.
Уварова В.М., с.Анапка, 1969 г.

10. Легенда о любви к Родине.
Колегова Ульяна/ КАЁЛЬ'О /, Уваров А.М., Попов Ф.С.,
с.Карага, 1969 г.

11. Жаворонок и Ворон.
Тюменцева А.П., с.Анапка, Нутэлкут О.Г., с.Апука, 1969 г.

12. В гостях на морском дне.
Волкова А.Я., с.Анапка, 1969 г.

13. Любовь Ильно./Тымлатская легенда/.
Суздалова А.А., с.Тымлат, 1969 г.

14. Амамкут и Кулик.
Чечулина А.В., с.Тымлат, 1970 г.

Содержание неопубликованной книги В. Н. Малюковича

15. Три брата и три нин'вита. Уварова В.М., с.Анапка, 1970 г.
16. Находчивый Кухта. Чечулина В.Н., с.Анапка, 1969 г.
17. Олень и рыба-бычок. Уварова Г.А., с.Карага, 1969 г.
18. Как Амамхут сделал из ветки человека. Черных Н.А., с.Рекинники, 1968 г.
19. Приключения Куйкинеку. Эвнито В., с.В.Пахачи, 1967 г.
20. Хуткинняху в гостях у лис. Черных Афанасий, Черных Н.А., с.Рекинники, 1966 г. Агинь И.С.
21. Эмэмкут. Попова М.П./Ныльгын/, с.Карага, 1973 г.
22. Хуткинняху и старший сын Волка Иг'имтысын. Чечулина В.Н., с.Анапка, 1971 г.
23. Почему у дятла праздничная кухлянка? Никифоров А.Т., с.Карага, 1969 г.
24. Китыплан'аут. Черных Н.А. с.Рекинники, 1967 г.
25. Куткинняху и люди-тучи, которые живут наверху. Тюменцева А.П., с.Анапка, 1969 г.
26. Хитрый волшебник Куткинняху. Черных Н.А., с.Рекинники, 1966 г., Танвилина В.П., с.Карага, 1970 г.
27. Самая долгая охота Куткинняку. Гуторов М.А., с.Карага, 1969 г.
28. Тынаут и Рира. Чечулина А.В., с.Тымлат, 1970 г.
29. Три мышонка и нин'вит. Ягданов Н.К., с.Карага, 1969 г.
30. Амамкутэки, Нутэпн и мышонок Тыты. Нутаам И.А., с.Анапка, 1969 г.
31. Корякские народные сказки.
32. Корякский словарь.

Записал и обработал
Вл. Тан-Богораз.

«Прекрасная Калимарок'лян'ав (девушка — цветок)», 1974 г.

Увидев его, мышата в один голос закричали:

– Отвези нас домой, в'эллы!

Ворон посадил их к себе на спину и медленно полетел, его большие крылья то плавно поднимались вверх, то опускались вниз.

И дерево как раз в это время упало, нин'вит подбежал к верхушке, ищет-ищет мышат, а мышат нигде нет. Тогда он побежал к горе, где катались мышата. Но и там их не было. Рассердился нин'вит закричал от злости.

А Ворон отвез мальчиков-мышат к отцу. Они больше не катались вечером с горы без разрешения старших. Боялись.

Рассказал Яганов Н.К., с. Карата, 1969 г.

– Никогда не потащат мыши такую нарту, – хохочут морские люди. Но мыши вдруг понеслись так быстро, что только пыль снежная взвилась за ними. Испугались морские люди, закричали. Калко им стало, что столько пищи увезет Хойкинняху.

– Остановись, подожди! Отдай наши продукты! Даже не оглянулся Хойкинняху. Приехал он домой. Миты с Валяко обрадовались, увидев так много пищи. Хойкинняху распряг нарту из каркаса байдары, и втроем они быстро перенесли продукты и уложили их в юкольник, а оставшиеся мясо и рыбу – на вешалах разместили.

Вечером Хойкинняху при свете жирника весело рассказал, как мыши ему помогли перехитрить морских людей.

Рассказала Н.А. Черных, с. Рекинники, 1966 г.

Фрагменты сказок «Три мышонка и нинвит» (сверху) и «Хитрый волшебник Хойкинняху», 1974 г.

Успешно работают в сфере духовной культуры представители советской творческой интеллигенции из коренных народностей Камчатки: научный сотрудник ДВНЦ АН СССР ительменка Н.К.Старкова, научный сотрудник биолог коряк по национальности Н.И. Наянова, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории ДВНЦ АН СССР Н.Н. Яйлеткан, преподаватель КПУ корячка И.С.Попова, члены Союза советских писателей камчадал Г.Г.Поротов и коряк В.В.Косыгин, заслуженный деятель культуры Т.П. Лукашкина, член Союза художников камчадал А.Ф.Винокуров, художники-камчадалки З.А. Машихина, О.Угрина, ительмен В.Запороцкий, коряки В.Лазарев, К. Килпалин, Н. Тнельхут.

В процессе построения социализма и коммунизма, благодаря неустанной работе партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций коренные народности Камчатки достигли огромных успехов в развитии материальной и духовной культуры.

Культурный прогресс общества определяется тем, насколько активной становится творческая деятельность масс, основанная на достижениях материальной и духовной культуры.

Современная духовная культура народностей Камчатки способствует формированию человека нового типа, воспитывая его нравственно, обогащая его внутренний мир.

Одной из причин этого является та, что очистившись от древних верований, духовная культура народностей Камчатки не прервалась, а развивается дальше в условиях развитого социализма, став неотъемлемой частью самой богатой, самой передовой в мире духовной культуры великого советского народа.

Фрагмент рукописи статьи В. Н. Малюковича, 1970-е гг.
[КОКМ ОФ 31995/33]

Выскочил на песок бычок и говорит оленю:

— Давай соревноваться — кто первым добежит вон до того чёрного камня на берегу!

— Давай! — согласился молодой олень. — Только куда тебе со мной соревноваться! Перегоню я! Ты такой невзрачный, рот, правда, большой.

И побежал олень. Со всей силы бежал. Добежал до чёрного камня, а там на песке уже лежит бычок.

— Ты как успел так быстро добежать? У меня четыре ноги, у тебя ни одной? — спросил олень.

— У меня ещё и голова есть! Давай лучше обратно побежим, — предложил морской бычок.

Олень, не теряя времени, назад побежал. Смотрит — бычок уже тут. Испугался олень, подумал: «Неужели я так плохо бегаю?»

Спрашивает бычок:

— О чём думаешь, олень?

— Ну почему так, — удивился олень, — я как ветер лечу, а ты, такой с виду маленький, меня перегоняешь?

— Я же в воде плыву. Мне легче, — объяснил бычок.

— Мне легче, — спорит с ним олень.

— Ну ладно, — говорит бычок. — Теперь давай ещё раз назад пробежим.

Снова олень бросился туда и обратно, но бычок, как всегда, оказался на месте. Хитрым был бычок. На берегу всегда бычки собираются, когда нет людей. Так олень и не догадался.

Рассердился олень и ушёл в тундру побеждённым, смешным широкоротым бычком, никому там не рассказал об этом.

Как Амаммхут сделал из ветки человека
(рассказано Н. А. Черных, село Рекинники, 1968 г.)

Как-то Амаммхут охотился далеко от посёлка. Охота была удачной, но было скучно одному. Он уже давно не видел людей. Делать ему пока было нечего, и стал он строгать ветку. Решил из ветки сделать человека.

Выстрогав его, положил на землю, стал ходить вокруг и петь. Один раз сделал круг и дотронулся до него рукой, потом ногой дотронулся. Обошёл второй раз и третий. И вдруг человек зашевелился. Смотрит Амаммхут — девушка сидит.

— Здравствуй, — говорит ему девушка.

— Здравствуй, — отвечает Амаммхут. — А ты мне будешь готовить пищу и шить одежду?

— Буду, — отвечает девушка.

И Амаммхут долго с ней говорил обо всём, и им не было скучно... Наступила весна, стала расти съедобная трава. Эту траву называют пучки. Девушка ходила за пучками и там же, на берегу реки, очищала их для Амаммхута. Но девушка ещё не умела их чистить быстро и хорошо. А трубчатые стебли травы очень сочные и сладковатые. Их можно есть и с юколой, и с рыбой, и с мясом.

Приносит домой, а Амаммхут жалел её, что она неправильно чистит стебли, что ещё не умеет. И так он их ел, чтобы её не обидеть. А когда ешь плохо очищенное растение, то губы и руки могут опухнуть — кожица ядовитая.

И вот однажды девушка пошла рвать пучки и увидела один очень крупный стебель. Она сорвала его и удивилась: на том месте, где рос стебель, сидит прекрасная женщина и чистит пучки:

— Меня зовут Мтын'аут, а тебя?

— Меня ещё никак! Зови меня Веткиной, меня из ветки выстрогали.

— Зачем ты сюда пришла? Иди домой. Тебе же будет лучше, — сказала строго Мтын'аут.

— Мтын'аут, помоги мне лучше очистить несколько растений, я ведь ещё не научилась, — попросила Веткиной.

— Уходи скорей, а то Амаммхут узнает, полюбит меня и женится на мне. Я всё умею делать, и он тебя выгонит из землянки.

— Что ты! Он добрый, он не выгонит. Я же ему помогаю: шью одежду и пищу готовлю.

Мтын'аут помогла начистить пучки и говорит Веткиной:

— Больше не приходи сюда, а то отберу у тебя Амаммхута.

Пришла домой Веткиной и подала Амаммхуту пучки. Ест охотник, расхваливает.

— Ты сама начистила? — спрашивает.

— Да, — отвечает Веткиной, — столько времени прошло и не научиться!

Когда пришёл месяц лета — анойыг'элгын — Амаммхут пошёл к своим родственникам Листьям и принёс от них одежду. Вся одежда была сшита из красивых листьев от разных деревьев.

— Надень, — попросил её Амаммхут.

Надела Веткиной платье и стала очень красивой. Так ходила она каждый день за пучками и приносила всё больше и больше еды.

Однажды говорит ей Амаммхут:

— Не может быть, чтобы ты так быстро научилась чистить. И чистишь ты очень много за день. Почему ты, что бы ни говорила, всё называешь какую-то Мтын'аут?

— Что ты, Амаммхут! Я говорю это просто так.

Не поверил ей Амаммхут и решил подсмотреть, куда ходит Веткиной.

Идёт он следом за ней, по тундре крадётся. Веткиной, ещё не дойдя до места, кричит издалека:

— Мтын'аут! Иди сюда, вместе покушаем.

Амаммхут услыхал и быстро побежал следом за девушкой.

Мтын'аут стала ругать Веткиной:

— Ты опять здесь! Не подходи ко мне. Ведь Амаммхут увидит, женится на мне, я буду шить и варить, а тебя он прогонит...

Веткиной не послушалась, и как только она подошла к Мтын'-аут, вышел Амаммхут. И стал он говорить Мтын'аут красивые слова.

— Вот видишь, много раз говорила тебе, не приходи сюда! Ведь это мой отец сюда меня спрятал, чтобы мужчины не могли меня найти. А ты вот до чего добегалась, — говорит Мтын'аут Веткиной.

Вечером пошли они все домой. Стали жить хорошо, не обижая друг друга.

Осенью Амаммхут женился на Мтын'аут и сказал:

— Пора в посёлок ехать, охота кончилась, но как быть с Веткиной? Оставить её нельзя здесь — с голода умрёт.

— Не надо оставлять, она же наша родственница. Пусть нянчит наших детей. Вот только одеть её надо, как люди одеваются.

— Ну, ладно, — отвечает Амаммхут. — Возьми шкуру, посередине вырежи отверстие для головы и надень на неё. Она же из дерева!

— Нет, — говорит Мтын'аут. — Наденем ей такие же торбаса и кухлянку, как у нас.

Надели, и Веткиной ничем больше не отличалась от настоящих людей. Собрались они и вместе домой поехали. Подъезжают. Люди увидели, что на нарте сидят трое, говорят:

— Вот так всегда везёт Амаммхуту!

В посёлке встретили их весело. Невестке и Веткиной не дали даже удивиться — так быстро домой повели. Приготовили праздничное блюдо. Начался праздник, веселье, и никого не дали в обиду. Все угощались сладким праздничным блюдом тылктылом, пели и танцевали всю ночь до восхода солнца.

Приключения Куйкинеку
(рассказано В. Эвнито, село Верхние Пахачи, 1967 г.)

Всё началось с нерпушки. Дело было весной. Шёл однажды Куйкинеку по берегу моря. Голодный был: юкола кончилась, на охоту не пойдёшь. Думает: «Поищу морской капусты, ракушек съедобных соберу. Вот и наедимся с Миты и детьми».

Видит — что-то непонятное на песке. Мыши облепили и тащат к себе. Подошёл поближе, рассмотрел — нерпушка!

— Отдохните, — говорит мышам. — А я сказку вам расскажу. Вы же мне за это волосы расчешете.

Согласились мыши.

Лёг Куйкинеку на песок около нерпы, стал рассказывать сказку. Мыши внимательно слушают. Заслушались, даже забыли, что обещали Куйкинеку волосы расчесать. Даже самый озорной мышонок, который надел на пальчики по пять острых раковин, чтобы когда будут расчёсывать голову Куйкинеку, поцарапать ему затылок, и тот забыл, что хотел сделать. От удивления открыл свой ротик — так интересно умел рассказывать мудрый старик.

Тем временем Куйкинеку снял ремень и незаметно привязал его за зубы нерпы. Встал и говорит:

— Ну, я пошёл! Неттон! До свидания!

Пошёл он по берегу и потащил за собой нерпушку. А мыши бежали следом и плакали.

— Не плачьте! Вы всегда найдёте себе пищу. Вы же маленькие. А у меня семья, дети, — утешал их на ходу Куйкинеку.

Пришёл домой. Обрадовались родные. Сварила Миты нерпушку в большом котле, все ей помогали. Устали. Всю нерпушку есть не стали, только немножко попробовали.

— Утром доедим. Ложитесь спать, — говорит Куйкинеку.

Все легли и быстро уснули.

А ночью пришли мыши, съели всё мясо и бульон выпили. Вместо мяса щепок и травы положили, вместо бульона грязной воды из лужи налили. На полу возле котла стёкла и острые камешки рассыпали.

Проснулись Миты и Куйкинеку. Встали — ноги накололи. Попробовали варево в котле — поняли, что их мыши обманули. Стыдно им стало. Куйкинеку говорит:

— Пойду, накажу мышей!

Увидели мыши, что к ним Куйкинеку идёт, предупредили мышь-старушку. Та угощения приготовила. Накормили Куйкинеку —

подобрел старик. Уложили его спать. Дедушкой его называли — очень это Куйкинеку понравилось. А когда уснул, мыши приклеили к его ресницам лоскутки, окрашенные красной ольхой.

Проснулся Куйкинеку, пошёл домой, и кажется ему, что всё вокруг красное: и кусты, и трава, и горы. Ускорил он шаг, побежал даже, кричит:

— Миты! Пожар! Поймай Валля, самого плохого сына — принесём его в жертву, пожар погасим!

Миты стала ловить сына. Бегает за ним вокруг яранги, а сама нарочно всё время падает, чтобы сына не догнать. Решила Миты, что Куйкинеку снова дурачится. (А Валля был никудышным сыном, совсем не рос, но что бы с ним ни случалось, он всегда оживал снова.)

Дети и родственники долго смеялись над Куйкинеку.

Снова собрался старик Куйкинеку к мышам. Отомстить решил. И опять не так всё вышло. Угостили мыши его, хорошо накормили и, когда он уснул, разрисовали ему лицо охрой и углём. Возвращался старик по тундре домой, подошёл к реке, увидел в воде своё отражение и залюбовался:

— Что за девушка красивая! Выходи за меня замуж! — говорит отражению.

Добежал Куйкинеку до дома, второпях рассказал обо всём жене, похватал домашние вещи, нужные по хозяйству: решил новую жизнь начать. Вернулся к реке. Бросил торбаса, кухлянку, доску для обработки шкур в воду и приговаривает:

— Вот, возьми себе...

Но не тонут вещи, плывут вниз по реке. Тогда он бросил каменную ступку и жирник. Они потонули. И Куйкинеку радостно закричал:

— Хорошо, речная девушка! Возьми меня к себе!

И бросился в воду. Чуть не утонул. Хорошо, что вынесла его вода на отмель. Очнулся он уже дома. Лежит на шкурах, стонет. Так плохо, так скучно ему было, что солнце перестало светить. Встал тогда больной Куйкинеку и пошёл в гости к своим сёстрам и братьям Листьям.

Когда он пришёл в ярангу Листьев, дома была только средняя сестра — Сестра Середины Лета. Она сидела в пологе и шила.

— Амто! — поздоровался старик.

— Мэй, — ответила средняя сестра. Куйкинеку спросил у неё:

— У вас нет мяса? Голодаем мы...

Девушка ответила, что есть. И когда она начала говорить, то из груди её солнце красное показалось и стало светло, а когда умолкла, то и солнце снова зашло.

Тогда стал Куйкинеку нарочно просить железо для того, чтобы достать мясо из котла. Девушка молчала. А Куйкинеку всё искал и спрашивал:

— Где же оно?

Сестра Листьев забыла, что ей надо молчать, и сказала:

— Аныно! Вот оно!

От этих слов солнце выскочило у неё из груди и поднялось высоко в небо. Куйкинеку только этого и надо было. И он побыстрее ушёл домой.

А сестра Листьев забралась на ярангу, очень быстро там состарилась и засохла. Братья её Листья все на охоте погибли: долго дождей не было. Все травы засохли. А солнце сияло всё ярче.

Вернулся Куйкинеку домой, и они с Миты зажили весело и не горевали.

Хойкинняху в гостях у лис

(рассказано А. Черных, Н. А. Черных, село Рекинники, 1966 г.)

Жили старик Хойкинняху, старуха Миты, дочь Валяко, сын Амамхут. Сильная голодовка была, совсем нечего было есть.

Пошёл старик Хойкинняху в поисках пищи по тундре бродить. Видит — стоит избушка. Входит он туда, а там лисы живут, и еды у них разной много: юколы, мяса диких оленей, нерпичьего жира. Дали лисы старику много юколы и угостили по-праздничному.

— Приходите к нам в гости, — говорит старик лисам, а сам размышляет: «Если придут они, чем я буду угощать гостей? Ладно, что-нибудь придумаю», — решил он.

Пришёл Хойкинняху домой и сказал всем, чтобы они побольше камней натаскали и положили их у костра, да мха заготовили. Через некоторое время в гости к Хойкинняху приехали лисы.

Приехали и переговариваются между собой:

— Чем они могут нас угостить, ведь у них ничего нет. Бедняки!

Старик обрадовался гостям, пригласил их в землянку, а сам говорит своим детям:

— Нагрейте, мои дети, камни, да побыстрее!

Быстро выполнили просьбу отца дети:

— Отец! Мох приготовлен, и камни уже хорошо нагрелись!

А лисы в это время, не стесняясь, смеялись над хозяевами. Старик подошёл к костру и бросился на раскалённые камни. Дети положили мох прямо на старика, и его совсем не стало видно.

Лисы пуще прежнего смеялись над стариком.

— Ты будешь есть Хойкинняху? — спрашивали они друг у друга.

Одни говорили «да», другие — «нет», а одна, самая старшая лиса сидела и молчала.

И вот прошло некоторое время. Дочь Валяко подошла к костру, где лежал Хойкинняху, и говорит:

— Ну, отец, вставай, уже мясо готово!

Все лисы сразу притихли, а Хойкинняху встаёт и отвечает дочери:

— Что ж, угощай гостей. Они, наверное, проголодались.

Переглянулись лисы удивлённо, смотрят друг на друга, ничего не понимая.

Валяко стала угощать гостей. Самой старшей лисе, той, что сидела и молчала, она положила самые жирные и большие куски. Опустошили лисы большие деревянные миски, чаю напились да домой собираться стали. Попрощались со стариком Хойкинняху, со старухой Миты, с дочерью Валяко и сыном Амамхутом. А перед уходом лисы сказали старику:

— Приходите к нам в гости, мы ещё лучше угощение приготовим.

За это время лисы сложили у костра ещё больше камней, мха целую гору натаскали. Когда увидели упряжки гостей, стали разводить огонь.

Приехали гости, привязали упряжки. Хойкинняху, Миты и их детей пригласили в свою ярангу, на мягкие шкуры усадили. Когда нагрелись камни, самая младшая лиса подошла к старику-лису и говорит ему:

— Дедушка, камни нагрелись!

Встаёт старик-лис, идёт к раскалённым камням, а сам боится и дрожит весь от страха. Стоит и всё не может осмелиться. Тогда молодая, нетерпеливая лиса подошла сзади, толкнула его на камни и мхом засыпала. И бедный старик, и мох сгорели, только косточки и остались.

Стали гости смеяться над лисами:

— Смотрите, лисы, больше не повторяйте того, что делают другие. Старик Хойкинняху — великий волшебник, поэтому он не сгорел, как ваш старик.

Лисы не растерялись перед волшебником. Угостили всех вкусным оленьим мясом, поставили нерпичий жир да ещё дали Хойкинняху с собой много юколы.

Стали Хойкинняху, Миты, их дети жить и веселиться. Тут и сказке конец.

Эмэмкут

(рассказано М. П. Поповой, И. С. Аринь, село Карага, 1973 г.)

Жил Эмэмкут далеко от дома. Женился он на красивой девушке, мягкой, как вата.

Приходит к нему однажды Аччек и говорит:

— Я хотел жениться на этой девушке. Ты почему её отобрал у меня?

— Она согласилась сама и стала моей женой, — ответил ему Эмэмкут.

Аччек подумал: «Как бы погубить Эмэмкута и жениться на его жене?»

Пошёл искать, как убить счастливого Эмэмкута. Идёт, видит — речка глубокая течёт, в ней гольцы плавают. «Вот я и утоплю его в этой речке. Отсюда он не выберется! А сам женюсь на девушке, мягкой, как вата».

Побежал к Эмэмкуту:

— Пойдём быстрей! — кричит. — Я нашёл речку, где много гольцов.

— Где? — спрашивает Эмэмкут.

— Пойдём, посмотрим.

Пошли.

— Подойди к краю обрыва, посмотри, — говорит Аччек.

— Я и отсюда хорошо вижу, — ответил ему Эмэмкут, но подошёл.

Аччек подкрался сзади, толкнул в воду, а сам побежал домой.

Упал Эмэмкут в воду, опустился на каменное дно. Смотрит — много гольцов. Те обрадовались:

— О! Эмэмкут к нам в гости пришёл. Дайте ему жареной рыбы! Эмэмкут говорит:

— Нет, не надо, я не буду. Лучше помогите выйти на землю.

Гольцы помогли ему выйти на землю, рыбы дали жареной столько, сколько он смог унести.

Быстро пошёл Эмэмкут домой, перегнал в пути Аччека. Сидит дома с женой, гольцов жареных ест.

Приходит Аччек, говорит Миты:

— Миты, позови красивую девушку, мягкую, как вата. Я хочу на ней жениться. Ведь Эмэмкут утонул.

— Сейчас, — говорит Миты.

А Миты старенькой была совсем. Вошла она в землянку, смотрит — Эмэмкут сидит с женой, гольцов едят.

— Садись, кушай гольцов, — приглашают Миты.

— Выйди, тебя ждёт Аччек! — говорит Миты Эмэмкуту.

— Пусть сам придёт, если ему надо, — отвечает Эмэмкут.

Вышла Миты, говорит:

— А Эмэмкут уже кушает гольцов.

— Как же он вышел оттуда? Это я его в воду толкнул, — удивился Аччек.

Пошёл он снова искать. Идёт и думает: «Где бы его убить, Эмэмкута?»

Видит — берёза стоит с огромным дуплом. Приехал к Эмэмкуту и говорит:

— Берёзу для хороших нартовых полозьев нашёл, поедем.

— Нет, — отвечает Эмэмкут. — Ты хочешь меня убить!

— Не бойся, не убью, — отвечает тот. — Поехали.

— Где ты видел хорошую берёзу для полозьев?

— Вот. Заберёмся на эту. Там наверху глубокое дупло.

Забрались, и Аччек толкнул Эмэмкута в дупло. А там много девушек сидело.

— О, к нам Эмэмкут в гости пришёл! Несите ему берёзовый сок!

— Не надо, — отвечает им Эмэмкут. — Лучше меня выпустите на землю.

Дали ему девушки берёзового сока и отпустили на землю. Пришёл Эмэмкут домой, сидит, пьёт сок.

Прибежал Аччек. Говорит Миты:

— Позови девушку!

— Нет, — отвечает Миты. — Мне стыдно ходить.

— Сходи. Эмэмкут больше не вернётся!

Заходит Миты, а Эмэмкут со своей женой пьют берёзовый сок.

— Пей с нами, — предложил Эмэмкут Миты.

— Нет, Эмэмкут. Аччек твою невесту-красавицу зовёт.

— Пусть зайдёт сюда. Чего боится?

Но Аччек снова пошёл искать, где бы загубить Эмэмкута. Идёт, видит — большая скала, а далеко внизу, в долине, бродят стада баранов, оленей и много медведей. Прибежал к Эмэмкуту. Рассказал всё.

— Ладно, пойдём, — согласился Эмэмкут.

И когда уезжал, сказал жене, чтобы она повесила окрашенную охрой шкуру — если с ним что-нибудь случится, то шкура станет белой. Жена так и сделала.

Приехали Эмэмкут и Аччек.

— Где ты видел столько зверей? — спросил Эмэмкут и наклонился над пропастью.

Аччек толкнул его в спину. Эмэмкут долго летел, упал и сломал руки и ноги. К нему бросились медведи, стали рвать. Старый медведь говорит:

— Нельзя! Оставьте его, не трогайте. Он же к нам в гости пришёл!

Поставил Эмэмкуту кости на место старый медведь. Стал колдовать. Кости срослись.

Медведи предлагают Эмэмкуту много жареного мяса, но тот просит:

— Лучше отпустите меня домой.

Подняли медведи Эмэмкута на гору, мяса дали. Пришёл он домой, ест с женой мясо, жареную печень.

Прибегает Аччек.

Миты ему говорит:

— Эмэмкут пришёл, мясо принёс.

Опять ушёл Аччек искать, где бы убить Эмэмкута. Прибегает назад, кричит:

— Стадо моржей на берегу лежит!

— Сейчас иду, — отвечает Эмэмкут.

Когда Эмэмкут уходил, он сказал жене, чтобы она взяла колючую кожу камбалы и рыбьим клеем приклеила её к своим рукам и ногам. Жена так и сделала.

Приехали к лежбищу. Толкнул Аччек Эмэмкута к моржам, а сам домой побежал.

Видит жена Эмэмкута, что шкура из красной превратилась в белую-белую (у коряков белый считается цветом смерти, как белая тундра. — *В. М.*). Позвала своего сына, заплакала.

Приехал Аччек. Сразу пошёл в гости к жене Эмэмкута и говорит:

— Сейчас у меня будет самая красивая и мягкая, как вата, жена. Ведь Эмэмкут погиб! — дотронулся до неё, а руки у неё колючие...

Однажды пошёл сын Эмэмкута в лес. Смотрит — землянка стоит, а вход через крышу. Из открытого входа дым от костра идёт. Посмотрел он сверху, а там живут бабушка с внучкой. Внучка просит бабушку:

— Бабушка, расскажи мне сказку!

— Я не знаю сказок. Но я расскажу тебе о твоём двоюродном братце. У него несчастье: его отца взяли в своё стадо моржи, — и рассказала всё.

Мальчик услышал, как плачет девочка от жалости. Посмотрел, а у неё глаза полны слёз.

— А как он вернётся? — спросила девочка.

— Сходи лучше в лес, собери траву, которую ты сушила, — ответила ей бабушка, — потом расскажу.

Вышла девочка наверх. Смотрит — мальчик незнакомый.

— Бабушка, — позвала она. — К нам гость пришёл!

— Зови его, — ответила бабушка.

— А как я к вам войду? У вас лестница маленькая, — говорит сын Эмэмкута.

— А ты, внучек, протяни руку, потрогай лестницу, — посоветовала бабушка.

Протянул руку мальчик, потрогал лестницу — лестница большой стала. Спустился в землянку, и бабушка рассказала, как ему отца разыскать.

— Когда ты был маленьким унюню, отец сделал много деревянных игрушек. Он их пришил к кухлянке и конайтам. Ты возьми эту одежду с пришитыми куколками и положи на высоком берегу. К одежде ремень длинный привяжи.

Так сын Эмэмкута и сделал. А сам спрятался.

Пришло стадо моржей с моря, а в стаде — отец. Он, превратившись в моржа, вместе со стадом лежал на берегу. И так сын приходил четыре дня на берег моря. Выходило стадо из моря и расползалось по приливной полосе. Во время отлива отец-морж увидел на обрывистом берегу одежду с игрушечными куколками, которые он когда-то пришил. Подумал: «Здесь где-то мой сын ходит».

Моржи собрались и ушли на другой берег.

Сын пришёл к матери и говорит:

— Мама! Пойдём на берег, отца найдём.

Надел сын волшебную одежду с куколками. Пришли они на берег. Стадо моржей разбрелось по отливу, а отец-морж, то есть Эмэмкут, один остался. Шкура на нём была золотистая.

Тут сын Эмэмкута метнул гарпун, привязанный за длинный ремень к одежде, и потянул к себе моржа. Морж вырывался, и мать также ухватилась за ремень. Вытащили на берег. Сын крикнул:

— Мама! Разрежь быстрей шкуру моржа!

Разрезали. Оттуда живой и здоровый вышел Эмэмкут и говорит:

— О! Здравствуй, жена! Здравствуй, сын! Это ты меня спас? Как же ты вырос!

И они втроём пошли домой. Встречается им по дороге коварный Аччек. Удивился Аччек, испугался. Поздоровался, но Эмэмкут ничего не ответил ему. Тогда Аччек говорит:

— Я больше не буду вам мешать.

И ушёл.

Хуткиняку и старший сын волка Иг'имтысъын
(рассказала В. Н. Чечулина, село Анапка, 1971 г.)

Хуткиняку надоело весной сидеть дома и полетел он вдоль берега моря. Летит и поёт: «Ак'ика малюка маск'ин'лхи (упали мои лапы на берег) / Аянх малюка маск'ин'лхи (упал мой желудок на берег) / Атыдтыл малюка маск'ин'лхи (упали мои крылья на берег)».

Дальше летит Хуткиняку-Ворон и поёт: «Акими малюка маск'ин'лхи (упала моя одежда на берег) / Алот малюка маск'ин'лхи (упала моя голова)».

И действительно: разбросал Хуткиняку всё своё воронье существо и валяется по кусочкам по всему берегу.

Идёт как-то Имтсъин, младший сын Волка, вдоль берега и видит — на берегу лежат вороньи лапы. Он сразу узнал лапы своего двоюродного брата Хуткиняку. Остановился и думает: «Наверное, после какой-то схватки бедненького растерзали. Съем лучше, чтобы не валялись».

Съел. Идёт дальше по берегу. Вдруг ещё желудок нашёл, а потом крылья, голову и всё остальное — все части тела. Идёт по песку и всё сожалеет о своём двоюродном брате Хуткиняку: «Бедный брат мой!»

А Хуткиняку собрался в животе у Имтсъина, начал ощупывать и удивляться. Вдруг схватил за печень. Имтсъин скорчился.

Хуткиняку спрашивает:

— Елг'ал (двоюродный брат), что это у тебя?

Имтсъин отвечает:

— Это печень. Не трогай! Мне больно!

— Так зачем ты меня съел? А сейчас говоришь, что больно!

— Так я же не знал. Я думал, что кто-нибудь тебя во время схватки растерзал. И чтобы зря не валялись, не сохли твои косточки, съел. Я был голодным. Прости.

А Хуткиняку продолжает шевелиться в животе. Всё уже нашёл: лёгкие, почки. И, наконец, нашёл сердце. Сердце билось у него в руке, вырывалось, и он спросил:

— Что это, елг'ал?

— Ой, не трогай, — взвыл от боли Имтсъин. — Это сердце.

Хуткиняку сжал ещё сильней сердце волка. И тот взмолился о пощаде.

— Куда пойдём, что будем делать с тобой, елг'ал? — спросил Хуткиняку. — Наверное, ко мне домой. Ну, вези меня!

Идёт несчастный Имтсъин и про себя думает: «Как же мне вытащить его из живота? Погубила меня жадность!»

Хуткиняку голос подаёт, сидя в брюхе:

— Елг'ал? Куда пришли?

— Вон уже юкольник твой виден. Стоит на одном железном столбе.

Время от времени Хуткиняку спрашивает:

— Куда пришли, елг'ал? — и одновременно сжимает рукой сердце Имтсъина.

— Ой-е-е-ей! Больно! Вон, вижу, уже играют твои младшие дети — Валя и Макильн'тх'ляв.

Скоро пришли к дому Хуткиняку.

— Миты! Скорей постели елъалн'ан', наверно, устал, — кричит Хуткиняку.

— Старик! Какой ты всё-таки непутёвый! Зачем забрался в брюхо волка? — обругала его жена.

— Это он меня съел, — оправдывается Хуткиняку.

Несчастный Имтсъин сел на оленью шкуру, отдыхает.

Скоро Хуткиняку захотелось есть — ведь сколько времени уже прошло!

— Миты, дай чего-нибудь поесть, проголодался я.

— Ну, а что же тебе дать?

— Хотя бы юколу одну. Только побей молотком, а то зубы уже старыми стали. И чашечку с нерпичьим жиром — чтобы пища не застревала.

Подала Миты. Стал есть Хуткиняку, а Имтсъин только слюнки глотает и про себя проклинает Хуткиняку.

Поел старик Хуткиняку. Надоело ему сидеть в брюхе. Отыскал он сердце волка, со всей силы сжал его. Имтсъин протянул лапы и умер.

— Миты! Поскорей распори брюхо и вытащи меня, — закричал Хуткиняку.

Распорола Миты живот, выскочил Хуткиняку:

— Быстрей разделай, шкуру высуши, а голову свари.

Назавтра утром проснулся старший сын волка Иг'имтысъын, подумал: «Что-то, наверное, случилось: нет моего младшего брата. Надо поискать».

Пошёл на берег, увидел следы. Узнал. Поглядел — следы ведут к дому Хуткиняку. Зашёл к нему:

— Амто, елг'ал! Что сегодня так рано тебя привело? — первым из вежливости поздоровался Хуткиняку.

— Здравствуй! Ищу своего брата, да смотрю — к вам его следы ведут...

— Миты, поскорей гостя накорми!

— Чем кормить? — спросила жена.

— Где та лахтачья голова, которую ты сварила? Неси!

Миты положила голову младшего волка Имтсъина в деревянную чашку, принесла.

— Что-то странная лахтачья голова. С каких пор охочусь на лахтаков, а такого ещё не видывал, — удивился старший волк Иг'имтысъын.

— Миты! Принеси тогда нерпичью!

Миты вышла, переложила ту же голову в другую чашу. Принесла.

— Много за свою жизнь нерп убивал, но такой ещё не видал, — сказал старший брат.

Он уже начал догадываться, что голова эта похожа на голову его брата — узнал по одному потерянному зубу.

— Миты! Принеси голову морского котика, — крикнул Хуткиняку.

Унесла Миты чашку. Переложила голову в деревянное блюдо. Принесла. Убедившись окончательно, что это голова его брата, рассердился Йг'имтысъын, но виду не подал:

— Добывал я и морских котиков, но с такой головой ещё не видел ни одного!

— Да-да! Это голова твоего брата!— не выдержал Хуткиняку. — Голова Имтсъина! — закричал со злостью. — За то, что он хотел меня съесть!

Встал старший сын волка, сказал:

— Жди, Хуткиняку, гостей!

— Это твоё дело, — ответил Хуткиняку.

Сидит однажды Хуткиняку и что-то поделывает. И вдруг увидел, что к ним приближается лавина морских животных и рыб.

— Миты! Выйди, посмотри, что творится на улице.

Вышла, посмотрела и опустилась в землянку. Поднялась наверх, говорит:

— Не беспокойся, старик! Всё это в одно мгновение вымрет.

Она достала волчью шкуру Имтсъина, натёрла её краской из ольховой коры. (По старинному корякскому поверью, во время нерестового хода лососёвых нельзя натирать ольховым красителем, то есть дубить, оленьи и нерпичьи шкуры. Это отпугивает лососей. — *В. М.*) Повесила шкуру над входом в землянку и стала ею размахивать. Даже не приблизились все животные, мгновенно вымерли на том же месте.

Пришёл старший брат Иг'имтысъын и говорит:

— Жди ещё гостей, Хуткиняку. Всё равно за брата отомщу!

— Это, конечно, дело твоё. Присылай сколько угодно зверей. Посмотрим...

Как-то Миты вышла на улицу, посмотрела вдоль и заметила — что-то движется. Присмотрелась — вся земля лоснится от змей, тритонов и насекомых, какие только на земле существуют.

— Старик! Взгляни, чего там только нет: змеи, черви, пауки!

Вышел, посмотрел и сказал:

— Миты, раскали докрасна и подай мои широкие железные лыжи. Да поскорей! Сейчас их встречу.

Раскалили лыжи докрасна, что они даже переливаются. Надел их, поехал. Несколько раз проехался Хуткиняку — всех сжёг, остались лишь угли да пепел.

Снова пришёл Иг'имтысъын и сказал, рассердившись:

— Отомщу за своего брата, приведу новых гостей!

— Приводи сколько хочешь! Нам уже даже это интересно, — засмеялся Хуткиняку.

Иг'имтысъын ушёл.

Наутро вышел Хуткиняку из землянки, всмотрелся вдаль. А там идёт такой табун огромный, что и конца не видно. Табун движется, и над ним постоянно стоит бешеный рёв. Каких только там зверей не было! Некоторых Хуткиняку никогда и не видел. За табуном, чуть в стороне, шёл великан Кен'мтлин и волок за собой свои огромные конайты:

— Ладно. Я уж последним буду идти. Всё равно мне вся семья Хуткиняку на один глоток. Правда, только вкус вороний, — хохотал он так, что дрожали окрестные сопки.

— Миты! Давай скорей нашу землянку как можно больше растолкай ногами, чтобы все гости поместились!

Сам Хуткиняку встречает их как гостеприимный хозяин:

— Здравствуйте, заходите, усаживайтесь поудобней. Я сейчас вас накормлю хорошо. Потом — ваше дело: можете и за нас приняться! Сисисъин! Давайте поскорей накормите гостей. Привезите запасы юколы, ягоды, мяса, да получше. Возьми на помощь Валяв'и, Клю'и.

А сам на ушко шепнул Сисисъину:

— Завали всю землянку камнями и самый большой камень положи на верхний вход. Когда будете камень класть — меня предупредите. Я выйду из землянки и скажу, что мешает лестница, которую нужно убрать.

Пока гости ждали, хозяева наверху кричали, что они таскают тяжёлые мешки с продуктами. На самом деле они всю землянку обкладывали большими булыжниками. И вот осталось только закрыть вход землянки, и тут Сисисъин, подав знак, сказал хриплым басом:

— Ну, последние мешки принесли! Нужно убрать лестницу — она будет мешать затаскивать!

Хуткиняку быстро вскочил и сказал, обращаясь к гостям:

— Пойду, сам помогу, чтобы быстрее управиться.

Его поддержал глупый великан Кен'мтлин:

— Да ничего с нами не случится. Мы и одни посидим. Правильно, помоги, чтобы побыстрей шевелились, уж очень есть хочется...

Хуткиняку вышел, за собой вытащил лестницу и приказал:

— Закрывайте верхнюю дверь и заваливайте камнями, чтобы доступа воздуха не было в землянку.

— Поскорей, гости уже заждались, — торопил родных Сисисъин.

Закрыли наглухо, ушли подальше. В землянке сначала звери ходили по кругу, потом стали драться между собой. Скоро дышать стало нечем и все задохнулись. И Иг'имтысъын задохнулся. Но Хуткиняку был справедливым.

Он сказал:

— Живи, Иг'имтысъын!

Иг'имтысъын пришёл в сознание, но сделался маленьким червячком. Он вылез через щели между брёвен и трещин в камнях и уполз.

Прошло время. Хуткиняку, как обычно, сидел на улице, строгал, вырезал что-то из дерева.

Прищурив глаза, смотрит — что-то огромное, белое и круглое, как шар, катится прямо на него. Быстро катится. Прислушался — услышал знакомый вой. Потом узнал волчий голос. Быстро спустился в землянку, сказал Миты:

— Иди, посмотри, что на нас катится. Наверное, на этот раз смерть идёт...

Но это катился старший сын волка Иг'имтысъын. Когда он после своей неудачи пришёл разгневанный домой и сказал, что отомстит Хуткиняку, мать предупредила его, что из-за его мстительности Хуткиняку может опозорить всё волчье семейство или даже погубить весь волчий род.

Не послушался старший сын волка. Собрал все горные снега на себя и покатился на землянку семьи Хуткиняку.

Стоит хозяин, не знает, что делать.

Миты успокаивает его:

— Не горюй, старик! Смерть не подойдёт и близко к нам.

Вышла она из землянки, прошептала заклинание, рожицу скривила (скривить рожицу, по свидетельству коряков старшего поколения, имело магический характер. — *В. М.*), и этот огромный снежный ком растаял. Образовалось большое озеро, и посредине его барахтался Иг'имтысъын.

— Хуткиняку! — закричал он. — Пожалей меня! Я больше ничего не буду вытворять!

Хуткиняку был добр душой. Спас он Иг'имтысъына.

С тех пор семья Хуткиняку и семья волков жили в дружбе и согласии. Но в наказание Иг'имтысъын ещё долго болел.

Почему у дятла праздничная кухлянка
(рассказано А. Т. Никифоровым, село Карага, 1969 г.)

Жила в лесу Лиса и всегда она что-нибудь воровала. А у реки жил коряк со своей женой.

Решили они переехать в другое место, где ягоды и зверя побольше. Стали собираться. Все свои пожитки в бат сложили, и так его загрузили, что самим места не осталось.

— Как же мы поедем? — спрашивает коряк.

— Эх, пришёл бы кто-нибудь да помог, — вздыхает его жена.

Шла Лиса берегом, подслушала их разговор. Подошла и спрашивает:

— Мэй! Здравствуйте! Куда собрались, люди?

— В другое место переезжаем, — говорит коряк.

— Почему же не трогаетесь? — спрашивает Лиса.

— Весь бат загрузили — самим места не осталось, — говорит коряк.— Никак не уедем.

— Друзья! Вы пока здесь подождите, — говорит Лиса, — а я все ваши вещи перевезу на тот берег. Бат пригоню назад, тогда и вы переедете.

— Кайлём! Спасибо тебе, Лиса! — поблагодарила жена. — Отвези наши пожитки, а уж потом и мы сами переедем.

А Лиса, вместо того чтобы переехать на другой берег, уплыла вверх по реке.

Стали плакать коряк и его жена:

— Эх! Негодница Лиса! Всё украла, все наши пожитки! И бат угнала.

Там же, у реки, жил Дятел. Услышал он плач — сразу прилетел и сел на дерево. Спрашивает:

— Отчего плачете, люди?

Перебивая друг друга, рассказали коряк и его жена о своём горе.

— Помогу вам, — говорит Дятел.

Полетел он вслед за Лисой. Летит и видит: сидит Лиса на бату, песни поёт. Обогнал Дятел Лису, притворился, что тонет.

— Лиса! Вытащи меня из воды, — закричал Дятел.

Лиса услыхала и быстрее стала подгребать к нему.

— Ой, ой, птичка тонет! — И Лиса поймала Дятла, положила его на дно бата.

Лежит Дятел и дыру в дне бата долбит. Выдолбил. Вода стала наполнять бат. Лиса держалась берега, и, увидев, что бат протекает, причалила и говорит Дятлу:

— Ты пока здесь подожди, а я срублю дерево и мы заделаем дыру.

Только Лиса ушла, Дятел быстро закрыл дыру и повёл бат вниз по реке. На берегу его давно ждали коряк и его жена. Увидали они свой бат — перестали плакать.

Жена коряка отдала Дятлу расшитую праздничную кухлянку, а коряк — свой молоток.

Вот и вся сказка.

Китыплан'аут

(рассказано Н. А. Черных, село Рекинники, 1967 г.)

У Чичитьина, которого выбрали старшим байдары, работали Кетгинягу и Амамхут. Поехали они однажды на байдаре — лодке из нерпичьих шкур — за ягодами.

Приехали, и Чичитьин сказал братьям, чтобы они собрали много ягоды. И ещё сказал, чтобы юноши на девушек не заглядывались, даже если где-нибудь неожиданно и встретятся.

— Не улыбайтесь, не улыбайтесь, всё равно узнаю! — нахмурился он.

Собрались Кетгинягу и Амамхут и ушли, как приказал старший. Амамхут стал собирать ягоду у кедрового куста. Куст был большой и старый, и от его сизой хвои доносился приятный аромат.

Вдруг видит Амамхут — сидит у куста красивая девушка, ягоду собирает. Посмотрел он на неё и еле взгляд оторвал, стал смотреть в другую сторону.

— Это ты, Амамхут? — спрашивает красавица. — Что ты здесь делаешь?

Ни слова, ни полслова не сказал Амамхут.

— Подумаешь, твой Чичитьин вас напугал! Думаешь, я не знаю?

— Если ты всё знаешь, то зачем спрашиваешь? — отвечает ей Амамхут.

Скоро они разговорились. Девушку звали Китыплан'аут.

Они так долго говорили, что Амамхут совсем забыл, зачем он сюда приехал. Когда вспомнил, тут же собрался уходить.

Китыплан'аут попросила его взять ягоды, которые она собрала. Амамхут долго отказывался, но потом всё же взял.

Чичитьин спрашивает у Кетгинягу, который успел уже собрать ягоды и вернуться:

— Почему так долго нет Амамхута? Он, наверное, кого-то встретил?

Но вот, наконец, пришёл Амамхут.

Чичитьин спросил его:

— Где так долго ходил? А ягода у тебя какая крупная! Ни одного листочка! Почему губы такие алые от ягоды? Много съел? Ты, видно, не сам собирал, — догадался старший.

— Как не я, — говорит Амамхут. — Сам всё собрал и никого не встречал. Так что можешь и не расспрашивать!

Не стали долго спорить, легли спать.

Утром проснулись и стали в дорогу собираться. Видит Чичитьин, что плохо Амамхуту, и говорит ему:

— Сходи, Амамхут, за своей невестой и приведи её сюда. Пусть едет с нами.

Амамхут долго не признавался и говорил одно и то же: «Никого у меня нет...» Да что спорить с Чичитьином — всё равно догадался.

Амамхут решился и привёл невесту. Сел он с девушкой на байдару, подняли они длинные вёсла, стали грести. Поплыли в море. Плывут, видят островок. Пристали к нему. Чичитьин говорит:

— Давай, Амамхут, сначала ты с невестой сойди на берег, а потом и мы с Кетгинягу.

Так и решили. Но только Амамхут с Китыплан'аут спрыгнули на островок, как Чичитьин оттолкнул байдару от берега и уплыл.

Остались они на островке вдвоём.

Амамхут стал упрекать невесту, а Китыплан'аут молчит да плетёт соломенную верёвку и через несколько узлов кладёт по кусочку земли с травой. Окончила работу, изо всей силы бросила верёвку в сторону берега. Узенькая тропа получилась.

Говорит тогда Китыплан'аут своему мужу:

— Вставай, Амамхут. Хватит горевать, пошли на берег.

Сидит Амамхут и, не открывая глаз, спрашивает:

— Как же мы пойдём, когда вокруг море?

— Ну, ладно. Тогда пойду я одна, — отвечает ему жена.

Посмотрел он искоса и видит, что тропа идёт до самого берега. Повеселел Амамхут и пошёл следом за Китыплан'аут. Как только дошли до берега, построили землянку. Амамхут пошёл охотиться на морских зверей, диких оленей и снежных баранов. А жена его заготовила много ягоды, юколы, навялила кипрея.

Перед осенним праздником говорит Амамхут:

— Надо навестить родителей и на праздник их пригласить.

Стала Китыплан'аут выбирать жирное мясо, еду вкусную готовить. Шевельнул Амамхут правой бровью — большой табун домашних оленей появился. Выбрал он самых красивых и сильных и поехал за своими родителями. Подъезжает к посёлку, и все услышали звон колокольчиков. Люди сразу вспомнили про Амамхута: «Да, раньше, при жизни Амамхута, вот так же весело звенели колокольчики, когда он подъезжал к селу».

Приблизились упряжки, родные узнали Амамхута и давай кричать:

— Так это же Амамхут! Откуда ты появился?!

Зашёл Амамхут в землянку своих родителей Куткинняху и Миты, пригласил их и всех своих братьев и сестёр на праздник. Все обрадовались и стали в дорогу готовиться. Узнал и Чичитьин, что Амамхут приехал, подходит к нему и говорит:

— О, здравствуй, брат! Можно и я поеду с вами?

— Собирайся и езжай, — как всегда спокойно ответил ему Амамхут.

Сели на упряжки и поехали к Амамхуту. Приехали, стали веселиться, играть на бубнах и плясать танцы морских зверей.

Смотрят Амамхут с женой — Чичитьин спать захотел. Приготовили ему постель, и он лёг. Амамхут в это время вышел на улицу. Около кучи хвороста бегал горностай. Убил Амамхут зверюшку и вынул её желудок. Потом подошёл к спящему Чичитьину и вместо его желудка вложил ему маленький желудок горностая.

Утром Амамхут говорит жене:

— Пора кормить гостей, и праздник продолжать будем.

Жена принесла гостям самые лучшие куски мяса, юколу, нерпичий жир, сладкое праздничное блюдо, ягоду.

Чичитьин с жадностью взял в рот кусок, но ничего не смог съесть. Испугался он, вышел на улицу и давай кататься по снегу,

бегать и прыгать, чтобы проголодаться. Вернулся и опять сел за еду, но снова ничего не смог съесть.

Так он страдал весь праздник.

На следующее утро стали гости разъезжаться по своим домам. Амамхут всем предлагал, чтобы каждый брал себе столько мяса, сколько захочет. Взял и Чичитьин целого оленя. Приехал домой.

Сестра Лера спрашивает его:

— Что привёз, брат?

— Вот, сестрица, привёз оленину.

Приготовила сестра ужин. Сели есть. Только хотел проглотить кусочек Чичитьин, земля задрожала, загудела — землетрясение!

Лера догадалась, что случилось, зажгла жирник и говорит:

— Сколько я тебе наказывала, чтобы ты не трогал Амамхута. Что бы ты с ним ни делал, всё равно он будет жить хорошо, а тебе отплатит тем же. Это же сын Куткинняху, а Куткинняху — непростой человек, волшебник! Детей его надо уважать!

Когда коряки узнали об этом, стали над незадачливым Чичитьином смеяться. Тогда сжалился над ним Амамхут и обратно переставил желудок.

А люди вместо Чичитьина выбрали себе другого водителя байдары. Стали все веселиться и жить хорошо. Тут и сказке конец.

Куткинняху и люди-тучи, которые живут наверху
(рассказано А. П. Тюменцевой, село Анапка, 1969 г.)

Однажды все уехали в тундру. Женщины — собирать ягоду и травы, а мужчины — охотиться. Но вот пошли дожди. Дни стали длинными и серыми. Скучно стало. Плохо было в тундре: спрятались звери, а ягоду собирать было нельзя — мокро.

И говорит Миты Куткинняху:

— Ну, что там случилось? Может, кто-нибудь солнце держит? Всё дожди да дожди! Мне ничего не заготовить, а семья большая.

Куткинняху отвечает ей:

— Надо что-то придумать...

И стал он долго думать.

А наверху есть люди-тучи. Они нарочно льют дожди на землю.

— Я пойду и разгоню людей-туч! — сказал Куткинняху.

Поднялся наверх. Там он увидел много девушек и юношей. У девушек косы длинные были. Когда они расчёсывали, на землю летел мелкий, прозрачный дождь. А у парней брюки-кунаю и большие кухлянки были заполнены холодной водой. Вода выливалась

из-под их затянутых поясов, и на землю падал ливень. Брызги и потоки воды от людей-туч падали беспрерывно. Эти люди и не думали прекращать дожди.

Куткинняху вынул нож и стал разрезать кухлянки и кунаю парней, и вся вода сразу вылилась. Ну и потоп был! Потом он догнал убегающих девушек и у многих из них отрезал косы. Но кое-где ещё шёл дождь, и мудрый старик разогнал окончательно людей-туч.

Засияло солнце. На землю спустился Куткинняху. Была хорошая погода, и все очень радовались. Люди заготовили на зиму много продуктов и стали жить хорошо.

Хитрый волшебник Хойкинняху

(другое название — «Мыши выручили», рассказано Н. А. Черных, село Рекинники, 1966 г.; В. П. Танвилиной, село Карага, 1970 г.)

Жил старик со старухой. Старика звали Хойкинняху, старуху звали Миты. Была у них дочка Валяко. Жили они бедно. Однажды зимой у них кончились все запасы. Вот старуха и говорит старику:

— Иди к морским людям!

Послушался старик и пошёл к морским жителям. Пришёл он к ним. Увидели его издалека — уже чай кипятить стали, кушать приготовили. Угощают. Ест он самые жирные и самые большие куски и рассказывает обо всём, что видел в пути. Потом рассказал, что они голодают. И все обещали ему помочь.

Хорошо пообедал Хойкинняху.

Сказали ему:

— Отдохни с дороги, поспи.

Поспал он. И во сне Хойкинняху приснилось, что он, Миты, Валяко больше не голодают, что всего у них вдоволь. Проснулся. Стал собираться в дорогу. Дали ему собачью упряжку, нагрузили её припасами, и так много, что собаки даже не сдвинули с места. Смотрит Хойкинняху на нарту и думает: «Здесь немало, но не хватит всей семье и до середины зимы. Попрошу ещё, а летом отдам!»

Взял старик огромный каркас байдары, перегрузил туда всё с нарты и ещё просит:

— Видите, сколько ещё свободного места осталось!

Морские жители дали ему ещё юколы, жира, мяса, а сами посмеиваются:

— Всё равно он не сможет это всё увезти... Посмешищем станет по всему западному побережью...

А Хойкинняху нагрузил байдару с верхом, потом поймал шесть мышей и запряг их вместо собак.

— Никогда не потащат мыши такую нарту, — хохочут морские люди. Но мыши вдруг понеслись так быстро, что только пыль снежная взвилась за ними. Испугались морские люди, закричали. Жалко им стало, что столько пищи увезёт Хойкинняху:

— Остановись, подожди! Отдай наши продукты!

Даже не оглянулся Хойкинняху. Приехал он домой. Миты с Валяко обрадовались, увидев так много пищи. Хойкинняху распряг нарту из каркаса байдары, и втроём они быстро перенесли продукты и уложили их в юкольник, а оставшиеся мясо и рыбу на вешалах разместили.

Вечером Хойкинняху при свете жирника весело рассказал, как мыши помогли ему перехитрить морских людей.

Самая долгая охота Куткынняху
(рассказано М. А. Гуторовым, село Карага, 1969 г.)

Однажды весной собрался Куткынняху на охоту, но собак у него не было. Как ехать на охоту без собак? Решил он тогда пойти сначала на озеро.

Пошёл на озеро, поймал несколько больших рыб и запряг их в нарту. В нарту положил сеть, гарпун для охоты на нерпу, удочку и копьё.

Куткынняху шёл сначала у берега, а потом далеко зашёл по льду в море и остался охотиться на льдинах. Небо было синим, а высокие льдины — белыми, и на них грелись нерпы.

Удачной была охота! Добыл Куткынняху несколько нерп и одного лахтака. Полную нарту нагрузил. Сам наелся, а рыб, которые уже и без того устали, не накормил. Рыбы несли его по воде, но потом рассердились и утопили в море.

Утонул Куткынняху и превратился в мёртвого ворона. Носят холодные волны чёрного ворона...

И вот, когда весна кончилась, когда льды растаяли, шли по берегу три красивые девушки. Большая волна раскачала ворона и выбросила его на берег.

Одна девушка пнула мёртвого ворона ногой. Вторая бросила ворона в мутную лужу, но большая волна снова его вынесла. И третья девушка, самая красивая, взяла ворона за крыло и отнесла к себе

домой. Там девушка положила ворона на юкольник, вошла в землянку и сказала матери:

— Я принесла мёртвого ворона.

Вышли они посмотреть на ворона, и очень жаль им стало его.

Мать и говорит:

— Бедный ворон!

А ворон каркает, передразнивает её:

— Бедный ворон!

Девушка сказала:

— Бедный, бедный ворон!

А ворон повторяет, передразнивая и кривляясь:

— Бедный, бедный ворон!

Рассердились женщины на ворона и выбросили его вон. Ему этого только и надо было. Взмахнул крыльями, поднялся и полетел домой.

Там он сбросил свою чёрную кухлянку и принял прежний человеческий облик.

Миты, жена Куткынняху, очень ругала его за то, что он так долго охотился и не приходил домой.

Тыныаут и Рира

(рассказано А. В. Чечулиной, село Тымлат, 1970 г.)

Это было давно, когда на свете все звери и люди жили вместе. Но это ведь сказка!

Жил тогда Куткынаху со своей женой. Были у них дети: Амаммкут, Сисисъин, Тыныаут, Кутнаут, Валля. Жили они мирно и дружно. Осенью, когда поспела ягода, все стали ходить в тундру. Ходила Тыныаут, её мать Миты и служанка Рира.

Рано утром проснулась Тыныаут весёлой, с хорошим настроением, и вместе со всеми пошла за ягодами. По дороге она отстала, ей почему-то стало грустно. Она опустилась на кочку, закрыла лицо руками и горько заплакала. Она плакала и ей становилось всё хуже от тоски, от того, что никто её дома не понимает, а она уже взрослая девушка.

Вдруг её кто-то тронул за плечо, она обернулась и увидела Волка. Волк стоял и смотрел на неё. Она успокоилась, и Волк спросил её:

— Отчего ты плачешь, Тыныаут?

— Ох, я и сама не знаю, что со мной творится с самой весны.

— Не печалься, — говорит ей Волк, — если хочешь, чтобы всё было хорошо, то вытри глаза и своё лицо моей рукавицей.

Тыныаут взяла рукавицу Волка и провела ею по лицу. После этого Волк ушёл. Снова собирает ягоду Тыныаут, и стало у неё на душе всё ясно и спокойно...

Собрала съедобных сладких трав, ягоды, взяла мешок, положила лямку на лоб, закинула мешок за спину и лёгкой походкой пошла домой.

Вечерело. Солнце катилось по тундре, и Тыныаут пела свою песню. Приближался праздник морских зверей. Куткынаху пригласил всех соседей к себе на праздник. В этот день женщины готовили тылктыл — толкушку из ягоды, нерпичьего жира, сладкой травы. Сидит Тыныаут и толчёт, взбивает жир. Посмотрела на Куткынаху:

— Отец! Принеси мешок с голубикой, которую собрала я. Только когда будешь спускаться с юкольника, ты не бросай мешок вниз, держи осторожно в руках.

Ворчливо ответил Куткынаху:

— Не стыдно отца посылать за ягодой! Народ кругом, что подумают?

Но тут за дочь заступилась мать:

— Иди, иди, не ворчи. Хоть раз помоги дочери...

Поднялся Куткынаху, взял мешок и принёс в жилище. Здесь он осторожно опустил его на землю.

— А теперь открой, — попросила его Тыныаут.

Он открыл потихонечку и от удивления опустил руки: в мешке лежал маленький мальчик.

Тыныаут посмотрела на отца и сказала:

— Что же ты стоишь? Возьми ребёнка и обойди всех мужчин, спроси, чей же это ребёнок?! Кто его отец?

Куткынаху взял мальчика на руки и стал обходить всех. Ребёнок молчал. А парням нравилась Тыныаут, и они хотели, чтобы она стала кому-нибудь из них женой. Обойдя всех, Куткынаху остановился, оглянувшись на дочь, сказал:

— Больше здесь нет никого.

— А вон ещё, — показала Тыныаут.

В углу сидел Волк. Куткынаху подошёл к нему:

— На, это твой ребёнок!

Тут мальчик заплакал, а Волк взял его и успокоил.

В это время Рира встала и вышла на улицу. Поймала там маленького щенка и сунула его в мешок. Зайдя в жилище, она подозвала Сисисъина и сказала:

— Принеси мешок с ягодой, только не бросай на землю!

Ленивый Сисисъин нехотя поднялся на юкольник и ворчит:

— Я ещё буду мучиться с этим мешком, сброшу его вниз! Ничего с ягодой не случится.

Так он и сделал. Сбросил мешок, а оттуда раздался визг щенка.

— Что за собака там? Наверно, убил, — ругался Сисисъин. Спустился вниз, подобрал мешок и пошёл в землянку.

Рира говорит ему:

— Открой мешок.

Он открыл мешок и от удивления воскликнул:

— Смотрите, да тут щенок!

Рира, покраснев, сказала:

— Не удивляйся, а ищи отца.

Пошёл Сисисъин по кругу, но все отворачивались от него.

Обойдя всех, он подошел к Рире и сказал:

— Нет никого.

Та указала на молодого красивого парня, сидевшего против неё:

— Ты что, слепой? Вон ещё!

Сисисъин подошёл к парню и сказал ему:

— Это твой сын!

Сказал, а сам в это время ущипнул щенка. Щенок громко завизжал, и все вокруг дружно засмеялись. Сисисъин подумал, что над ним, и вспомнил, что если Риру выдадут замуж, то и ему придётся жениться на той, кого выберет ему отец. Горько ему стало. От злости бросил он щенка и кинулся на Риру. Схватил палку и выгнал её на мороз. Бедная Рира залезла в юкольник...

Праздник был в самом разгаре. Парни танцевали с девушками, пели и смеялись. Амаммкут в это время искал Риру. Нашёл и, прикоснувшись к ней рукой, прошептал какие-то невнятные слова. После этого стала Рира самой красивой на свете. Она была на самом деле красавицей: с большими карими глазами, светловолосая. Волосы, как огонь, искрились при свете луны...

Настало утро. Гости стали разъезжаться по домам. Молодой парень уезжал последним: он потерял аркан-чаут. Все люди Куткынаху искали чаут.

Тут вышел Амаммкут и сказал:

— Может быть, Рира взяла?

Сисисъин взял палку и полез на юкольник. Ворчал он и, поскользнувшись, полетел на землю. Поднялся и сказал:

— Сам иди, раз она тебя любит. Из-за вас чуть не убился!

Полез молодой парень. Добрался до настила, открыл дверку, протянул руку и взял Риру за руку, чуть в обморок не упал. Но с юкольника всё-таки свалился:

— Какая красавица! — воскликнул он.

Взял свою невесту за руку, спустился с ней вниз, посадил на нарту и повёз домой.

А Сисисъину пришлось жениться на девушке племени, откуда был красивый парень — муж Риры.

Так все зажили счастливо, весело и в большой любви.

Три мышонка и нин'вит
(рассказано Н. К. Ягановым, село Карага, 1969 г.)

Жили три мышонка. Да, кажется, трое. Они жили в своём домике вместе с отцом и матерью. И каждый день мышата ходили кататься. Мать узнала об этом и не разрешила больше ходить на гору. Но мышата не послушались матери, потому что им очень нравилось на своих нарточках спускаться вниз.

И вот однажды внизу, у подножия горы, спрятался злой и страшный нин'вит.

Первый мышонок скатился с горы, и нин'вит сразу же схватил его и посадил в свой мешок. Потом скатились ещё два мышонка, и нин'вит их также поймал. Он их запрятал в мешок и понёс домой.

Поздно вечером отец мышат пошёл к горе, но не нашёл там своих детей. Долго он звал их, но никто не откликался.

Ну, а нин'вит пришёл домой и начал готовиться, чтобы съесть мышат. Пока он разжигал костёр, мышата выскочили из мешка и быстро взобрались на большое дерево. Нин'вит увидел их и стал подгрызать дерево вокруг, чтобы оно упало.

Отец искал своих маленьких мышат повсюду: и в тундре, и в лесу, и в горах. Но нигде не мог их найти. И вдруг он увидел Ворона:

— Если встретишь моих детей, принеси их домой, мудрый В'эллы!

— Ладно, — каркнул Ворон и полетел дальше.

За это время нин'вит уже вспотел, и ему осталось грызть совсем немного. Как раз над деревом пролетал Ворон.

Увидев его, мышата в один голос закричали: «Отвези нас домой, В'эллы!»

Ворон посадил их к себе на спину и медленно полетел, его большие крылья то плавно поднимались вверх, то опускались вниз.

И дерево как раз в это время упало, нин'вит подбежал к верхушке, ищет-ищет мышат, а их нигде нет. Тогда он побежал к горе, где катались мышата. Но и там их не было. Рассердился нин'вит и закричал от злости.

А Ворон отвёз мальчиков-мышат к отцу. Они больше не катались вечером с горы без разрешения старших. Боялись.

Амамкутэкн, Нутэпн и мышонок Тыты
(рассказано И. А. Нутаам, село Анапка, 1969 г.)

У Куткынняку были дети. Жили они счастливо, никогда не голодали. Но однажды случилась беда. Они мало припасли на зиму юколы и ягоды. Началась голодовка. Куткынняку припрятал остатки юколы в своей землянке, ничего не оставил своим детям. А его дети жили далеко от него, на рыбалке. Скоро и у них закончились все припасы. Пошли братья к отцу. Куткынняку выгнал их, не дав ничего. Вернулись они, легли спать. Ночью братьям приснился сон: как будто они построили из дерева и шкур себе кита, сели в него и уплыли далеко от своих родителей. Как только забрезжил рассвет, они встали и хотели себе приготовить завтрак. Младший брат Нутэпн ловил в землянке мух и складывал их в берестяную коробку.

Скоро он всех переловил, и нечего стало есть. Тогда братья построили себе из дерева и шкур кита. Амамкутэкн сказал младшему брату:

— Ты оставайся тут. Тебя больше любит отец. Он тебя пустит к себе в дом. — И Амамкутэкн пошёл в землянку.

Нутэпн залез в деревянного кита — байдару и спрятался там в напёрсток.

В это время Куткынняку вышел из деревянной подземной юрты-землянки. Светила большая луна, внизу медленно плыла река. И вдруг он увидел полосатого кита. Кит двигался вниз по течению. Куткынняку почему-то подумал, что внутри кита сидят его дети — Амамкутэкн и Нутэпн.

Он стал кататься по песку и громко плакать от горя...

Между тем байдара быстро неслась по волнам. Нутэпн вылез из напёрстка. Увидев его, Амамкутэкн сказал:

— Зачем ты спрятался? Тебе скучно будет со мной.

Но младший брат был счастлив, что плывёт на байдаре.

Ветер гнал байдару всё дальше и дальше от родного края. Скоро Нутэпну захотелось домой, и он заплакал. Старший брат ругал его, что он не послушался и не остался.

Вдруг байдара остановилась.

— Сходи наверх, посмотри, почему остановился наш кит? — сказал Амамкутэкн брату.

Нутэпн открыл дверь кита и сразу же с криком закрыл её.

Амамкутэкн спросил:

— Что там? Почему ты испугался?

Нутэпн с плачем рассказал, что огромные чёрные змеи обвили кита. Амамкутэкн схватил широкий булатный нож и выскочил наверх. Кита обвили чёрные змеи, страшные осьминоги и морские черви. Амамкутэкн бесстрашно бросился на них и долго сражался один против жителей тёмных глубин. Он расправился с ними, освободив байдару, и они поплыли дальше.

Всё время Нутэпн плакал.

— Поспи немного, — сказал ему старший брат.

И Нутэпн быстро уснул.

Только младший брат уснул, как байдара остановилась. Амамкутэкн подумал, что опять змеи и осьминоги опутали байдару. Он взял нож и вышел наверх. И увидел, что кит уткнулся в песчаный берег. Амамкутэкн спрыгнул на землю. Вся поляна перед ним была усеяна ягодами. Он набрал много ягод и, вернувшись на байдару, положил их у изголовья младшего брата.

— Нутэпн, проснись! Я видел сон, что у твоего изголовья очень много ягоды, — сказал он брату.

Но Нутэпн отвернулся.

Амамкутэкн повторил снова те же слова. На этот раз Нутэпн поверил брату и протянул руку. Нащупав ягоды, он проснулся окончательно, встал и вышел на берег.

Тут Амамкутэкн попросил Ан'ан'а (Хозяина мира), чтобы тот дал ему шкуру лося, а брату — шкуру оленя. Когда шкуры упали на берег, Амамкутэкн подозвал к себе младшего брата и дал ему шкуру оленя.

— Надень на меня шкуру лося, — попросил он брата. — А на себя — шкуру оленя, и сразу же отбегай от меня подальше.

Нутэпн послушался брата, накинул на него шкуру лося, а на себя — оленя и отбежал в сторону. Он оглянулся и вместо старшего брата увидел могучего лося. Из ноздрей лося вырывался огонь и шёл пар. Рогами лось вырывал большие деревья, копытами рыл землю и огромные комья забрасывал высоко в небо. Нутэпн понял, что это его брат превратился в лося. Ему стало страшно. Быстрее ветра помчался олень от этого места — в оленя превратился Нутэпн.

Между тем с охоты возвращался Киткитав. Он увидел оленя, вскинул лук, прицелился и выстрелил. Тотчас же услышал голос: «Быстрее разрежь брюхо! Задыхаюсь!»

Киткитав разрезал брюхо и оттуда вышел юноша.

— Не знал я, что олень — это Нутэпн, — сказал Киткитав и повёл Нутэпна к себе домой.

Ночью Нутэпн вышел на улицу, посмотрел на большую луну. Вспомнил брата, заплакал, так ему захотелось увидеть Амамкутэкна. Но когда он вспомнил, в кого превратился брат, ужаснулся. Так продолжалось несколько дней. Нутэпн выходил на улицу и всю ночь проводил там.

Киткитав заподозрил что-то неладное. Он спросил Нутэпна:

— Почему ты так грустишь?

И Нутэпн рассказал ему обо всём.

Киткитав рассказал об этом вождю племени. Вождь собрал межродовой сход. На сходе решили, чтобы все мужчины приготовили стальные копья и нарты для охоты на лося. Люди решили освободить Амамкутэкна. Подготовившись, все стали собираться в условленном месте.

Узнав об этом, и маленький мышонок Тыты начал собираться в поход. Из ивовых прутиков он построил маленькую нарточку и сделал маленькое копьё. Вместо собак запряг мышей и отправился в путь. Когда мужчины увидели его, все начали смеяться. Больше всех издевался над ним Сиси:

— Иди спать, младенец! Мы без тебя справимся!

У всех мужчин были стальные нарты, стальные копья и самые сильные собаки. Когда они прибыли к месту охоты, увидели огромного лося. Огонь и пар извергались из его ноздрей, огромные комья земли летели из-под копыт.

Сиси снова стал издеваться над мышонком:

— Ну, как? Испугался, малыш? Иди-ка спать лучше.

Мужчины со всей силы метали в лося стальные копья. Но лось жевал их, как траву. Дошла очередь и до мышонка. Он взял своё маленькое копьецо и метнул его в лося. К удивлению охотников, могучий лось упал.

Мужчины ахнули. Особенно удивился Сиси:

— Смотри-ка, мышонок поразил лося!

Лось стал прыгать на нарты и топтать их копытами. У всех мужчин нарты ломались. Снова дошла очередь до мышонка. Лось с разбега прыгнул на его маленькую нарту. Как только лось бросился на нарту мышонка, нарта рванулась так, что пыль поднялась столбом. Сиси ещё больше удивился. Все мужчины поплелись домой.

Вождь думал, что Амамкутэкна привезёт сильный мужчина. Вместо мужчины он увидел мышонка. Мышонок распорол брюхо лося и оттуда вышел Амамкутэкн. Тогда устроили большой пир.

Узнав об этом, Куткынняку обрадовался и поехал на пир. Он встретил там своих сыновей и извинился перед ними.

Стали они жить-поживать счастливо.

Словарик

Ан'ан — один из добрых духов коряков.

Бат — долблёная лодка.

Землянка — подземное жилище оседлых коряков, в которое входят через отверстие, одновременно являющееся дымоходом.

Керкер — женский меховой комбинезон.

Кльль — бусинка (ительм.).

Конайты (конайтэ) — меховые штаны.

Кухлянка — верхняя зимняя одежда из оленьих шкур.

Мака — клапан детских меховых штанов.

Морские люди — жители побережья, охотники на морского зверя и рыбаки.

Нарта — лёгкие сани для езды на собаках и оленях.

Нин'вит — злой дух, выступающий в образе то чёрта, то великана. Нин'витын'аут (нин'витэн'аут) — ведьма.

Охра — краска из коры ольхи для окрашивания шкур.

Племя людей с бусами — ительмены.

Полог — спальное место в яранге.

Рарана — жилище на некоторых диалектах корякского языка.

Ровдуга — замша.

Торбаса (торбаза) — меховые сапоги из оленьей шкуры.

Тылктыл — толчёное блюдо из мяса и ягод.

Хололо — праздник.

Чаут — аркан из лахтажьего или нерпичьего ремня для ловли оленей.

Шаман — колдун-знахарь у народов, верящих в духов.

Юкола — вяленая рыба.

Юкольник — балаган на сваях для сушки рыбы.

Яранга — разборное жилище, покрытое оленьими шкурами.

Яян'а — то же, что яранга.

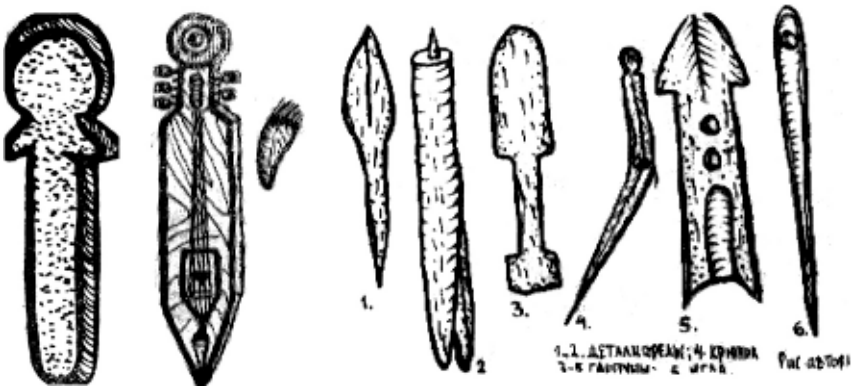

Деревянные маски улляу

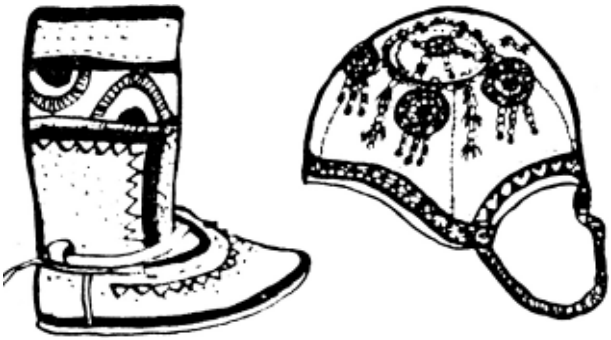

Типы корякских масок, снизу — эскимосская маска

Типы корякских бумерангов (все рисунки автора)

Костяная ритуальная фигура инау (первая слева), музыкальный щипковый инструмент кыхчерен с медиатором (второй слева); части гарпуна и стрелы (справа)

Праздничные торбаса, летний головной убор

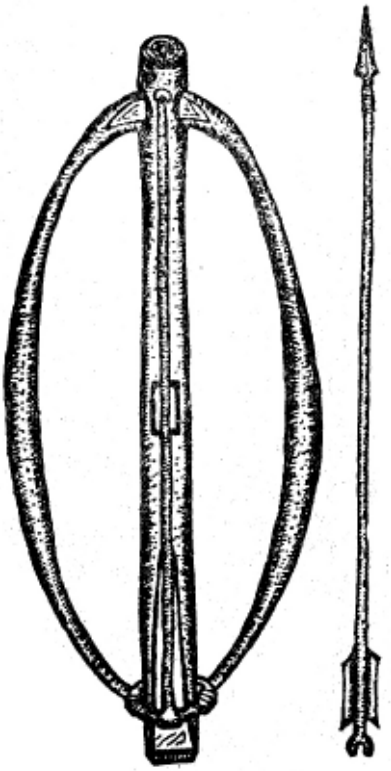

Портрет древнего охотника, найденный на Командорах (слева), перстень казачьего атамана

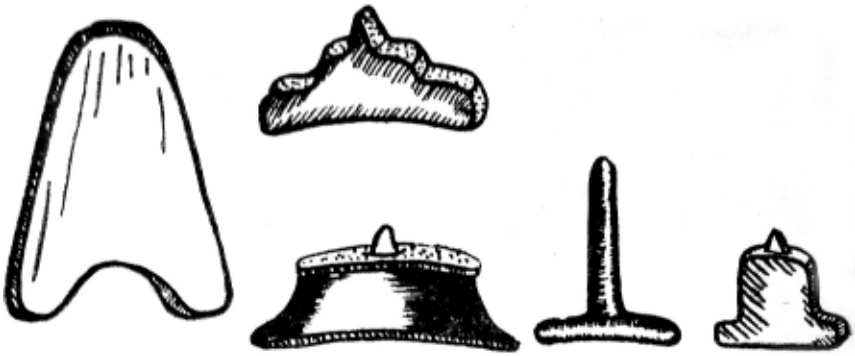

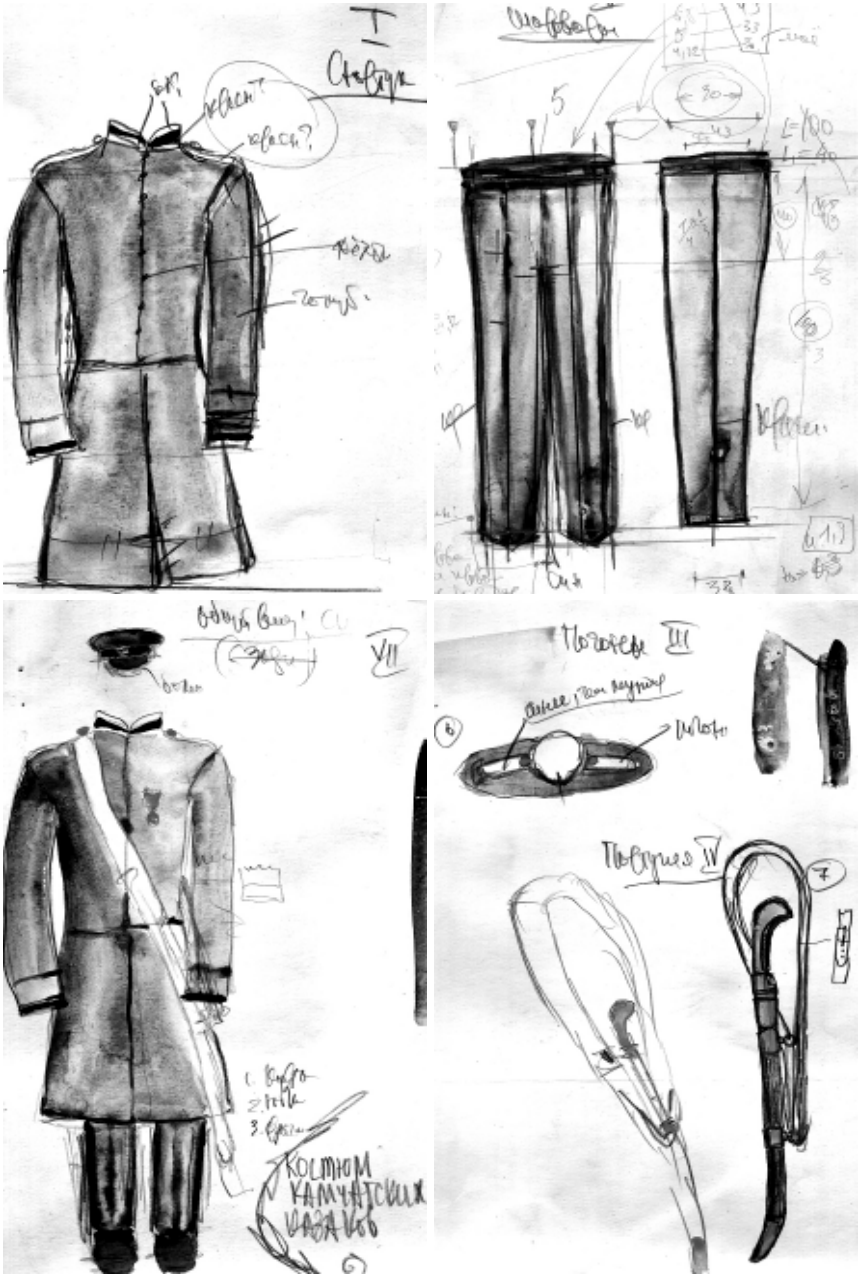
Глиняная посуда аборигенов

Двойной лук

Лабретки с археологических стоянок Камчатки (все рисунки автора)

Авторский эскиз казачьего костюма конца XIX в. [КОКМ ОФ 31995/90]

Ниже представлены 40 литературных опытов (рассказов, очерков и стихотворений) В. Н. Малюковича, написанных им в 1967—1991 гг. и в разное время опубликованных (иногда повторно) вначале в местной печати — газетах-«районках», затем в «Камчатской правде» и «Камчатском комсомольце». Позже некоторые сочинения «прошли» и через вполне солидные издания, вроде журнала «Дальний Восток» и хорошо известного на нашем полуострове альманаха «Камчатка. Литература. Краеведение».

Собрав их воедино, в том числе почерпнув из рукописей, мы хотели показать многогранность творчества этого замечательного исследователя. Нетрудно заметить, что в основу многих его произведений положены профессиональные занятия: ранее — геология, а затем ставшее самым главным жизненным — этнография.

Где живёт геолог

Таится что-то в тёмной глубине,
И мрачны сопки над притихшим плёсом.
Хрустальный бисер мчится по воде,
Рассыпанный с ладоней плавных вёсел.
Тайга застыла... По большой реке
Плыву на лодке и гребу вперёд.
Водой стекает холод по руке...
Здесь всё молчит и всё чего-то ждёт.
Не удержалось и пошло волной.
И покачнулся мягко синий день:
Блеснув на солнце чёрною спиной,
Плеснул лениво медленный таймень...
А там, вдали — повис костра дымок,
Над лагерем — тайги зелёный полог.
У скал клепает эхо молоток,
И скалы знают: здесь живёт геолог.

Камчатский комсомолец, 21 января 1967 г., № 9

Молодость

Счастье наше в сраженьях строится
За уран, за нелёгкое золото.

Напролом, напролёт, в вечных поисках,
Славлю, славлю тебя я — молодость!
Мы знакомились с песней заветною,
С глухоманью — упорными стычками,
Кальки карт освещали спичками,
А дорогу себе — ракетами.
Мы не жались ночами к рациям,
А, собравшись, смеялись весело,
Что рубли по конечной инстанции
Наша дружба легко перевесила.
И руду находили искристую,
Проверялись жарою и холодом,
На войне за страну скалистую
Верх брала боевая молодость.

Корякский коммунист, 17 февраля 1967 г., № 21

От редактора. Разновидность стихотворения «Молодость» опубликована в газете «Алеутская звезда» от 29 февраля 1984 г., № 18:

Счастье наше в сраженьях строится
За уран, за нелёгкое золото
Напролёт, напролом, в вечных поисках...
Славлю, славлю тебя я, молодость!
Мы знакомимся с песней заветною,
С глухоманью — упорными стычками,
Кальки карт освещали спичками,
А дорогу в тайге — ракетами!
К рудам шли отважно, неистово,
Не жарой закалялись, не холодом —
А в боях за страну скалистую.
И вела нас вперёд — молодость.
Мы не жались ночами к рациям,
Но, собравшись, смеялись весело,
Что рубли по конечным инстанциям
Наша дружба легко перевесила.

* * *

Забытые, непраздничные дни!
Вы всё для нас: и хлеб, и соль, и жизнь.
Простите нас, нередко вы одни:

От праздников попробуй, откажись!
За счастьем мимолётным и хмельным,
Где правит смех — стиляга, пустозвон,
Сквозь хаос лиц — стаканов пьяный стон,
Вам руку жму, рабочим дням моим.
Вы, как друзья,— всегда честны они...
К вам не пристанет ложь и мишура.
Спасибо вам, непраздничные дни,
За всё сегодня, завтра и вчера.

Корякский коммунист, 17 февраля 1967 г., № 21

Река — тоннель через гипноз зелёный:
Тайга меня решила усыпить.
За плёсом — шум стремительным уклоном,
А нам ещё сегодня плыть да плыть.
От шума к шуму плот по перекатам —
Не скорлупа романтики пустой...
Геологи! Таёжные солдаты!
Я снова с вами, смелый и простой.
Передовая тянется по сопкам,
По скользким свалам у реки крутой,
Идёт пунктиром по болотам топким,
Граничит резко с вечной мерзлотой.
Нам гул в ногах привычен и понятен —
То гул контакта нашего с землёй.
И амбразуры белых пятен
Мы закрываем каждый день собой.
Жизнь за тебя, живущего в уюте,
Мы отдаём, как в штыковом бою...
Иди в разведку! В завтрашнем маршруте
Ты будешь с нами в боевом строю.

КОКМ ОФ 31700/120. Рукопись. Без даты
Камчатский комсомолец, 22 апреля 1967 г., № 48

Снится сон о мирных сохатых
И лукавых тайменях в протоках,
О седых стариках бородатых —
Добрых кедрах в раздумье глубоком,
Об оленях, притихших в сторонке,
На забытых таёжных стоянках,
О наивных девчонках — листвянках

И туманах — стыдливых и тонких...
Я вернусь, я приеду летом!
Разыщу вас и встречусь с вами.
И волшебную сказку об этом
Расскажу всем лесными стихами.

Корякский коммунист, 1 мая 1967 г., № 52

Кривые зеркала
(посёлок Пахачи)

Поэты бьют кривые зеркала
Не потому, что звон стекла приятен,
Не потому, что взгляд зеркал невнятен, —
Поэты бьют кривые зеркала.
Поэты бьют кривые зеркала
За тихий блат, за скромную халтуру,
За ресторанно-лживую культуру —
Поэты бьют кривые зеркала.
Поэты бьют. А если ты устал —
В тиши растут ряды кривых зеркал.
Но правда с нами вечно верх брала.
Иди и бей кривые зеркала!

Камчатский комсомолец, 16 мая 1967 г., № 57

Более поздняя разновидность стихотворения «Кривые зеркала»

Поэты бьют кривые зеркала
Не потому, что звон стекла приятен,
Не потому, что взгляд зеркал невнятен, —
Поэты бьют кривые зеркала.
Поэты бьют кривые зеркала
За тихий блат, за скромную халтуру,
За ресторанно-лживую культуру —
Поэты бьют кривые зеркала.
За кофточку из пошленькой страны,
Добытую во что бы то ни стало,
За то, что «личность» в очередь не стала,
А громче всех вопит, что все равны.

Что на чужие войны им плевать,
За то, что тот орёт такую мать,
И эта низость им ещё мала —
За это бьют кривые зеркала...
Поэты бьют. Но если ты устал —
В тиши растут ряды кривых зеркал.

Камчатский комсомолец, 14 марта 1981 г., № 32

В тайге
(второе название — Мир тайги)

Безумье трав нахлынувшей тайги
Свой мир соткало в середине лета,
Закрыло небо листьями ольхи,
(разновидность — *реку закрыло листьями ольхи*)
Склеило их смолой прозрачной кедров.
В нём, как медведь, шатаюсь меж стволов,
И пьяный, и влюблённый безнадёжно,
И, грусть забыв, я счастлив и здоров,
Но выбраться отсюда невозможно.
Зелёным светом — как тонка листва! —
Просвечивает солнце в мире этом.
Я здесь в ловушке, копьями — трава,
И выход в мире этом — стать поэтом.

Корякский коммунист, 25 июня 1967 г., № 75
Камчатский комсомолец, 13 января 1973 г., № 6

До лета далеко, до соловьёв не близко.
В берёзовом лесу свистит мальчонка.
Ледышек перезвон дрожит на солнце,
Капели ксилофон им вторит тонко...
Стволы берёз — серебряные струны,
Симфония — шум леса, я — солист,
И, как циркач отчаянный и юный,
Над лесом балансирует мой свист...
Я — через ельник и берёзы снова...
За речкой — медный бор сосновый,
И солнышко над ним склонилось низко.
Цветок нашёл, и до деревни близко...

Корякский коммунист, 8 марта 1968 г., № 30

Я — учитель...
(посёлок Пахачи)

В классе тихо. За окнами ветер
И позёмкою бродит зима.
А вот в книжках — там солнышко светит
И резные стоят терема.
Класс весь там. За моей указкой
По чудесной идёт стране...
Мой рассказ им кажется сказкой,
Но во всём они верят мне.
И какая страна большая!
— Догадались! — И я сознаюсь,
Что живём мы вот в этом крае,
Самом светлом — Советский Союз...
Объясняю легко, с улыбкой
Им открытой страной — букварь.
И трепещет весёлой рыбкой
Дорогая ребячья рука.

Корякский коммунист, 1 августа 1968 г., № 91
Корякский коммунист, 8 марта 1984 г., № 30

Лазейка детства в строгих стенах быта.
А за стеной земля цветёт, звеня!
Здесь одуванчиков глазастых свита
Сопровождает весело меня.
Волнуется трава, до горизонта —
Океаническая выпуклость полей!
Промчалась электричка звонко,
Перебивая шелест тополей.
В кармане компас — друг мой неразлучный.
Полна попутных ветров голова...
Под парусами — выдастся мне случай —
Уйду на шхуне к дальним островам!

Завод

Завод работает в спецовке.
Три смены в сутки на ногах —
За плавкой плавка, ковкой ковка.
Живёт на совесть, не на страх.

Грохочут краны, стены стонут,
Искрят на стыках провода.
И, охлаждающая домны,
Уходит тёплою вода.
Уходят друг за другом смены,
Поют, смеются, смотрят вдаль.
А за спиной живут мартены
И деловито варят сталь...
Простой завод, а знает дело!
На нём, чугунном, — тусклый блик.
Но в космос отправляет смело
Сверкающие корабли.

Корякский коммунист, 1 августа 1968 г., № 91

Стланик

Я стланик проклял. — Эх, кедрач!
Чащоба, дебри, бурелом былинный!
Как ни вертись, маршрут пройди, хоть плачь,
Сквозь весь кедрач по сопкам и долинам.
Гружённый рюкзаком, вспотев, ползу,
Ругая комаров, забыв про робость, —
Обвалом громыхая, там, внизу,
Маячит смертью, ждёт кого-то пропасть.
Но не меня. Я обнялся с горой —
Не обойти! Да и стоять нет смысла!
А ветка стланика с шершавою корой
Над пропастью спасением повисла
И лапы смело протянула мне,
Качаясь на отчаянном ветру, —
Спасла меня, рюкзак моих камней!
Ты, стланик, верный, настоящий друг!
Маршрут ушёл. Я в городском тепле.
На речке в скалах монолитный лёд,
Свернулись корни в ледяной земле.
— Суровый стланик! Как он там живёт?
Не забываю, думаю порой
По вечерам и часто поутру
О ветке стланика с шершавою корой,
Над пропастью живущей на ветру.

Корякский коммунист, 14 сентября 1968 г., № 110

Блокноты

Рождались блокноты во время работы,
Мужали на жёлтой бумаге от пота,
На этикетках, консервных обёртках,
На глянцевых, броских, на мятых и стёртых,
В далёком походе, в палатке-маршрутке,
Ночными часами, а днём — по минутке.
То буквы летели, то шли закорючки
Карандашами и авторучкой.
Блокноты, размокнув в реке, не тонули,
А вместе с геологом лямку тянули.
Был стёрт карандаш и чернила размыты,
Но ровно сияли слова-монолиты.
Они не стонали — трудились и жили,
И дело простое собою вершили.

Корякский коммунист, 25 сентября 1969 г., № 114

Тринадцать озёр счастья

Иду в Оссору. Гора Колдунья плывёт рядом. Из-за моренных холмов, покрытых кедрачом, она тычется белой вершиной в голубое небо, как каюю, маленький оленёнок, в соски матери. Так мне кажется.

Старики в Караге, откуда я иду, рассказывают, что Колдунья с окружающими её невысокими горами, холмами и озёрами перешла сюда от самого Срединного хребта, а там на её месте образовалось Паланское озеро. Но ещё двести лет назад человек со шпагой в строгом мундире царского профессора, ныне покоящийся на Смоленском погосте в Ленинграде, — академик Крашенинников об этом уже писал...

Из-за Колдуньи выглядывает конус неправильной формы — гора Увалаваалана — Воронья гора.

Иду в Оссору... По дощатому мостику перешёл лиман (Карагинское озеро). Тропа ведёт вверх по ручью, по оранжевому склону. Стога сена стоят строго вдоль тропы, и между ними спрятались ещё кусочки ночи — мягкие фиолетовые тени, потому что уже солнечное утро и сегодня будет синий день.

Стогов много. Косари потрудились. Как старались на уборке Иван Попов, Иван Колесов, с непогодой соревновались! И на заготовке силоса колхоз преуспел: при плане девяносто шесть тонн

заготовил сто шестьдесят три. Корма для молочного стада хватит на всю зиму...

Под ногами хрустит ледок. Наконец, поднялся на возвышенность. Отсюда начинается горная страна с тринадцатью голубыми озёрами. Вот холм, раскромсанный трещинами на части. Внутри него линза льда. Морозобойные трещины, будто бритвой провели, располосовали дёрн, прошли по седому стволу кедрача. Но не думайте, что кедрач не залечит раны: ему сейчас сто сорок лет, и он проживёт ещё сто.

Кратеры зелёных мхов то слева, то справа — я иду по подмёрзшей болотистой тропе. Всё так же вершина Колдуньи тычется в небо, со всех сторон меня окружают ледниковые холмы — камы. Вот на кочках «деревенька» кукушкина льна, другая. В долинах между холмами притихло ушедшее лето — микроклимат страны ледниковых холмов.

Третье и четвёртое озёра. Иду по перешейку. Сухая трава блестит на солнце. По ней можно идти. Сколько здесь брусники, шикши! Рассыпались по долине, виляющей между холмами и уходящей в древнюю страну чудесных корякских сказок, в страну мудрого весёлого Куткынняку, Миты, Амамхута — настоящих людей... Страна загадок. Но я прохожу мимо.

Выхожу на холм. Ветер. Хорошо, что рюкзак тяжёлый — греет лучше. Несу в Оссору «передачу», а оттуда — другую, в Карагу. Сизые кедрачи. Хорошо. Идти бы бездумно, радуясь бытию. Но не могу не думать. Думается: «В школе нет лыж. Надо выписать, получить. Нет гантелей, мячей, скакалок... Получить-то получу. Районный отдел народного образования отпустил немалые средства на спортинвентарь — а вот довезу как?»

Шестое озеро, седьмое... По приливной полосе — сорок пять километров. В двух местах пересекают путь селевые потоки с гор. Шофёрам приходится ждать полного отлива — один раз в сутки. Успей! А ждать морозную ночь...

«А может, не возьмут груз, как вчера шофёр из районной кинофикации? Но ведь не для себя! А пешком через горы — двадцать километров». Не могу не думать.

Ослепила просинь десятого озера. А всех их — тринадцать озёр счастья.

«Как будет рада детвора моему грузу. Откроешь двадцатиметровый спортзал, повиснут на кольцах, будут прыгать через “козла”. И через два часа от колец не оторвёшь. Турник соорудили, баскетбольную площадку... Будут у нас в школе и лыжи с жёсткими

креплениями, и теннис, и мячи... Как обратно доберусь? В запасе только один день».

С холма открылась нежность далёких гор. Часто бывает: подойдёшь близко — нет нежности, не смог сохранить её. Потому что некоторые черствеют в дороге, а надо сохранять лучшее в себе.

Лет пять назад на Ленинградском главпочтамте я нечаянно подсмотрел: широкоплечий старик в кожаной куртке с пышными седыми усами писал: «Здравствуй, дорогой друг...» — писал медленно, неторопливо, так, как мой отец. Я не успел отвести взгляда.

«Смотри, — поднял он на меня глаза, — сынок, учись... Почти шестьдесят лет есть у меня друг. Первая мировая война, Октябрьская революция, гражданская война, Отечественная... Как же, как же! Слышал выступление Ильича, посчастливилось видеть его самого. Здесь же, в нашем Ленинграде, на "Красном путиловце". А ты на Камчатке, говоришь? Суровая страна, штормовая. На корабль похожа. Держись там, сынок!»

...Тропа, как каньон, через жёлтые травы. Здесь двенадцатое озеро. Вспоминаю: все озёра проточные. Видимо, поэтому они не зарастают, а осенью долго не замерзают.

В селе поставили дизель. Свет в селе будет гореть и ночью. Траншею к новой школе-интернату для парового отопления роет экскаватор. Быть может, и проведут до снега. Тогда всю зиму строители будут вести отделочные работы, и к новому учебному году мы перейдём в новую школу. Наш колхоз, колхоз «Ударник» — богатое хозяйство, и такое дело, как отремонтировать квартиры моих коллег-учителей, огородить сельское кладбище, повесить на столбах уличные фонари, — ему по силам.

Тринадцатое озеро. Думал, непроточное, а это из него ручей. Гулкий, звенящий, в кружевах белоснежного тонкого льда, мчится он по северному склону перевала. И тропа, пересекая ручей, спешит вниз, к лагуне, к белому северному городу — Оссоре.

Резные льдинки ручья напоминают о забытом детстве. Тогда можно было из вымерзшей лужи набрать горсть ёлочек, пальмовых веток, прозрачных стрел. Сейчас стыдно. У нас, людей, ничего не проходит, всё остаётся: детство, юность — пласты жизни. Всё прорезается в памяти, и это прекрасно...

Спускаюсь по ручью вниз. Вдруг до слуха донеслось: «У-ых! Ух-у-ых! Ух-у-ых!» Словно уханье полярной совы. Уханье повторяется где-то внизу, в долине. Потом заухало в березняке на склоне, и я увидел среди каменных берёз стадо коров.

— Амто-о-о! — издали поздоровался с пастухом.

— Мэй! — ответил мне тот, как обычно здороваются карагинцы. Загорелый, средних лет, улыбающийся щёлками весёлых глаз, он первым протянул руку:

— Мэй!

— Вы пастух? — спросил я.

— Пастух я, — радостно ответил он. — А ты учитель?

— Да.

Стадо коров колхоза «Ударник» — в окрестностях лагуны. Здесь зелёная трава кое-где. Глядя на пастуха, я подумал о месте человека в жизни. О меняющемся месте. Вот и пастух: работал в табуне, много работал, видел много, ходил далеко... Сейчас пасёт коров.

В Караге в магазине женщина сказала:

— Зато зимой молока будет вдоволь, купаться будем. И мясо будет.

И я сейчас знаю, что будет много молока и мяса. Хорошо работает пастух. На посту стоит человек, на своём месте в жизни. Завидую ему, и первый, как это принято у коряков, спрашиваю:

— Не скучно одному? Что купить в Оссоре?

Он ничего не просит, а я продолжаю:

— Папирос куплю, сигарет...

— Нет, не скучно. Купи, — отвечает мне с великим спокойствием.

Только такого ответа я и ждал, потому что человеку на своём рабочем месте никогда не бывает скучно, если он настоящий человек. Позже, в селе, я узнал его имя — Алексей Гаянович Куталхут. И мне было приятно, что я учу его детей.

Тропа, торопясь, вприпрыжку, спешит к лиману, вливается в дорогу, и та плавным полукругом мчится в Оссору по прибрежной гальке. Вот на берегу японский кунгас, давно отработал своё. Охотники и рыбаки отпиливают от него по куску для ночных костров.

Вхожу в тень. Лиман, как ёжик, ощетинился колючими синими волнами. Ярко освещена Увалаваалана. На ней так и не побывал: когда ходил туда с ребятами, всем хотелось подняться наверх, и мне пришлось остаться в лагере. На «крышке» Чайника — другой вершине — уже сверкает октябрьский высокогорный снег... Оглядываюсь: за перевалом осталась страна тринадцати озёр счастья, куда я вернусь...

Оссора — Карага

Камчатская правда, 14 ноября 1969 г., № 268

В. Н. Малюкович. Гора Алдан. Солнце закатилось, 1964 г. Холст, масло
[КОКМ ОФ 31745/151]

В. Н. Малюкович. Пейзаж со стогами. Холст, масло
[КОКМ ОФ 31745/158]

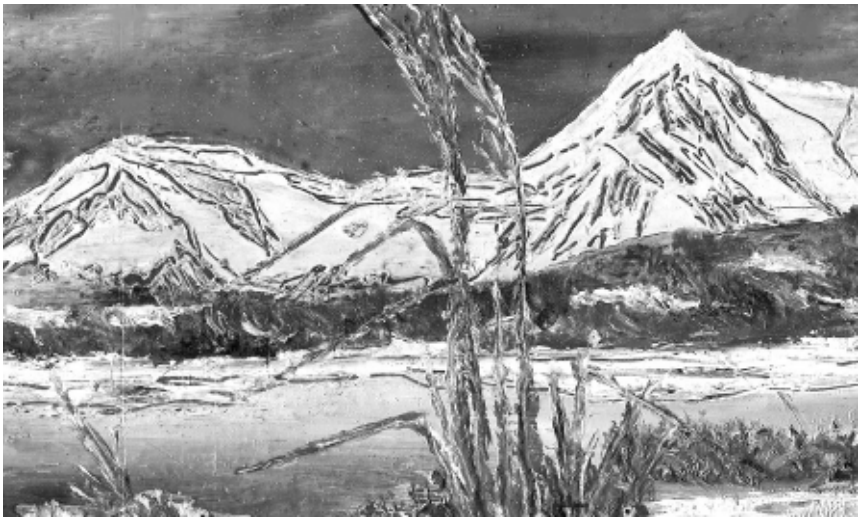
В. Н. Малюкович. Авачинский вулкан, 1990 г. Холст, масло
[КОКМ ОФ 31745/89]

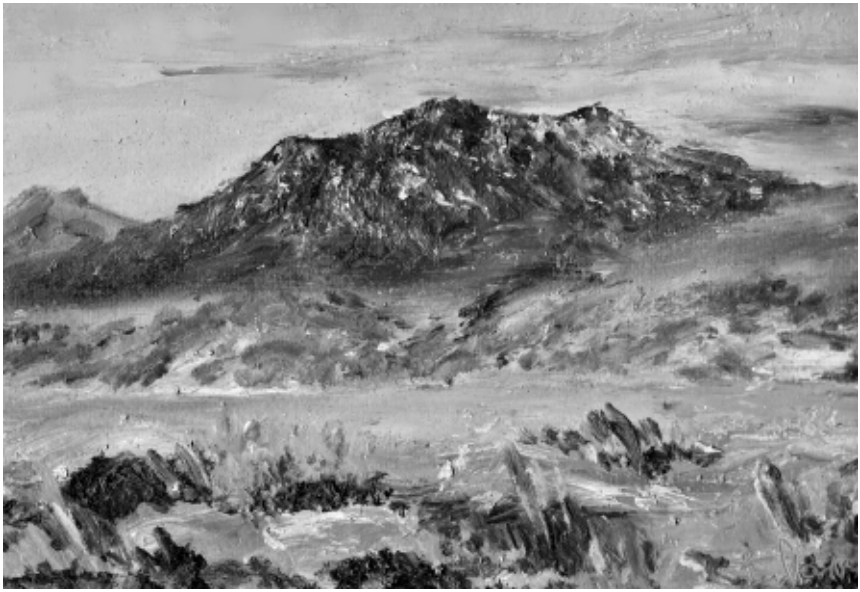
В. Н. Малюкович. Вид на вулкан. Холст, масло
[КОКМ ОФ 31745/160]

В. Н. Малюкович. Карагинский пейзаж, 1968 г. Холст, масло
[КОКМ ОФ 31745/146]

В. Н. Малюкович. Оссорский пейзаж, 1969 г. Холст, масло
[КОКМ ОФ 31745/145]

В. Н. Малюкович, Карага, 1969 г. Холст, масло
[КОКМ ОФ 31745/139]

В. Н. Малюкович. Карага, 1970 г. Холст, масло
[КОКМ ОФ 31745/137]

Геолог
(отрывки из поэмы)

Не от риторической полемики,
Изредка крикливой, догматичной,
Уходили в поиск академики,
Полем заменив уют столичный.
Не обидевшись, не с кукишем в кармане —
С молотком и котелком солдатским.
Хоть блоха гуляла на аркане —
Всем делились, чем могли, по-братски.
На забытых дальних полустанках,
В сапогах и в ватниках прожжённых,
Ждали паровозов спозаранку,
Комсомолией и контрой нагружённых.
Спали тут же, на крыльце дощатом,
И картофель ели с аппетитом,
До Хибин дошли по перекатам,
Для страны искали апатиты.
На собаках мчались по чукоткам,
Мотосани утопив в поломках.
От простуд лечились русской водкой
И мечтали ночью о трёхтонках.
Жерла шахт вонзали в землю смело,
От взрывных работ седели ели,
В институтах очень не корпели
И полемику решали делом.
Приходили, одичав, счастливые,
Обмотав страну путём-пунктиром,
Грохотали стройки суетливые,
И смеялся с ними ясный Киров...

Сила рудных глубин,
Земную кору ломая,
Рождает гряды вершин.
Геолог вершины венчает.
Геолог идёт к руде
В пустынях, по руслам рек,
А рядом в нелёгком труде
Шагает руда — человек!
Коллектор, каюр, взрывник,

Техник, рабочий простой —
И каждый — гигантский рудник
И тонны породы пустой.
Тяжёлая эта руда:
В ней золото, сера, медь,
Таится радость, беда,
Уменье смеяться и петь...
Руда прокипит в огне,
У рек и отвесных скал.
И будет выдан стране
Самый прочный металл.

По зелёным холмам, по багульникам пьяным
Только с сердцем брожу, защищён небом-пологом.
Солнцем, ветром дышу и тружусь неустанно.
Я счастливей тебя — стань геологом!
Я здоров, от труда — мускулистое тело.
Молот мой над гранитами царствует молохом.
Хватит думать, решай! Не найти лучше дела.
Счастье будет с тобой — стань геологом!
Лошадей по тропе плетью гнал или матом,
Гром приветом гремел, как космический колокол.
И ластятся ко мне буруны-перекаты.
Счастлив я на земле — стань геологом!
Я роздал душу всю по друзьям моим верным.
Вдруг беда, некролог. — Погрустите недолго. —
Города остаются, алмазы и керны.
Счастье было со мной — стань геологом!
Я не сплю на земле. Ясным днём, тёмной ночью
Своё сердце тащу за собой тяжким волоком
Для тебя, человек. Я люблю тебя очень.
Если хочешь, как я, — стань геологом!

КОКМ ОФ 31700/109. Авторизованная машинопись. Без даты
Корякский коммунист, 16 мая 1970 г., № 59

Память

Дома сверкали в синей перспективе,
Их плоскости сходились в русла улиц.
Звенел июль. И с ним в одном порыве
Дома все к солнцу, как трава, тянулись.

Дом самый ближний мне напомнил детство.
О нём кричал мне каждый блочный камень.
Купель войны, и тьму народных бедствий,
И вой сирены всколыхнула память.
Прожектор вновь уходит в бездну неба.
И бьёт зенитка, словно бы по нервам.
О, эта чёрного буханка хлеба,
Ты снова пахнешь годом сорок первым!
Тогда я вверх смотрел в священной требе:
Полпайки в карточке — немного и немало.
Как башня, ввысь росла буханка хлеба,
А мать мне свой кусочек отдавала.
Был слишком мал я. Многого не ведал.
Мы голодали. Я ходил в заплатах.
Мать отдавала займу всю зарплату,
Как в бога, веря в близкую победу.
Мы не забыли, мать, твой хлеб и руки,
Ты победила голод и усталость.
Тебе на память сыновья и внуки
Возводят к солнцу городов кварталы.

КОКМ ОФ 31700/117. Рукопись. Без даты
Корякский коммунист, 13 февраля 1971 г., № 19

От редактора. Разновидность стихотворения «Память» под названием «Мать» была опубликована литературно-краеведческом сборнике «Камчатка» за 1982 г., вып. 6, с. 139:

Мать

Дома сверкали в синей перспективе.
Их плоскости сходились в русла улиц.
Звенел июль. И с ним в одном порыве
Дома все к солнцу, как трава, тянулись.
Дом самый ближний мне напомнил детство,
О нём кричал мне каждый блочный камень.
Разгул войны и дни народных бедствий
Ночной зарницей всколыхнула память.
Ты, небоскрёб, уходишь в бездну неба!
Твой аромат! Нет, мне не показалось!
Ты — это чёрного буханка хлеба,
Как в сорок первом — угольном и алом!

Тогда я вверх смотрел в священной требе:
Полпайки в карточке — немного и немало.
Как небоскрёб, была буханка хлеба!
А мать мне свой кусочек отдавала.
Был слишком мал я. Многого не ведал.
Мы голодали, ползал я в заплатах.
Мать отдавала займам всю зарплату,
Религиозно веруя в Победу...
Мы не забыли, мать, твой хлеб и руки.
Ты победила голод и усталость.
Тебе на память сыновья и внуки
Возводят к солнцу городов кварталы.

Добрые обычаи карагинцев

На Ыннытким — Рыбной косе — приволье: высокая трава, свежий воздух, голубая вода Карагинского залива... Я приехал сюда на длинном деревянном бату, который сделал Оптарат — мудрый старик, добрые дела которого помнят карагинцы. Его бат устойчивый, борта высокие, толстые, сделан бат с любовью, для людей сделан. Два Володи — внук Оптарата Володя Притчин и Володя Гуторов старательно гребут вёслами, похожими на деревянные лопаты для посадки круглых хлебов в печь. Гребём неторопливо, но бат мчится по спокойной водной глади. Через час будем на Ыннытким...

Я беседую с Эммануилом Ивановичем Котловым, а позже — с Марией Мефодьевной Никифоровой — уважаемыми людьми, им уже по возрасту и на пенсию можно идти, но работают: без работы не могут. Пора горячая — рыба идёт, трава для сенокоса поспела... Над пологом палатки тьма. Сидящая у железной печки женщина готовит традиционный крепкий корякский чай. Пей! И не две-три чашки, а два-три чайника! Рыбой закусывай — идёт кета!

«Только ещё надо в тундре, когда кипятишь чай на костре, палку чайника закреплять так, чтобы верхний конец был направлен на дом, на село, когда ненадолго уходишь из дома. А если путь далёкий, то надо направлять в ту сторону, куда идёшь. Возвращаешься домой — снова на дом», — рассказывает старик. — «Чем объяснить такой обычай?»

«Э-э-э! Так пастухи все делают, для других людей. Кто их догоняет или заблудится — всегда найдёт по костру. Это наш корякский компас! А знаешь, что женщине, которая родила недавно или

должна родить, нельзя разгружать нарту, нельзя пластать убитого зверя, нельзя делать трудную работу, даже если бы она и хотела... Видишь ли, — продолжает Эммануил Иванович, — наши предки за много веков выработали обычаи, поверья, привычки, которые им помогали в жизни. Вот и этот охраняет женщину.

Нельзя носить дырявую одежду, и не только потому, что некрасиво, а можешь заболеть. Например, если дырявый головной убор, то глаза будут плохо видеть». Добрый обычай — забота о здоровье.

«...Сердце птицы, зверя нельзя есть одному, надо с кем-либо поделиться. Также, убив зверя, делиться надо обязательно, особенно весной...» — взаимопомощь.

Мария Мефодьевна Никифорова и Иван Мефодьевич Уваров, сестра и брат, рассказывают о прошлом:

«Всё было — и свои радости небольшие, и горя много... Шаман Сэввэ в Старой Караге опытным был. Бывало, приедут богатые оленеводы, яранги свои поставят. Шкурами от нарты до яранги путь устилают. Шаман проходит между двумя кострами к ним. Лечит там. Никто не видит, как лечит — всех выгонял. Только слышат люди: в бубен барабанит весь день.

В школу, говорит, не ходите: ногти посинеют, пальцы гнуться не будут. Плохим охотником и рыбаком станешь, кухлянку и торбаса не сошьёшь...

И я сначала боялась, а потом пошла всё же в школу, — рассказывает Мария Мефодьевна. — Иннокентий Степанович Вдовин уговорил нас и родителей, учитель наш первый. Сейчас он большой учёный в Ленинграде».

...К песчаному берегу причаливает Иван Иванович — муж Марии Мефодьевны. Вытаскиваем лодку. Рыбы много поймал.

Девушки — три сестры — вместе с родителями быстро и умело разделывают рыбу. Головки отдельно — солить и варить, пластины (бока) — на вешала, брюшко — солить, хребет — на вешала — собакам корм будет, икру сдают в колхоз.

Работают девушки. Старшая, Галя, учится на пятом курсе Хабаровского медицинского института, Лариса — в профтехучилище в Палане, младшая Наташа — в восьмом классе.

— А ты, Галя, как будешь лечить, при помощи бубна? — шучу я.

Галя горячо протестует:

— Что вы! У нас, врачей, такие возможности, такие лекарства и инструменты, литература! — потом улыбается: — Шутите вы!

Красивые девушки, счастливые! И я вижу по глазам Ивана Ивановича и Марии Мефодьевны, что они любуются детьми. Потом

все вместе чистят пучки — энану — готовят для обеда. Зелёные побеги сочны и вкусны. Их можно есть так или с рыбой.

Иван Иванович и внук Коля готовятся к рыбалке — закидной невод, стометровый, капроновый, будут ставить со всеми обитателями Ынныткин. Рыбы вытащили три полных бата. Здоровенные серебристые кетины. Осоловевшие от воздуха, они вяло бьют хвостами... Удивительно спокойная рыба. Рыба делится на всех поровну — снова добрый старинный обычай.

Старинные юкольники — балаганы — стоят торжественно. Из обомшелых веков перешли они к нам в наследство. Рыбу вешают на вешала, установленные около юкольников.

Трещит жестяная вертушка, сделанная учеником четвёртого класса Колей, внуком Ивана Ивановича и Марии Мефодьевны, — отгоняет крикливых чаек.

От берега отчаливает быстроходный «Прогресс». Он идёт в Карагу.

Старики в село уехали, в кино собираются, — улыбаются мои собеседники.

Корякский коммунист, 7 сентября 1971 г., № 107.
В сокращённом виде под названием «Добрые обычаи коряков» опубликовано в газете «Камчатский комсомолец» за 8 ноября 1973 г., № 134

Кульх анхсэзэн

Приливная полоса как наклонный автотрек — идеально ровная поверхность, плотная, как бетонка. Рука шофёра из Усть-Хайрюзова в шрамах — следы войны — на баранке могучего ЗиЛа. Мы мчимся в Ковран — ительменское национальное село. Последние два-три километра — пешком.

С двух сторон трава. Луговая герань цветёт голубым, как небо. Тундра цветёт! Кульх анхсэзэн — по-ительменски.

Встречает меня аккуратное, чистенькое село с прямолинейной планировкой. Школа, клуб, больница, сельсовет, дом Льва Николаевича Жиркова. О нём и его дружной семье я слышал много хорошего... А сейчас надо познакомиться лично и уговорить идти со мной в тундру по делам палеонтологии...

За обеденным столом собрались Жирковы. Течёт степенная беседа. Две дочери — Люба и Валя. Люба уже окончила Петропавловское педучилище, в детском саду будет работать. Валя ещё учится. Обе девушки сначала окончили десять классов, а потом — в Петропавловск. Люба немного старше Вали, сдержанная, серьёзная. Ещё со школьной скамьи подружилась с Сергеем, одноклассником.

Ждал её парень, ждал и дождался. Сейчас они поженились и вот сидят рядом — Люба и Сергей, простой рабочий парень из Седанки. Ольга, самая старшая, также получила образование и специальность. Работает в детском саду. Самый старший, Яков Львович, окончил педагогический институт, учительствует сейчас в Новокузнецке.

— Он у нас играет на многих музыкальных инструментах, танцует, поёт, — показывает фотографию Светлана Жиркова, ещё одна дочь Льва Николаевича. — В Кремлёвском дворце выступал, на смотре. Он из Коврана, ительмен, а с ним танцевала Ирина Спиридоновна Попова — из Караги, корячка. Все москвичи и гости восхищались их танцем. Золотые медали получили. Очень много рассказывал нам о смотре, об уважении к артистам из Корякского национального округа...

Я внимательно слушаю, потому что сам видел их выступление по ленинградскому телевидению, Ирину Спиридоновну Попову хорошо знаю. Она работает учительницей в Караге, где я живу. Работает очень добросовестно, и человек она чуткий, отзывчивый. Приятно слушать хорошее о своих знакомых от людей на другом берегу огромной Камчатки.

Лев Николаевич диктует мне ительменские слова, рассказывает об обычаях, о поверьях. Я тороплюсь записать всё, о чём он говорит. Записи я отошлю в Ленинград, в Институт языкознания Академии наук СССР, в сектор палеоазиатских языков. Там это очень нужно...

А Лев Николаевич рекомендует записать ещё одного знатока.

— Моя племянница — Надежда Константиновна Дьяконова, работает в Академии наук. Ещё лучше знает ительменский язык. Кандидат наук она!

Валя и Люба выбегают на улицу, и вот уже втроём — с мамой, обняв её за плечи, входят в просторный дом. Елена Гавриловна всю жизнь проработала в колхозе, вырастила и воспитала столько детей. С ней говорить легко и просто. Безыскусно рассказывает она о детях, о жизни, о селе. И это настолько типично, правдиво — жизнь, прожитая труженицей, матерью, человеком, что просто потрясает:

— Старший, Яков, в войну и сам ещё маленький был, но помогал: девочкам чулочки и платьица штопал. Для меня первым помощником был после отца. Рыбачил, почти на одной рыбе жили — война! Выросли дети. Все уже и в люди вышли...

О старом, о прошлом... Помню бабушку свою — акушеркой была, лечила и роды принимала. По народным обычаям, как от века

велось. Дедушка девяносто один год жил — всё в табуне работал. И коллективизацию помню хорошо. С мужем золотую свадьбу скоро справлять будем. Он у меня на редкость работящий, спокойный, весёлый, не пьет. Пенсионер уже, а дома не удержишь — работает... И дети — все удачу на земле нашли, все выучились, никто не отстал, никто не остался.

Потом мы идём в гости к Клаве, сестре, как просто называют Клавдию Николаевну, учительницу, филолога Ковранской восьмилетней школы. Чаюем, беседуем. Тема общего разговора — Шекспир, принц Гамлет, Смоктуновский. Спорим о трактовке шекспировских образов. Высокий интеллектуальный уровень и одновременно знание древних ительменских обычаев — вот что замечательно, удивительно и обычно одновременно.

...У реки разводим костёр, чай на свежем воздухе, река шумит, а Клавдия Николаевна рассказывает:

— Совсем слепая была бабушка. Схватит меня, ещё маленькую девочку, за ворот, и я вожу её по тундре, по берегу реки. У бабушки палочка острая в руке, и она учит меня, как искать запасы лелькит — мышей. Проткнёт кочку и говорит: «Здесь!» Мы разрываем: целая кладовая клубней...

— Горячие пучки надо так готовить, холодные — так, — показывают Клава и Света. А кипрей раньше заготавливали на зиму в большом количестве, очищали его, вялили — других овощей не было. Готовили исключительно вкусное угощение: кипрей, икра, картофель.

— Похожее на корякскую толкушку?

— Да. Очень вкусное, или так казалось в детстве?

По улице промчался на велосипеде мальчик.

— Это Павлик, мой старший. Это он нашёл наконечник стрелы.

Позже я держу в руке наконечник, детально рассматриваю: базальтовый, чёрного цвета, тяжёлый, при ударе чуть звенит. Произведение искусства древних ительменов — лезвие и остриё — кромсает бумагу, как бритва. Плечики наконечника остры, так отделаны, что можно уколоться. Ретуши — тонкая обработка изумительна: ничего не добавишь, ничего не отнимешь. Искусство! Надо продолжить поиск стоянок древних людей, для чего я и приехал сюда.

Иду в Старый Ковран, вверх по реке. Новый быт, новое село. Но сколько знает и помнит старость! Как они мудры и спокойны, старые люди. Неторопливо идут с работы: они видели прошлое, столько пережили. В этом я им всегда завидовал. Самое главное, что всё хорошее передаётся как эстафета, живёт... Так думаю, идя

по тундровой тропе. Поёт болотная серая птица — одна, другая. Кулики-ягодники с длинными изогнутыми клювами. Тиу-тиу-тиуы... Я откликаюсь им, они притихли, прислушиваясь...

Прогноз на наличие древних ительменских стоянок подтвердился: три неолитические стоянки. Наношу их на карту. Благодарю учителя Василия Павловича Красноярова, который дал мне много полезных рекомендаций, где лучше всего вести поиск... Утром Лев Николаевич с семиклассником Саней уходят на покос. Хозяин прощается:

— Ну, инги команк хальч! — Ну, пока, мне пора идти!

Светлана идёт на работу, Валя остаётся дома, но и она скоро поедет в город продолжать учёбу. Я прощаюсь с Ковраном, встретившим меня добрым летним солнцем, щедрой прекрасной природой, замечательными людьми.

Сережа и Люба идут вместе — они летят в Тигиль, чтобы потом вернуться на новое место работы, в родное село...

Мне не раз приходилось слушать и даже самому говорить правильные, но всё же громкие слова о национальной политике, об изменениях, что произошли в советской тундре. И невольно подумалось, что если бы познакомить аудиторию с простой ительменской семьёй Жирковых, с их спорами о Манухе и Гамлете, показать цветущий ковранский луг, пожалуй, громкие слова перестали бы считаться громкими.

Корякский коммунист, 23 сентября 1971 г., № 114

Бат карагинца
(рассказ-быль)

Калекли радостно бросился навстречу, запрыгал вокруг, помахивая лохматым хвостом, завизжал, бешено промчался вокруг Тунню — своего хозяина. А тот не остановился и даже не посмотрел на старого друга — собаку...

Шаркая, Тунню плёлся к заспанной реке и шамкал про себя:

— И-и-и... Ночью не спал я, холодно стало... На юкольник забраться силы нет... Старый уже... Там в сене тепло...

Отзываясь, шуршала под ногами сухая галька, ремешки элеплэку — летних торбасов — волочились, и Калекли, заигрывая, неловко пытался схватить их своей беззубой пастью...

Старик потоптался на месте, оглянулся: там чернела старая дощатая дверь на покосившейся землянке, а рядом дремал юкольник с конусом полусгнившей травяной крыши. Под высокими

столбами юкольника, на вешале, по-свойски уселся старый ворон и жёлтым клювом выклёвывал глаза горбуше. Тунню очень давно, с детства знал этого ворона. Сейчас у него не хватало силы прогнать птицу. Ворон всё понимал и деловито продолжал клевать.

— Ка-а-а? Ты прилетел ко мне? — спросил Тунню, подслеповато прищурившись.

Огромное красное солнце неторопливо выкатилось из-за хребта, чуть заметно подскочило вверх, заколебалось, как поплавок, через минуту-другую стало ослепительно белым и, быстро поднимаясь, согрело своей теплотой продрогшее утро и старика.

Низовой ветерок коснулся чёрной середины реки, а у противоположного берега, поросшего кедрачом, заклубился седой туман. Он медленно сворачивался пухлой пеленой, обгоняя водную рябь.

Тунню подошёл к большому новому челну — бату, устало сел, отдышался, положил за щёку смесь табака и золы берёзового гриба, успокоился. Мысли его понеслись спокойно, как светлые струи Караги у песчаного берега.

Сначала старик мурлыкал что-то, не разжимая рта. Потом бормотание стало песней:

— Мэ-вэ-э-э! Новый бат... Я сделал сам новый бат, но-о-вый ба-а-т! Я много их сделал за свою жизнь!

...Приедет в гости старший сын — Иыюлг'ын — пасущий оленей ночью, приедет в гости младший — Коянталг'ын, пасущий днём... Но они пасут чужих оленей... Братья приедут, все приедут. Будут плавать на бату все — большой бат. Скажут: «Э-э, Тунню! Самый хороший твой бат». А я скажу: «Берите себе — это мой Последний Бат! Живите себе... На нём будете ловить горбушу-рыбу, кету, чавычу». — «Нет, отец, — скажет старший. — Этот бат не последний! Ты ещё долго будешь жить с нами...» — так пел Тунню, и слёзы катились по его морщинистым бурым щекам.

— У меня хорошие дети и хороший Лисы Васка (Рыжий Васька). Он тоже говорит, что не надо умирать, хорошо будет скоро. Оленей много будет — целое стадо, белый сладкий сахар, чай. Не будем больше голодать, и тогда будет самое большое хололо. Праздник. Будут петь песни про новый бат, про оленей... Про Большого человека рассказал Лисы Васка. Он поможет нам всё сделать... Когда дождь пойдёт — знает. Добрый шаман! Таких не было в тундре. И здесь о нём все знают, потому что слова о нём сами прилетели, как птички, что красиво поют... Васка сам его видел, — говорит, что дедушка он, энпэклавол, как я...

— Ай-ай-ай! — запричитал старик, — Васка голодный сидит, прячется... Партизан он... И мой младший партизаном стал... У них на шелестящих листках из белого дерева нарисованы тот мудрый человек и его советы. Они принесут праздник всем корякам. На празднике будут бить в бубен, из тундры приедут люди, с острова, со всей Камчатки. Вместе они сейчас там с тумгытумами — товарищами... Юколу отвезу, нерпичьего жиру им к самой Каспе-горе, — пел старик.

...На Каюме убили Туйкавава. Удачливый был охотник. Ай-ай-ай! Убили Туйкавава. Нельзя убивать человека, а японцы убили из винтовки как лахтака...

Старик пел и думал. Мысли у него в голове переплелись: об убитом Туйкававе, о японцах, о Рыжем Ваське-партизане, о детях и родных. Но над всем этим сияло что-то светлое...

Свежевыструганный бат с тремя берёзовыми распорками между бортов лежал — обтекаемый, хищный, как акула. Догонит и лосося, а не догонит — хитростью возьмёт.

Старик гладил изнутри его сухой ладонью. Гладил, как с трудом добытую в голодную зиму нерпу — с надеждой и радостью...

На реке всплеснула медленная рыба. Круги разошлись по воде и чуть слышно зашелестели, затухая, в песке пологого берега. Сейчас старик почувствовал, что стал сильным, и хотел пойти прогнать ворона...

Внезапно на том берегу звякнуло что-то металлическое, треснула сухая ветка, потом послышался невнятный говор. Старик встрепенулся, вгляделся. Там, в кедраче, по извилистой тропе у берега двигались, смутно маячили в тумане какие-то фигуры.

«То же японцы!» — узнал Тунню.

Тесаки у их поясов мерно стучали по котелкам. Офицер, шедший впереди, повернулся, отдал приказание. Все остановились. Их было девять человек, в защитной одежде и высоких ботинках. Офицер выкрикнул резким голосом команду, и солдаты разом повернулись к реке. После следующей команды солдаты закричали и замахали руками старику. Тунню понял, что они хотят, чтобы их перевезли на его берег. Он жестами показал, что не на чем перевезти: старый бат на берегу — слишком мал...

На той стороне раздался залп. Пули как большие жуки прожужжали над его головой. Старый ворон с юкольника высоко взмыл и упал где-то в зарослях кедрача.

«Чего они хотят здесь? Перевезти их? — думал Тунню. — На Каюме они сначала избили Туйкавава плоскими штыками, они

хотели узнать, где Васка. Они убили настоящего человека, но ничего не узнали... Но их, наверное, надо перевезти. Всё равно переедут сами... Долго будут искать партизан, не найдут».

Старик неторопливо направился к реке. Столкнул в воду старый бат, оттолкнулся шестом. Стремнина подхватила бат, понесла. Сквозь призму зелёной воды мелькали разноцветные пятна камней, изломанные стрелы быстрых рыб.

С перекошенным лицом офицер задиристо подскочил к нему. Он долго что-то быстро говорил, брызжа слюной. Солдаты ухватились за бат, наполовину вытащили его на берег.

— Партизаны, партизаны, — твердил одно слово японский офицер и тряс пистолетом перед лицом старика. Старик, словно не понимая, рассматривал солдат, их брезентовые ремни, широкие походные ранцы, странные нашивки и продолжал думать: «Ка-а! Ищут Ваську и сына, хотят убить. Хотят всю рыбу переловить длинными сетями...»

Офицер грубо толкнул его и указал на новый бат на том берегу, первым вошёл и сел. За ним сел ещё один солдат, и Тунню оттолкнулся от берега. Уже с середины реки он оглянулся: солдаты прыгали, хохотали.

Офицер и солдат сидели на корточках, цепко держась за борта. Солдат был совсем молодой, даже юный. Его смуглое лицо и чёрные волосы напомнили младшего сына. «Неужели он мог убить на Каюме? Обманули солдата, обманули...»

Бат ткнулся носом в песок, затих. Офицер поднялся на холмик, подошёл к новому бату, пнул его ногой, потом закричал на старика. Солдат подскочил к бату, подтолкнул старика, и они вдвоём с трудом протащили бат по сыпучему песку к реке.

«Они перевезут на этот берег всех солдат на моём счастливом, самом лучшем бату, а Каспа-гора останется на другом. Но как будут плавать на осквернённом бату карагинцы? Если они спросят, что я скажу?»

Старый Тунню зашёл по колено в воду, подогнал баты вплотную друг к другу и связал их. Офицер удивлённо качал головой, глядя на непромокаемые элеплэку — нерпичьи торбаса...

Усаживая солдат на дно нового бата, Тунню деловито по-другому перевязал баты, пропустив верёвку от кормы нового к носу старого челна. Потом выбил у нового бата две поперечные распорки, оставив одну посередине. Она и сдерживала всю упругую мощь гигантского расщепленного ствола.

Офицер сидел на носу нового бата и умело правил веслом, солдаты молчаливо вцепились в борта. На стремнине их завертело,

понесло, обрызгало холодной водой. Тунню, молодо выхватывая из воды шест, правил, и когда старый бат чуть поравнялся с новым, где сидело семь солдат и офицер, он поднял шест. Почуяв неладное, враги оцепенели. Судорожно шарила рука офицера по кобуре и никак не могла найти застёжку...

Сильным ударом шеста Тунню вышиб перекладину, борта глухо хлопнули, сжались, не выпуская свою добычу. И над безмолвной рекой разнёсся протяжный крик. Солдаты заметались, пытаясь освободиться, офицер отдал какую-то команду, но в это мгновение новый бат перевернулся и крик потух в прозрачной быстрой воде. Молодой солдат, сидевший на втором бату со стариком, неумело привстал, бросился за борт, опрокинул бат, и старик, ещё ничего не понимая, очутился в холодной воде и почувствовал, что тонет. Хватаясь за воду, захлёбываясь, за какие-то мгновения он пережил всю свою жизнь: освещённое далёким солнцем детство — голодное, безрадостное; молодость, проданную жадному оленеводу, прожитую в чужом табуне на побегушках; мгновенное счастье — прекрасную девушку Эллюл, которую он любил и которую увёз к себе в стойбище богатый оленевод, сделав своей третьей женой; потом старость, длинная, как тропа в тундре. Братья, сыновья, Васка, Последний Бат — такой справедливый, добрый, как хороший человек... Г'ой! Сердце его разрывалось от мысли, что никто не знает из них, что он тонет...

Что-то легко ударило его по плечу, он схватился рукой — длинный берёзовый шест. К противоположному тонкому концу шеста конвульсивно тянулась рука молодого солдата. Тунню протянул тому шест, но солдат резко вырвал его из рук старика и от толчка оказался у самой стремнины. Она подхватила солдата, погрузила в глубины и шест, торчащий вертикально и описывающий над водой замысловатые кривые. Солдат ещё раз показался, отчаянно барахтаясь, и пропал.

Тунню всплыл и увидел по наклонной, вниз уходящей реке — перевёрнутые баты, как спины больших лахтаков.

— Баты поймают на Ыннытким — Косе кончика носа. Партизаны, Лисы Васка и Младший останутся жить на земле... — успокоился он. — Тонуть можно, старики так учили...

Но руки сами гребли, и лёгкая одежда ещё поддерживала Тунню на поверхности...

Метался, выл на берегу старый верный Калекли.

«Эх, Калекли не покормил, помешали», — с горечью подумал старик...

Пересилив страх, бросился с крутого берега и бесшумно вошёл в воду Калекли. Торопливо поплыл, виновато скуля и помахивая пушистым хвостом, к тонущему старику...

Дальний Восток, 1972, № 3, с. 70—73.
Камчатка, 1982, вып. 6, с. 168—171

Путина

В морях камчатских промысел идёт.
Прессует борт тяжёлый океан,
Вздымает к солнцу искристый замёт
Не вал девятый, а квартальный план.
Среди морских барханов все равны.
И рыбаки, простые кореша,
По палубам поднятий и равнин
Несут путину на своих плечах.
А палубы от сельди и трески
Сияют тусклой сталью и свинцом.
Срывает шквал солёные пески,
Сечёт стеклом дублёное лицо.
И лопаются крепкие слова,
Их в рундуках не шибко берегут.
Авральный гвалт — кружится голова,
Как после встречи там, на берегу...
Чуть перекур под всплески за кормой —
Рыбак выходит, как рыбацкий бог!
Аккордов гроздья бросила гармонь —
И палубы трясутся от сапог!

КОКМ ОФ 31700/112. Рукопись. Без даты
Корякский коммунист, 15 июня 1974 г., № 72

Приглашение к празднику
(по мотивам корякских праздничных песен)

Кухлянка моя в шесть лун,
Цветами подол расшит.
Ко мне всё село спешит —
Я всех приглашаю к столу.
И если грустишь один,
И если тебе тяжело —
Ты к нам, тумгытум, приходи:

Поможет тебе хололо.
Я знаю немало примет,
О, как они хороши!
Нам бубны объявят рассвет,
Приходи, веселись от души!
Тебя встретят запахи трав —
Ты тёмен собою иль рус —
И северный шелест дубрав,
И ягоды нежный вкус...
Кухлянка моя в шесть лун,
Цветами подол расшит.
Я всех приглашаю к столу —
Ко мне всё село спешит.

Полярная звезда, 1 января 1976 г., № 1

Корякские напевы

Выкатился бубен из-за синих гор,
Осторожно палец приложил к губам,
Робким оленёнком прыгнул по лугам
И помчался ветром в тундровый простор.
И стучат копытца быстро, бубну в лад,
Эх, табун так мчится! — нет преград!
Песня, словно птица, — солнечный полёт.
Это наш Коянто о тебе поёт!
О тебе, корякский край любимый мой,
Ты родился в тундре снежною зимой.
И мороз, и солнце, а вокруг — бело.
Зимний праздник! Видишь —
Счастье к нам пришло!

Корякский коммунист, 17 января 1976 г., № 8

Хололо

Тылктылом заставлен весь стол,
Дом дрожит, прогибается пол.
В ритме танца кричат: о-ча-ча!
Танец рубят сплеча, сгоряча!
Пусть пурга, но танцует село —
В Караге началось хололо.

Рвут ремни и тэлытэл ревёт,
Общий танец, как чаек полёт!
А мужчины вразрез — будь здоров!
Пляшут танец отважных орлов.
О, бесстрашье! Мужская краса!
Улетают орлы в небеса,
Там их клёкот звучит до зари
И полярным сияньем горит.
Но, как солнцем, ленатом увенчаны
Танец свой исполняют женщины.
Пляшут танец задумчиво, ласково,
Наплывают забытою сказкою...
Танец нерпы совсем не простой,
Как сверкает их мех золотой!
То в бубенчики тихо звеня,
Манят руки их в танец меня:
— Чтобы в жизни, в любви повезло,
Веселее входи в хололо!
Тихо входят с улыбкою бабушки,
С умилением играют в ладушки:
Кунны, Малля, Оксиста, Эюнэут,
И мужчины: Апу, Иляк, Нутелхут.
И не жмутся мужчины в стороны,
Пляшут танец лукавого ворона.
Ворон прыгает с криками дерзкими
То по сопкам, то перелесками...
И плывут в плавном танце женщины
Счастьем, словно ленатом, увенчаны.

Корякский коммунист, 24 января 1979 г., № 11
Камчатский комсомолец, 20 февраля 1982 г., № 22—23
Корякский коммунист, 8 марта 1984 г., № 30

Песня

Я в расшитой кухлянке
Лишь плечом поведу
И тебя спозаранку
За собой уведу.
Этот путь будет длинным.
С нами, песня, иди!
Сквозь серебряный иней

И лесные дожди.
На тропиночке дикой
Я обиду прощу —
Алой, спелой брусникой
Я тебя угощу.

Корякский коммунист, 6 декабря 1980 г., № 147

Песня
(более поздняя авторская разновидность)

Я в расшитой кухлянке
Лишь плечом поведу
И тебя спозаранку
За собой уведу.
Этот путь будет длинным,
Его с песней пройди
Сквозь серебряный иней,
Сквозь косые дожди.
На тропиночке дикой
Я тебе всё прощу,
Алой, спелой брусникой
Я тебя угощу.
Почаюем на круче,
Там, где воды бегут.
Нас с тобою разлучит
Дальний твой институт.
Погрусти хоть немного
У безвестной реки,
Возле древней дороги,
Где живут старики.
Что грущу — я не скрою.
Снегом свет замело.
Возвращайся в родное,
Дорогое село.

Новая жизнь, 7 ноября 1982 г., № 89—90

Мелодия северного рассвета

Поздно ночью меня разбудили приглушённые голоса. Говорили мужчины. По голосу я узнал хозяина дома. Другой собеседник, говоривший быстро, энергично, мне был незнаком. И говорил он не

по-пахачински, а мягче. Большинство слов я не понимал, но догадался, что это какой-то палеоазиатский говор. Потом гость запел удивительно красивую песню, аккомпанируя на каком-то музыкальном инструменте. Мелодию песни дополняло и обогащало мягкое звучание струн.

Они снова заговорили о чём-то. Я с трудом открыл глаза: сказывался сорокакилометровый туристский «бросок» из Усть-Пахачей в старые Средние Пахачи. Снежная целина, тридцатикилограммовый рюкзак. И вот сейчас, ещё не успев по-настоящему опомниться, такая удача!

...При мягком свете допотопного каменного жирника открылся живописный интерьер полуземлянки, быть может, последней такого типа — пахачинских поречан — береговых коряков: печка из железной бочки, наполовину вкопанной в землю, низенький кухонный столик, две кровати наподобие дощатых полатей. У потолка висит керосиновая лампа, но она почему-то сейчас не горела.

Гость сидел у столика и смотрел в мою сторону. Лицо его поразило меня своим сходством с индейским типом: высокий лоб, нос с горбинкой, узкая полоска чёрных усов, голова стриженая. «Житель Северной Камчатки или Южной Чукотки», — решил я про себя. Присматриваюсь к гостю и отмечаю, что голова даже не пострижена, а тщательно выбрита. Но на макушке островком торчал пучок волос. Лоб чуть выше бровей пересекала алая полоска кумача, завязанная на затылке небольшим бантом.

С чайником подошла хозяйка.

— Садись, ксаю (чаюй)! — пригласила она меня. — Давно не спишь? Вот, к нам гость приехал!

Я встал с постели — зимней оленьей шкуры, пушистой и тёплой, сложил шерстяное одеяло. Присел к столику.

— Жирник зажгли, чтобы тебя не разбудить, — повернулся ко мне хозяин.

— Чутко спите, — вежливо сказал гость.

...Мне хотелось рассказать ему, как шёл по слепящей тундре, как над головой вились тучи белоснежных куропаток, как на пористом снегу, точно посередине, сломались лыжи... Но он видел в тысячу раз больше, подумал я, и поэтому спросил:

— Издалека едете?

— Из Гижиги, — ответил он. — Из гостей еду!

— А куда?

— Домой в Анадырь.

— На собаках? Так это ж тысяча километров!

— Меньше. А вы интересуетесь сказками и песнями?

— Собираю, записываю. Но вот инструмент, на котором вы играли, слышу впервые.

— Играю, — кивнул он с достоинством. — Вот в этой сумке-калаусе находится наш эйгенг.

Он развязал мешок из тонкой оленьей кожи, и я впервые увидел старинный музыкальный инструмент, характерный для камчатско-чукотского региона.

Вырезанный из цельного куска древесины, он казался отполированным, как будто покрытым лаком.

Эйгенг больше всего похож на мандолину: корпус овальный, выпуклый, гриф средней длины, звук извлекают медиатором. Однако струн — только две, колки — конические, как у скрипки, корпус массивный, струны жильные. Также жильной ниткой «пришита» дека к корпусу.

— На праздниках играли только по настроению. Инструмент был не у всех. Мой дед ещё играл, а отец — уже плохо. Я от деда научился, — рассказывает гость.

К его словам прислушиваются хозяева:

— В детстве в оленеводческих табунах и в нашей семье был такой инструмент. Кочевать с ним весело. Он разный был: с одной, двумя, тремя струнами. Мы его называли эйгенг, эйнгенген, айгена.

— Как перевести? Рассвет?

— Ну, можно «рассвет». Примерно так.

— Эйгенг — «рассвет». А музыка эйгенга?

— Назови «музыка северного рассвета»!

Камчатский комсомолец, 7 мая 1981 г., № 55

Вселенной диалект

На берегу Вселенной, на Земле,
На берегу ручья сижу на камне.
Ручей бежит, кричит издалека мне,
То, как дитя, лепечет в тишине...
Там мир живой, где только есть вода...
А вот язык ручья мне непонятен.
Но это невеликая беда:
Для разнотравья нет здесь белых пятен.
Цветы и травы слышат, знают всё —
И новости, и всё, что есть и будет,
Что их недооценивают люди,

Осознавая существо своё.
Язык ручья — Вселенной диалект.
И что поделать? — перевода нету...
Баюкает, качает бездну лет
Вселенная, как доченьку, планету.

Алеутская звезда, 29 февраля 1984 г., № 18

Вспоминая о лете

Кивает седая кедровая ветка,
Тоскует лесная забытая ласка.
Сквозь тюль накомарника — тёмную сетку
Мерцает, как рыбка, корякская сказка.
На кочке зелёной притихла деревня.
Кукушкина льна приютились избушки,
И каждая — юкольник ветхий и древний,
Дрожащий от странного смеха кукушки.
По склону промчались берёзки-сестрички,
Маслята открыли грибную охоту.
В чащобе лесной наклонился — лисички
Хотели сказать мне заветное что-то.

Корякский коммунист, 1 марта 1984 г., № 27

В тундре
(посвящено Ивану Никифоровичу Чечулину, работавшему в красной яранге совхоза «Карагинский»)

Охмелев от первого снега,
По рыбёшке схватив для заначки,
Дико нарту рванувши с разбега,
В царство снега уходят собачки.
След звериный — какая дорога!
Замелькали лохматые лапы.
До пурги осталось немного —
В табуны бы успеть у Анапки!
Ах, каюр, молодой и смелый,
Песню спой о своей любимой!
Правишь нартой легко и умело —
Тундра мчится и ветер — мимо.
Лучше песни во век не услышать,
Только суток для песни мало.

Эта песня взлетает выше
Пахачинского перевала.
Каюрить — не простая работа,
Пастухи, углубившись в газеты,
Молча знают и помнят об этом...
Дремлют где-то в пургу вертолёты.

Путь Ильича, 17 марта 1984 г., № 33

Ватник

Подъём — и машина скользит назад!
Лопачу кюветный песок.
— Скользит! — И бросаю ватник под скат:
— Ты нас выручай, дружок!
Я ватник сберёг. Он дорог мне, мил:
Висит, промаслен и тяжёл.
Нам ватник этот жизнь сохранил,
Я с ним километры прошёл.
На нём сохранился грунта зацеп
От мазовских грубых шин.
По гололёду сквозь горы и степь
Провёл он десятки машин.
Я в нём по товарным картошку грузил,
Бежал на завод, в институт.
Мне не было стыдно: работал и жил...
С ним в первый пошёл маршрут...
Я ватник в каптёрку, конечно, не сдал —
Нечестно сбывать его с рук.
Тяжёлое счастье я с ним искал...
— До встречи, мой старый друг!

КОКМ ОФ 31700/115. Рукопись. Без даты
Новая жизнь, 1 мая 1984 г., № 35—36

На тихоокеанском берегу
(посвящено Марии Мефодьевне Уваровой, няне Карагинской школы-интерната)

Ты скажешь карагинское: мэвэ!
А это краткий и простой привет,
Как дом твой, где тепло и хорошо.
— Катвала, — скажешь. Супом угостишь.

— Ксааткин? — Значит: будешь чаевать?
— Конечно, ка!
Ошибки все простишь,
Как некогда прощала моя мать.
«Тэв'эл бери! — солёной или нет?
Всё в тундре бродишь? Не жалеешь ног?
Макай сюда, здесь свежий мэткамэт...
Пора остепениться бы, сынок.
Вот плэку на! Сейчас переодень.
Будь осторожен — очень острый нож.
До Тымлата ты ехал целый день?
Ну, завтра отоспишься, отдохнёшь...»
...На улице снега идут, идут.
Зовут меня на север, в Карагу,
Где добрые друзья мои живут
На тихоокеанском берегу.

Путь Ильича, 1 мая 1984 г., № 53

Урок в Караге

В классе тихо. За окнами ветер
И позёмкою бродит зима.
А из книжки им солнышко светит
И резные стоят терема.
Класс весь там. За моей указкой
По чудесной идёт стране...
Мой рассказ для них — быль и сказка,
И во всём они верят мне.
И какая страна большая!
Они с радостью узнают —
Начинается с нашего края
Наш огромный Советский Союз!

Камчатская правда, 24 февраля 1985 г., № 47

Корабль коряков в Охотском море

...Корякский корабль идёт под парусом у северных берегов Охотского моря. На носу пожилые, опытные мореходы. Они одеты в меховую одежду, поверх которой — камлеи из тонкой непромокаемой кожи, на ногах элеилэплэку — торбаса для весны, пропитанные жиром и не пропускающие воду. В руках мореходов — длинные

шесты, они отводят толстые, округлые льдины в стороны, освобождая фарватер.

Упорный весенний ветер надул парус, и он, как туго натянутый бубен, тихо гудит от малейшего удара шеста, от резких движений гребцов. Гребцы сидят лицом к корме, по два человека на лавке, пришитой ремнями к планширу, и гребут медленно, но сильно. Они исполняют ритмичную «песню моря». Старшие по возрасту поют её уже тридцать — сорок лет и так привыкли к ней, что даже дома, в зимнем меховом пологе, когда им снится океанский шторм, они поют тоже.

Эта песня не простая. Исполнение называется «энэнкук», оно священное, оно «уговаривает» живое «анкан» — море быть добрым, не топить людей во время шторма, не отправлять их на дно к хозяйке моря — Большой моржихе, потому что здесь, на земле, от голода погибнут их дети малые...

Главный в байдаре — её владелец, человек уважаемый, уравновешенный, как само море: скажет жёстко, где надо, и смехом уравновесит. И не обижаются на него коряки, добрый потому что.

А гребцы все родственники главного. По его жене — её братья, племянники, дядья... Гребцы-родственники, оказывается, по семейным законам матриархата! Но хозяину это на руку: дешёвая рабочая сила (двенадцать гребцов!), лучшие части добытых лахтаков, сивучей, нерп, а самое главное, белых китов — белух. И другая добыча тоже достанется ему.

Байдара мчится вперёд по курсу. Скрипит средняя массивная скамейка, пришитая толстыми лахтажьими ремнями. В нижней опорной доске — выдолбленное углубление, куда через сиденье вставлен нижний конец мачты. И мачта «гнётся и скрипит»...

Пассажиры корабля сидят тихо. Женщины заняты своими делами: переговариваясь, чтобы не услышал «дух воды», плетут сумки из соломы, крапивной или кипрейной дели. Здесь и дети, они тихо играют, смотрят чёрными глазами на высокие волны, увенчанные ледяной белоснежной кромкой. Они сидят на мешках-калаусах с семейным скарбом.

Байдара сегодня — «транзитный корабль». Он перевозит сельский люд в желанное летнее стойбище, с его юкольниками, с соломенными крышами, длинными челнами-батами, вешалами для вяления лосося. С солнцем, собирательством ягоды, кипрея. С детской радостной свободой от работы в надоевшем зимнем жилище...

Байдара — огромна. На ней разместилось более семидесяти человек, но могли бы сесть и сто. Шпангоут её из каменной берёзы

набран плотно, связан крепкими ремнями из лахтажьей и нерпичьей шкуры. Швы двойные, промазанные «пастой» из толчёной печени, пепла, нерпичьего жира, туго сложенные трижды и прошитые жильной нитью. Покрышка байдары, которую хранят на высоком помосте от прожорливых и голодных осенью, зимой и весной собак, весит сто — сто пятьдесят килограммов. Днище слегка уплощённое, армировано сложным штевнем с форштевнем и ахтерштевнем. Носовая часть округлая, широкая, кормовая заужена, но более глубокая. Здесь сидят два рулевых с широкими вёслами.

Море высоко вздымается, словно дышит. Тысячи высоких волн закрывают горизонт. Старшина байдары, корякский капитан, определяется по солнцу и ведёт свой «корабль» уверенно.

— Юн'ый, кит по курсу! — кричит вперёдсмотрящий.

Аврал. Лучшие гребцы садятся назад, меткий гарпунёр выходит на нос и уже разматывает конец ремня, прикрепляет его к древку гарпуна.

Лучшие кормчие, а их должно быть двое, садятся на корме, берут в руки широкие поворотные рулевые вёсла.

Гарпунёр показывает направление гребцам, где находится добыча. Ничего не подозревающий кит жирует. Его глаза — у самого уровня воды, он попеременно смотрит то в глубь морскую, то на человека. Корабль мчится вперёд! Вот он подходит против ветра к киту. Тяжёлый гарпун поражает морского гиганта весом в несколько десятков тонн, длиной до сорока метров!

Кит мечется, взбешённый наглостью маленьких существ. Но яд на конце гарпуна парализует его. Морские охотники приближаются к животному с левой стороны, и несколько копий с широкими, как ладонь, базальтовыми наконечниками дополнительно обрушиваются на зверя. Кит прицеплен: его привязывают к корме. И байдара «на всех парусах» мчит к берегу.

Волны — четыре балла. Белые пенные барашки подгоняют старинное судно. Но путь ещё далёк.

«Выбрасываемся на берег! — отдаёт приказ капитан. — Здесь летник гымнын тумгытума (моего друга). Кита оставим, мясо раздадим».

...Вечер. Горят костры. Объевшиеся собаки Млевкамака — друга членов экипажа — спят. Кита разделили на столько частей, сколько представителей семейств, считая охотников и пассажиров, находится в селении. У костра начались танцы женщин, девушек и юношей, посвящённые празднику духа кита.

Огромная байдара перевёрнута вверх дном — один борт её на земле, второй, приподнятый вёслами, — над землёй. Под «кораблём» на мягких моховых настилах спят моряки, пассажиры, которым завтра и ещё несколько дней продолжать свой опасный путь.

Они везут китовое мясо, новые — до сих пор неведомые — железные и медные ножи, посуду, удивительный для аборигенов продукт — сахар, соль, уже полюбившиеся корякам ткани. Они везут весть о присоединении Камчатки к России...

Это произошло благодаря походу русского казачьего атамана Владимира Атласова и установлению памятного креста 13 июля 1697 г. на притоке реки Камчатки — реке Канучь...

— А как спускали байдару на воду? — спрашиваю у студентов Камчатского педагогического училища. — Вы видели?

— Видели, — отвечают смуглые девушка и юноша. — Во время весеннего спуска байдары ещё наши отцы устраивали праздник. Танцевали, пели, играли на музыкальных инструментах.

— На каких? Разве у северян Камчатки были инструменты?

— На бубнах, на колокольчиках — коннкопилях, на дудках. Это для того, чтобы море было спокойное, чтобы плаванье было успешное и охота удачная.

— Мои бабушка и дедушка то же самое говорили, — добавила студентка-корячка. — Они были моряками и морскими охотниками. И сами байдары делали...

Моряк Камчатки, 19 ноября 1987 г., № 47

Выстрел в жизнь
(Якутия, река Ыллымах)

Медведя сразил дилетант,
От радости танец плясал,
И в танце сверкнул талант.
Но лес угрюмо молчал.
Когда брюшину он вскрыл
Ножом, дрожащей рукой,
Весёлый, от счастья хмельной,
Взлетел ослепительный крик:
— Медведицу жизни лишил!..
Под сердцем (ещё жива!)
Он тихий мирок сгубил —
Парочку медвежат.

Открыв зубастую пасть,
Цепляясь когтями за жизнь,
Совсем не ради себя
Боялась она пропасть...
И ей показалось — всё сон:
В лесу, в этой тёплой глуши,
Под солнцем бегут малыши...
Не сон это — жалобный стон.
И жизнь запрокинулась в тень,
И в лоне холодном её
Кончался Вселенной день
Детей, не рождённых ещё...
Мы только возникли из тьмы,
Осмыслив невиданный дар.
Но нет! Не допустим мы,
В земной чтоб стреляли шар!

КОКМ ОФ 31700/116. Рукопись. Без даты
Долина, 10 августа 1991 г., № 96

Отец

Два блюминга в стране, а над страной война...
Квадратных солнц листы восходят на рольгангах.
Раскатанная сталь — спасённая страна,
Километровый стан жуёт броню для танков.

И не была броня непрочна и тонка!
Квадратных алых солнц не заходили сутки.
Отец не отходил три года от станка,
У блюминга и спал, встревоженно и чутко.

Отец для сына мог на миллиметров пять
Броню усилить. Мог! Для своего, родного!
Но смог бы потом жить, спокойно спать,
Полтонны стали сняв с машины у другого?

Сын в танковой броне шёл с нетерпеньем в бой,
Уверенный во всём курсант — водитель танка!
Хотел в семнадцать лет мир защитить собой,
И вот сгорел в огне, сгорел, как сердце Данко.

Тот лобовой удар... Осевший танк в кустах.
В горящей башне задохнулся выстрел...
Осталось навсегда у парня на устах:
«Броня крепка, и танки наши быстры»...

Он путь им освещал, а танки дальше шли.
Хребет войны сломав медвежьей мощной силой...
Россия! Это мы с тобою мир спасли,
Его от пули мы собою заслонили...

Отец не спит всю ночь. Не спит он тридцать лет.
— Сынок, ты жив! С тобой уходит юность в поиск!
— Ты прав, как гражданин, как человек, — в ответ
Отца сурово утешает совесть.

КОКМ ОФ 31700/102. Рукопись. Без даты

Я нарисую твой портрет,
Живою сотканный природой,
Прекрасной краской. Я — поэт,
Не принятый крикливой модой.
Глазами будут две звезды,
Губами — красные цветы,
Румянцем — утренний рассвет,
Душою — самый тёплый свет.
Пусть сердце будет ярким днём,
Сплетённым солнечным лучом.
Пусть будут телом небеса...
Никто не верит в чудеса.
А я рисую твой портрет
На полотне минувших лет.
И хоть портрет с тобой похожий,
Но ты, живая, мне дороже.
Как заглянуть в твои глаза?
Ведь звёздам я совсем не виден!
Губами я коснусь цветка,
Но вкус пыльцы в душе обиден!
И в сердце день не разбудить
Своей строфой многоголосой,
Руками небо не обвить...
Душа в смятеньи над вопросом.

И я открытьем удивлён:
Ты — словно мир, в тебе таится:
Цветы, лучи, рассвет и сон...
Ну как в тебя мне не влюбиться!

КОКМ ОФ 31700/108. Рукопись. Без даты

Любовь моя! Терзаюсь и горю
От ревности, от зависти, от счастья!
Пою стихи, тебя боготворю
У горных рек, текущих в ярой страсти.
То остаёшься на Большой земле,
Где вертят свет рекламные колёса.
Ты мчишь на нарте, то на корабле
Или бежишь с песчаного откоса.
Ты — современница. Подведены глаза,
Спешишь на танцы и по магазинам.
Всё ерунда. Но главное сказал,
Что никогда к тебе я не остыну.
Среди подруг ты в шумных городах,
То улыбаешься в Палане, то в Паланге,
Глядишь с улыбкой ясной на устах
И фотографией сияешь мне в палатке.
Свободней ты — закован я сильней
В веригах страсти и в цепях сомнений,
Никто не скажет, кто из нас нежней,
Но ты меня, конечно, современней.
Ревную к свету, к миру... Посему
Я — темнота, невежество и древность!
Люблю всегда и вопреки всему
И тень любви своей я славлю — ревность!
Терзаюсь: пишешь только мне
Или другой сегодня провожает?
Но в сердце — самой солнечной стране —
Как и была, ты для меня — святая.
Я отобью тебя у тысячи парней,
Я защищу тебя стеной надёжной.
Жить за стеной не хочешь. Ты сильней!
Ты — полевой цветок, простой и сложный.
И жадны губы! И как сон нежна!
Глаза чисты, лицо — земной богини.

Люблю! По-современному — нужна
Под небом пасмурным, багровым или синим.
Мне светишь солнцем у ночных костров,
Где темнота пугающа, как кобра...
Трагична ты, светла моя любовь!
Незавершённый, движущийся образ...

КОКМ ОФ 31700/110. Рукопись. Без даты

За пеленой дождей, за занавесью штор,
Зелёным детским сном остался южный бриз...
Сечёт лицо огнём, солёной гроздью брызг
По океану рыскающий шторм.
К фок-мачте мы спиной не жались в меру сил.
Стреляют на ветру тугие кливера.
Весь океан — вокруг. Он всё исколесил:
Пробоину в борту схватили мы вчера.
Надежды и мечты — не где-то, не в руках.
На суднышке-клочке, как в колыбели, вновь —
Учусь ходить, стоять на совесть, а не страх,
Чтоб снова в жизнь войти, где верно ждёт любовь.
В бреду смеялись мы! А океан кипел!
И шторм лизал борта, бесился в круговерти.
Но пели паруса. И юный юнга пел
У самых облаков над палубой и смертью.
Он первый! Он сидел на клотике верхом,
Качаясь до волны на мачте корабля.
На третий день вскричал, прорезав грохот волн:
На горизонте жизнь! И солнце! И земля!

КОКМ ОФ 31700/118. Рукопись. Без даты

Катюша

Было лето. Июль. Голод в городе жарком.
Одинокий трамвай грохотал вдалеке.
Цвёл картофель на клумбе в Михайловском парке.
На свиданье спешил я с цветами в руке.
Ей цветы приносил с грядки той каждый вечер.
Как счастливо тогда улыбалась она!
Целовал её руки и острые плечи,
И не верилось нам, что блокада, война.

И не мог на неё наглядеться часами.
Провожал на работу в осеннюю ночь.
У неё синева разлилась под глазами,
Я метался, не знал, как спасти, чем помочь.
С фронта нежно писал о любви и о мире.
Мне на письма ответил военный завод,
Что она умерла в затемнённой квартире,
Вмёрзшей окнами в грубый арктический лёд.
Но под огненным сводом, гремящим, ударным,
Мы с тобою входили во все города...
Не жалейте цветов своим девушкам, парни,
И любите их так, как никто никогда.

КОКМ ОФ 31700/121. Рукопись. Без даты

Поцелуй ты меня на рассвете,
Милый, заспанный твой поцелуй
Мне дороже всего на свете.
Ухожу я опять. Поцелуй!
Мне б остаться с тобой, не прощаться,
Не бродить по ручьям, по горам,
Но в гранитах сурового счастья
Для страны я ищу свой грамм...
Над страной вспыхнет утренний сполох,
И поманит скалистый хребет.
Ведь стране очень нужен геолог,
Я же счастлив, что нужен тебе.
Будут руды — чтоб сталь клокотала,
Россыпь золота, угля пласты.
Но дороже любого металла
Лишь одна мне, любимая, ты...
Спи спокойно, страна... Вот светает...
Карабин у меня за спиной.
Знай, что где-то по тундре шагает
Человек, а не книжный герой.

КОКМ ОФ 31700/122. Рукопись. Без даты

Содержание

От редактора 3
Жизнеописательное 4

Из архива исследователя

Корякские народные праздники 23
О происхождении некоторых фамилий ительменов и коряков 70
Развитие духовной культуры (праздники, танцы, песни, музыка, игры) коренных народностей Камчатки в условиях развитого социализма 73
Маски 79
Танцы народностей Камчатки 82
Традиционная кухня карагинских коряков 88
Некоторые факты взаимосвязи фольклора карагинских и олюторских коряков с археологией и этнографией 95
Национальные традиции в современном гражданском и сценическом костюме коряков 99
Древнечукотская культура 105
Коряки 110
Эвены Камчатки 112
Эскимосы 115
Керекская культура 117
Ительмены (XVIII в.) 119
Чукчи. Древние обычаи и обряды 121
Корякские народные музыкальные инструменты 123
Вулканизм и коренные жители Камчатки 136
Разработка сценария праздника 138

Отчёты по командировкам

Командировка в Карагинский район 146
Открытие памятника Владимиру Атласову 151
Командировка в Елизовский район 153
Этнографическая командировка в село Манилы 156
Командировка на Командоры 158

Опубликованные работы разных лет

Праздник карагинских коряков хололо 170
Экспедиции в древность 177
Хо-ло-ло! 184
Откуда пришли предки коряков? 188
Праздник кита 190
Советские и интернациональные праздники в корякском селе 192

Кухлянка 203
Корякские народные праздники 206
Камчатка под слоями времён 220
Пришедшее из древности 222
Бубен, свирель, тэлытэл... 223
Кто изобрёл бубен? 225
Слушайте песню бубна 228
Первая скульптура алеута 230
Улляу — деревянное лицо 234
Наша история 235
Пушки и ядра 236
Древняя керамика 240
Музыка ительменов 241
Музыкальные инструменты ительменов 242
На чём плавали древние камчадалы 243
Эвенские подвески, бубен 256
Посвящение в мужчины 257
Камчатские этюды 258
Ительменская музыка 265
Перстень казачьего атамана? 266
Ительменский боевой топор 267
Эвенский бубен 268
«Святой апостол Пётр» — пакетбот и гукер 269
Двойной лук 272
Сущность обрядов северян 273
Реликвии острова Беринга 279
Посвящается Витусу Берингу 281
Кухлянка, которой тысяча лет 283
Охотники, рыбаки, собиратели 283
«Мост» через море 284
Американский учёный на Медном 285
Остатки древней культуры 287
Тэлытэл — пропеллер, которому тысяча лет 288
Аттэваат 289
Остров черемши 291
Тигильские коряки: обрядность вчера и сегодня 292
Этническая карта района в XVII в. 294
Триста лет назад 295
Корякская культура 296
Глиняная посуда Камчатки 298
Вооружение корякского воина 299
Как скручивали глину 300
По следам экспедиции Витуса Беринга 301
Что имеем — не храним... 302
Памятники корякской культуры 305

Корякские сказки

Когда родилась сказка? 314
Прекрасная Калимарок'лян'ав 319
Предисловие 319
Прекрасная Калимарок'лян'ав — девушка-цветок 323
Как медведь добыл кухлянку, бубен и ольховую маску 330
Сказка о Хадитъильин 332
К'утота и Кльльак'атню 336
Легенда о любви к родине 339
Жаворонок и ворон 345
В гостях на морском дне 347
Любовь Ильно 349
Амаммкут и Кулик 353
Три брата и три нин'вита 356
Находчивый Кутха 358
Олень и рыба-бычок 359
Как Амаммхут сделал из ветки человека 364
Приключения Куйкинеку 367
Хойкинняху в гостях у лис 369
Эмэмкут 371
Хутхиняку и старший сын Волка Иг'имтысъын 375
Почему у дятла праздничная кухлянка 380
Китыплан'аут 381
Куткинняху и люди-тучи, которые живут наверху 384
Хитрый волшебник Хойкинняху 385
Самая долгая охота Куткынняху 386
Тыныаут и Рира 387
Три мышонка и нин'вит 390
Амамкутэкн, Нутэпн и мышонок Тыты 391
Словарик 394

Литературные страницы

Где живёт геолог 399
Молодость 399
«Забытые, непраздничные дни...» 400
«Река — тоннель через гипноз зелёный...» 401
«Снится сон о мирных сохатых...» 401
Кривые зеркала 402
В тайге (Мир тайги) 403
«До лета далеко...» 403
Я — учитель... 404
«Лазейка детства в строгих стенах быта...» 404
Завод 404
Стланик 405
Блокноты 406

Тринадцать озёр счастья 406
Геолог (отрывки из поэмы) 414
Память 415
Мать 416
Добрые обычаи карагинцев 417
Кульх анхсэзэн 419
Бат карагинца 422
Путина 427
Приглашение к празднику 427
Корякские напевы 428
Хололо 428
Песня 429
Мелодия северного рассвета 430
Вселенной диалект 432
Вспоминая о лете 433
В тундре 433
Ватник 434
На тихоокеанском берегу 434
Урок в Караге 435
Корабль коряков в Охотском море 435
Выстрел в жизнь 438
Отец 439
«Я нарисую твой портрет...» 440
«Любовь моя! Терзаюсь и горю...» 441
«За пеленой дождей...» 442
Катюша 442
«Поцелуй ты меня на рассвете...» 443

Научно-популярное издание

Владимир Николаевич Малюкович

МЕЛОДИЯ СЕВЕРНОГО РАССВЕТА

Серия «Из фондов музея»

Редактор-составитель С. В. Гаврилов
Корректор Л. В. Орлова
Макет, вёрстка С. В. Гаврилова
Дизайн обложки О. И. Набутовской

Подписано в печать 15.10.2023.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 27,48.
Тираж 300. Заказ № 129.

Издательство «Новая книга».
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК "Дальпресс"».
690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10